

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И КИНО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
Агентство по культурно-историческому наследию

**ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ**

Горно-Алтайск
2005

ББК 63.4

Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Сборник научных трудов
/ Под ред. В.И.Соёнова, В.П.Ойношева. Горно-Алтайск: АКИН, 2005. 182 с.

Чевалков Л.М.
(г.Горно-Алтайск)

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ РЕКИ СЕМА

Через долину реки Сема проходит Чуйский тракт, соединяющий Россию с Монголией – трасса весьма оживленная. Тем не менее, этот участок Горного Алтая был обделен вниманием археологов. Видимо это происходило потому, что практически все экспедиции стремились в высокогорные районы, где яркие памятники археологии в большом количестве находятся на виду.

Тем не менее, в разные годы археологи осматривали некоторые участки долины реки. Так, например, из устного сообщения Ю.Ф.Кирюшина стало известно, что в верховьях Семы им обнаружено несколько небольших курганов с каменной наброской и собран подъемный материал в виде керамики афанасьевской культуры и отщепов. Публикаций по поводу данной находки нет. Кроме того, известно, что в начале 90-х годов 20 века, при разработке дорожного карьера, в нескольких километрах ниже по течению реки Сема от села Шебалино, строителями было разрушено несколько курганов раннего железного века и стоянка финального палеолита. По поручению дирекции Агентства по культурно-историческому наследию (АКИН) Республики Алтай данное место осмотрено археологом из Горно-Алтайска В.И.Соеновым и автором данной статьи. В 1995 и 1999 гг. В.И.Соёновым там произведены раскопки курганов. Материалы опубликованы (Соёнов В.И., 2001а, 2001б).

В 2002 году, в урочище Толгоек, входящего в систему реки Сема, в районе села Шебалино археологами из Горно-Алтайска В.И.Соёновым, Т.А.Вдовиной, С.В.Трифановой по информации директора Шебалинского музея С.И.Яжанкиной, осмотрено местонахождение петроглифов, выполненных техникой пикетажа. Сюжеты – олени, горные козлы и прочие копытные. Ими также были обнаружены два одиночных кургана, один из которых был раскопан Т.А.Вдовиной и по внешним признакам, обряду захоронения и инвентарю отнесен к эпохе бронзы без конкретизации датировки и культурной принадлежности (Вдовина Т.А., 2002).

Говоря об истории археологических исследований в долине реки Сема, нельзя забыть и о раскопках многослойного поселения конца каменного века в ее устье, которые дали много информации о финальном палеолите, мезолите и неолите не только бассейна средней Катунь, но и всей горной страны (Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х., 1985). В связи с этим, представляется своевременной публикация новой археологической информации по данному региону.

В результате осуществления программы "Палеоэкология и культура древнего человека эпохи камня в Горном Алтае", которая финансировалась через Центр науки и технологий Республики Алтай, археологическому отряду Института Алтаистики удалось обнаружить в долине реки Сема ряд местонахождений. Но прежде, чем приступить к описанию археологических объектов, хотелось бы дать геоморфологическую и географическую характеристику района исследований.

Геоморфология. Водная система Семы входит в бассейн Катунь. Свое начало берет с Семинского хребта, высшей точкой которого является гора Сарлык (2505 м над уровнем моря). Долина ограничена Чергинским и Семинским хребтами (высоты от 2500 до 1500 м над уровнем моря), которые не достигают снеговой линии, имеет V-образную форму.

Современный рельеф долины сформирован, по преимуществу, экзогенными силами. В основе формирования рельефа лежат неотектонические движения четвертичного периода, проявившиеся сводовом поднятии и локальном перемещении отдельных тектонических структур.

Основным рельефообразующим фактором является эрозия постоянных и временных водотоков и гравитационные силы. В верховьях, на водоразделах, деятельность приводит формированию слабо расчлененного рельефа с куполовидными вершинами (например гора Сарлык) и относительно пологими склонами. Непосредственно в долине реки деятельность этих сил приводит к формированию речных террас (отмечено четыре, пять

Рис.1

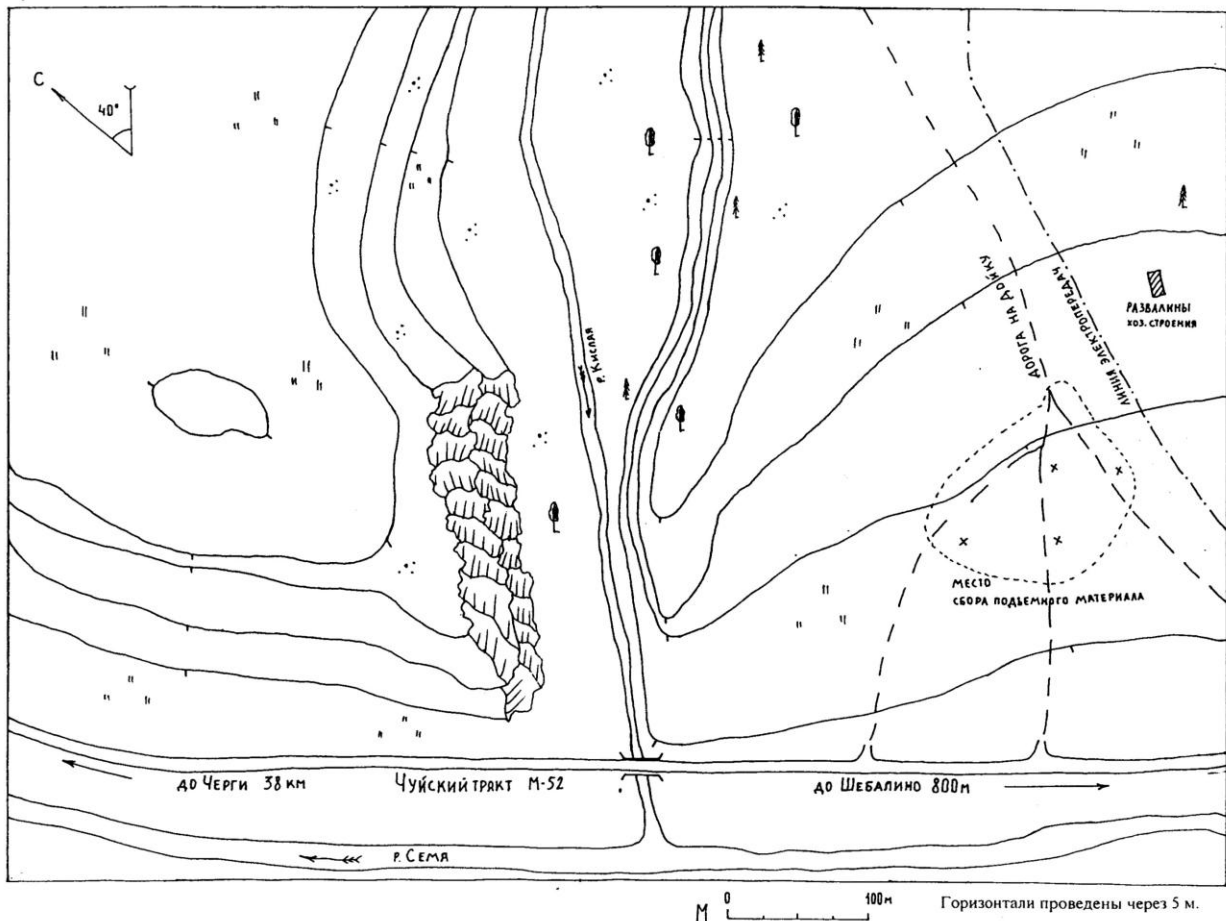

Рис.2

уровней врезания), конусов выноса, осыпных шлейфов и пр. форм рельефа. Встречено два вида террас: аккумулятивные и цокольные. Поверхность высоких террас, особенно третьего уровня довольно плоская и образует большие ровные пространства, которые активно распахиваются. На этих участках долина реки расширяется до нескольких сот метров (200 - 300 м). Расширения наблюдаются также и в местах впадения мелких притоков в Сему. Здесь, в устьевых частях притоков, формируются мощные выступы из аллювиальных и склоновых отложений. Именно в таких местах обычно встречаются летние животноводческие стоянки. Привлекательны они были и для древнего населения Алтая.

В целом, долина реки Сема довольно узкая. Водный поток носит типично горный характер, слегка меандрирует, размывая при этом, не только пойму, но и террасы. Пойма развита слабо. Борты долины представляют собой склоны окрестных гор, которые довольно круты, часто скалисты.

Географическая среда района работ. Долина реки Сема относится к северной провинции Алтая. Почти все крупные хребты этой провинции ориентированы с северо-северо-запада на юго-юго-восток и протягиваются параллельно друг другу. Не исключением являются Чергинский и Семинский хребты, окаймляющие водораздел Семы. В целом, для этой провинции характерно господство лесостепных низкогорных ландшафтов в сочетании с лесными низкогорьями, которые постепенно переходят в лесные среднегорья. В долине интересующей нас реки распространены лесостепные и лиственнично-лесные ландшафты среднегорья, где среди древесной растительности преобладают лиственница и береза, встречаются кедр и осина. Развит кустарниковый подлесок и травяной покров, который

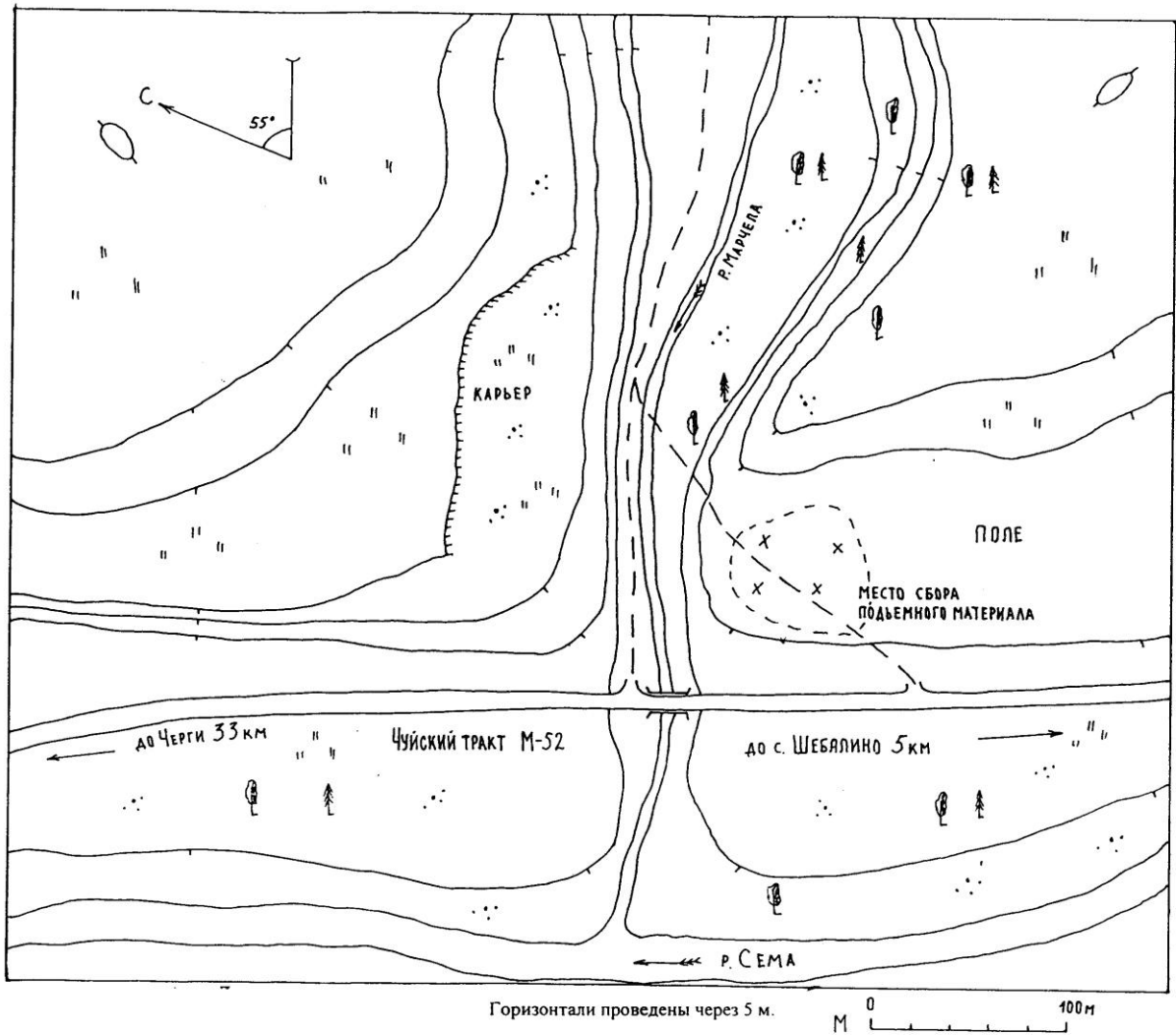

Рис.3

достигает значительной высоты (до метра и более). Северные и северо-западные склоны окрестных гор обычно лесисты, а южные и юго-восточные заняты травянистыми луговыми и степными сообществами. В пойменной части долины развиты заросли тальников, березы, лиственницы, пихты. Часто пойма заболочена.

Практически везде на глинисто-щебнистом элювии сформированы горно-лесные черноземовидные почвы. Для них характерна большая (до 50 см) мощность гумусового горизонта, зернисто-комковатая структура, небольшая примесь мелкого щебня. Горно-лесные бурые почвы развиты лишь на оглиненном элювии под лиственнично-кедровыми и лиственничными лесами, ближе к водоразделам.

Климат района относительно теплый, влажный, с мягкой зимой. Осадков выпадает до 500-700 мм в год, причем больше половины выпадает в июле-августе. В зимнее время выпадает значительный снежный покров.

Животный мир относительно беден по причине того, что долина реки хорошо обжита человеком.

Итак, нами был обследован район долины Семы ниже села Шебалино (рис.1). Было осмотрено три правобережных притока: река Кислая, река Марçела, ручей Безымянный. Ниже приводится характеристика объектов по порядку.

Река Кислая. Находится в 500-600 м вниз от окраины села Шебалино (рис.2). Исходя из топографии и геоморфологии местности, данный участок удобен для организации поселения и представляет собой мысовидный террасовидный выступ высотой до 10 м. Здесь, в

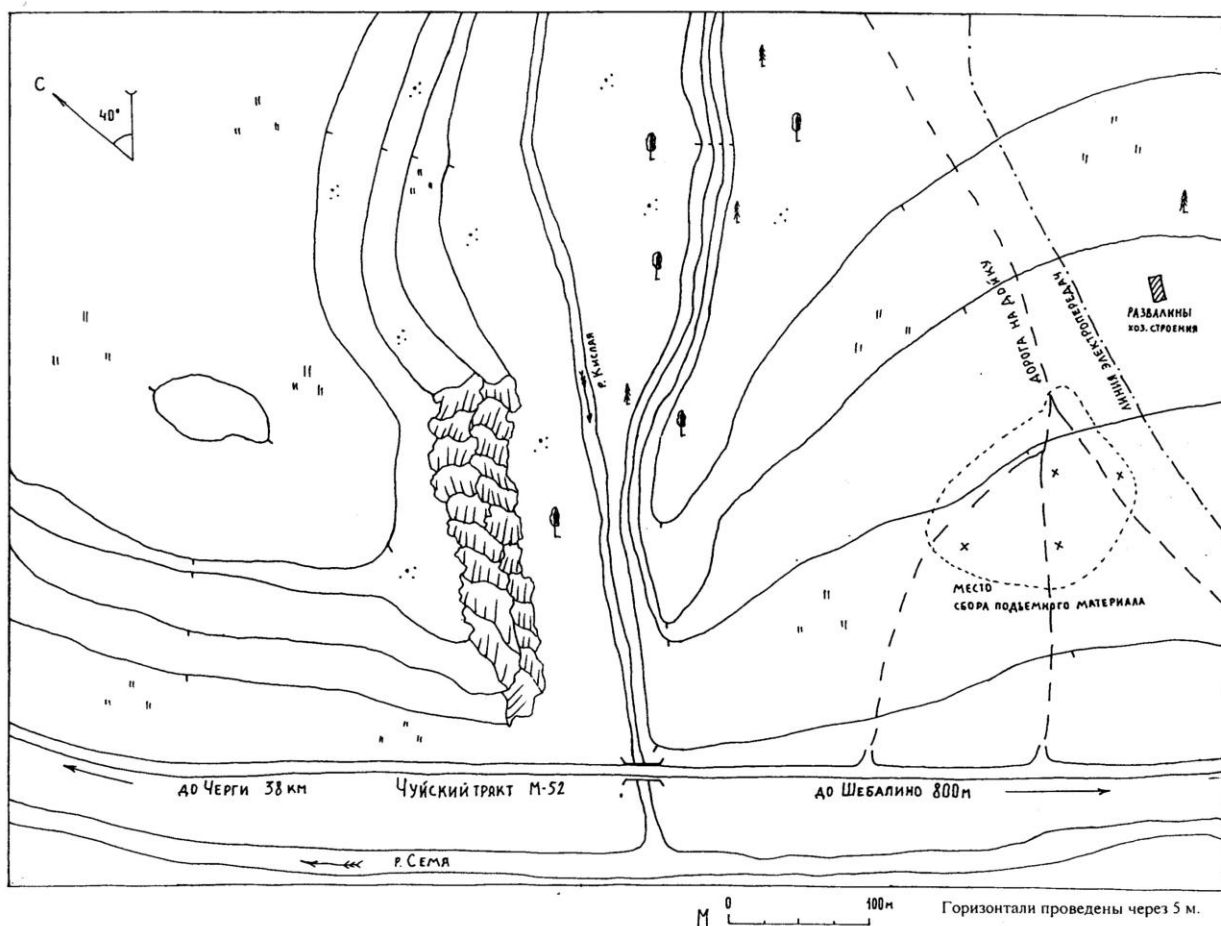

Рис.4

устьевой части притока, собран подъемный материал в виде обработанных камней кремнистых пород количеством 13 шт (рис.5 – 1-13). Техника первичного расщепления иллюстрируется сколами и одним нуклеидным изделием (рис.5 – 6). Выделено четыре фрагмента пластин, пять отщепов и два технических снятия с фронта скалывания ядрищ. Вторичную обработку несут три изделия. Одно представляет собой комбинированное орудие на крупном отщепе, сочетающее в себе ретушированный анкош и скребло (рис.5 – 1). Второе изделие является орудием с носиком (рис.5 – 7). Третье – фрагмент пластины с эпизодической ретушью на брюшковой стороне (рис.5 – 3).

С целью выявления культурного слоя была произведена зачистка естественного углубления. Культурный слой маломощный, относится к концу палеолита – мезолиту.

Река Марçела. Находится в 2 км от села Шебалино вниз по течению реки Сема. Пройден маршрут вверх по реке на 7 км. Обследованы все геоморфологически выразительные участки: как-то террасовидные выступы, различные обнажения естественного и искусственного характера. Археологии не обнаружено. Поиску препятствовали густые заросли высокой травы. В устьевой части реки Марçела, которая представляет собой мощный террасовидный выступ, сложенный речными отложениями как река Сема, так и ее притоком обнаружено несколько обработанных кремней (рис.3). В основном это отходы расщепления – отщепы (рис.5 – 17-24). Порода – светло-серый и темно-серый окремненный песчаник. Место устьевой части, очень удобно для организации стоянки древнего человека. Судя по принципу обработки камня, собранного в качестве подъемки и пр. признакам нами обнаружены остатки стоянки древнего человека эпохи камня конца палеолита – мезолита.

Ручей Безымянный. В 5 км вниз по Чуйскому тракту от села Мыюта в реку Сема с правой стороны впадает ручей Безымянный (рис.4). Здесь также на террасовидном выступе

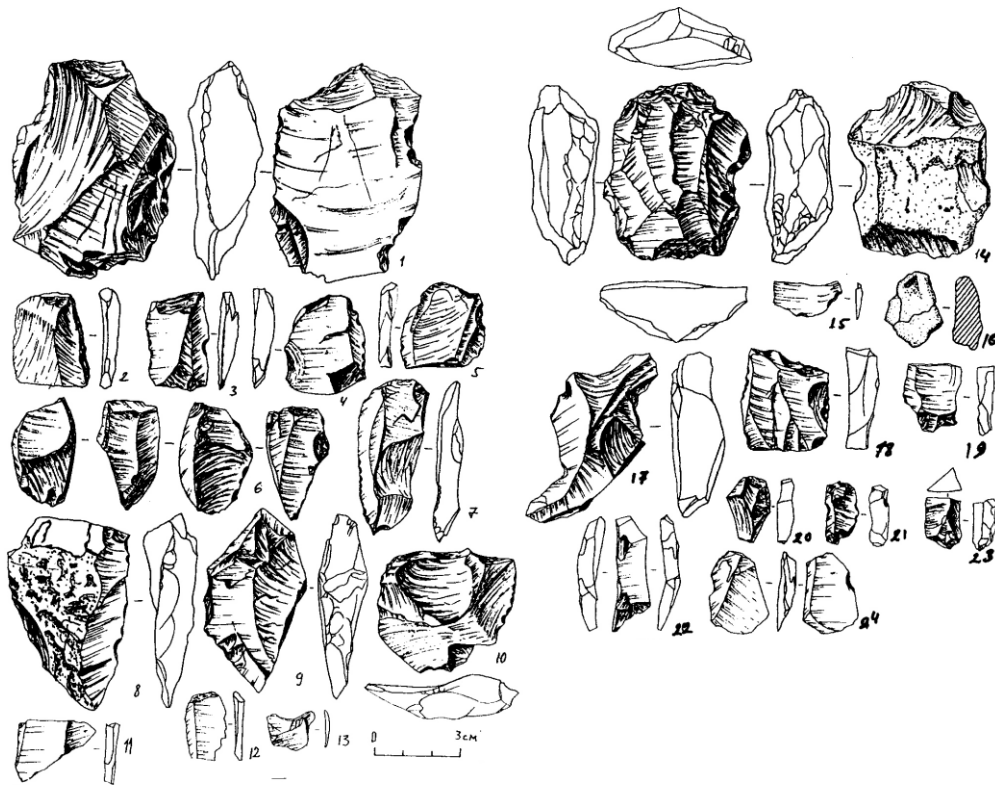

Рис.5

устьевой части ручья, сложенным речными отложениями обеих рек собран подъемный материал в виде плоскостного нуклеуса палеолитического облика, фрагмент керамики без орнамента раннего железного века и два отщеп (рис.5 – 14-16). Находки сделаны на плотне проселочной дороги, пересекающий террасовидный выступ. Подъемный материал указывает на наличие древнего двухслойного поселения. Нижний слой относится к эпохе палеолита, а верхний – к эпохе раннего железа.

Итак, в бассейне реки Сема зафиксировано три новых местонахождения древних поселений, археологический материал которых можно отнести к финальным стадиям каменного века и к раннему железному веку.

Литература

1. Вдовина Т.А. Исследования в урочище Толгоек // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – №9.
2. Кунгуров А.Л., Кадиков Б.Х. Многослойное поселение Усть-Сема // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул: АГУ, 1985.
3. Соёнов В.И. Аварийные раскопки на могильнике Туралу в Горном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 2001а. – Выпуск XII. – С.186-187.
4. Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Туралу // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001б. – №7. – С.82-89.

Список иллюстраций к статье Чевалкова Л.М.

Рис.1. Карта зоны археологического поиска.

Рис.2. Местонахождение на реке Кислая.

Рис.3. Местонахождение на реке Марчела.

Рис.4. Местонахождение на ручье Безымянный.

Рис.5. Археологический материал: 1-13 – предметы каменной индустрии в устье реки Кислая; 14-16 – каменные предметы и фрагмент керамики с местонахождения в устье ручья Безымянный; 17-24 – каменные предметы с местонахождения в устье реки Марчела.

Соёнов В.И., Суразаков А.С.
(г.Горно-Алтайск)

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА АЙРЫДАШ I

Могильник Айрыдаш I расположен в одноименной долине на правом берегу Катуня в 3 км к юго-востоку от с.Куюс Чемальского района. Долина шириной около 0,5 км вытянута на 3 км в общем направлении с юго-востока на северо-запад. С северо-восточной стороны она заканчивается склоном горы, с юго-западной стороны ограничена руслом Катуня. Могильник расположен на 10-15 метровой террасе Катуня. Он включает более двухсот археологических объектов, в число которых входят: круглые курганы с каменной наброской от 5 до 30 м в диаметре, небольшие овальные каменные насыпи, четырехугольные каменные ограды, камень с петроглифами (рис.1).

Исследования на Айрыдаше I проводила археологическая экспедиция Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ныне Институт алтаистики им. С.С.Суразакова) под руководством А.С.Суразакова в 1980, 1982, 1984-1990 гг. Всего на памятнике в течение девяти полевых сезонов раскопано 223 объекта погребального и поминального характера, а также исследовано одно жилище и вскрыт участок площадью 20 кв.м около камня с петроглифами. К эпохе бронзы относятся погребения 15, 84, 6а, 7а, поминальное сооружение 10а и жилище 10.

К настоящему времени опубликована серия заметок о ходе исследований на могильнике (Суразаков А.С., 1980, с.214; 1983, с.164; 1984, с.232-233; 1986, с.203; 1987а, с.284-285; 1987б, с.3-22; 1988, с.56-83; 1990, с.197-200; 1992, с.92-97; 1997, с.41), а также материалы раскопок погребения №15 (Суразаков А.С., 1987б, с.3-22) и погребений №84, 6а, 7а, жилища №10 (Ларин О.В., 1988, с.13-21; 1993, с.19-25). Некоторые материалы из курганов гунно-сарматской эпохи могильника Айрыдаш I использовались в трех статьях (Соёнов В.И., 1998а, с.559-563; 1998б, с.165-167; Тетерин Ю.В., 2001, с.107-115). Сведения о погребальных сооружениях айрыдашского могильника гунно-сарматской эпохи включены в классификационные построения диссертации и монографии В.И.Соёнова (1997; 2003, табл.1-5, рис.10-14), а предметы вооружения гунно-сарматской эпохи использовались в диссертации А.В.Эбея (1998). Основные итоги исследований на памятнике нашли отражение в первом томе «Истории Республики Алтай» (2002, с.177-181).

Таким образом, все объекты эпохи бронзы могильника Айрыдаш I опубликованы, за исключением поминального сооружения 10а.

Характеристика сооружений.

Планиграфия.

Объекты эпохи бронзы располагались в южной части могильника (объекты 10, 15 и 84) и на границе южной и северной частей (объекты 6а, 7а, 10а) (рис.1). Курган 84 находился на юго-восточной окраине могильника отдельно от основного массива курганов. Погребение 15 соседствовало со средневековыми поминальными оградками и компактной группой курганов гунно-сарматской эпохи. Курганы 6а, 7а и выкладка 10 были расположены между цепочками курганов эпохи раннего железа и группой средневековых поминальных оградок. Выкладка 10а размещалась к СВ от кургана 7а. Жилище 10 находилось на юго-западной окраине могильника недалеко от края террасы р.Катуня к СВ от кургана 85 раннескифского времени.

Структура погребальных памятников.

Надмогильные сооружения. Три исследованных погребения эпохи бронзы имели насыпи округлой (курганы 84, 6а) (рис.2 – 4; 3 – 1) и овальной (курган 7а) в плане формы, сложенные из окатанных и рваных камней в несколько слоев. Насыпь кургана 6а представляла собой кольцевую выкладку шириной около 2 м. Внутри кольца в ЮВ секторе имелась небольшая овальная в плане выкладка, сложенная из мелких камней в два слоя.

У одного погребения эпохи бронзы (объект 15) насыпи не было, а имелось только надмогильное сооружение в виде каменной плиты-стелы, вкопанной вертикально у северо-

западного края могильной ямы (рис.2 – 1). Первоначальная высота стелы, судя по обломкам, была довольно большой, поскольку сохранившаяся нижняя часть имела длину 1,5 м.

Могильные ямы. В каждом объекте было по одной могильной яме подчетыреугольной (курганы 6а, 7а; объект 15) (рис.2 – 2; 3 – 2) и подквадратной (курган 84) (рис.2 – 5) в плане формы со скругленными углами, глубиной до 1,0 м от погребённой почвы. В кургане 84 могильная яма была несколько смещена к СВС, а в курганах 6а и 7а яма располагалась в центре кургана. Подпрямоугольные могильные ямы курганов 6а и 7а были ориентированы длинной осью по линии ЮЗ-СВ, а яма погребения 15 имела ориентировку длинной осью с СВС на ЮЗЮ. Подквадратная яма кургана 84 была ориентирована краями по сторонам света. Заполнение ямы грунтовое: светло-коричневый суглинок вперемешку с крупными камнями (курган 84), светло-коричневая супесь (курган 6а, объект 15), коричневатый суглинок с включением мелких камней (курган №7а).

Внутримогильные конструкции. В погребениях эпохи бронзы только в одной яме (курган 6а) зафиксированы остатки внутримогильных конструкций в виде перекрытия погребения из жердей на глубине 40 см от уровня материка.

Положение костяка. В погребениях 15 и 6а человеческий костяк лежал на спине. В погребении 15 умерший положен головой на ЮЗЮ, руки вытянуты вдоль туловища и положены кистями на тазовые кости, колени подняты вверх (рис.2 – 2). В кургане №6а погребённый лежал головой на СВ с согнутыми в коленях ногами, с вытянутыми вдоль туловища руками (рис.3 – 2). Ноги, видимо, первоначально также были подняты коленями вверх и только затем завалились налево, т.е. в ЮВ сторону. Погребения курганов 84 и 7а нарушены грабителями. Однако положение костяка в кургане 84 можно установить по непо потревоженным костям правой руки, лежавшим у южной стенки ямы (рис.2 – 5). Судя по ним и параметрам могильной ямы можно заключить, что усопший был положен головой на запад с согнутыми ногами.

“Поминальный” памятник.

Выкладка №10а. Сильно задернована. Для исследования заложен раскоп размерами 4,0х2,9 м. После зачистки обнаружен бесформенный развал камней (рис.3 – 3). Среди них ближе к центру раскопа найден небольшой кусочек охры. Предварительно можно интерпретировать выкладку 10а как “поминальное” сооружение кургана 7а. Плохая сохранность выкладки, к сожалению, не позволяет установить конструкцию сооружения. В данный момент сложно говорить и о характере выкладки, но установлено, что она не связана непосредственно с захоронением.

Жилище.

Остатки жилища 10 представляли собой каменный круг, который вплотную примыкал к отдельно стоящему большому обломку скалы высотой до 3,0 м. Жилище было, видимо, круглым в плане стационарным конусовидным сооружением с центральным очагом (рис.4 – 1). Обкладки вокруг очага не имелось. Никаких хозяйственных объектов, столбовых ям и т.д. в пределах жилища проследить не удалось. По основанию жилище было обложено камнями. Толщина очагового слоя 0,1 м, а также обломки костей животных и фрагменты керамики, найденные в ходе раскопочных работ в пределах объекта, свидетельствуют о долговременном его использовании.

Хронология инвентаря.

Бронзовый нож. Найден в погребальном памятнике без каменной насыпи №15 у ступней ног (рис.2 – 2). Имеет широкое лезвие и черенок, расположенный в середине ширины лезвия (рис.2 – 3). Острие обломано. В целом, ножи похожих форм с односторонней или двусторонней заточкой лезвия довольно широко распространены в памятниках Евразии эпохи бронзы, как в южносибирском регионе (Грязнов М.П., 1999, рис.23 – 11; Красниенко С.В., 2002, рис.1 – 12; Грушин С.П., Дашковский П.К., 2002, рис.1 – 6), так и в более отдаленных регионах (Например: Эпоха бронзы лесной полосы СССР, 1987, рис.9 – 19, 20; 10 – 23; и др.).

Если обратиться к датировке памятников южносибирского региона, где обнаружены ножи похожих форм, ситуация представляется следующей. М.П.Грязнов отнес погребение в могиле 2 кургана 22 могильника Барсучиха IV в Хакасско-Минусинской котловине к окуневской культуре (Грязнов М.П., 1999, с.41), которая на сегодня датируется XVIII-XIII вв. до н.э. (Матющенко В.И., 1999, с.92) или серединой – второй половиной II тыс. до н.э. (Савинов Д.Г., 1997, с.7-18). С.В.Красниенко отнес поселение Гляден VIII к афанасьевской куль-

туре, при этом отметил, что найденный им медный нож по облику близок к окуневским ножам листовидной формы (Красниенко С.В., 2002, 172). С.П.Грушин и П.К.Дашковский случайную находку из Угловского района Алтайского края интерпретировали как андроновский черенковый бронзовый кинжал и датировали в пределах XVI – XII вв. до н.э.

В Горном Алтае близкие изделия обнаружены в погребении 6 могильника Урмулык (Суразаков А.С., 1987, рис.9 – 3), под плитами ограда 1 могильника Эликманар (Степанова Н.Ф., 1993, рис.1 – 2) и в слое Денисовой пещеры (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, рис.84 – 3). Ножи из Эликманара и Денисовой пещеры отличается от айрыдашского и урмулыкского обоюдоострой заточкой. Автор исследований отнес урмулыкское погребение к афанасьевской культуре (Суразаков А.С., 1987, с.11). Эликманарское погребение ограда 1 датировано в пределах «... со времени позднего этапа афанасьевской культуры до эпохи поздней бронзы» (Степанова Н.Ф., 1993, с.97). Слои 11 и 12 Денисовой пещеры также отнесены к афанасьевской культуре и для них получены шесть радиоуглеродных дат, укладывающихся в рамки последней четверти IV тыс.до н.э. – последней четверти III тыс.до н.э. (Деревянко А.П., Молодин В.И., 1994, с.113).

Керамика. В жилище 10 были найдены мелкие фрагменты керамики. Они представлены фрагментами сосудов с горизонтально уплощенным слабо профилированным венчиком (рис.4 – 2, 3), у одного из которых по краю проходит карнизик (рис.4 – 4). Сосуды плоскодонные (рис.4 – 5). Орнамент состоит из овальных и полулунных вдавлений (рис.4 – 6), выдавленных изнутри бугорков-жемчужин (рис.4 – 7) и косых насечек (рис.4 – 8, 9). Фрагменты имеют красно-кирпичный цвет от обжига и толщину от 0,5 до 1 см. В заполнении ямы кургана 84 также найден мелкий фрагмент керамики. Датировка керамики из объектов эпохи бронзы в настоящий момент затруднительна. О.В.Ларин при первоначальной публикации жилища 10 отнес керамику к афанасьевскому и скифскому времени (Ларин О.В., 1993, с.24).

Хронология и культурная принадлежность комплексов.

Погребальные памятники. До настоящего времени все ранние погребения могильника Айрыдаш I исследователи связывали с афанасьевской культурой. Абсолютной датировки могил не предлагалось, а эпохальная принадлежность определялась исходя из культурно-хронологических воззрений авторов.

Основные элементы погребального обряда могилы в грунтовой яме без каменной насыпи (объект 15) и ее инвентарь довольно детально рассмотрены и проанализированы в свое время одним из авторов статьи. Это позволило тогда датировать погребение энеолитом, а ее культурную принадлежность определить как афанасьевскую (Суразаков А.С., 1987, с.7). Было предположено, что камни надмогильного сооружения могли быть переиспользованы при устройстве более поздних погребений данного могильного поля, хотя это не объясняло факт сохранения на первоначальном месте нижней части стелы и обломков ее верхней части. Тогда же А.С.Суразаковым отмечена еще одна важная деталь погребения 15, нехарактерная для алтайских погребений афанасьевской культуры – наличие каменной стелы.

Позже, в итоговом сообщении о раскопочных работах на могильнике, к афанасьевской культуре отнесены погребения 15, 84, 6а, 7а (Суразаков А.С., 1990, с.197).

При первоначальной публикации курган 84 на основании ориентировки погребенного, наличия куска охры и реконструируемого положения костяка был отнесен О.В.Лариным к афанасьевской культуре, но исходя из того, что «обращает на себя внимание конструкция надмогильного сооружения в виде вполне сформировавшейся насыпи, что нехарактерно для памятников афанасьевской культуры», он предложил (видимо, в контексте доживания афанасьевцев до раннескифского времени) отнести курган к эпохе бронзы (Ларин О.В., 1993, с.23-25). Курганы 6а и 7а были отнесены к ранней группе афанасьевских памятников на основании «конструктивных особенностей (? – авт.) этих курганов...», а погребение 15 было отнесено к поздней группе афанасьевских памятников по «... сумме всех признаков (? – авт.) ...» (Ларин О.В., 1988, с.14).

Айрыдашские погребения эпохи бронзы располагались в разных частях могильника на значительном расстоянии друг от друга и, следовательно, не представляют отдельной группы. Только два из них расположены рядом (курганы 6а и 7а). Таким образом, мы не можем утверждать о каком-то единстве раскопанных погребений. На их хронологические и культурные различия указывает также характер надмогильных конструкций и погребений.

Округлые (курганы 84 и 6а) и овальные (курган 7а) в плане надмогильные каменные конструкции в виде сплошной или кольцевой выкладки известны в афанасьевской культуре Горного Алтая, в целом датируемой концом IV – первой четвертью II тыс. до н.э. с тенденцией «... удревнения нижней границы этой даты» (Цыб С.В., 1984, с.12-13). Наряду с основными типами афанасьевских надмогильных конструкций – оградами-стенками и оградами-кромлехами (Цыб С.В., 1984, с.9), они достаточно широко распространены в Горном Алтае и отмечены исследователями на памятниках Мухор-Тархата I (Тархата I), Салдыр I, Бертек-33, Бике I и II, Толгоек I, Нижний Айры-Таш (Ларин О.В., 1992, с.37; Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С., 1994, с.63; Савинов Д.Г., 1994, с.40-49; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с.57-60; Шульга П.И., 2000, с.109; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, с.32-54; Вдовина Т.А., 2002, с.72; 2004, с.6).

Грунтовые погребения для памятников Горного Алтая в целом не характерны и могилы, аналогичные объекту 15, пока нам не известны. Такая интересная деталь этого погребения, как надмогильное сооружение в виде каменной плиты-стелы, вкопанной вертикально у края могильной ямы, находит аналогии в могильниках эпохи бронзы на территории Южной Сибири и Восточного Казахстана.

Каменные столбы, называемые “камнями-обелисками”, известны в ряде андроновских могильников Среднего Енисея (Орак, Усть-Ерба, Косоголь III), Кузнецкой котловины (Танай-12), Северо-Западного Алтая (Чесноково-1), Восточного Казахстана (Предгорное, Аир-Тау, Средняя база, Беткудук) (Бобров В.В., 1992, с.54-57; Ковтун И.В., Горяев В.С., 2001а, с.53-63; 2001б, с.35-36). Однако все они, за исключением одного погребения, сопутствовали внутримогильным конструкциям из камня (Киселев С.В., 1935, с.206-209; Комарова М.Н., 1961, с.32-73; Рахимов С.А., 1968, с.74; Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 1987, с.28; Куц Г.А., 1989, с.227-228; Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., 1996, с.33-36; 2000, с.26-30; Михайлов Ю.И., 1999, с.77). Только погребение 1 кургана 2 могильника Танай-12 содержало внутримогильную конструкцию из дерева (Ковтун И.В., Горяев В.С., 2001а, с.53). Датировка андроновских памятников Южной Сибири укладывается в рамки XVI – первой половины XII вв. до н.э. (Кирюшин Ю.Ф., 1991, с.46; 2002, с.82; 2004, с.40; Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1992, с.210).

В более поздних памятниках периода финальной бронзы камни-обелиски известны в погребениях ирменской культуры начала I тыс. до н.э. на могильнике Журавлево-4 (Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И., 1993, с.8-75, рис.30). В Горном Алтае традиция установки стел на погребальных памятниках в дальнейшем отмечена в эпоху раннего железа. На могильнике Бийке в погребениях раннескифского времени IX-VI вв. до н.э. зафиксированы стелы в виде оленных камней архаичного типа (Тишкин А.А., 1994, с.46-49; 1996, с.20-54; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с.57-58).

Такие детали могильных ям всех айрыдашских погребений эпохи бронзы, как подчетырехугольная в плане форма и небольшая глубина могильных ям, а также их ориентировка с В на З с отклонениями – распространенные черты погребальных памятников Горного Алтая эпохи энеолита-бронзы IV – II тыс. до н.э. большемысской, афанасьевской и окуневской (каракольской) культур (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с.80-84; Цыб С.В., 1984, с.9; Кубарев В.Д., 1988, с.7-19; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.49-51; Суразаков А.С., Ларин О.В., 1994, с.31-32; Савинов Д.Г., 1994, с.134; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.60; Степанова Н.Ф., Цыб С.В., 1996, с.61).

Остатки внутримогильных конструкций в виде деревянного перекрытия погребения, зафиксированные в айрыдашском кургане 6а, имеют в Горном Алтае аналогии в погребении кургана 1 могильника афанасьевской культуры Бертек-33, датированного III – началом II тыс. до н.э. (Савинов Д.Г., 1994, с.134).

Во всех ранних айрыдашских могилах, где погребения не нарушены или нарушены частично, зафиксировано положение погребенных на спине, с согнутыми ногами, головой на запад или восток с определенными отклонениями в соответствии с расположением могильной ямы.

Ориентировка погребенных черепом в западный сектор является обычным для погребений всех культур эпохи энеолита-бронзы IV – II тыс. до н.э. большемысской, афанасьевской и окуневской (каракольской) культур (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с.80; Цыб С.В., 1984, с.9; Кубарев В.Д., 1988, с.7-19; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.49-51; Суразаков А.С., Ларин О.В., 1994, с.31-32; Савинов Д.Г., 1994, с.132; Владимиров

В.Н., Степанова Н.Ф., 1994, с.5; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.60; Степанова Н.Ф., Цыб С.В., 1996, с.61; Степанова Н.Ф., 2001, с.54-58).

Ориентировка черепом в восточный сектор встречается гораздо реже. В окуневской (каракольской) культуре она не встречается. Единственное погребение с восточной ориентировкой, раскопанное в каракольском кургане 1, отличается от всех остальных не только ориентировкой, но и по месту расположения ямы, по отсутствию каменного ящика, по положению костяка на правом боку (Кубарев В.Д., 1985, с.9-11). Поэтому, оно вряд ли может быть отнесено к числу каракольских. В афанасьевских курганах восточная ориентировка встречена в 14% погребений (Фрибус А.В., 2002, с.149).

Положение погребенных на спине с согнутыми ногами составляет в Горном Алтае большую часть в могилах афанасьевской культуры (Цыб С.В., 1984, с.9; Савинов Д.Г., 1994, с.132; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994, с.5). Единственное исследованное подкурганное погребение энеолитической большемысской культуры в кургане 61 могильника Тыткескен VI также имеет положение погребенного на спине с согнутыми ногами (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.60).

Остатки тризны в насыпи и заполнении ямы кургана 84 и угли в заполнении ямы кургана 6а также не являются исключением для погребений Горного Алтая эпохи бронзы. Угли и фрагменты керамики в заполнении зафиксированы во многих погребениях и соотносятся с тризной, проводившейся на поверхности в момент захоронения (Могильников В.А., 1987, с.25; Суразаков А.С., 1987, с.6; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.49-51; Савинов Д.Г., 1994, с.132; Степанова Н.Ф., Цыб С.В., 1996, с.61; Шульга П.И., 2000, с.109-111; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, с.33; и др.).

Охра, встреченная во всех айрыдашских погребениях эпохи бронзы – деталь, характерная в Горном Алтае как для тыткескенского погребения большемысской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф., 1995, с.60), так и для большинства памятников афанасьевской культуры (Цыб С.В., 1984, с.9; Савинов Д.Г., 1994, с.39-49; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994, с.5) и практически для всех погребений окуневской (каракольской) культуры (Погожева А.П., Кадиков Б.Х., 1979, с.80-84; Кубарев В.Д., 1988, с.7-19; Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.49-51; Суразаков А.С., Ларин О.В., 1994, с.31-32).

Таким образом, можно констатировать, что основные признаки ранних айрыдашских погребений имеют аналогии во всех археологических культурах Горного Алтая эпохи энеолита-бронзы, за исключением надмогильного сооружения грунтового погребения 15.

Курганы 84, 6а и 7а по основным признакам можно отнести к афанасьевской культуре и их абсолютная датировка будет зависеть от решения вопросов хронологических границ для всей культуры в целом и для памятников Горного Алтая в частности. Выделенные прежде признаки для ранней (конец IV – первая четверть III тыс. до н.э.) и поздней (вторая четверть III – первая четверть II тыс. до н.э.) групп афанасьевских памятников (Цыб С.В., 1984, с.12-13) оказались универсальными для обеих групп (Степанова Н.Ф., 1991, с.51-53) и не могут быть узко датирующими. Но все же, исходя того, что преобладающей ориентировкой для ранних афанасьевских погребений является восточная, а для поздних – западная (Фрибус А.В., 2002, с.149), предварительно курганы 6а и, видимо, 7а можно отнести к концу IV – первой половине III тыс. до н.э., курган 84 – ко второй половине III – началу II тыс. до н.э.

Что касается грунтового погребения 15, то решить вопрос о его принадлежности к какой-то археологической культуре пока очень сложно. Судя по состоянию изученности памятников Горного Алтая эпохи энеолита-бронзы, его афанасьевская принадлежность сегодня вряд ли может быть подтверждена из-за нетипичного для афанасьевцев характера надмогильного сооружения и вышеописанного бронзового ножа, имеющего широкие аналогии. Возможно, в дальнейшем погребение 15 будет связано с окуневской (каракольской) культурой или иной южносибирской культурой середины – второй половины II тыс.н.э.

Жилище. Установить точное время функционирования жилища 10 в данный момент не представляется возможным. Мы пока присоединяемся к мнению О.В.Ларина, собравшего в 1982-83 гг. подъемный материал у жилища и вдоль берега (обломки песта и куранта, фрагменты керамики, заготовка пряслица, бусина, каменный наконечник стрелы, отщепы). Конечно, датировка предположительна и основана только на хронологической принадлежности части найденных фрагментов керамики и факта, что камни, расположенные по пе-

риметру жилища и очаг, находятся на материковом слое, а «нижние пределы датировки артефактов – афанасьевское время» (Ларин О.В., 1993, с.24). Таким образом, предварительно жилище можно отнести к концу IV – началу II тыс. до н.э.

“Поминальный” памятник. Каменную выкладку 10а, предварительно интерпретированную по местоположению на могильнике и наличию охры, как “поминальное” сооружение кургана афанасьевской культуры 7а можно отнести к эпохе бронзы. В могильниках афанасьевской культуры, наряду с остатками тризны в заполнении могильных ям, зафиксированы специально организованные пространства и сооружения, связанные с магической или религиозной практикой. Они представляют собой отдельные от погребений сооружения относительно небольших размеров (Владимиров В.Н., Цыб С.В., 1982, с.55-62; Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с.58; Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю., 2001, с.33). Таким образом, имеются определенные основания отнести выкладку 10а к афанасьевской культуре и, исходя из предварительной датировки курганов 6а и 7а, датировать ее к концом IV – первой половиной III тыс. до н.э.

Литература

1. Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. – Алма-Ата, 1987. – 280 с.
2. Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Азия от древности до средневековья. – СПб., 1992. – С.54-57.
3. Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И. Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск, 1993. – 157 с.
4. Вдовина Т.А. Исследования в урочище Толгоек // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2002. – №9. – С.72-78.
5. Вдовина Т.А. Аварийные раскопки на могильнике Нижний Айры-Таш // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – №12. – С.6-12.
6. Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с.Кара-Коба // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С.55-62.
7. Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование афанасьевского погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С.3-8.
8. Грязнов М.П. Афанасьевская культура на Енисее. – С-Пб., 1999. – 136 с.
9. Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск, 1994. – Ч. I. – 262 с.
10. История Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 2002. – 360 с.
11. Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита и бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С.43-47.
12. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002. – 294 с.
13. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и бронзовый век южно-таежной зоны Западной Сибири. – Барнаул, 2004. – 295 с.
14. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Итоги археологического изучения памятников энеолита и бронзового века Лесостепного и Степного Алтая // Алтайский сборник. – Барнаул, 1992. – Выпуск XV. – С.194-222.
15. Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Степанова Н.Ф. Археология Нижнетыткескенской пещеры I. – Барнаул, 1995. – 150 с.
16. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Известия АГУ. – Барнаул, 1996. – С.33-36.
17. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.
18. Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И. Андроновское погребение на реке Чарыш // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов и этнографов Сибири и Дальнего Востока в 1994-1996 годах. – Новосибирск, 2000. – С.26-30.
19. Киселев С.В. Андроновские памятники близ с.Усть-Ерба в Хакасии // СЭ. – 1935. – №4-5. – С.206-209.

Общий план могильника Айрыдаш I

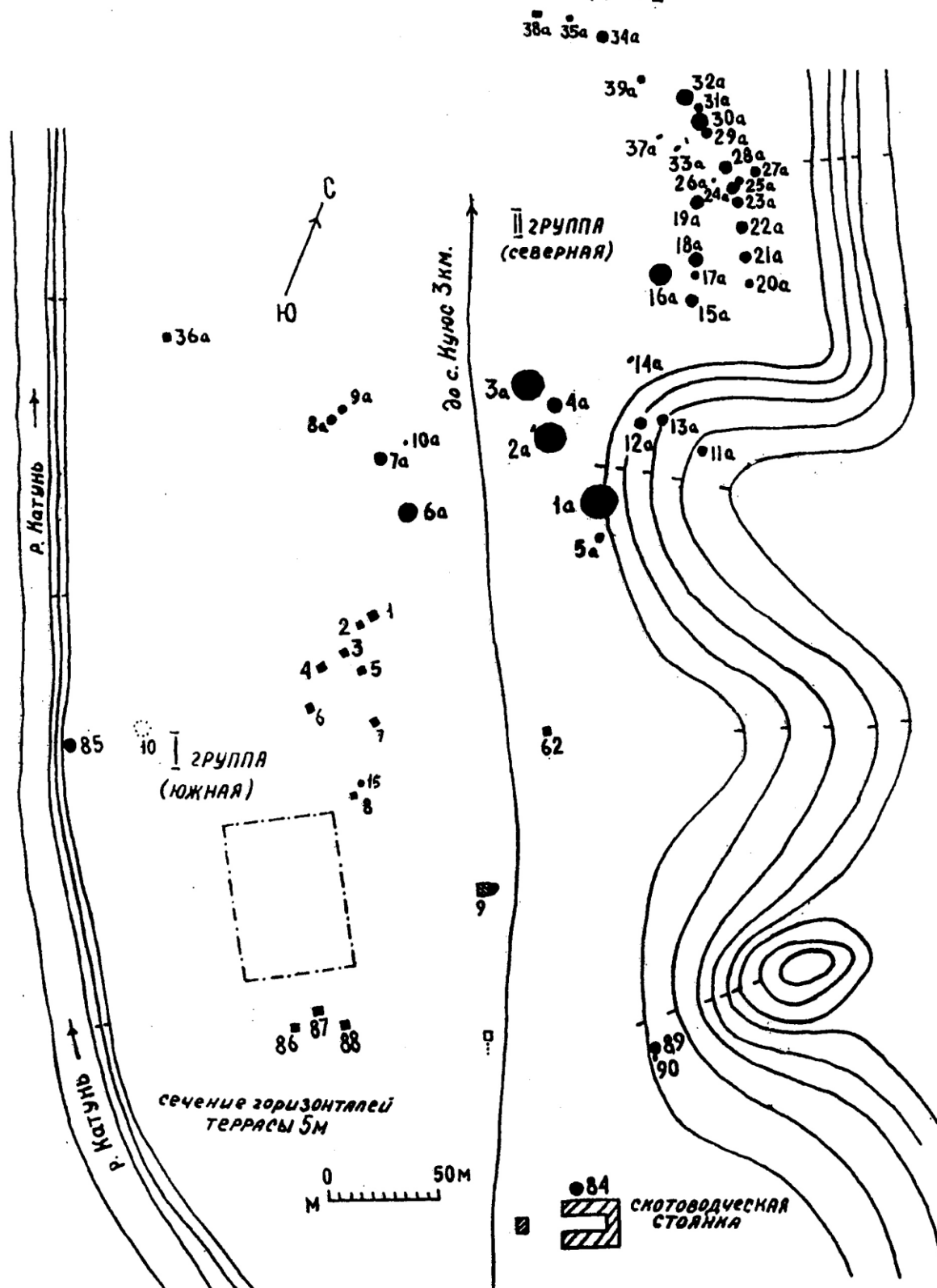

Рис.1

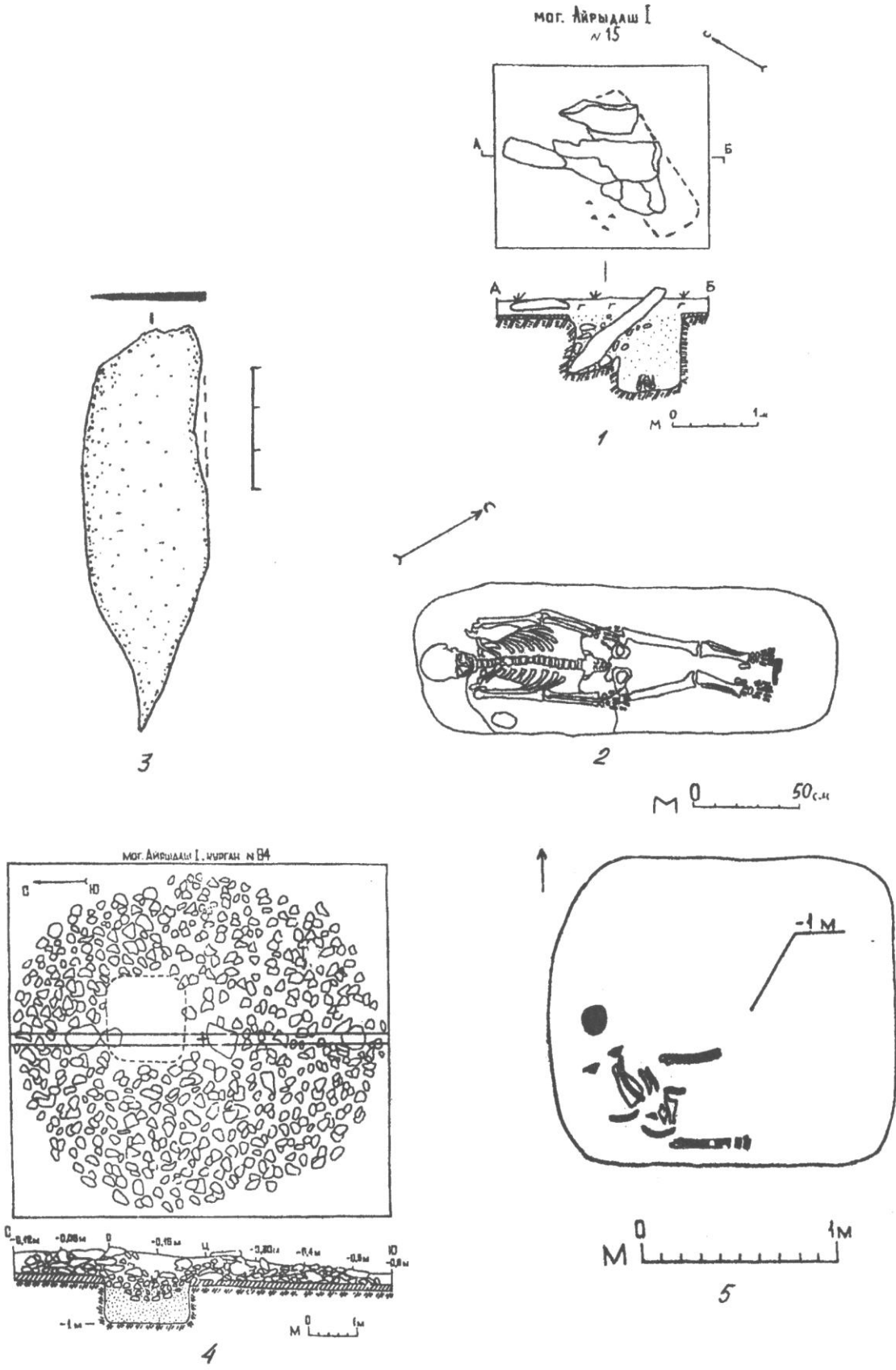
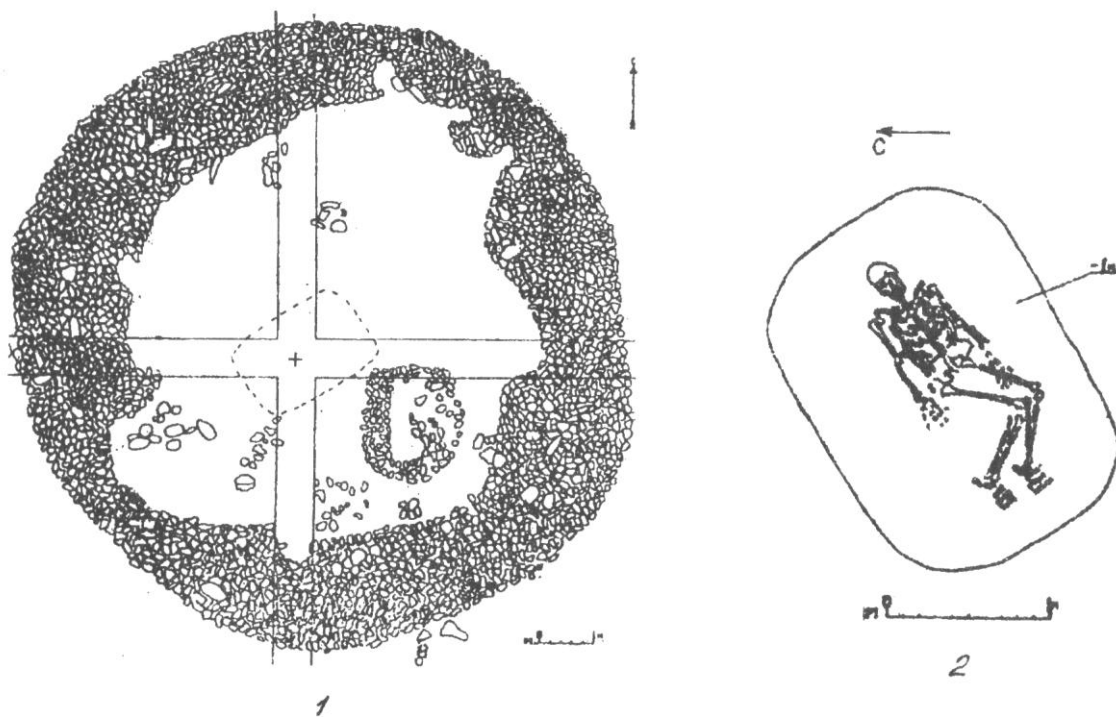

Рис.2

МОГ. ДИРЬДАШ I, ГРУППА B, ВЫКЛАДКА №10 А

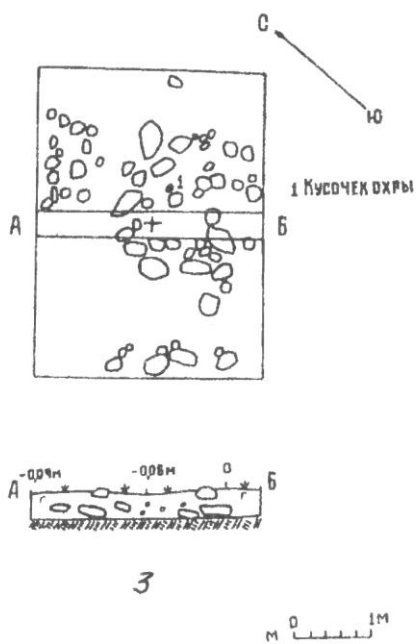

Рис.3

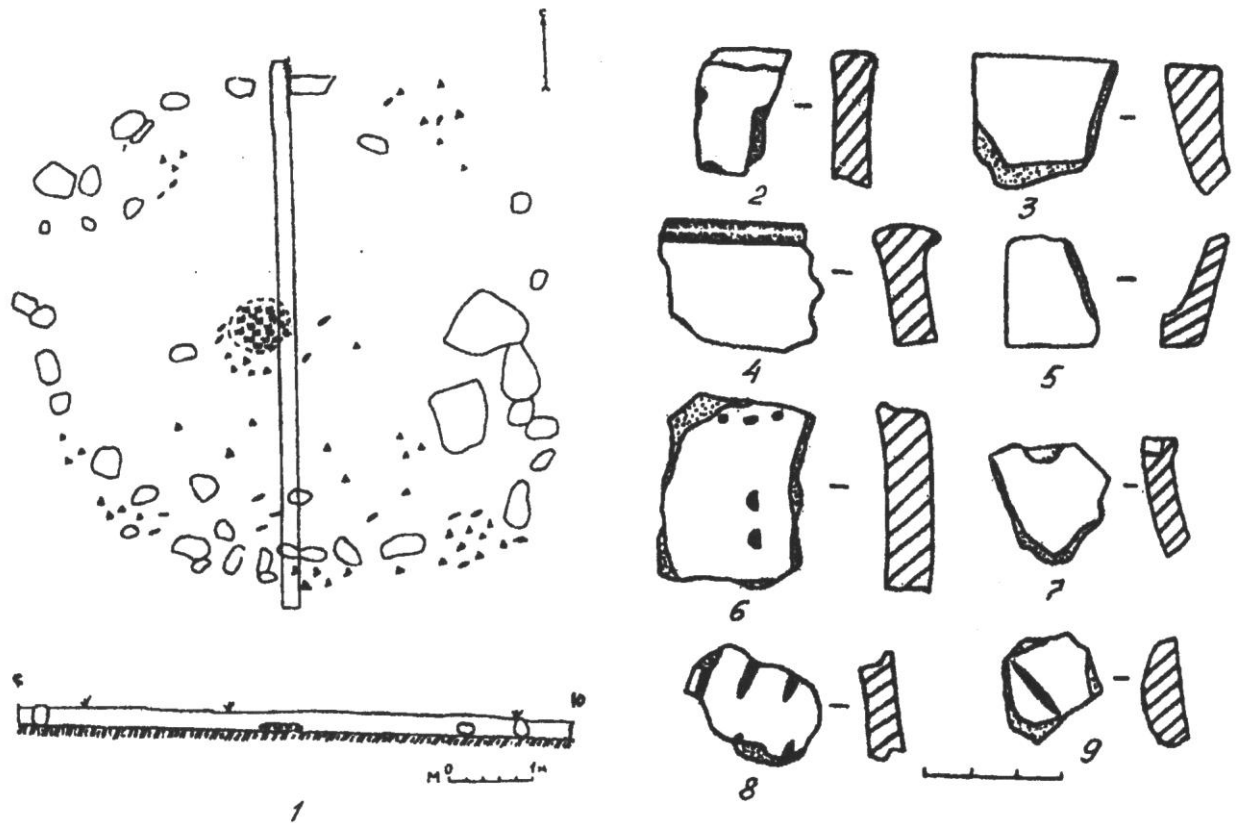

Рис.4

20. Ковтун И.В., Горяев В.С. Могильник Танай-12 и культурно-хронологические особенности андроновской статуарной и изобразительной традиций // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001а. – С.53-63.
21. Ковтун И.В., Горяев В.С. Андроновские погребения с западного берега озера Танай // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск, 2001б. – С.35-36.
22. Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // АСГЭ. – Л., 1961. – Вып.3. – С.32-73.
23. Красниенко С.В. Памятники афанасьевской культуры на юго-западе Красноярского края // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб., 2002. – С.171-175.
24. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск, 1988. – 172 с.
25. Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск, 1990. – С.43-95.
26. Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в с.Озёрном // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.49-51.
27. Кубарев В.Д., Черемисин Д.В., Слюсаренко И.Ю. Бике I, II: погребальные памятники афанасьевской культуры на Средней Катуни // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С.32-54.
28. Куц Г.А. Могильник Аир-Тау в Восточном Казахстане // Маргулановские чтения. – Алма-Ата, 1989. – С.227-228.
29. Ларин О.В. Новые материалы эпохи ранней бронзы из Горного Алтая // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С.13-21.

30. Ларин О.В. Исследования на могильнике Тархата I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – С.37.
31. Ларин О.В. Материалы эпохи раннего металла из Горного Алтая // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1993. – С.19-25.
32. Ларин О.В., Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки могильника Мухор-Тархата I // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.61-70.
33. Матющенко В.И. Древняя история Южной Сибири. – Омск, 1999. – 232 с.
34. Михайлов Ю.И. Опыт реконструкции соматического кода в традиции использования оленных камней // Археология, этнография и музейное дело. – Кемерово, 1999. – С.74-85.
35. Могильников В.А. Некоторые памятники эпохи раннего металла из Центрального Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987. – С.23-34.
36. Погожева А.П., Кадиков Б.Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С.80-84.
37. Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р.Сыда (Красноярский край) // КСИА. – 1968. – Вып.114. – С.70-75
38. Савинов Д.Г. Могильник Бертек 33 // Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск, 1994. – С.39-49.
39. Савинов Д.Г. Проблемы изучения окуневской культуры (в историографическом аспекте) // Окуневский сборник. Культура. Искусство, Антропология. – СПб., 1997. – С.7-18.
40. Соёнов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 22 с.
41. Соёнов В.И. Классификация и хронология гребней гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск, 1998а. – Т.1. – С.559-563.
42. Соёнов В.И. Костяные гребни гунно-сарматского времени Горного Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998б. – С.165-167.
43. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск, 2003. – 160 с.
44. Степанова Н.Ф. К вопросу об относительной хронологии памятников афанасьевской культуры Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С.51-53.
45. Степанова Н.Ф. Исследования у с.Эликманар // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 1993. – Часть I. – С.94-97.
46. Степанова Н.Ф. Памятники эпохи бронзы Горного Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С.54-62.
47. Степанова Н.Ф., Цыб С.В. Погребение эпохи бронзы у с.Кара-Коба // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С.59-63.
48. Суразаков А.С. Исследования у с.Куюс в Горном Алтае // АО 1980 года. – М., 1981. – С.214.
49. Суразаков А.С. О совещании по итогам полевых исследований 1982 г. в Горно-Алтайском НИИИЯЛ // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С.163-166.
50. Суразаков А.С. Раскопки у сел Куюс и Кокоря Горном Алтае // АО 1982 года. – М., 1984. – С.232-233.
51. Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш I в Горном Алтае // АО 1984 года. – М., 1986. – С.203.
52. Суразаков А.С. Раскопки могильника Айрыдаш I // АО 1985 года. – М., 1987а. – С.284-285.
53. Суразаков А.С. Афанасьевские памятники Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1987б. – С.3-30.
54. Суразаков А.С. Археологические работы ГАНИИИЯЛ // Гуманитарные исследования в Горном Алтае. – Горно-Алтайск, 1988. – С.56-83.
55. Суразаков А.С. Раскопки в долине Айрыдаш // Археологические исследования на Катуни. – Новосибирск, 1990. – С.197-200.
56. Суразаков А.С. Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сиби-

- ри и сопредельных территорий (по данным археологии). Материалы всероссийской конференции. – Омск, 1992. – С.92-97.
57. Суразаков А.С. Погребальный обряд пазырыкцев // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С.71-74.
58. Суразаков А.С. Айрыдаш I // Кан-Алтай. – 1997. – С.41.
59. Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.31-38.
60. Тетерин Ю.В. Гривны гунно-сарматской эпохи Южной Сибири // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №6. – С.107-115.
61. Тишкин А.А. Каменные стелы из курганного могильника Бийке на р.Катуни // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.46-49.
62. Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул, 1996. – С.20-54.
63. Фрибус А.В. Погребальный обряд и относительная хронология афанасьевских памятников Алтая // Первобытная археология. Человек и искусство. – Новосибирск, 2002. – С.147-150.
64. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1984. – 19 с.
65. Эбель А.В. Вооружение и военное дело населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1998. – 23 с.
66. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М., 1987. – 472 с.
67. Шульга П.И. Афанасьевские памятники в северо-западных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Выпуск 11. – С.108-112.

Список иллюстраций к статье Соёнова В.И. и Суразакова А.С.

Рис.1 План могильника Айрыдаш I.

Рис.2 Могильник Айрыдаш I: 1 – план и разрез могилы 15; 2 – план погребения могилы 15; 3 – бронзовый нож из погребения могилы 15; 4 – план и разрез кургана 84; 5 – план погребения кургана 84.

Рис.3 Могильник Айрыдаш I: 1 – план кургана 6а; 2 – план погребения кургана 6а; 3 – план и разрез выкладки 10а.

Рис.4 Могильник Айрыдаш I: 1 – план и разрез жилища 10; 2 – фрагменты керамики из жилища 10.

Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В.
(г. Барнаул)

АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ У с.ЕЛО В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ

Исследование афанасьевских памятников на территории Горного Алтая особенно интенсивно велось с середины 1970-х гг. до 1990 г. Начато оно было археологическими экспедициями Алтайского госуниверситета в 1976 г. у с.Ело Онгудайского района в Центральном Алтае. Всего в окрестностях с.Ело выявлено несколько десятков памятников (рис.2 – 1; 5 – 1). На некоторых из них произведены раскопки. Экспедициями Алтайского госуниверситета на 11 афанасьевских могильниках в общей сложности исследовано 49 объектов эпохи бронзы (Посредников В.А., 1980; Владимиров В.Н., Цыб С.В., 1982; Цыб С.В., 1984; Посредников В.А., Цыб С.В., 1992; 1994; Степанова Н.Ф., Цыб С.В., 1996; Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997; Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф., 1999; Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д., 2004 и др.). Кроме того, экспедициями АГУ у с.Ело открыты одно поселение и еще 14 могильников, на которых рас-

копки не проводились, но на них зафиксированы погребальные комплексы, относящиеся к афанасьевской культуре. Афанасьевские надмогильные конструкции своеобразны и легко выделяются среди сооружений других периодов, особенно это касается оград-кромехов. Однако до сих пор часть материалов исследований тех лет не опубликована. С нашей точки зрения есть необходимость ввести в научный оборот материалы, связанные с этой культурой не только полученные вследствие раскопок, но и в результате разведок.

Могильник **Семисарт-2** (рис.1 – 1). Расположен на первой надпойменной террасе р.Семисарт, являющейся и правобережной террасой рч.Алтайры, который впадает в р.Семисарт. С С и В терраса ограничена скальными возвышенностями, с Ю и З общей поймой р.Семисарт и рч.Алтайры. Терраса находится в прямоугольной межгорной котловине, вытянутой в направлении СВ-ЮЗ. Северо-восточная ее часть переходит в узкую горную ложину. Центральная и северо-западная части в направлении СВ-ЮЗ пересечены руслами двух пересохших ручьев. Памятник расположен в 4-5 км к ЮЮВ от с.Ело Онгудайского района, в урочище Кара-Бом.

Всего зафиксировано 57 погребальных конструкций, подразделяющихся на 4 типа. Первый тип составляют два кургана с каменной наброской диаметром около 4 м, высотой 0,5-0,6 м. Они расположены в северной части могильника.

В западной и восточной частях могильника расположены каменные ящики и развалы камней. Всего таких конструкций 5. Они вытянуты цепочкой по линии СВВ-ЮЗЗ. Длина ящиков 2-6 м, ширина 1-2 м, высота над поверхностью террасы до 0,2 м. Развалы камней имеют диаметр около 1 м.

Третий тип сооружений представлен оградами из вертикально поставленных по окрестности плит. Они составляют две группы в южной части могильника. Диаметр оград от 2 до 7 м, высота плит 0,5-1,0 м.

Самую многочисленную группу сооружений (38 объектов) представляют кольца, выложенные из сланцевого камня различной величины, лежащего по кругу в несколько слоев. Центральная часть подобных сооружений задернована. Диаметр колец 2-10,0 м, высота до 0,7 м. Расположены они длинной цепочкой, ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Около цепочки находятся две стелы - первая в северо-восточном ее конце, вторая – в центральной части, высота стел 0,6-0,8 м.

Могильник состоит из нескольких разновременных групп. Предположительно третий и четвертый тип конструкций датируются афанасьевским временем: внешний вид оград и колец напоминает классические афанасьевские памятники. Для уточнения датировки в 1980 г. были вскрыты один курган в южной части могильника и одна ограда из вертикально поставленных плит в центральной части памятника. Курган датирован эпохой раннего железа (Владимиров В.Н., Шульга П.И., 1984), а ограда относится к афанасьевской культуре.

Ограда 1 (рис.1 – 2, 3). На поверхности прослеживалась слабо выступающими из земли плитами. Ее диаметр 4 м, высота плит над современной поверхностью – 10-20 см. Часть плит ограждения упала внутрь. По всей площади (под дерном) найдены кости животных, а также несколько фрагментов керамики, преимущественно без орнамента. За пределами ограды (с северной стороны) обнаружен каменный отщеп. В центре ограды находился земляной холм, обложенный наклонно стоящими плитами. Видимо, это остатки центрального сооружения. В центре сохранились следы кострища (угольки и сильно прокаленная земля). Под холмом находились две сланцевые плиты, частично перекрывавшие одна другую. Длина плит до 1,5 м, ширина 60-80 см. Плиты перекрывали могильную яму со скругленными углами, размерами 1,8х1,15 м. Глубина могилы в материке 0,75-0,8 м. Погребение одиночное. Скелет лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на запад. Инвентаря нет, но на черепе отмечены следы меди или бронзы.

Могильник **Семисарт-3** (рис.2 – 3). Расположен на второй надпойменной террасе р.Семисарт, являющейся одновременно террасой рч.Алтайры, который при выходе из урочища Алтайры распадается на два русла. Терраса подвергалась распашке. В настоящее время прослеживаются всего 6 погребальных сооружений. Три из них представляют собой ограды из вертикально поставленных плит диаметром от 11 до 13 м, высота плит над современной дневной поверхностью от 0,1 до 0,5 м. Три других – кольца, выложенные по кругу в несколько рядов и слоев. Их диаметр от 10 до 15 м, высота 0,15-0,5 м. Предположительная датировка могильника по форме надмогильных сооружений – афанасьевское время.

Могильник **Семисарт-4** (рис.3 – 2). Расположен на первой и второй надпойменных террасах р.Семисарт. Всего зафиксировано 17 надмогильных сооружений. 15 из них представляют собой кольца, выложенные из рваного камня различной величины. Диаметр колец от 3 до 15 м, высота – 0,3-0,6 м над современной дневной поверхностью. Двенадцать колец располагаются на первой, три - на второй террасах. В северной части первой надпойменной террасы обнаружены две ограды из вертикально поставленных плит, их диаметр 10-12 м. Предположительная датировка могильника – афанасьевское время.

Могильник **Семисарт-5** (рис.2 – 2). Расположен на первой правобережной террасе р.Семисарт, в 2-3 км к СВ от с.Каерлык. Поверхность террасы подвергалась распахке. Сохранилось 12 погребальных конструкций, расположенных компактной группой. Одиннадцать из них кольца округлой формы, диаметром от 3 до 15 м, высотой над современной дневной поверхностью 0,07-0,55 м. Здесь же находится сооружение иного типа – ограда-кромлех, образованная вертикально поставленными плитами. Ее диаметр 12 м, высота плит до 0,15 м. Предположительная датировка памятника – афанасьевское время.

Могильник **Семисарт-6** (рис.3 – 4). Расположен на первой надпойменной террасе р.Семисарт, ограниченной с С скальными возвышенностями, с Ю поймой р.Семисарт. Из 12 надмогильных сооружений – три ограды из вертикально поставленных плит, которые расположены на сильно распаханной части террасы и представляют, видимо, остатки разрушенного могильника. Диаметр оград 8-12 м, высота плит 0,4-0,5 м. В 100 м к С расположено 9 выложенных из камня колец, вытянутых цепочкой в направлении СЗ-ЮВ на 80-90 м. Диаметр колец 5-8 м, высота 0,2-0,3 м. В северо-западной части цепочки находится стена высотой 0,3 м. Памятник предположительно датируется афанасьевским временем.

Могильник **Семисарт-7** (рис.3 – 3). Находится на первой надпойменной террасе р.Семисарт, в 2-3 км к С от с.Каерлык, рядом с поймой. Все 19 конструкций расположены компактной группой и представляют сооружения одного типа – ограды из вертикально поставленных плит. Диаметр оград от 1 до 12 м, высота плит 20-30 см. Предположительная датировка – афанасьевское время.

Могильник **Семисарт-9** (рис.3 – 1). Расположен на первой надпойменной террасе р.Семисарт, в 2-3 км к СВ от с.Каерлык, в непосредственной близости от дороги на перевал Кулада. Терраса распахивалась. Всего зафиксировано 8 надмогильных сооружений, 4 из них представляют собой небольшие каменные курганы диаметром 2-3 м, вытянутые в цепочку в направлении с З на В. Кроме того имеется 4 ограды из вертикально поставленных плит, одна из которых сильно разрушена. Диаметр оград 8-10 м, высота плит 30-40 см. Внутри оград прослеживается каменная забутовка. Ограды из вертикально поставленных плит могут быть датированы афанасьевским временем.

Могильник **Второй Межелик**. Расположен на правом берегу р.Каерлык, на первой надпойменной террасе, в 1 км от места слияния рек Каерлык и Ело и в 0,2 км к ЮВ от с.Ело. Терраса, на которой расположен могильник, представляет собой западный пологий склон скальной возвышенности, именуемой Второй Межелик. В направлении на юг терраса тянется на 0,5 км до смыкания с северо-западным подножием скальной возвышенности Третий Межелик. Могильные сооружения расположены в трех частях террасы. В северо-западной части находится одна круглая ограда, диаметром 8 м, составленная из вертикально врытых в землю плит сланца. Плиты выступают из-под дерна на 0,01-0,1 м. Внутренняя часть задернована, местами проступают камни. В юго-западной части террасы расположены еще три аналогичных сооружения. Одно из них больше размером (диаметр 18 м) и в центре имеет грабительскую яму. Две других ограды диаметром 8 и 10 м. В юго-восточной части террасы, ближе к ее центру, расположены два сооружения, представляющие собой ограды-кольца, выложенные из крупного сланцевого камня. Диаметр их одинаков - около 10 м. Ширина стенок колец достигает 2,0 м. Высота над современной поверхностью до 0,4 м. В 28-40 м к З и ЮЗ от колец расположены 4 каменные стелы, образующие полукруг. Промежутки между стелами достигают 5 м. Направленность цепочки стел с Ю на С. Высота стел над современной поверхностью 0,08-0,55 м. Предположительно, ограды из вертикально стоящих плит относятся к афанасьевской культуре, а ограды-кольца и стелы – к эпохе железа.

Могильник **Третий Межелик**. Расположен в 2-2,5 км к ЮВ от с.Ело у юго-восточного подножия скальной возвышенности Третий Межелик. С восточной стороны могильное поле ограничено возвышенностью Третий Межелик, с ЮЗ и З – отрогами хребта. Могильные со-

оружения представлены двумя типами. Первый тип – это восемь оград круглой формы, составленные из вертикально стоящих плит сланца. Они группируются в центральной и западной части могильника. В центральной их части кое-где из-под дерна прослеживаются камни. Диаметр оград от 2 до 16 м. Плиты, образующие боковые стенки, возвышаются над современной поверхностью на 0,03-0,88 м. Второй тип – 19 курганов с каменной наброской округлой формы диаметром 3,5-16 м, высотой насыпи 0,2-0,5 м. Сложены из рваного камня. Курганы расположены в западной и северо-западной части могильного поля и вытянуты в цепочку, идущую с небольшими отклонениями с Ю на С. Возле курганов на расстоянии 1,0-12,0 м расположены три каменных стелы. Одна – в центре цепочки, ее высота над современной поверхностью – 0,3 м, две других (их высота 0,47-0,57 м) – в северной части цепочки. На расстоянии 40-45 м к З от курганов расположена цепочка из камней, выступающих на 0,01-0,1 м. Эта цепочка вытянута параллельно цепочке курганов с Ю на С и состоит из двух рядов камней (длина западного ряда – 28 м, длина восточного – около 100 м). Промежутки между камнями цепочки достигают 1,5 м, расстояние между рядами цепочки – 5,0-6,0 м. Строгое соответствие направленности цепочек курганов и камней говорит, видимо, о том, что относятся они к одновременному могильному комплексу. Предположительная датировка первого типа сооружений – афанасьевская культура, второго – эпоха железа.

Могильник **Каерлык-2**. Расположен на первой надпойменной террасе левого берега р.Каерлык, в 2,5-3 км к ЮЗ от с.Ело и места слияния рек Каерлык и Ело. Могильное поле располагалось на южной оконечности террасы и имело протяженность с З на В. Зафиксированы погребальные конструкции двух типов. Первый тип – девять оград-кромлехов круглой формы, составленных из вертикально врытых в землю массивных плит. Их диаметр 6-18 м. Плиты, составляющие ограды, возвышаются над современной поверхностью на 0,05-1,1 м. Во внутренней части оград кое-где из-под дерна проступают камни, образующие невысокие насыпи (высотой до 0,2 м). Сооружения этого типа группируются в три скопления на территории могильника: западное (2 ограды), центральное (3 ограды), восточное (4 ограды). Две из оград (одна в западном, другая в восточном скоплении) имеют грабительские ямы глубиной до 0,8 м. Второй тип сооружений – 12 круглых курганов с каменной наброской. Все они расположены в центральной части могильника. Один курган выделяется размерами – его диаметр достигает 35 м, высота 1,7 м. В центре кургана имеется яма, по-видимому, результат раскопок. Вокруг этого кургана расположены более мелкие – диаметром 6-12 м, высотой 0,2-0,6 м. Вероятно, сооружения второго типа представляют собой южное окончание могильника, расположенного в 250-300 м к С от могильника Каерлык-2. Предположительная датировка конструкций первого типа – афанасьевская культура, второго – эпоха железа.

Могильник **Теньга-I** (рис.4 – 1). Расположен на второй надпойменной террасе правого берега р.Урсул, в 1 км к ЮЗ от с.Теньга. Могильник совмещает два разновременных памятника, могильные поля которых совмещаются в западной части террасы. Могильное поле первого вытянуто в направлении с СВ на ЮЗ и проходит по западной оконечности террасы.

Погребальные конструкции представлены двумя типами сооружений – оградками-кольцами из мелкого сланцевого камня, положенного в несколько рядов и слоев, и с земляной засыпкой центральной части (их диаметр 6-15 м, высота над дневной поверхностью до 80 см) и оградками-кромлехами, составленными из вертикально поставленных по кругу плит (диаметр 2-9 м, высота плит до 0,9 м). Оградок 8, кромлехов – 7. Подобные типы погребальных конструкций характерны для могильников афанасьевской культуры.

Могильное поле второго памятника вытянуто в направлении с СЗ на ЮВ, располагалось в центральной и восточной частях террасы. Здесь представлены однотипные сооружения – оградки-кольца, составленные из крупного камня, уложенного в несколько рядов, их диаметр – 1-12 м, высота до 0,5 м. Они вытянуты цепочкой вдоль правого русла пересохшего ручья. Возле крупных оградок (диаметр более 7 м) группируются более мелкие. Почти во всех крупных оградках отмечены поваленные или оббитые стелы из продолговатых камней. В двух оградках в юго-восточном конце цепочки стелы возвышаются до 0,4 м от поверхности. По облику памятник напоминает тюркские могильники. Всего оград 27.

Могильник **Теньга-3** (рис.4 – 2). Памятник расположен на первой надпойменной террасе р.Урсул, в 2-3 км к ЮЗ от с.Теньга и в 1-2 км к СВ от с.Кара-Коба. Терраса подвергалась

распашке. Могильник включает в себя 8 типов сооружений. Самый многочисленный (22 объекта) представляют ограды-кромлехи круглой формы, составленные из поставленных вертикально сланцевых плит. Плиты возвышаются над поверхностью террасы на 0,05-0,6 м. Диаметр кромлехов 3-11 м. В центральной части могильника они группируются в скопления. Встречаются они также и в других частях памятника, но четко прослеживается их тяготение к западной части террасы.

Второй тип – 22 кургана с каменной наброской, составленных из мелких рваных камней, положенных в виде насыпи с возвышением в центре. Диаметр их 1-15 м, высота насыпей 0,2-0,9 м. Они группируются в скопления в юго-восточной и юго-западной частях могильника. В первом скоплении выделяется группа из четырех крупных курганов, насыпи которых обнесены кольцом из врытых в землю камней сланца. Диаметр курганов с кольцами достигает 10-15 м. Все они имеют следы раскопок. Вокруг них группируются мелкие курганы. В одном из курганов скопления стоит каменная стела высотой 110 см.

Третий тип – шесть оградок-колец, сложенные из массивного рваного камня, положенного по кругу в несколько рядов, иногда в несколько слоев. В центре их провалы. Высота колец над современной поверхностью до 0,4 м. Их диаметр 5-12 м. Пять из них расположены кучно в центральной части могильника, примыкая к курганам с каменной наброской с СЗ и ЮЗ.

Четвертый тип – это тоже оградка-кольцо, по устройству напоминающая сооружения третьего типа, но отличающаяся от них тем, что сложена она из мелкого камня, а в центре не провал, а насыпь из земли. Стенка сооружения сильно задернована. Ограда расположена в западной части могильника в группе с оградками-кромлехами. Ее диаметр 7 м, высота 0,3 м.

Пятый тип – круглые выкладки из камней, в центре которых расположены каменные ящики (по одному в каждом сооружении), сложенные из сланцевых плит. Эти ящики имеют прямоугольную форму, их размеры – длина до 1,6 м, ширина до 1,3 м. Внутренняя часть ящиков заложена камнем. Диаметр выкладок 5-6 м. Ящики возвышаются над выкладками на 0,03-0,1 м, общая высота сооружений 0,15-0,2 м.

Шестой тип – прямоугольный каменный курган, выложенный из мелких сланцевых камней, положенных друг на друга в виде насыпи с возвышением в центре. Его размеры – длина 1,5 м, ширина – 1,0 м, высота – 0,18 м. Он расположен в северо-западной части могильника рядом с оградками-кромлехами.

Седьмой тип – каменный ящик размером 2,0х1,0 м, сложенный из сланцевых плит. Его внутренняя часть забросана камнем. Он возвышался над современной поверхностью на 0,1 м и был расположен в юго-восточной части могильника рядом с каменным курганом.

Восьмой тип – прямоугольная ограда, составленная из поставленных вертикально сланцевых плит (размеры плит 0,25х0,15х0,03 м), высота ограды над поверхностью террасы – 0,1 м. Внутренняя ее часть завалена мелким рваным камнем. Располагалась она в юго-западной части могильного поля рядом с круглой оградкой-кромлехом.

Кроме того, в разных местах могильного поля стоят шесть каменных стел, высотой – 0,4-1,35 м.

Вероятно, могильник совмещает несколько разновременных памятников. К афанасьевской культуре можно отнести сооружения первого и четвертого типов, к раннескифскому времени – пятого типа, к эпохе железа – 2,3 и 8 типов, а также каменные стелы.

Могильник **Теньга-4** (рис.6 – 1). Расположен на первой правобережной террасе р.Урсул, в 2,5-3,5 км к ЮЗ от с.Теньга и в 1,5-2,5 км к В от с.Кара-Коба. Урсул протекает в 280-300 м к СЗ, образуя широкую заболоченную пойму. С В и Ю терраса ограничена скальными выходами, с З и С – поймой р.Урсул. Вся поверхность могильного поля подвергалась интенсивной распашке. В результате этого многие сооружения были разрушены.

На могильнике выделяются 6 типов погребальных конструкций. Первый тип – каменные ограды-кольца, выложенные из крупного рваного сланцевого камня, положенного в несколько рядов по кругу (20 штук). Все они расположены в северной и восточной частях могильника. Их диаметр 5-10 м, высота до 0,5 м, в центре провалы.

Второй тип – ограды-кромлехи круглой формы из поставленных в вертикальное положение сланцевых плит. Всего их 9, шесть из них располагаются в юго-западной части в скоплении, две среди оград-колец первого типа и одна в западной части могильника. Эти

ограды имеют диаметр 3-11 м, высоту плит 0,1-0,7 м. Внутренняя часть сооружений задернована.

Третий тип – три ограды-кольца круглой формы, сложенные из мелкого сланцевого камня, положенного по кругу в несколько рядов и слоев. В центре их земляная насыпь, диаметр 4-8 м, высота 0,15-0,5 м. Они расположены в западной части могильника, рядом с оградой-кромлехом.

Четвертый тип представлен каменным курганом с наброской. Его высота 0,5 м, диаметр 4,2 м. Расположен среди оград-колец первого типа в восточной части могильника. Вполне возможно, что курган представляет разрушенную ограду-кольцо первого типа сооружений.

Пятый тип – прямоугольная ограда-кромлех (5,5х3,8 м), составленная из тонких (толщиной до 0,03 м) сланцевых плит, поставленных вертикально. Плиты возвышаются над поверхностью на 0,04-0,1 м. Внутренняя часть ограды забросана камнями, которые выступают из земли на 0,02-0,05 м. С В к ограде примыкает каменная стела высотой 0,23 м. Расположена ограда отдельно в западной части могильника.

Шестой тип – каменный ящик, сложенный из плит сланца толщиной до 0,1 м. Его размеры 1,5х2,8 м. Внутри камни, задернованные землей. Плиты, составляющие боковые стенки ящика, возвышаются на 0,15 м над поверхностью. С ЮЗ к ящику примыкает каменная стела высотой 0,56 м. Он расположен отдельно в юго-восточной части могильника.

Предварительная датировка сооружений первого, четвертого и пятого типов – эпоха железа, второго и третьего – афанасьевская культура.

В 1979-80 гг. на памятнике раскопано 2 ограды.

Ограда 1 (рис.5 – 2, 3). Располагалась в юго-западной части могильника в скоплении оград-кромлехов. На поверхности прослеживалась в виде четырех сланцевых плит, вертикально выступавших из земли на 10-30 см. Эти плиты образовывали северо-западную и северо-восточную границу ограды. Первоначально оградка имела, вероятно, круглую форму размерами 2,6х3,02 м (по линиям С-Ю и 3-В). Ограда имела оплыв в северную сторону по склону террасы.

Внутренняя часть сооружения завалена мелким и крупным сланцевым камнем. В южной части ограды камни были уложены в 2 слоя, в северной - в 4-5 слоев. В центре ограды камни провалились в могильную яму и находились в вертикальном положении. Камни были присыпаны серо-коричневым суглинком.

Среди камней в центре ограды обнаружены остатки деревянного перекрытия могилы из лиственничных бревен (плах). Они ограничивали могилу с Ю и С. Длина некоторых бревен достигала 48 см, ширина – 8 см, толщина -3 см. Некоторые из них уходили вглубь могилы на 3-12 см. Плахи были положены по линиям С-Ю и ССЗ-ЮЮВ, т.е. перекрывали могилу поперек. Некоторые фрагменты дерева обожжены. На глубине 0,18-0,8 м от современной поверхности в центре ограды и в ее восточной части были найдены два фрагмента керамики и обломок кости. Один фрагмент керамики был от тонкостенного сосуда красного цвета, украшенного рядами насечек, другой от толстостенного сосуда темно-коричневого цвета, украшенного гребенчатой качалкой.

Могильная яма располагалась на глубине 0,9-1,0 м от современной поверхности в центре ограды. Она ориентирована по линии ЮЗ-СВ, прямоугольной формы со скругленными углами, размерами 1,36х0,65 м. В нее провалились камни забутовки на 60 см от верхнего слоя ямы в северо-восточной ее части и до уровня залегания скелета в ее юго-западной части. Засыпка ямы была мешеной: в общей массе темно-коричневого суглинка встречались прожилки серо-коричневого суглинка (как у цвета засыпки камней забутовки) и материка (светло-желтого суглинка со щебенкой), занесенные сюда провалом камней забутовки. Кроме того, в засыпке попадались кусочки дерева – остатки провалившегося перекрытия и угольки. На глубине 0,3-0,54 м от верхнего края ямы найдены кости человека и обломки двух сосудов. Один из них без орнамента коричневого цвета, другой – красного с орнаментом из насечек.

Яма глубиной в материке 0,72 м, стенки отвесные. Скелет погребенного лежал в скорченном положении на спине и был ориентирован головой на ЮЗ. Череп слегка повернут на правый бок. В юго-западном углу ямы сделан подбой длиной 16 см для головы умершего. Кости правой руки вытянуты вдоль туловища, кости левой лежали на половине таза. Позвоночник погребенного изогнут вправо. Кости массивные, хорошей сохранности. Весь кос-

так был завернут в растительную обертку, возможно, мох, которая сохранилась на костях в виде волокнистого материала. Под верхним концом плечевой кости правой руки и правой лопатки погребенного было найдено пятно охры диаметром 8 см, мощностью 3-4 см.

Ограда 2 (рис.6 – 2). Располагалась в 4-5 м к СЗ от ограды 1 в центральной части могильного поля. На поверхности прослеживалась в виде круга, составленного из вертикально выступавших из земли сланцевых плит. Плиты образовывали северо-восточную, восточную, южную и западную границы ограды. Отсутствовали плиты в северо-западной части сооружения. Размеры ограды по линии С-Ю – 4,4 м, размеры плит – длина 0,83 м, ширина до 0,55 м, толщина до 0,17 м, высота над современной поверхностью – 0,56 м.

Внутри ограды были обнаружены сланцевые камни и плиты различного размера, залегавшие в 2-4 слоя. Наиболее плотно они располагались в центральной части, где проваливались вглубь. Среди этих камней и плит найдены фрагменты обгоревшего дерева, угли, три фрагмента керамики без орнамента и несколько обломков костей животных.

Могильная яма была перекрыта сланцевыми плитами размерами 1,06x0,34x0,08 м, 1,21x0,3x0,06 м, лежащими параллельно друг другу на расстоянии 1,2-1,23 м в направлении Ю-С. Часть плит провалилась в могилу. Могильная яма располагалась под плитами на глубине 0,52-0,54 м от современной поверхности в западной части ограды, имела прямоугольную форму со скругленными углами, размерами 1,68x1,2 м, была ориентирована по линии З-В. До глубины 0,63 м от верхнего края ямы находились обломки плит перекрытия и сланцевые камни, а также небольшие кусочки дерева.

Захоронение взрослого человека совершено на дне могилы на глубине 0,78 м от ее верхнего края. Погребенный лежал на спине с подогнутыми ногами, головой на З. У скелета отсутствовали кости нижней половины правой руки, несколько позвонков и несколько костей фаланг пальцев рук и ног, а также плечевая кость левой руки. Вероятно, руки погребенного были вытянуты вдоль туловища и согнуты в локтевом суставе. Весь скелет окрашен охрой. Охрой было окрашено и дно могилы. К югу от погребенного найдены два глиняных сосуда. Первый, находившийся возле коленных суставов, имел шаровидное тулово, округлое дно. Второй сосуд, находился в обломках в районе черепа, имел яйцевидную форму.

На каждом из 13 могильников, данные о которых приводятся в этой публикации, часть объектов с достоверностью можно отнести к афанасьевской культуре. Прежде всего, это касается оград-кромлехов, т.е. сооружений округлой формы из вертикально поставленных плит. Это важно, т.к. в последние годы усиливается интерес исследователей к планиграфии могильников, в т.ч. афанасьевских (Шульга П.И., 2004). Пока сложно говорить о четких закономерностях в расположении афанасьевских погребальных комплексов, поскольку раскопанных большими площадями памятников немного и в публикациях обычно не уделяется должного внимания планиграфии. Можно выделить лишь Сальдьяр-1, Нижний Тюмечин-1, Кара-Кобу-1, Первый Межелик-1, Бойтыгем-2, Усть-Куюм, на которых вскрыты сравнительно большие площади или число объектов (Ларин О.В., 1994; 1995; Посредников В.А., Цыб С.В., 1992; 1994; Абдулганеев М.Т., Ларин О.В., 1994; Берс Е.М., 1974). К сожалению, материалы могильника Сальдьяр-1, на котором вскрыто 42 объекта, полностью пока не опубликованы. На остальных памятниках, как правило, в результате раскопок были выявлены объекты (незаметные до начала работ), пристроенные к более крупным сооружениям. Предварительно о планиграфии могильников афанасьевской культуры можно сказать следующее – они состоят из оград, пристроенных одна к другой или расположенных на небольшом расстоянии, скоплениями, которые иногда составляют цепочку или подобие цепочки. Ориентация таких цепочек различна – С-Ю (Семисарт-1, Теньга-4), СЗ-ЮВ (Нижний Тюмечин-1, Семисарт-7, Теньга-3,4, возможно, Семисарт-6), СВ-ЮЗ (Семисарт-4, Теньга-1), З-В (Семисарт-9) и т.д.

Ограда 1 могильника Семисарт-2 и ограды 1,2 могильника Теньга-4 по всем признакам погребального обряда имеют аналогии на афанасьевских памятниках Горного Алтая (Цыб С.В., 1984; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994). Между собой наиболее значительно они различаются конструкцией надмогильных сооружений. Сложены они из вертикально поставленных плит, однако на Семисарте-2 над могилой было центральное сооружение, а на двух других объектах вся площадь забутована рваным камнем. Одна могила имела деревянное перекрытие, две другие перекрыты плитами. Умершие были уложены на спине с подогнутыми ногами головой на З (2) и ЮЗ. Отмечена окраска охрой или ее скопление.

Одно погребение безинвентарно, если не считать остатки от окислов меди или бронзы, в другом – два сосуда, в третьем фрагменты сосудов и кости животных в заполнении могилы. К числу редких черт для погребального обряда афанасьевской культуры относится растительная «обертка» умершего из ограды 1 Теньги-4. Известно, что в погребении, раскопанном на р.Урсул Л.П.Потаповым, погребенный был обернут листовенничной корой (Хлобыстина М.Д., 1975, с.18). Иногда фиксируется растительная подстилка на дне могил, например, в Ело-Баши, огр.1, Кара-Коба-1, огр.1 и 2 (Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф., 1997; Посредников В.А., Цыб С.В., 1994). По-видимому, должно заслуживать внимания отсутствие некоторых костей человека в погребении (Теньга-4, огр.1). В целом же захоронения по погребальному обряду не выделяются среди афанасьевских (Цыб С.В., 1984; Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф., 1994).

Инвентарь представлен только керамикой. В двух теньгинских оградах найдены фрагменты не менее чем от пяти сосудов. Только один сосуд восстановлен (из ограды 2). Он круглодонный, высота 20 см, диаметр тулова 21 см, венчика 13 см, высота венчика около 2 см. Цвет его светло-коричневый. Орнаментирован по венчику отпечатками гребенчатого штампа, образующими треугольные зоны, а по тулову накалыванием уголка гребенчатого штампа, оттиски которого расположены наклонно (рис.7 – 3). Второй сосуд из ограды 2 реконструировать невозможно, не сохранилось даже дно (рис.7 – 5, 6, 8). Диаметр венчика 10 см, тулова – около 15,5 см. Цвет сосуда – темно-коричневый. По венчику он украшен пересекающимися наклонными оттисками орнамента. Тулово украшено качалкой, нанесенной штампом с очень мелкими зубцами. Из ограды 1 есть фрагменты от тонкостенных сосудов (толщина стенок не более 4 мм), диаметр венчика одного из них около 10 см (рис.7 – 4). Орнамент нанесен накалыванием штампом с очень мелкими зубцами. На другом фрагменте, вероятно, от другого сосуда, орнамент нанесен также накалыванием уголка инструмента с очень мелкими зубцами и шаганием. Шагание выполнено с не характерным для афанасьевской керамики разворотом инструмента в верхней части отпечатка (рис.7 – 1). Фрагменты еще одного сосуда из этой же ограды значительно отличаются от остальных. Этот сосуд был крупных размеров, толстостенный (толщина до 10 мм), заглажен зубчатым предметом, на внутренней стороне сохранилась красная краска. Для всех сосудов можно отметить одну особенность – орнамент нанесен инструментами с очень мелкими зубцами даже для афанасьевской посуды, для которой характерны инструменты с мелкими зубцами. Исследование формовочных масс позволило выявить еще одну особенность – при изготовлении круглодонного сосуда использована в качестве искусственной минеральной примеси дресва, что необычно для афанасьевской культуры, но известно в памятниках эпохи бронзы и большемысской культуры (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., 1998; Степанова Н.Ф., 1997).

Подводя итог, необходимо отметить, что за последние 30 лет накоплен значительный материал по афанасьевской культуре и эпохе бронзы Горного Алтая. Он еще далеко не полностью введен в научный оборот. В связи с этим преждевременно говорить о более конкретной хронологической принадлежности публикуемых материалов. С нашей точки зрения наиболее актуальной задачей в настоящее время является ввод в научный оборот материалов, которые получены еще десятки лет назад.

Литература

1. Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. Афанасьевские памятники Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С.24-36.
2. Абдулганеев М.Т., Посредников В.А., Степанова Н.Ф. Афанасьевские могильники на р.Ело // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С.69-90.
3. Абдулганеев М.Т., Славнин В.Д. Материалы эпохи бронзы из раскопок у с.Ело (Центральный Алтай) // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып.2. – С.3-17.
4. Берс Е.М. Из раскопок в Горном Алтае у устья р.Куюм // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974. – С.18-31.
5. Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С.31-41.

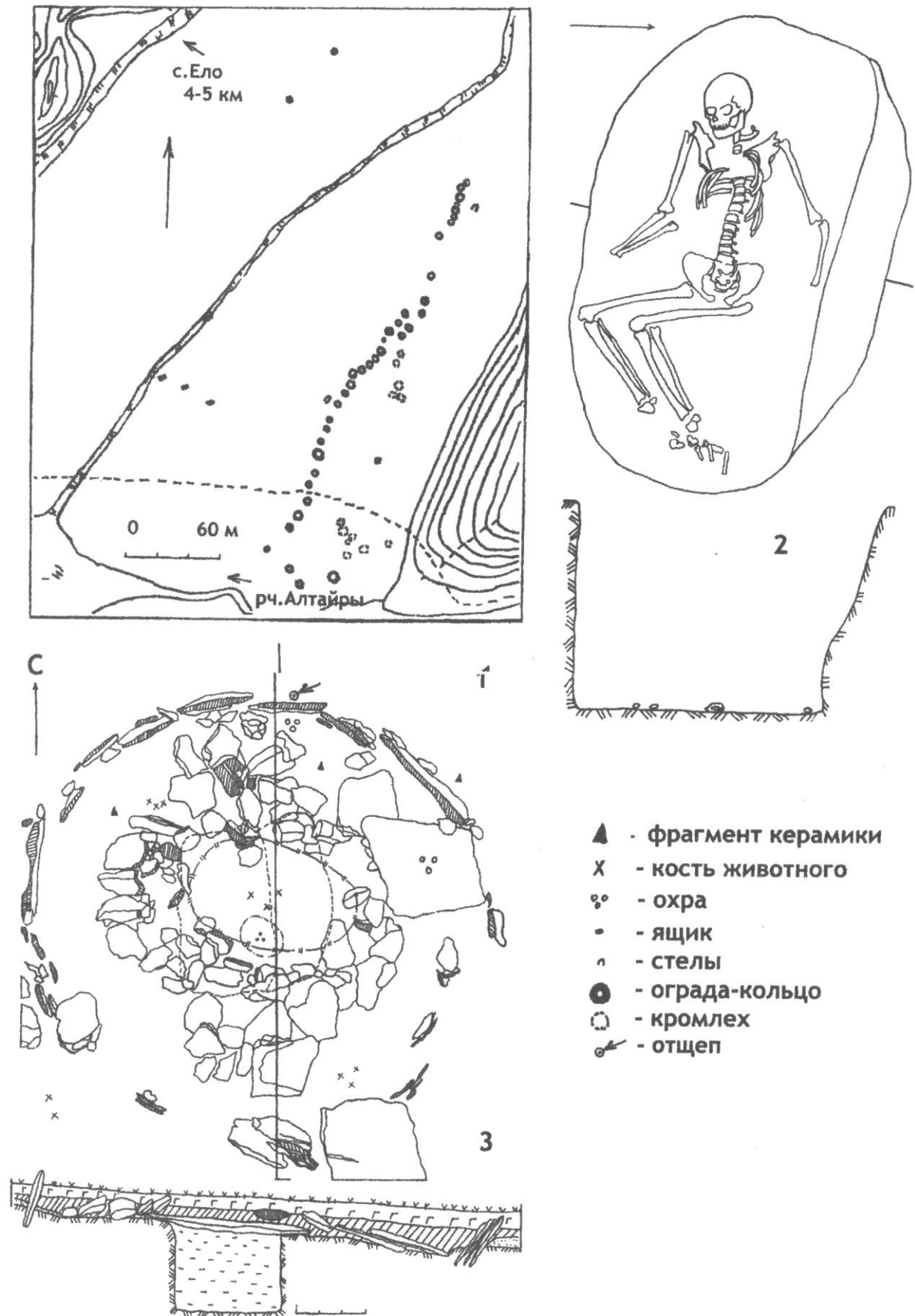
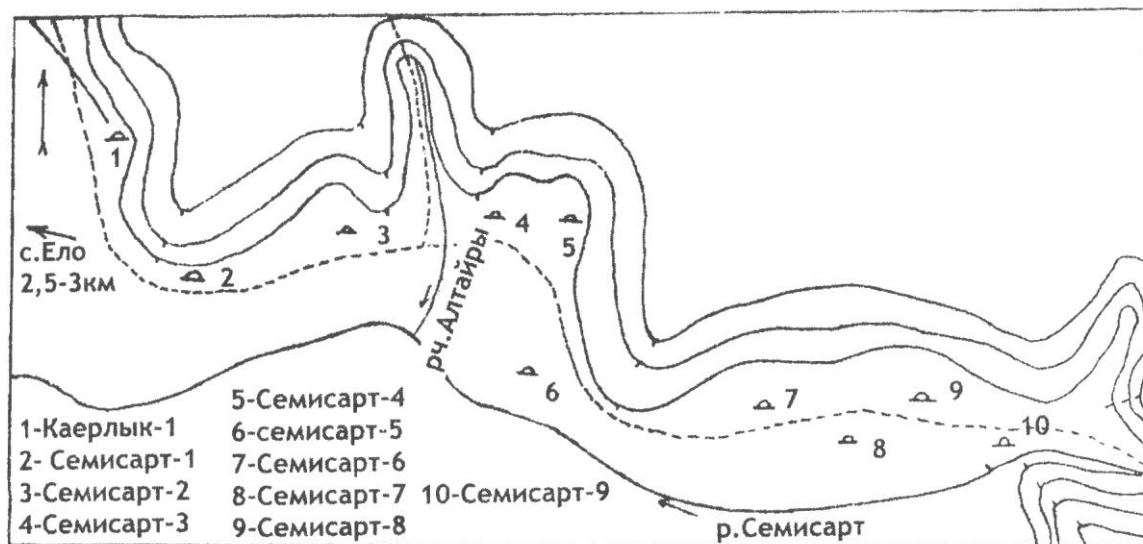
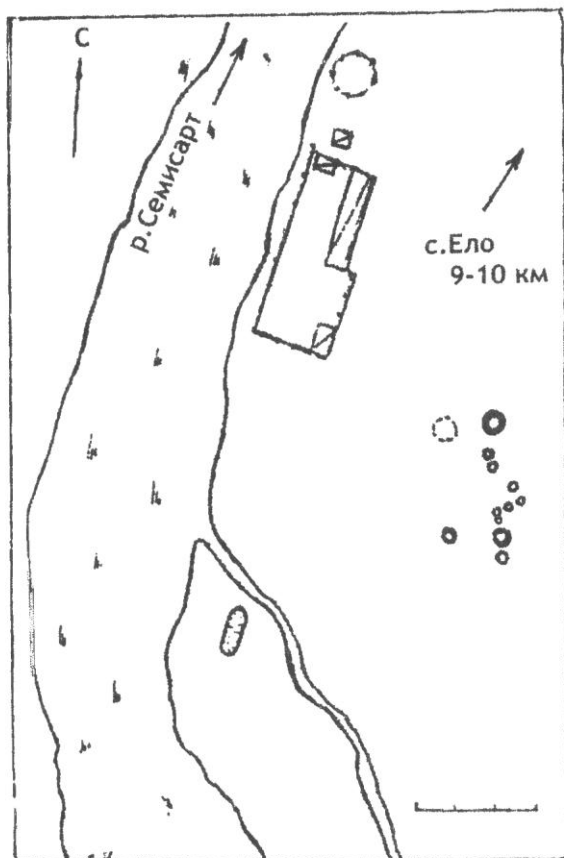

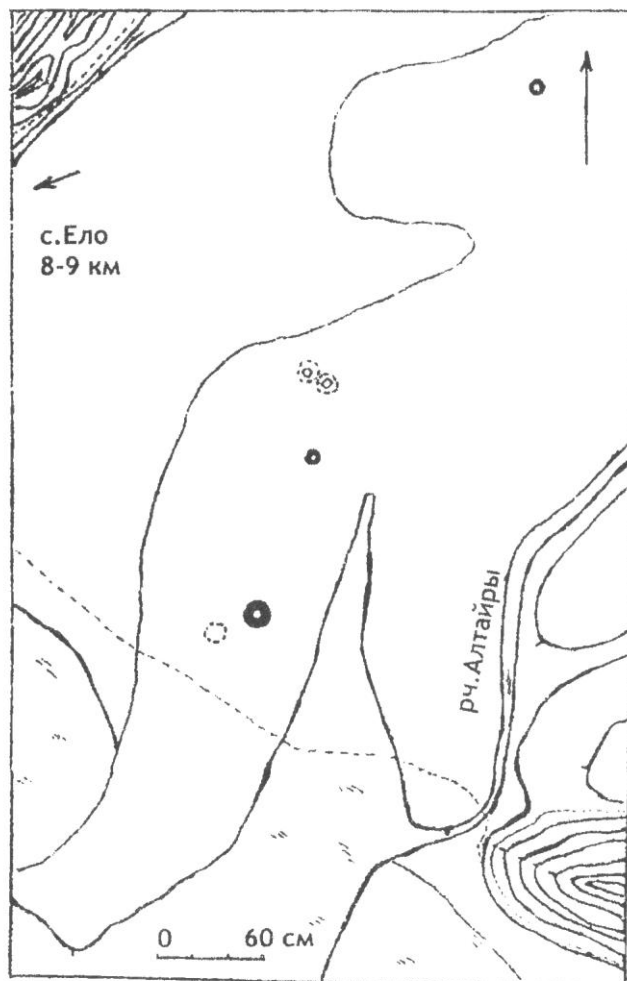
Рис.1

1

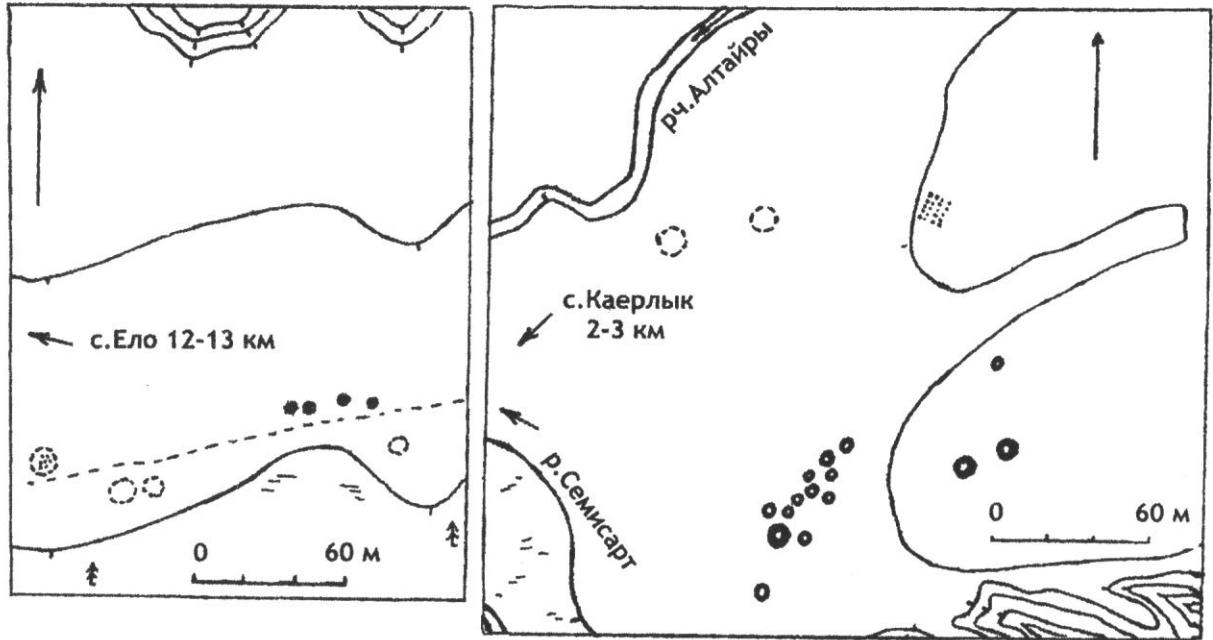
2

3

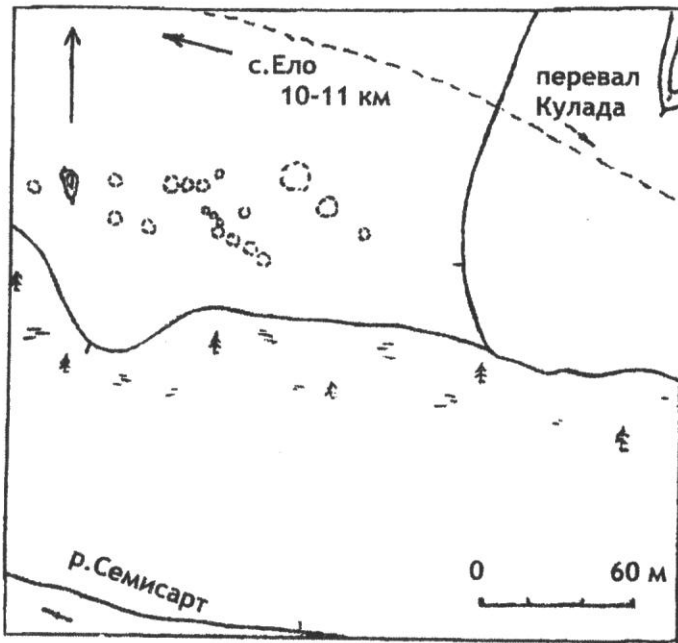
- - оградки-кольца
- - оградки-кромлехи
- ⊙ - ограда со следами ограбления

Рис.2

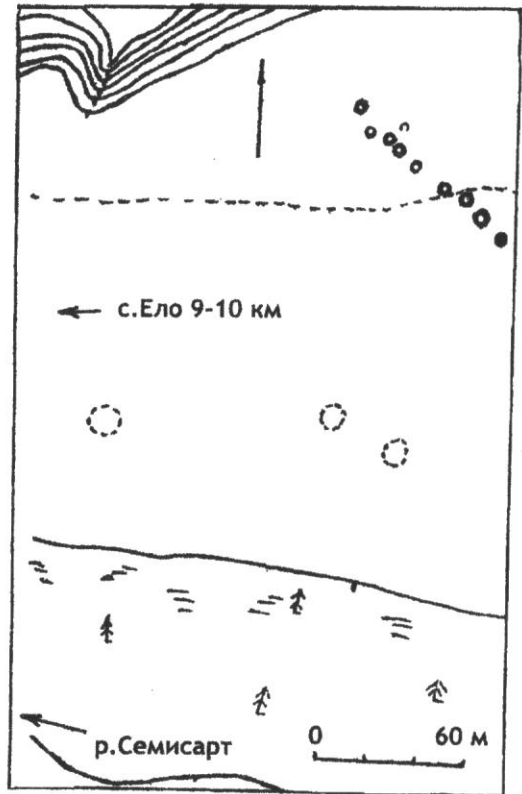

1

2

3

4

- - ограды-кромлехи
- п - стела
- - курган
- ⊙ - ограда-кольцо
- ⊗ - разрушенный кромлех

Рис.3

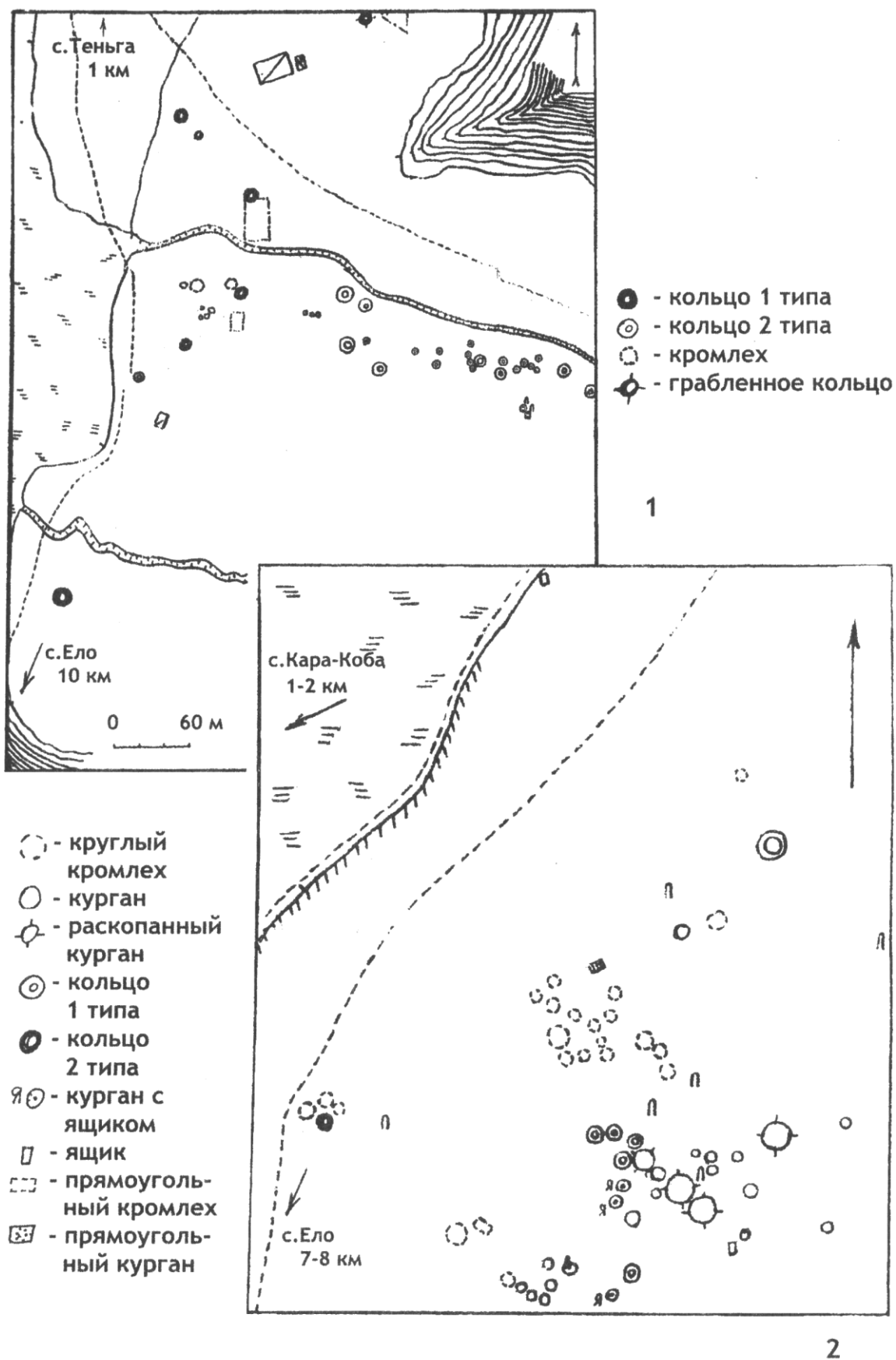
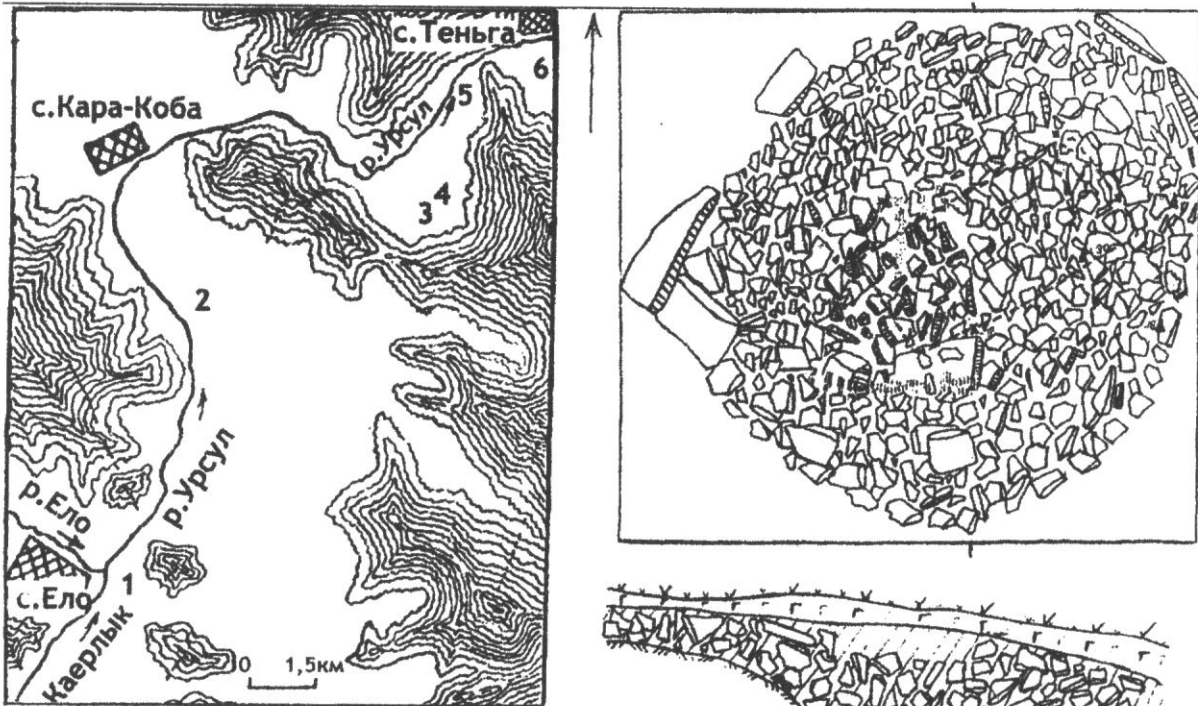
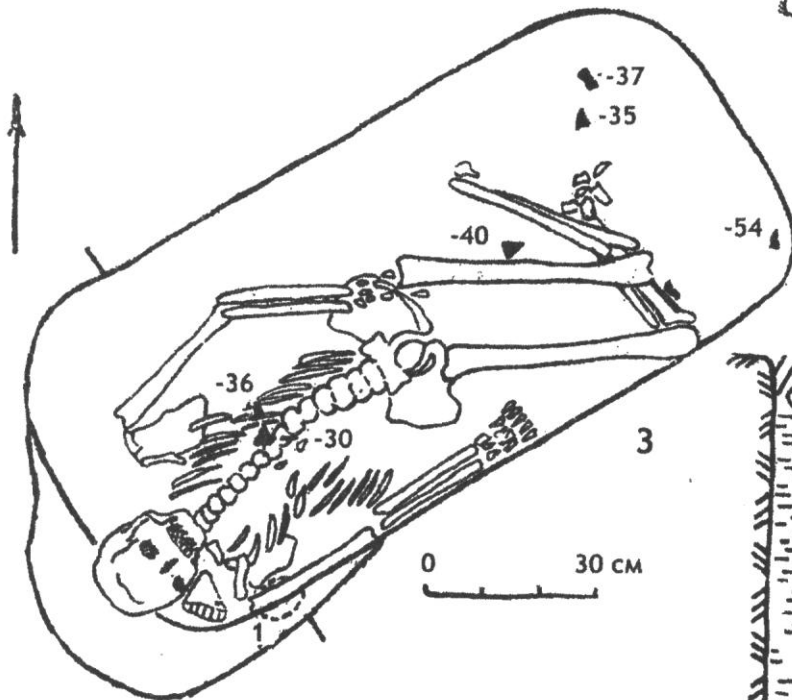
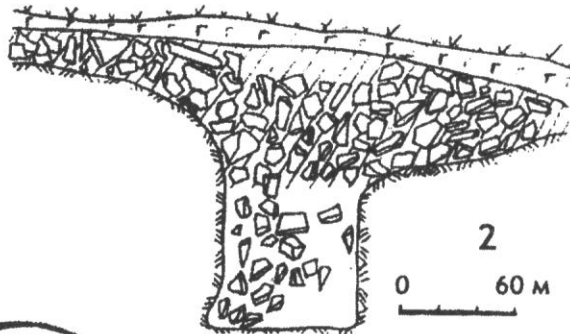

Рис.4

- могильники 1
1 - Нижний Тюмечин-1	4 - Теньга-3
2 - Кара-Коба-1	5 - Теньга-2
3 - Теньга-4	6 - Теньга-1

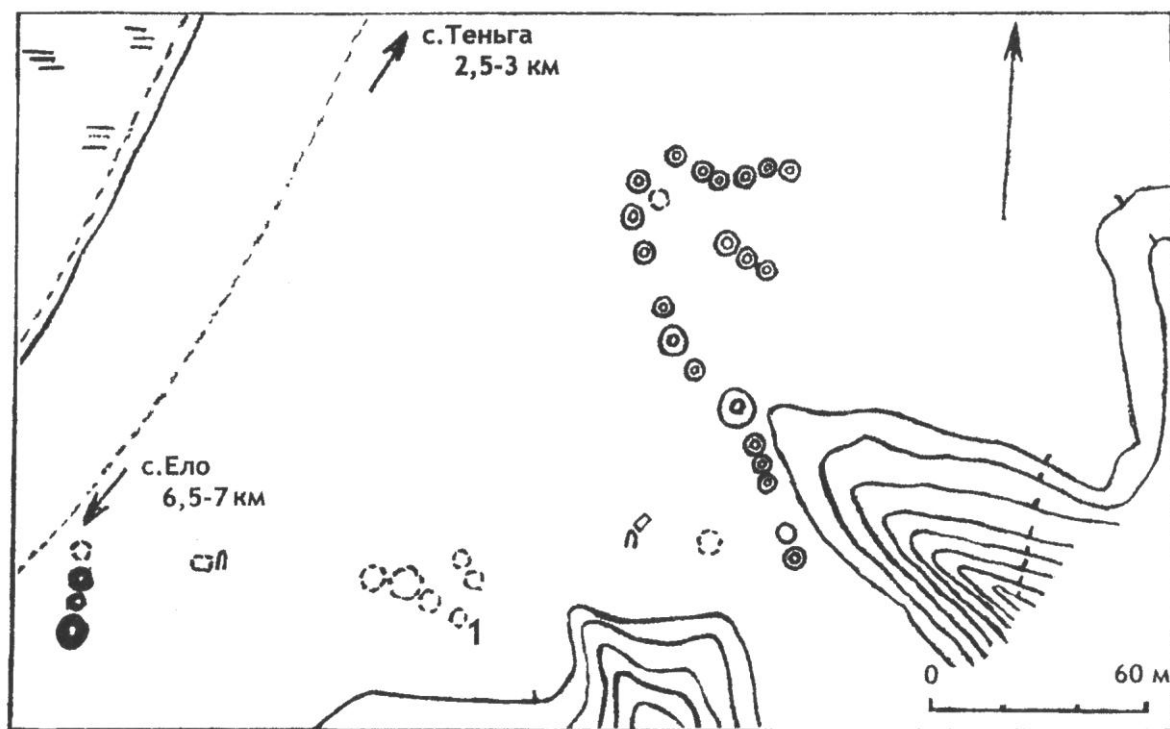

- x - кость
- ▲ - фрагмент керамики
- ≡≡ - дерево
- xxx - гумус
- ▨▨ - серо-коричневый суглинок с забутовкой

- ▲ - кости и керамика в заполнении могилы
- 1 - пятно охры
- ☉ - угли
- ▨ - дерево
- ≡≡ - темно-коричневый суглинок
- ▨▨ - серо-коричневый суглинок

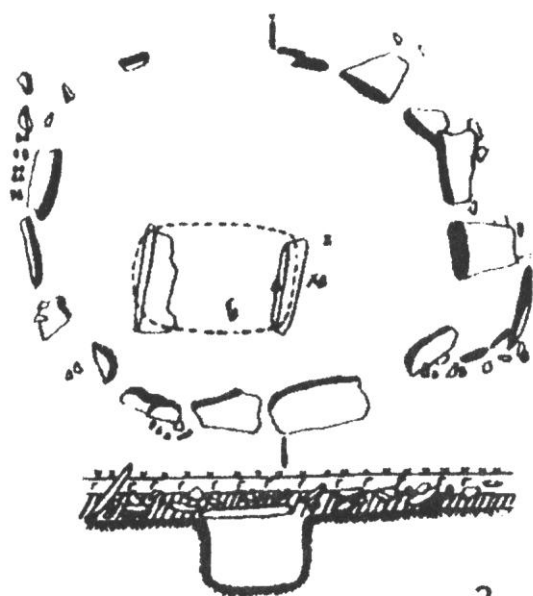

Рис.5

- - круглый кромлех
- ⊙ - кольцо 1 типа
- ⦶ - кольцо 2 типа
- - курган
- - ящик
- ⌒ - стела
- ▭ - прямоугольный кромлех
- 1 - раскопанная ограда

1

2

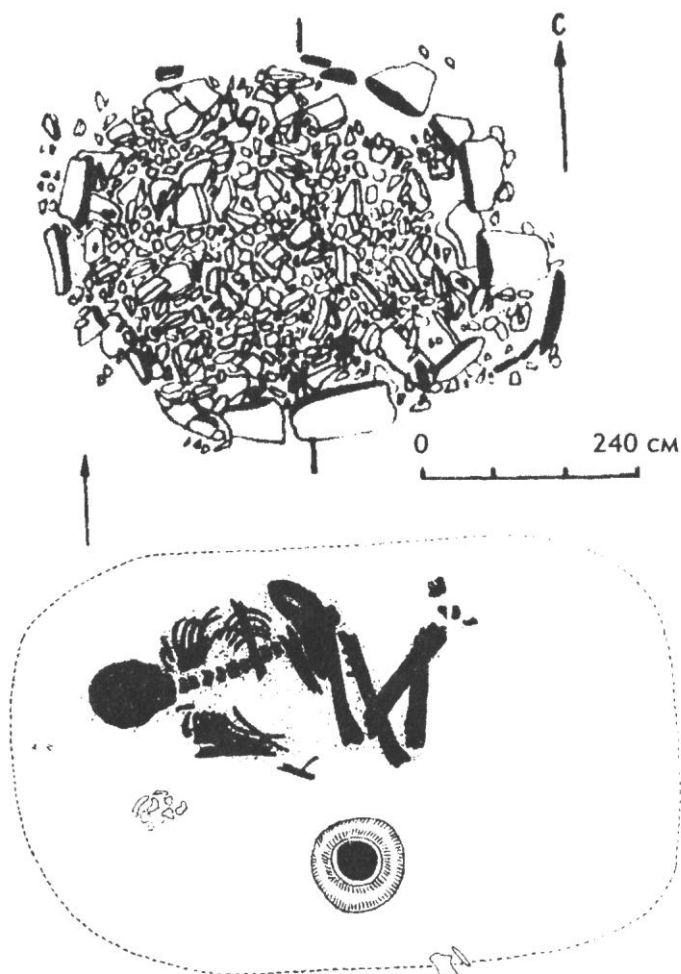

Рис.6

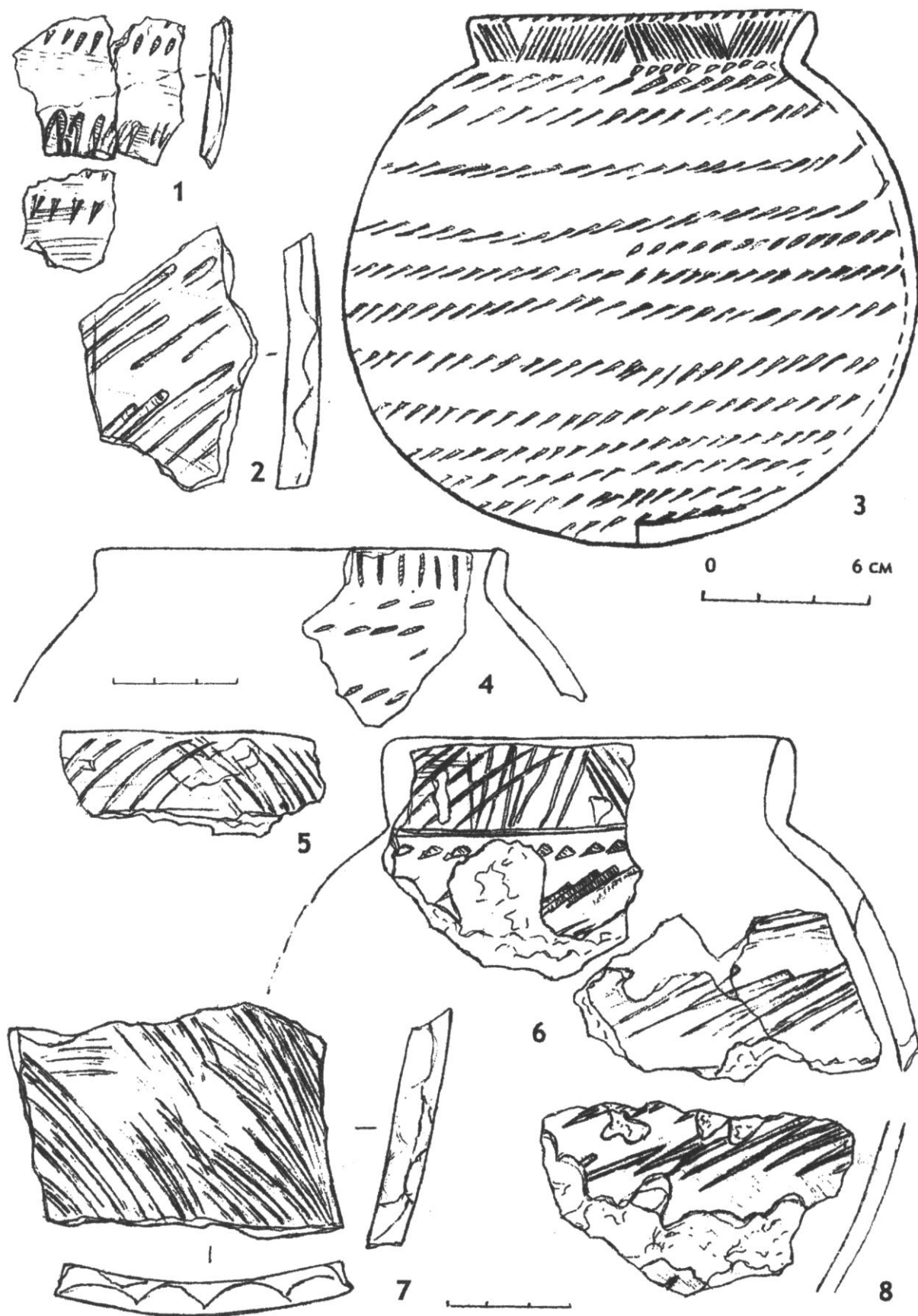

Рис.7

6. Владимиров В.Н., Степанова Н.Ф. Исследование погребального обряда методом автоматической классификации // Археология Горного Алтая. – Барнаул, 1994. – С.3-8.
7. Владимиров В.Н., Цыб С.В. Афанасьевское культовое место у с.Кара-Коба // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С.55-62.
8. Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул, 1984. – С.97–104.
9. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Керамика эпоха ранней бронзы с поселений Средней Катуни // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 1998. – С.245-249.
10. Ларин О.В. Исследования на могильнике Сальдьяр // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.17-18.
11. Ларин О.В. Некоторые итоги исследований на могильнике афанасьевской культуры Сальдьяр // Алтай и тюрко-монгольский мир (тезисы, статьи). – Горно-Алтайск, 1995. – С.120-123.
12. Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник Нижний Тюмечин I // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпох металла. – Барнаул, 1992. – С.4-10, 156-160.
13. Посредников В.А., Цыб С.В. Афанасьевский могильник у села Кара-Коба // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.26-30, 202-205.
14. Степанова Н.Ф. Керамика большемысской культуры поселения Малый Дуган // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – С.113-116.
15. Степанова Н.Ф., Цыб С.В. Погребение эпохи бронзы у с.Кара-Коба // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С.59-63.
16. Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА, 1975. – №1. – С.17-33.
17. Цыб С.В. Афанасьевская культура Алтая. Автореф. дисс. ...к.и.н. – Кемерово, 1984. – 19 с.
18. Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул, 2003. – 203 с.

Список иллюстраций к статье Степановой Н.Ф., Владимирова В.Н., Цыба С.В.

- Рис.1. План могильника Семисарт-2 (1), ограда 1 (2,3).
 Рис.2. Схема расположения памятников в долине р.Семисарт (1) и планы могильников Семисарт-5 (2) и Семисарт-3 (3).
 Рис.3. Планы могильников Семисарт-9 (1), Семисарт-4 (2), Семисарт-7 (3), Семисарт-6 (4).
 Рис.4. План могильников Теньга-1 (1) и Теньга-3 (2).
 Рис.5. Схема расположения памятников у сел Ело, Кара-Коба и Теньга (1), Могильник Теньга-4, огр.1 (2, 3).
 Рис.6. План могильника Теньга-4 (1) и ограды 2 (2).
 Рис.7. Керамика из могильника Теньга-4, огр.1 (1, 4, 7), 2 (2, 3, 5, 6, 8).

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №04-01-00356а

Тур С.С., Солодовников К.Н.
(г.Барнаул)

НОВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КАРАКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ

Эпохи неолита и бронзы Горного Алтая в антропологическом отношении изучены крайне неравномерно. Краниологические материалы афанасьевской культуры, которая датируется ранней бронзой, довольно многочисленны (в общей сложности порядка 80 черепов), что позволило изучить их не только суммарно, но и на локально-групповом уровне. На основе этих материалов было установлено, что население афанасьевской культуры

Горного Алтая в целом характеризуется резко выраженными европеоидными чертами и сочетанием высокой долихокранной мозговой коробки с широким, но невысоким лицом (Дебец Г.Ф., 1948, с.64-69; Алексеев В.П., 1961; Чикишева Т.А., 1994, с.157-166; Солодовников К.Н., Ларин О.В., 2002, с.119-123; Солодовников К.Н., 2003, с.3-27). При этом выделяются два краниоти́па – гиперморфный (с высоким сводом и широким лицом) и умеренно гипоморфный (с низким сводом и нешироким лицом), различия между которыми определяются преимущественно фактором размера (Солодовников К.Н., 2003, с.3-6). Гиперморфный вариант в составе алтайских афанасьевцев количественно преобладает, однако удельный вес его в разных локальных группах существенно варьирует. В то же время краниологическую специфику населения афанасьевской культуры Минусинской котловины определяет умеренно гипоморфный вариант. Оба выделенных долихокранных типа и даже отдельные европеоидные брахикранные черепа, отмеченные в некоторых афанасьевских погребениях Горного Алтая, находят убедительные аналогии в краниологическом полиморфизме древнеявного населения Восточной Европы, что позволяет связывать формирование афанасьевской культуры с миграциями древнейших скотоводов из восточно-европейских степей (Солодовников К.Н., 2003, с.5-6).

О происхождении населения Горного Алтая доафанасьевского и постафанасьевского времени приходится судить только на основании единичных краниологических находок.

Женский череп из пещеры Каминная эпохи неолита и мужской череп из пещеры Нижнетыткескенская-1, датирующийся энеолитом (II пол. IV тыс. до н.э.), имеют сходное строение (Чикишева Т.А., 2000б, с.141-143). В обоих случаях умеренно выраженные монголоидные особенности сочетаются с брахикранной формой мозговой коробки и широким, но невысоким (по монголоидному масштабу) лицом. Подобный комплекс признаков отмечается также на неолитических черепах из могильников Базаиха и Долгое Озеро в Красноярско-Канской лесостепи (Герасимова М.М., 1964, с.134-143; Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984, с.27-32). В то же время в северных предгорьях Алтая (Усть-Иша, Иткуль, Солонцы-5) получает распространение другой монголоидный вариант – долихомезокранный, с широким и высоким лицом, так называемый палеосибирский тип, который связан своим происхождением с серовским населением Прибайкалья (Дремов В.А., 1997, с.29-33; Кунгурова Н.Ю., Чикишева Т.А., 2002, с.128). Население Бийского района в отличие от населения Прибайкалья имело значительную европеоидную примесь, источником которой, по-видимому, служил гиперморфный протосредиземноморский тип (Дремов В.А., 1980, с.41; 1997, с.44-47).

Каракольскую культуру Горного Алтая эпохи развитой бронзы (Молодин В.И., 1991, с.9-13; 2002, с.126) некоторые исследователи склонны рассматривать как особый вариант окуневской культуры (Кубарев В.Д., 1988). Из погребений каракольской культуры около с.Каракол Онгудайского района были получены 5 черепов – 3 мужских и 2 женских, однако лишь 2 из них (1 мужской, 1 женский) имели удовлетворительную сохранность, остальные характеризуются преимущественно на основе визуальной оценки (Чикишева Т.А., 2000б, с.139-148). Как полагает Т.А. Чикишева, различия между каракольскими черепами и черепами из пещер Нижнетыткескенская-1 и Каминная не выходят за рамки индивидуальных вариаций одного и того же морфологического типа. В то же время, констатируется краниологическое сходство каракольцев и окуневцев, что объясняется наличием у них общего брахикранного низколицего монголоидного компонента, который окуневцы унаследовали от местного населения Минусинской котловины предшествующего времени (Чикишева Т.А., 2000б, с.148).

Еще одна краниологическая находка эпохи развитой бронзы – мужской череп из кургана Бертек-56 – относится к какой-то иной археологической культуре, отличной от каракольской (Молодин В.И., 2002, с.137-138). Он характеризуется очень высокой, резко долихокранной мозговой коробкой с широким лбом и крайне широким, высоким, плоским лицом с гипсиконхными орбитами и мезоринным носом. Предполагается, что данный комплекс признаков имеет смешанное происхождение, в пользу чего можно истолковать и некоторые особенности зубной системы. По мнению Т.А. Чикишевой, морфологическая специфика бертекского черепа скорее всего определяется смешением варианта окуневского типа, с которым связаны его монголоидные особенности, и массивного долихокранного европеоидного варианта с очень высоким и широким лицом – протосредиземноморского типа (Чи-

кишева Т.А., 2000б, с146-147). С последним из них сближаются также черепа из могильника Аймырлыг-ХIII, ХХVII культуры окуневского типа в Туве (Гохман И.И., 1980, с.24-28).

Новые краниологические материалы эпохи бронзы Горного Алтая, представленные в данной статье, относятся к каракольской культуре. Это три мужских черепа, происходящие из разных могильников – Каракольского (с. Каракол) (раскопки А.С. Суразакова и О.В. Ларина) и Школьного (с. Озерное) в Онгудайском районе (Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с.49-51; Кубарев В.Д., 1998, с.277-289) и Бешозекского (с. Беш-Озек) в Шабалинском районе (Кубарев В.Д., Ларин О.В., Суразаков А.С., 1992, с.45-47; Суразаков А.С., Ларин О.В., 1994, с.31-38). Индивидуальные измерения этих черепов приводятся в таблице 1.

С учетом данных, опубликованных ранее (Чикишева Т.А., 2000б, с.140-141), суммарная мужская краниологическая серия из погребений каракольской культуры в среднем характеризуется следующими особенностями (табл.2). Мозговая коробка очень длинная, широкая, невысокая, по указателям хаме-, тапейно- и долихомезокранная. Европеоидное значение лобно-сагиттального индекса (34,0) сочетается с монголоидным значением затылочно-теменного индекса (103,3). Лоб среднеширокий, наклонный, угол его поперечного изгиба имеет величину (137,5), характерную для групп смешанного европеоидно-монголоидного происхождения. Лицо высокое и очень широкое, мезопрозопное, хорошо профилированное на уровне орбит и среднеуплощенное на уровне скуловых дуг, с резко ортогнатным вертикальным профилем, мезоринным носом и гиперхамеконхными орбитами. Величина указателя изгиба скуловой кости (20,2) занимает промежуточное положение между европеоидными и монголоидными значениями признака. Высота переносья в абсолютном измерении большая, относительно его ширины – средняя. Угол выступания носа также средний. Таким образом, по большинству признаков, дифференцирующих европеоидов и монголоидов, каракольские черепа занимают промежуточное положение. Количественное соотношение европеоидных и монголоидных элементов в краниотипе каракольской группы отражает индекс общей уплощенности лицевого скелета (УЛС), равный 36,9, что ненамного превышает значения, характерные для «чистых» европеоидов. Рассчитанная на основе этого показателя условная доля монголоидного элемента (УДМЭ) составляет 28,2%. Преаурикулярно-фациоцеребральные соотношения (ПФЦ=95,5) в данном случае обнаруживают существенный сдвиг в сторону монголоидных значений (УДМЭ=79,0%), однако известно, что в европеоидных и смешанных группах эпохи неолита и бронзы, имеющих крупные размеры лица, ПФЦ обычно бывает выше теоретического и не может служить в качестве меры монголоидности (Дремов В.А., 1997, с.22-24)

Вопрос о происхождении краниологического комплекса признаков, присущего населению каракольской культуры, является очень сложным. Новые данные ставят под сомнение возможность отнесения мужских каракольских черепов и энеолитического черепа из пещеры Нижнетыткескенская-1 к одному и тому же морфологическому типу. Для того чтобы реально оценить масштаб различий между ними, необходимо обратиться к более многочисленным черепам неолита Красноярско-Канского района и монголоидного компонента окуневской культуры, имеющим, по мнению разных исследователей, близкое морфологическое сходство с нижнетыткескенским черепом (Чикишева Т.А., 2000б, с.143; Громов В.А., 1997, с.316). Измерительные характеристики «исходных» компонентов – местного монголоидного и пришлого европеоидного, смешение которых определяло краниологическую структуру окуневского населения (Громов В.А., 1997), были получены нами на основе анализа внутригрупповой изменчивости значений УЛС (табл.2). Приведенные данные еще раз подтверждают, что нижнетыткескенский череп отличается от неолитических черепов Красноярско-Канского района и монголоидных черепов окуневской культуры только меньшими размерами.

Для многомерного количественного анализа помимо вышеназванных краниологических серий были привлечены следующие сравнительные материалы: могильника Солонцы-5 (Кунгурова Н.Ю., Чикишева Т.А., 2002); неолита Бийского (Усть-Иша, Иткуль) и Барнаульско-Новосибирского районов, серовской и глазковской культуры Прибайкалья, могильника Сопка-2 кротовской культуры, могильников Еловка-2 и Черноозерье-1 черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности, афанасьевской культуры Горного Алтая (Дремов В.А., 1997); елунинской культуры (Солодовников К.Н., Тур С.С., 2003); могильника Аймырлыг-ХIII, ХХVII (Гохман И.И., 1980); сборной серии окуневской культуры

(Громов В.А., 1997). Мерой сходства и различия сопоставляемых групп служили обобщенные таксономические расстояния Пенроза, вычисленные по 21 признаку (1, 8, 17, 5, 9, 40, 45, 48, 51, 52, 55, 54, SS, SC, DS, DC, 32, 72, 75(1), 77, $\angle Zm'$), с учетом поправки А.Г. Козинцева (1974). Матрица таксономических расстояний подвергалась многомерному шкалированию и кластеризации.

В совокупности из 13 краниологических серий монголоидного или промежуточного монголоидно-европеоидного (европеоидно-монголоидного) облика выделяются три основных кластера, каждый из которых имеет определенную географическую привязку (рис.1-2). Один из них, наиболее обособленный, объединяет енисейские черепа эпохи неолита и бронзы. В состав второго кластера входят разновременные серии с территории Верхнего Приобья, в частности, неолита Барнаульско-Новосибирского района, кротовской культуры и черноозерско-томского варианта андроновской культурной общности. Все они имеют общую протоевропеоидную основу и существенную примесь низколицего монголоидного типа, происходящего из южно-таежной зоны Западной Сибири (Дремов В.А., 1997, с.98-115, 119-121). Каракольские черепа вместе с неолитическими черепами северных предгорий Алтая включаются в третий кластер, ядро которого составляют серовские и глазковские монголоиды Прибайкалья. Таким образом, в краниотипе мужского населения каракольской культуры выявляется палеосибирская монголоидная примесь. Дополнительный вариант анализа, дающий картину таксономических взаимоотношений населения предгорных и горных районов Алтая с енисейскими и прибайкальскими монголоидами более крупным планом, приводится на рис.3-4. Попутно отметим, что если бы в составе каракольской краниологической серии был череп из погребения Бертек-56, то расстояния, отделяющие от нее прибайкальские серии, только бы сократились.

Для того, чтобы уточнить морфологическую специфику европеоидного компонента в составе каракольцев, в анализ были включены краниологические группы, представляющие разные европеоидные варианты (рис.5). Как показывают результаты многомерного шкалирования, моделирующее влияние европеоидной примеси на каракольских черепах в целом проявляется сильнее, чем на черепах неолита Бийского района. Каракольская группа сближается с краниологической серией из могильника Аймырлыг-ХIII, XXVII и серией елунинской культуры, имеющих предположительно южное происхождение (Гохман И.И., 1980, с.24-28; Солодовников К.Н., Тур С.С., 2003, с.156). Черепа афанасьевской культуры Горного Алтая, а также европеоидные черепа окуневской культуры располагаются от них на значительном расстоянии. Из этого можно заключить, что сходство между каракольцами и неолитическим населением Бийского района, оставившем могильники Усть-Иша и Иткуль, определяется не только монголоидным компонентом, но и европеоидным. Однако все это относится только к мужским группам. Что касается женских черепов каракольской культуры, то они обнаруживают иное направление морфогенетических связей – с черепами из горноалтайских пещер, а также енисейских монголоидов эпохи неолита и бронзы (табл.3). Таким образом, выявляются различия в мужской и женской части каракольского населения.

Несмотря на то, что мужские черепа каракольской культуры и череп из пещеры Нижнетыткескенская-1 относятся к разным морфологическим типам, генетическая преемственность между населением Горного Алтая эпохи неолита-энеолита и развитой бронзы, по-видимому, существовала и по мужской линии. Косвенное подтверждение это находит в краниологической структуре населения Горного Алтая скифского времени. В составе мужской части носителей пазырыкской культуры выделяются три основных компонента – брахикранный, с умеренно выраженными монголоидными особенностями и низким, по монголоидному масштабу, лицом, долихомезокранный монголоидный с высоким лицом (палеосибирский) и долихокранный европеоидный с высоким и широким лицом (протосредиземноморский) (Чижишева Т.А., 2000а, с.107-121; Тур С.С., 2003, с.143-145). Количественное соотношение этих компонентов, а также степень их метисации в разных локальных группах пазырыкского населения существенно варьирует. Брахикранный монголоидный компонент с низким лицом преобладает в северной периферийной части ареала пазырыкской культуры. В наиболее «чистом» виде этот комплекс признаков представлен на черепах из могильников Тыткескен-1, VI и Верхняя Еланда-II (Тур С.С., 2003, с.166-167), а также в небольшой сборной краниологической серии из погребений кара-кобинского типа (Чижишева Т.А., Поздняков Д.В., 2000, с.124-125). Сходство в краниотипе этих пазырыкских групп и

монголоидов неолита Красноярско-Канского района и окуневской культуры подтверждают результаты многомерного количественного анализа (рис.6).

Если не ставить под сомнение генетическую преемственность между населением каракольской культуры и неолитическим населением Горного Алтая, а пока для этого оснований нет, то выявленное несоответствие в морфологических особенностях мужских черепов из каракольских погребений и черепа из пещеры Нижнетыткескенская-1 может иметь только одно объяснение. Морфогенетическая основа для формирования мужского населения каракольской культуры состояла из двух компонентов, один из которых представлен на черепах из горноалтайских пещер, другой – на черепах из неолитических погребений северных предгорий. Нельзя исключить, что механическое смешение этих компонентов на территории Горного Алтая началось еще в эпоху неолита-энеолита.

Вопрос о времени и механизме включения палеосибирского монголоидного компонента в структуру популяций пазырыкской культуры носит дискуссионный характер. По мнению Т.А. Чикишевой это происходило в результате политических взаимоотношений их с монголоидными народами Восточной Сибири и Монголии (Чикишева Т.А., 2000а, с.113). В соответствии с другой точкой зрения, примесь палеосибирского монголоидного компонента в составе пазырыкского населения имела местное происхождение (Баркова Л.Л., Гохман И.И., 2001, с.86-89). Результаты изучения краниологических материалов каракольской культуры свидетельствуют в пользу того, что оба монголоидных компонента в составе пазырыкского населения – и брахикранный с невысоким лицом и мезодолихокранный с высоким лицом – происходят из одного источника.

Литература

1. Алексеев В.П.. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник. – М., 1961. – Вып. III. – С.107-206.
2. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология Азиатской части СССР. – М., 1984. – 208 с.
3. Баркова Л.Л., Гохман И.И. Еще раз о мумиях человека из пазырыкских курганов // Государственный Эрмитаж. Археологический сборник. – СПб., 2001. – Вып.35. – С.78-90.
4. Герасимова М.М. Неолитические погребения у Долгого озера (Канск) // Вопросы антропологии. – М., 1964. – Вып.18. – С.134-143.
5. Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Л., 1980 (Сб. МАЭ, т. 36). – С.5-34.
6. Громов А.В. Происхождение и связи населения окуневской культуры // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. – СПб., 1997. – С.301-345.
7. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.-Л., 1948. – 392 с.
8. Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С.19-46.
9. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск, 1997. – 260 с.
10. Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. – М., 1974. – С.229-242.
11. Кубарев В.Д. Древние росписи Каракола. – Новосибирск, 1988. – 171 с.
12. Кубарев В.Д. Древние росписи Озерного. Каракольская культура // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы симпозиума. – Новосибирск, 1998. – Том 1. – С.277-289.
13. Кубарев В.Д., Ларин О.В., Суразаков А.С. Новый памятник каракольской культуры в с. Беш-Озек // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. – Горно-Алтайск, 1992. – С.45-47.
14. Кубарев В.Д., Соёнов В.И., Эбель А.В. О новых памятниках каракольской культуры в с. Озерном // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Материалы конференции. – Горно-Алтайск, 1992. – С.49-51.
15. Кунгурова Н.Ю., Чикишева Т.А. Результаты исследования неолитического могильника Солонцы-5 на р. Бия // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2002 г. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII – С.121-129.

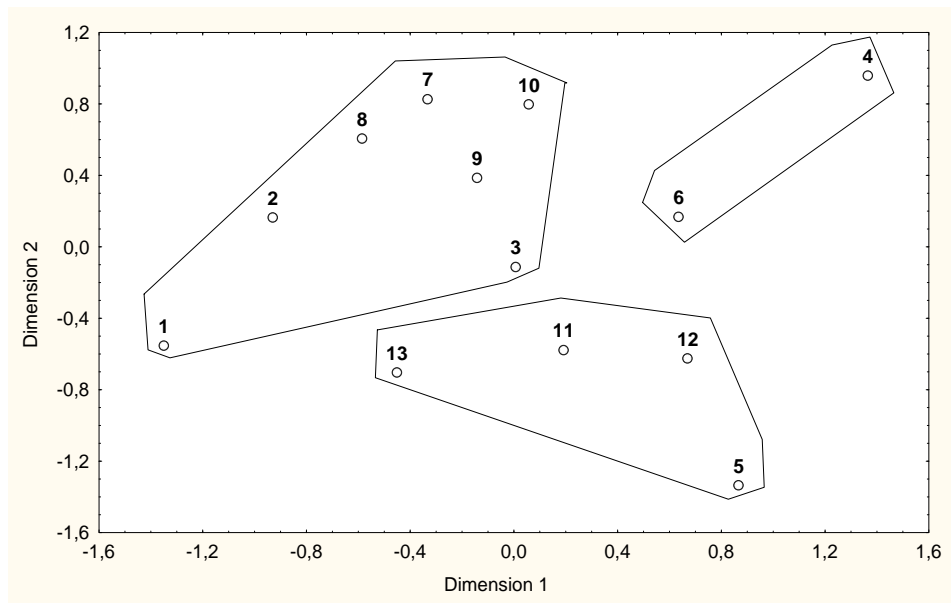

Рис. 1. Мужские черепа.
Результаты многомерного шкалирования расстояний Пенроза «по форме»

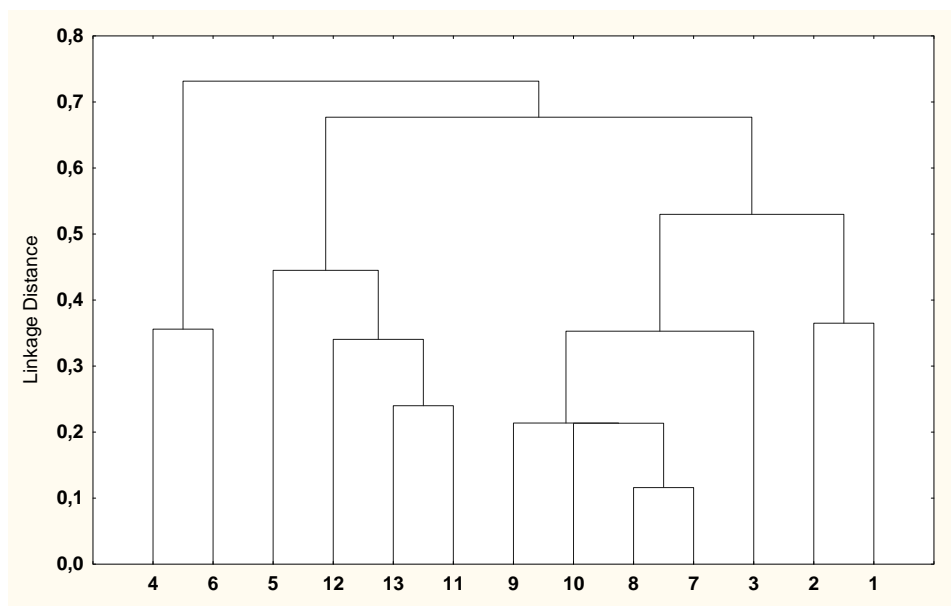

Рис. 2. Мужские черепа.
Результаты кластеризации расстояний Пенроза «по форме»

Примечания к рис. 1-2: 1 – каракольская культура, 2 – Солонцы-5, 3 – Усть-Иша, Ит-куль, 4 – Неолит Красноярско-Канского района, 5 – Неолит Барнаульско-Новосибирского района, 6 – окуневская культура, 7 – Ангара, серовская культура, 8 – Ангара, глазковская культура, 9 – Лена, серовская культура 10 – Лена, глазковская культура, 11 – Сопка-2, кротовская культура, 12 – Черноозерье-1, 13 – Еловка-2.

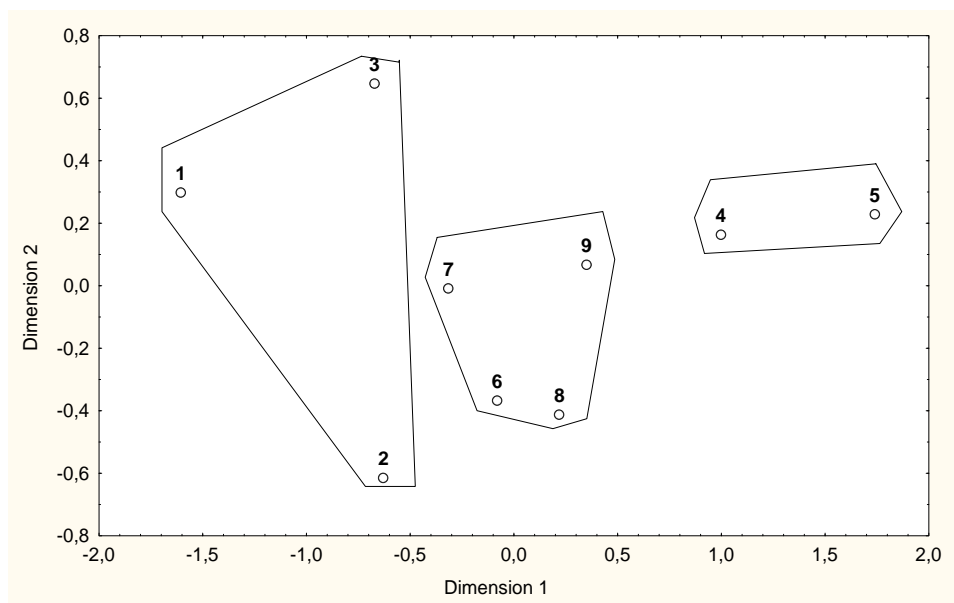

Рис. 3. Мужские черепа.
Результаты многомерного шкалирования расстояний Пенроза «по форме»

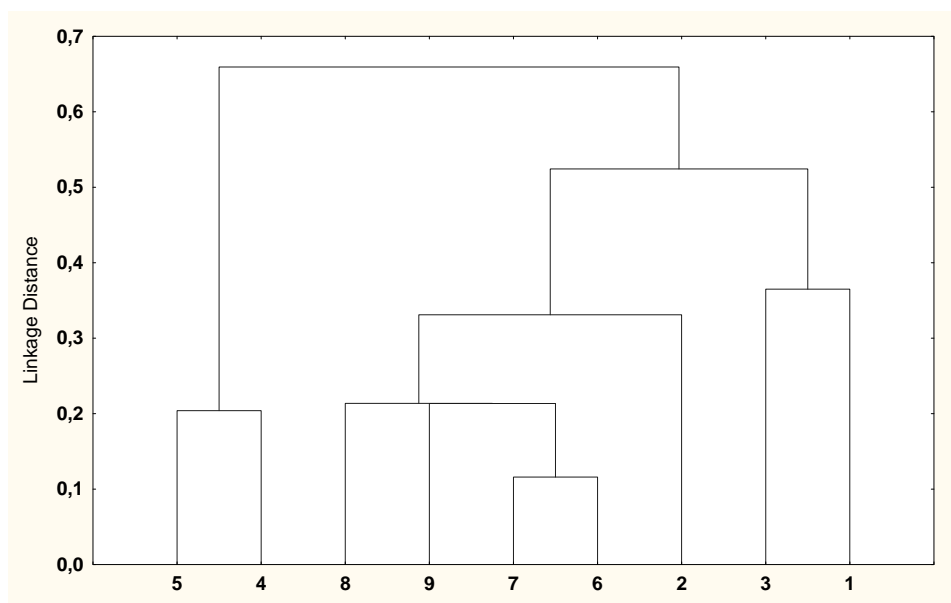

Рис. 4. Мужские черепа.
Результаты кластеризации расстояний Пенроза «по форме»

Примечания к рис. 3-4: 1 – каракольская культура, 2 – Усть-Иша, Иткуль, 3 – Солонцы-5, 4 – окуневская культура, монголоидная группа, 5 – неолит Красноярско-Канского района, 6 – Ангара, серовская культура, 7 – Ангара, глазковская культура, 8 – Лена, серовская культура, 9 – Лена, глазковская культура.

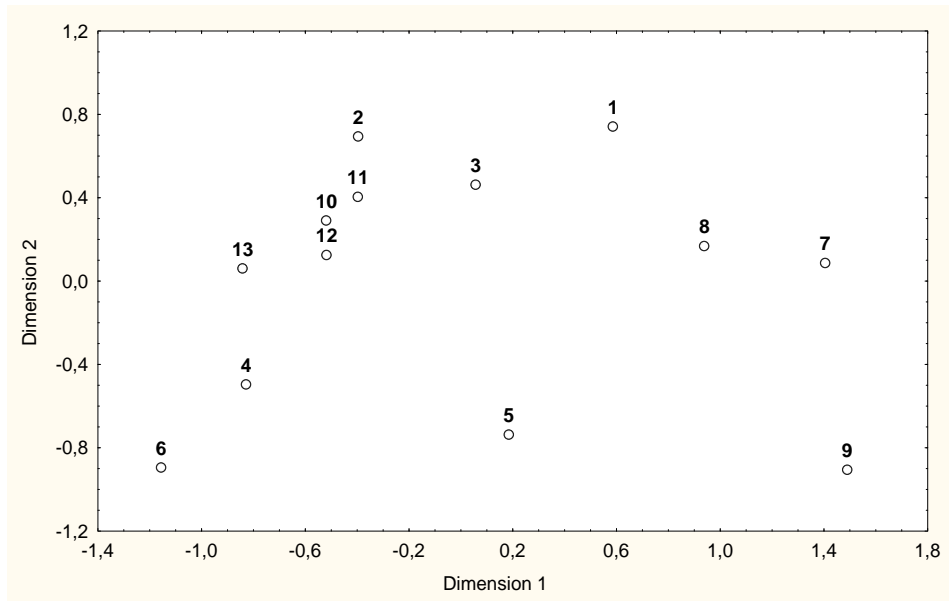

Рис. 5. Мужские черепа.

Результаты многомерного шкалирования расстояний Пенроза «по форме»

Примечания: 1 – каракольская культура, 2 – Усть-Иша, Иткуль, 3 – Солонцы-5, 4 – окуневская культура, монголоидная группа, 5 – окуневская культура, европеоидная группа, 6 – неолит Красноярско-Канского района, 7 – Аймырлыг-ХIII, XXVII, 8 – елунинская культура, 9 – афанасьевская культура Горного Алтая, 10 – Ангара, серовская культура, 11 – Ангара, глазковская культура, 12 – Лена, серовская культура, 13 – Лена, глазковская культура.

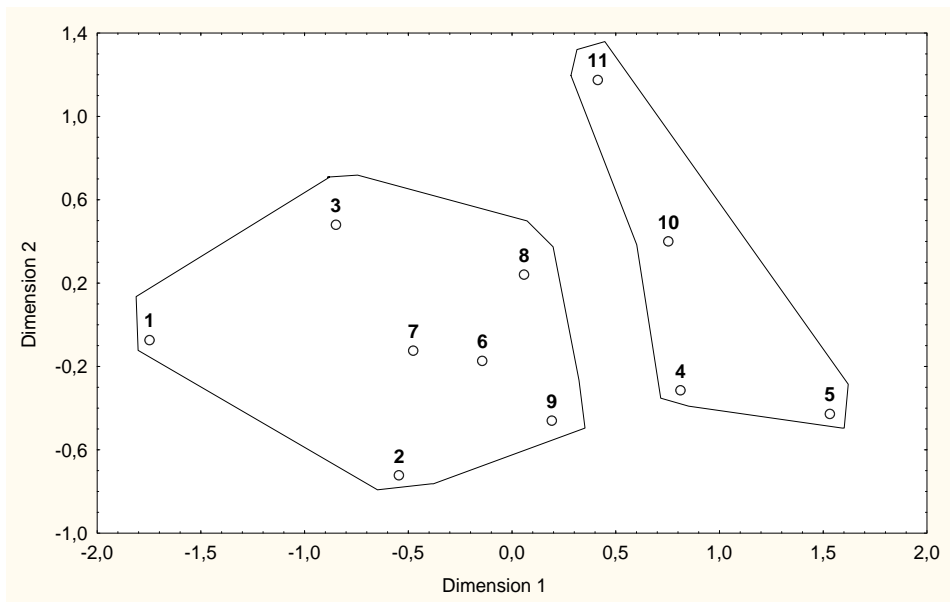

Рис. 6. Мужские черепа.

Результаты многомерного шкалирования расстояний Пенроза «по форме»

Примечания: 1 – каракольская культура, 2 – Усть-Иша, Иткуль, 3 – Солонцы-5, 4 – окуневская культура, монголоидная группа, 5 – неолит Красноярско-Канского района, 6 – Ангара, серовская культура, 7 – Ангара, глазковская культура, 8 – Лена, серовская культура, 9 – Лена, глазковская культура, 10 – Тыткескень (группа.1), Верхняя Еланда-2, пазырыкская культура, 11 – погребения кара-кобинского типа, пазырыкская культура.

Таблица 1

**Индивидуальные измерения черепов
каракольской культуры Горного Алтая**

Могильник, погребение	Школьный, погр. 1	Караколь- ский	Беш-Озек, погр. 1
Год раскопок	1990	1992	1989
Пол	♂	♂	♂
Возраст	adultus	maturus	maturus
1. Продольный диаметр	201	189??	196
8. Поперечный диаметр	148	150	—
17. Высотный диаметр от <i>ba.</i>	129!	140	—
20. Высотный диаметр от <i>po.</i>	118,5	120	—
5. Длина основания черепа	109	107	—
9. Наименьшая ширина лба	93,3	96,7	97,0
10. Наибольшая ширина лба	117	118	—
11. Ширина основания черепа	143!	138	—
12. Ширина затылка	119	119	—
29. Лобная хорда	113	118	119
30. Теменная хода	110	119	117
31. Затылочная хорда	110?	—	—
Sub. Nф. Высота продольного изгиба лба	21,8	24,8	26,5
Высота поперечного изгиба лба	16,8	17,8	18,5
Угол поперечного изгиба лба	140,4	139,6	138,2
23а. Горизонтальная окружность через <i>oph.</i>	593!	577!	—
24. Поперечная дуга <i>po.-br.-po.</i>	385!	334	—
25. Сагиттальная дуга	379	—	—
26. Лобная дуга	129	134	141
27. Теменная дуга	122	135	127
28. Затылочная дуга	126	—	—
40. Длина основания лица	107	100	—
45. Скуловой диаметр	149	150	—
48. Верхняя высота лица	79	77	70
47. Полная высота лица	—	128	116
43. Верхняя ширина лица	112	117	115?
46. Средняя ширина лица	—	106	—
60. Длина альвеолярной дуги	—	57,5	—
61. Ширина альвеолярной дуги	—	70,7	—
62. Длина неба	—	—	—
63. Ширина неба	—	—	—
55. Высота носа	54,8	54,5	49,8
54. Ширина носа	25,0	26,6	—
51. Ширина орбиты от <i>mf.</i>	45,8	46,9	44,4 пр.
51а. Ширина орбиты от <i>d.</i>	43,9	43,3	42,9 пр.
52. Высота орбиты	36,0	35,3	31,7 пр.
Бималлярная ширина	103,5?	107,5	108,0?
Высота назиона над бималлярной шириной	20,2	21,2	21,0

Зигомаксиллярная ширина	—	107,0	—
Высота субспинале над зигомаксиллярной шириной	—	23,0	—
77. Назомаллярный угол	137,4?	137,0	137,6?
$\angle Zm'$. Зигомаксиллярный угол	132,0*	133,5	—
SC. Симотическая ширина	7,0	10,1	—
SS. Симотическая высота	2,3	5,1	—
MC. Максиллофронтальная ширина	21,2	24,3	—
MS. Максиллофронтальная высота	7,7	6,3	—
DC. Дакриальная ширина	21,6	26,0	—
DS. Дакриальная высота	12,2	11,8	—
FC. Глубина клыковой ямки	7,9	9,0	3,7 пр.
Высота изгиба скуловой кости	12,0	15,0	—
Ширина скуловой кости	67,8	70,0	—
32. Угол профиля лба от <i>n</i> .	73	77	—
GM/FH. Угол профиля лба от <i>gl</i> .	65	69	—
33(1). Угол верхней части затылка к горизонтали	72	—	—
33(2). Угол нижней части затылка к горизонтали	43?	—	—
33(4). Угол перегиба затылка	115?	—	—
72. Общий лицевой угол	89	88	—
73. Средний лицевой угол	94	95	—
74. Угол альвеолярной части	78	71	—
75. Угол наклона носовых костей	62	66	—
75(1). Угол выступания носа	27	22	—
68(1). Длина нижней челюсти от мышцелков	—	113	—
79. Угол ветви нижней челюсти	—	117	—
68. Длина нижней челюсти от углов	—	84	—
70. Высота ветви	—	68	—
71а. Наименьшая ширина ветви	—	37,0	—
65. Мыщелковая ширина	—	129	—
66. Угловая ширина	—	128?!	—
67. Передняя ширина	—	48,0	44,8
69. Высота симфиза	—	38,2	34,0
69(1). Высота тела	—	35,4	30,5
69(3). Толщина тела	—	14,2	14,0
C'. Угол выступания подбородка	—	74	71
Форма черепа сверху	<i>ellipsoid.</i>	<i>sphenoid.</i>	<i>ovoid.</i>
Надпереносье (1-6)	4	5	6
Надбровные дуги (1-3)	2	3	3
Наружный затылочный бугор (0-5)	3	—	3
Сосцевидный отросток (1-3)	3	3	3
Нижний край грушевидного отверстия	<i>foss.praen.</i>	<i>anthrop.</i>	<i>anthrop.</i>
Переденосовая ость (1-5)	4	3	—

Примечание: * – измерено по одной стороне.

Таблица 2

**Мужские черепа эпохи бронзы Горного Алтая
и некоторые сравнительные материалы**

♂	Каракольская культура	Бертек-56	Пещера Нижнетыткескенская-I	Неолит Красноярско-Канского района	Окуневская культура (монголоидная группа)
	1	2	3	4	5
1	195,3(3)	202,0	176,0	186,4(5)	187,5(13)
8	145,8(4)	147,0	145,0	151,0(5)	152,9(15)
8:1	76,5(2)	72,7	82,4	81,0 (5)	81,9(13)
17	134,5(2)	143,0	–	131,8(4)	131,6(11)
5	108,0(2)	109,0	–	100,8(4)	103,0(11)
9	96,4(5)	102,8	91,0	100,6(5)	96,2(15)
9:8	66,1(4)	69,9	62,8	66,5(5)	62,9
32	76,0(3)	85,0	85,0	81,8(4)	81,4(15)
40	103,5(2)	106,0	–	100,5(4)	102,8(10)
40:5	95,9(2)	97,2	–	99,8(4)	99,3(10)
45	146,0(3)	148,0	143,0	144,2(5)	141,7(15)
48	74,0(4)	84,0	68,0	71,6(5)	71,5(14)
48:17	58,1(2)	58,7	–	55,6(4)	54,3
48:45	51,6(3)	56,8	47,6	49,6(5)	50,5(14)
72	88,7(3)	86,0	85,0	84,3(4)	85,7(15)
77	136,4(5)	144,3	149,1	146,4(4)	147,2(15)
∠Zm'	134,2(3)	134,9	134,8	134,3(5)	134,7(15)
51	45,3(4)	41,2	41,0	45,4(4)	44,7(15)
52	33,2(4)	36,3	31,0	34,9(5)	34,3(15)
52:51	73,1(4)	88,1	75,6	76,5(4)	76,8(15)
55	52,2(5)	60,7	53,0	51,6(5)	51,5(15)
54	24,7(4)	30,4	26,0	26,4(5)	25,3(15)
54:55	46,9(4)	50,1	49,1	51,4(5)	49,3(15)
75(1)	24,7(3)	–	26,0	26,0(4)	24,8(15)
SC	9,45(4)	–	8,1	7,55(4)	7,02(15)
SS	4,35(4)	–	3,5	3,35(4)	2,95(15)
SS:SC	45,0(4)	–	43,2	44,1(4)	41,2(15)
DC	24,33(3)	–	18,6	19,57(3)	21,48(15)
DS	11,67(3)	–	7,9	9,43(3)	10,43(15)
DS:DC	48,4(3)	–	42,5	48,6(3)	49,2(15)

Примечания: 1 – суммированы данные авторов и Чикишевой Т.А. (2000б); 2 – Чикишева Т.А. (2003); 3 – Чикишева Т.А. (2000б); 4 – Алексеев В.П. (1961), Герасимова М.А. (1964); 5 – суммированы индивидуальные измерения черепов (Громов В.А., 1997), выделенных на основе анализа внутригрупповой изменчивости значений УЛС.

**Женские черепа эпохи бронзы Горного Алтая
и некоторые сравнительные материалы**

♀	Каракольская культура	Пещера Каминная	Неолит Красноярско-Канского района	Окуневская культура (монголоидная группа)
	1	2	3	4
1	186,0 (1)	183,0	173,6(5)	180,5(11)
8	148,0 (1)	146,0	146,2(5)	148,5(12)
8:1	79,6(1)	79,8	84,2(5)	82,0(11)
17	130,0 (1)	127,0	123,8(5)	127,7(10)
5	98,0 (1)	105,0	94,6(5)	99,4(10)
9	96,1(2)	90,0	92,8(5)	97,2(12)
9:8	63,5(1)	61,6	63,6(5)	65,5
32	88,0 (1)	80,0	83,8(5)	84,2(10)
40	96,0 (1)	103,0	97,8(5)	99,9(9)
40:5	98,0(1)	98,1	103,3(5)	101,0(9)
45	137,0 (1)	143,0	134,4(5)	135,5
48	70,0(2)	63,0	66,0(5)	70,0(11)
48:17	50,0(1)	49,6	53,4(5)	54,8
48:45	47,4(1)	44,1	49,2(5)	52,3(10)
72	90,0 (1)	90,0	84,4(5)	84,5(9)
77	141,3(2)	145,1	150,4(5)	145,5(12)
∠Zm'	137,4(2)	134,7	135,8(5)	136,5(12)
51	46,0(2)	45,3	41,4(5)	43,9(12)
52	33,2(2)	33,1	32,9(5)	34,5(12)
52:51	72,1(2)	73,1	79,5(5)	78,6(12)
55	49,6(2)	51,0	47,0(5)	49,8(12)
54	25,8(2)	28,2	24,4(5)	25,4(12)
54:55	52,0(2)	55,3	52,0(5)	51,1(12)
75(1)	20,0 (1)	25,0	20,0(3)	20,9(9)
SC	9,50(2)	6,9	8,05(2)	7,84(10)
SS	4,05(2)	3,2	2,50(2)	2,85(10)
SS:SC	42,7(2)	46,4	32,5(2)	38,0(10)
DC	24,25(2)	26,0	21,85(2)	22,11(11)
DS	11,25(2)	13,2	10,75(2)	9,40(11)
DS:DC	46,4(2)	50,8	49,7(2)	43,5(11)

Примечания: 1,2 – Чикишева Т.А. (2000б); 3 – Алексеев В.П. (1961), Герасимова М.М. (1964); 4 – суммированы индивидуальные измерения черепов (Громов В.А., 1997), выделенных на основе анализа внутригрупповой изменчивости значений УЛС.

16. Молодин В.И. Развитая бронза Горного Алтая // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. – Уфа, 1991. – С.9-13.
17. Молодин В.И. Горный Алтай в эпоху бронзы // История Республики Алтай. Т.1. Древность и средневековье. – Горно-Алтайск, 2002. – С.97-142.
18. Солодовников К.Н. Материалы к антропологии афанасьевской культуры // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – №10. – С.3-27.
19. Солодовников К.Н., Ларин О.В. Краниологическая серия из могильника Сальдяр-1 афанасьевской культуры Горного Алтая // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С.119-123.
20. Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-1). Приложение I. – Барнаул, 2003. – С.142-176.
21. Суразаков А.С., Ларин О.В. К семантике каракольских писаниц // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.31-38.
22. Тур С.С. Антропологический состав населения Средней Катунь скифского времени (внутригрупповой анализ) // Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч.II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Приложение II. – Барнаул, 2003. – С.137-169.
23. Чикишева Т.А. Характеристика палеоантропологического материала памятников Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск, 1994. – С.157-175.
24. Чикишева Т.А. Вопросы происхождения кочевников Горного Алтая эпохи раннего железа по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000а. – №4. – С.107-121.
25. Чикишева Т.А. Новые данные об антропологическом составе населения Алтая в эпохи неолита-бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000б. – №1. – С.139-148.
26. Чикишева Т.А. К вопросу об антропологическом составе населения южных районов Западной Сибири в эпохи неолита и бронзы // Горизонты антропологии. Труды Международной научной конференции памяти академика В.П. Алексеева. Москва, Салтыковка, 20-22 сентября 1994 г. – М., 2003. – С.430-437.
27. Чикишева Т.А., Поздняков Д.В. Антропология населения Горного Алтая в гунно-сарматское время // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – №3. – С.116-131.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 04-01-00356а)

Солодовников К.Н.
(г. Барнаул)

**КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ
ИЗ МОГИЛЬНИКА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФИРСОВО XIV
В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ
В ЭПОХУ БРОНЗЫ¹**

Распространение на юге Западной Сибири в эпоху развитой бронзы андроновской культуры оказало огромное влияние на этно-культурную специфику населения данной территории и, в значительной мере, предопределило его исторические судьбы. Культурное

¹ Первоначальный вариант данной статьи был прочитан в виде доклада на V Конгрессе этнографов и антропологов России, проходившем в г. Омске в июне 2003 г. (Солодовников К.Н., 2003).

разнообразие эпохи доандроновской бронзы данного региона было сnivelировано мощной миграционной волной андроновцев (федоровцев). В результате этого прекратили свое существование елунинская, степановская, самусьская и окуневская культуры. В Верхнем Приобье андроновская культура характеризуется определенным своеобразием, проявляющимся, например, в наличии грунтовых могильников. Актуальной проблемой андроноведения, в том числе для этой территории, остается вопрос о характере и степени взаимодействия мигрантов-андроновцев с местным населением. Помимо археологических материалов в ее решении большое значение имеют данные палеоантропологии.

Впервые антропологические материалы андроновской культуры с территории Верхнего Приобья исследовались В.П. Алексеевым², которым было изучено четыре черепа из могильника Ордынское Iв (Алексеев В.П., 1961, табл.11). Помимо черт андроновского варианта протоевропейского типа, выделенного на краниологических материалах данной культуры Среднего Енисея и Казахстана (Дебец Г.Ф., 1932; 1948), на этих черепах прослеживалась монголоидная примесь таежного происхождения. Это дало основания для утверждения о контактах андроновцев с населением более северных территорий (Алексеев В.П., 1961, с.153, 163). Позже В.А. Дремовым (1990; 1997) было исследовано значительное количество черепов андроновской культуры с обширной территории южных районов бассейна Верхней Оби. Их изучение позволило констатировать концентрацию в зоне приобских боров монголоидной примеси. Однако основной характер неоднородности верхнеобской андроновской серии не связывался с европеоидно-монголоидной составляющей. Коэффициенты корреляции признаков указывали на присутствие в составе андроновцев Верхней Оби помимо протоевропейского, другого европеоидного типа. В отличие от морфологически «андроновских» черепов с массивной мезокранной мозговой коробкой, прямым лбом, широким и низким лицом, были зафиксированы довольно грацильные черепа с узким долихокраным черепом, более наклонным лбом, узким, более высоким и резко профилированным лицом. Присутствие черепов такого морфологического облика объяснялось участием в миграции андроновцев (федоровцев) на территорию Верхнего Приобья населения алакульской культуры (Дремов В.А., 1990, с.59; 1997, с.94-95; Дремов В.А., Козьмин В.А., 1993, с.46-47). Кроме этого, В.А. Дремов предполагал, что долихокраный узколицый европеоидный тип, отличный от классического андроновского, возможно, восходит к местному доандроновскому населению (Дремов В.А., 1997, с.95).

В настоящее время в результате раскопок Приобской археологической экспедиции АлтГУ под руководством А.Б. Шамшина грунтового могильника Фирсово XIV получен новый значительный по объему антропологический материал. Разновременный могильник, исследовавшийся в течение ряда полевых сезонов с 1987 по 1998 г., находится на правом коренном берегу Оби напротив г. Барнаул (Шамшин А.Б., 1992, 1993, 1997; Шамшин А.Б., Ченских О.В., 1994, 1997). Краниологическая серия андроновской культуры из него насчитывает 28 мужских и 15 женских черепов и является наиболее крупной серией, происходящей из одного могильника со всей территории распространения андроновской культуры. Сохранность костного материала в целом хорошая, но большая часть черепов оказалась раздавлена землей и посмертно деформирована, что потребовало значительной реставрационной работы. Результаты изучения антропологических материалов эпохи развитой бронзы из раскопок 1989-1996 гг. ранее кратко докладывались (Солодовников К.Н., 1997). Черепа изучены по стандартной краниометрической программе (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964), их индивидуальные измерения представлены в таблицах 1 и 2.

По средним данным (табл.3) мужская серия характеризуется длинной среднеширокой долихокранной мозговой коробкой со значительно выраженными элементами наружного рельефа. Высота черепа большая и от базиона и от ушных точек. Лобная кость среднеширокая, довольно выпуклая, резко профилированная в горизонтальной плоскости и средне –

² Череп взрослого мужчины из могильника Змеевка (Красный Яр), изученный Г.Ф. Дебецем (1948, табл.14), по-видимому, не имеет отношения к андроновской культуре. По наблюдениям авторов раскопок (С.М. Сергеева и М.Д. Копытова) все андроновские погребения этого могильника – детские (Членова Н.Л., 1976, с.80; Неверов С.В., 1982, с.108). Примечательно, что размеры мужского черепа укладываются в размах вариации признаков средневековой краниологической серии из этого могильника (Дебец Г.Ф., 1948, прил.34). Таким образом, череп из Змеевского могильника следует исключить из андроновской серии по причине спорной культурно-хронологической принадлежности. Ранее отмечалось (Солодовников К.Н., 2001), что из андроновской серии южных районов Верхнего Приобья следует также исключить черепа из могильника Ильинка (Дремов В.А., 1997) как относящиеся к эпохе средневековья.

в вертикальной. Значения длины оснований черепа и лица большие. Лицо средних размеров и пропорций, ортогнатное по углам вертикальной профилировки и мезогнатное по указателю Фогта–Флауэра. Его горизонтальная профилировка резкая как на уровне назиона, так и на уровне подносовых точек. Альвеолярная дуга и небо длинные, среднеширокие. Орбиты широкие и низкие, резко хамеконхные. Носовой отдел средних размеров и пропорций. Переносье и носовые кости в месте их наибольшего сужения среднеширокие, абсолютно и относительно высокие. Угол носовых костей к линии общего лицевого профиля очень большой. Нижняя челюсть длинная и среднеширокая. Ветви ее высокие и широкие, вертикально поставленные. Женские черепа в целом (табл.3) характеризуются теми же категориями признаков, но отличаются от мужских менее длинной и более широкой мозговой коробкой, несколько более крупными размерами лицевого отдела при меньшей клиногнатности, мезогнатностью в альвеолярном отделе, менее резко выступающими носовыми костями, а также несколько большими значениями вертикального фацио-церебрального и верхнего лицевого указателей³. Это проявляется при сопоставлении женской серии с мужской через средние коэффициенты полового диморфизма (Алексеев В.П., Дебеч Г.Ф., 1964, табл.12-13) (табл.10). Завершая характеристику серии ГМФ XIV, следует, прежде всего, отметить ее ярко выраженный европеоидный облик.

Сравнительно с анализируемой группой, территориальные выборки черепов андроновской культуры (табл.4)⁴ отличаются менее длинной и более широкой мезокранной мозговой коробкой, широким и более прямым лбом, широким и низким эурипрозопным лицевым скелетом, и по сочетанию этих признаков характеризуются чертами андроновского варианта протоевропейского типа. Однако это относится лишь к территориальным группам, представляющим население андроновской (федоровской) культуры. Серия андроновцев Западного Казахстана, в которую вошли черепа из погребений смешанного алакульско-федоровского (кожумбердинского) типа и собственно алакульской культуры, также, как отмечалось В.А. Дремовым (1997, с.77), отличается от федоровских выборок лептоморфным строением – небольшими широтными размерами черепной коробки и лицевого скелета, пониженным черепным и повышенными высотно-поперечным и верхнелицевым указателями. Это указывает на присутствие в составе западноказахстанских андроновцев европеоидного средиземноморского компонента южного происхождения (Гинзбург В.В., 1962; Алексеев В.П., 1964). К признакам, одновременно отличающим серию ГМФ XIV и западноказахстанскую от других андроновских групп, также можно добавить наибольшие значения продольного диаметра, длины оснований черепа и лица, и наименьшие – ширины и угла профиля лба, ширины основания черепа и углов горизонтальной профилировки лица. Различия между женскими сериями аналогичные, но по размерам лицевого отдела менее определенные (табл.4).

Среди синхронных материалов как мужская, так и женская части серии ГМФ XIV, судя по значениям обобщенных коэффициентов Л. Пенроза «по форме» (C_R^{25})⁵ (Козинцев А.Г., 1974), обнаруживают наибольшее сходство с выражено европеоидными группами, в составе которых прослеживается смешение протоевропейского и средиземноморского мор-

³ В женских сериях андроновской культуры, сравнительно с мужскими, менее выражен морфологически «андроновский» признак, которым является низколицесть, проявляющаяся как в абсолютных значениях верхней высоты лица, так и ее соотношениях со скуловым диаметром и высотой мозговой коробки (табл.4). На это нарушение полового диморфизма, являющееся, вероятно, специфической чертой андроновских групп, ранее неоднократно указывалось исследователями (Гинзбург В.В., 1962, с.196; Гинзбург В.В., Трофимова Т.А., 1972, с.94; Дремов В.А., 1997, с.76).

⁴ В сериях андроновской культуры (Дремов В.А., 1990; 1997) произведена некоторая перегруппировка материалов (табл.4). Из серии Восточного, Центрального и Северного (для краткости – Северо-Восточного) Казахстана исключены измерения черепов, имеющих другую культурно-хронологическую принадлежность или неопределенную датировку. Большинство оставшихся происходят из погребений федоровской культуры (Солодовников К.Н., 2001). Из суммарной выборки южных районов Верхнего Приобья исключены черепа из Ильинки и Змеевки (прим.2). Могильник Большое Пичугино обычно рассматривается археологами в рамках енисейского варианта андроновской культуры (напр.: Максименков Г.А., 1978). Измерения женского черепа из этого могильника (Дремов В.А., 1997) перенесены из верхнеобской серии соответственно в енисейскую. Некоторые отсутствующие средние размеры и указатели андроновских групп Среднего Енисея (Дремов В.А., 1997, табл.16, 17) и Западного Казахстана (Алексеев В.П., 1967) суммированы по индивидуальным данным, приведенным в первоисточниках.

⁵ Рассчитано по 21 признаку: 1, 8, 17, 5, 9, 40, 45, 48, 54, 55, 51, 52, SS, SC, DS, DC, 32, 72, 77, $\angle Zm'$, 75(1).

фологических компонентов: андроновцами Западного Казахстана (Алексеев В.П., 1967) и срубниками Нижнего Поволжья (Шевченко А.В., 1984; 1986; взято из: Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984) (табл.5). Несколько больше обобщенные расстояния с сериями андроновцев (Федоровцев), населения тазабагыябской культуры Приаралья (Яблонский Л.Т., 1986), а также морфологически «средиземноморскими» сериями древнеземледельческих культур юга Средней Азии: Алтындепе (Кияткина Т.П., 1987), Саппалитепа (Ходжайов Т.К., 1977), Джаркутан (Алексеев В.П., Ходжайов Т., Халилов Х., 1984). С группами эпохи развитой бронзы с территории юга Западной Сибири, в составе которых имеется монголоидный компонент – кротовцами Сопки II, поздними кротовцами Черноозерья I⁶ и серией андроновского времени Еловского могильника II (Дремов В.А., 1997) – анализируемая группа различается значительно. Судя по результатам многомерного шкалирования расстояний Пенроза, она занимает, в целом, промежуточное положение между сериями протоевропейского и средиземноморского типов (рис.1, 2).

Серия Фирсово XIV морфологически неоднородна. Дисперсии некоторых признаков на уровне статистической значимости превышают стандартные (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф., 1964, табл.12-14). У мужчин в их числе такие важные для расовой диагностики, как поперечный диаметр мозговой коробки, черепной указатель, высота и указатели высоты черепа от порионов, ширина основания черепа, угол профиля лба от назиона и вертикальный фацио-церебральный указатель; у женщин – верхняя высота лица и углы профиля лба (от н.) и носовых костей к линии лицевого профиля (табл.3).

Характер неоднородности в мужской серии связан с наличием морфологических компонентов, отличающихся, в первую очередь, размерами и пропорциями основных диаметров мозгового и лицевого отделов черепа. Они выделяются индивидуально-типологически уже при просмотре серии. Наряду с черепами, характеризующимися чертами андроновского типа (мог. 54, 253, 295 и др.), имеются значительно отличающиеся от них меньшей массивностью, длинной узкой гипердолихокранной мозговой коробкой, довольно узким и наклонным лбом, узким и высоким лицом с крайне резкой его горизонтальной профилировкой (например, из мог. 241, 244). Для разделения этих морфологических вариантов по комплексу признаков и выяснения их соотношения проведен внутригрупповой анализ главных компонент, в который помимо линейных и угловых размеров включались и указатели (черепной и верхней лицевой). Это позволило получить более отчетливые и наглядные результаты (табл.6). Наибольшие положительные нагрузки по первой главной компоненте (ГК I), объясняющей более трети внутригрупповой изменчивости, приходятся на продольный диаметр мозговой коробки, верхнюю высоту лица и лицевой указатель; отрицательные – на поперечный и высотный (от ро.) диаметры мозговой коробки, черепной указатель, ширину лба, угол его наклона, скуловой диаметр и зигомаксиллярный угол. ГК II (около 20% изменчивости) отражает индивидуальную вариабельность черепов по полным размерам лицевого скелета, включая его отделы. Фактически ГК I разделяет черепа на примерно равные в количественном отношении совокупности, составляющие два кластера (рис.3). При сопоставлении мужских черепов ГМФ XIV на корреляционных полях по признакам, характеризующим основные размеры и пропорции мозгового и лицевого отделов, также образуются две устойчивые, довольно дискретные совокупности, соответствующие кластерам, выделенным по результатам анализа главных компонент (рис.5а-д). В среднем они не отличаются степенью выраженности европеоидных черт, но резко различаются общими размерами мозгового и лицевого отделов черепа, а также их соотношениями. На реальность выделения этих морфологических компонентов указывает достоверность различий многих признаков по t-критерию Стьюдента, среди которых широтные размеры мозговой коробки и лицевого скелета, продольный диаметр, черепной и высотно-продольный указатели, угол профиля лба, общая и верхняя высота лица, высота носа, верхний лицевой и вертикальный фацио-церебральный указатели (табл.8). Первый кластер (условно – «протоевропейский») по средним данным характеризуется чертами «классического» андроновского типа: массивной крупной мезо- и гипсикранной мозговой коробкой, более широким прямым лбом, широким, абсолютно и относительно низким лицом, низким мезоринным носом, очень низкими и резко хамеконхными орбитами, малым верти-

⁶ Могильник Черноозерье I, ранее причисляемый к черноозерско-томскому варианту андроновской культурной общности, в связи с изменением археологической атрибуции предпочтительней называть поздним кротовским (Полеводов А.В., 2000, с.100-101).

кальным фацио-церебральным и средним лобно-поперечным указателями. Второй кластер – «средиземноморский» – с очень длинной, узкой гипердолихокранной и хамекранной мозговой коробкой, менее выраженным рельефом. Лоб среднеширокий, довольно наклонный, лобно-поперечный указатель большой. Значение скулового диаметра тяготеет к малой категории величин, а высоты лица – находится на верхней границе средних. Горизонтальная профилировка лицевого скелета предельно резкая. Орбиты абсолютно и по указателям менее широкие и низкие. Носовой отдел средней высоты, его указатель на границе малых и средних значений. Вертикальный фацио-церебральный и верхний лицевой указатели средние.

При внутригрупповом анализе женских черепов выделены две первые главные компоненты (табл.7). Первая из них (26% внутригрупповой изменчивости) разделяет черепа с менее широкой долихокранной высокой черепной коробкой, менее крупными размерами лба, лица, носового отдела и орбит, тенденцией к мезогнатности общего лицевого профиля, резкой горизонтальной профилировкой лица на уровне поднососовых точек и сильно выступающим носом, и черепа с противоположным сочетанием признаков. Структура ГК II (17% изменчивости) женских черепов сходна с таковой ГК I мужских. Наибольшие положительные нагрузки приходятся на длину черепа, высоту лица, верхний лицевой указатель и угол общего лицевого профиля; отрицательные – на черепной указатель, скуловой диаметр и назомаллярный угол. На плоскости ГК I-II выделяются два основных кластера (рис.4), которые в среднем достоверно различаются по ширине мозговой коробки и лица на уровне скуловых дуг, черепному и высотно-поперечному указателям, зигмаксиллярному углу и углу выступления носовых костей (табл.9). Первый из них, более многочисленный, по средним данным почти идентичен с суммарной мужской серией с учетом полового диморфизма (табл.10). Типологически в нем выделяются отдельные черепа с особенностями протоевропейского (например, – мог. 229) или средиземноморского (мог. 70, 292?) типов. Вероятно, данный кластер формируется на основе смешения тех же компонентов, что и у мужчин. Известно, что в женских группах смешение происходит быстрее и обычно женские серии менее неоднородные по сравнению с мужскими. Второй кластер у женщин меньший в количественном отношении⁷. Характеризуется он менее длинной, широкой и невысокой суббрахиокранной мозговой коробкой, широким и относительно низким лицом со средней горизонтальной профилировкой и тенденцией к альвеолярному прогнатизму, и слабо выступающим носом при высоком профиле его спинки. Данный кластер, по-видимому, также смешанный. При этом основным компонентом смешения является низколицый монголоидный тип. По сочетанию умеренной горизонтальной профилировки лица и малого угла выступления носа женские черепа второго кластера проявляют особенности западно-сибирской расы (Дремов В.А., Багашев А.Н., 1998; Багашев А.Н., 1998; 2000).

Могилы, из которых происходят черепа двух кластеров мужской серии Фирсово XIV (впрочем, как и кластеров женской серии), не различаются между собой ни по погребальному обряду, ни по набору инвентаря, и не образуют каких-либо скоплений на могильном поле. Однако сопоставление планиграфии могильника и антропологических данных позволяет отметить определенную тенденцию. По признакам, наиболее четко дифференцирующим в данном случае черепа протоевропейского и средиземноморского типов (черепной и верхний лицевой указатели) в мужской серии наблюдается незначительная трансгрессия (рис.5д). Обеспечивают ее черепа из могил, расположенных в северо-восточной части могильника⁸ (рис.5е), и в которых, вероятно, захоронены метисы от браков представителей протоевропейского и средиземноморского антропологических типов. Данное наблюдение подтверждает вывод, сделанный на материалах могильников на Енисее, что

⁷ Для увеличения численности во внутригрупповой анализ главных компонент женской серии были добавлены черепа из андроновских могильников Барнаульско-Новосибирского Приобья. К сожалению, плохая сохранность большинства из них (Дремов В.А., 1997; и неопубликованные данные автора) накладывает значительные ограничения на их использование в анализе. В него включены лишь два черепа из могильника Ордынское I в южной части Новосибирского Приобья (Алексеев В.П., 1961). Они оба вместе с черепами из могил 268 и 311, ск. 2 Фирсово XIV формируют второй кластер.

⁸ Разделение могильника ГМФ XIV на северо-восточную и юго-западную части проведено условно. Могилы, раскопанные до 1996 г. включительно, расположенные на мысовой части могильника (Шамшин А.Б., Ченских О.В., 1997), отнесены к юго-западной, а после 1996 г. – к северо-восточной части могильника.

кладбища андроновцев разрастались с юго-запада на северо-восток (Кожин П.М., 1997, с.47).

Ранее, вслед за другими исследователями (Молодин В.А., Чикишева Т.А., 1988; Дремов В.А., 1990; Дремов В.А., Козьмин В.А., 1993), присутствие черепов средиземноморского антропологического типа в верхнеобской серии объяснялось участием в андроновской миграции населения алакульской культуры (Солодовников К.Н., 1997, с.50). С накоплением материалов, прежде всего елунинской культуры эпохи доандроновской бронзы Верхнего Приобья (Солодовников К.Н., Тур С.С., 2002; 2003), появилась другая возможность интерпретации факта наличия долихокранных узколицых европеоидов в составе населения андроновской культуры данной территории. Действительно, археологически фиксируется проникновение отдельных алакульских элементов на территорию Верхнего Приобья (Хабарова С.В., 1994). Однако присутствие в составе группы из Фирсово XIV около половины мужчин с чертами средиземноморской расы при отсутствии алакульских элементов в керамике и погребальном обряде могильника (Шамшин А.Б., Ченских О.А., 1994), препятствует их идентификации с алакульцами. «Средиземноморский» кластер серии ГМФ XIV по линейным размерам и пропорциям мозгового и лицевого отделов, а также углам вертикальной профилировки лица и лобной кости более сходен не с андроновской серией Западного Казахстана, а с елунинской (табл.10). Отличаются елуинцы от «средиземноморцев» Фирсово XIV заметной долей монголоидной примеси, проявляющейся в нерезкой горизонтальной профилировке лица и переносья, слабom по европеоидному масштабу выступании носовых костей и, по-видимому, более широкой мозговой коробке.

Следует отметить, что антропологический облик населения елунинской культуры эпохи ранней бронзы формировался на основе взаимодействия двух компонентов: пришлого европеоидного средиземноморского, представленного преимущественно у мужчин, и местного смешанного европеоидно-монголоидного с монголоидным компонентом высоколицевого типа, представленного у женщин. В составе населения елунинской культуры существовали группы, различающиеся долей монголоидной примеси. Так, мужская и женская серии из могильника Староалейка II заметно более европеоидные по сравнению с однополыми выборками из Телеутского Взвоза I. Примечательно, что первый из этих могильников тяготеет к степной зоне Алтая, а второй – к приобскому лесному массиву (Солодовников К.Н., Тур С.С., 2003). Возможно, в составе елуинцев существовали группы, у которых монголоидная примесь была минимальной или вовсе отсутствовала. Можно также предположить их локализацию на юге и юго-западе территории распространения елунинской археологической культуры. Фактом, подтверждающим возможность существования в составе населения Верхнего Приобья эпохи доандроновской бронзы «чисто» европеоидных групп, служит морфологическая характеристика численно небольшой серии самусьской культуры (табл.10)⁹. В то время как ее женская группа проявляет сходство с предшествующим населением Верхнего Приобья, имевшим значительную долю монголоидного компонента (Дремов В.А., 1980; 1997), мужская не обнаруживает ни малейших следов монголоидной примеси и характеризуется чертами средиземноморской расы.

Для межгруппового сопоставления морфологических компонентов, выделенных в составе серии ГМФ XIV, использованы многомерное шкалирование и кластеризация обобщенных расстояний Пенроза «по форме». Помимо групп, привлекающихся для сравнения с суммарной серией, добавлены серии из могильника Ермак андроновской культуры Омского Прииртышья (Дремов В.А., 1997), елунинской и самусьской культур (табл.10), из Карадепе и Геоксюра (Алексеев В.П., Гохман И.И., 1984), культур многоваликовой керамики и срубной с территории Украины (Круц С.И., 1984). При анализе мужских групп выделяются два основных кластера (рис.6). Первый из них составляют серии андроновцев (Федоровцев) и из могильника Ермак. В него входит и «протоевропейский» компонент Фирсово XIV. Поскольку в более раннее время на территории Верхнего Приобья этот краниологический тип не фиксируется, то он представляет пришлое население. Во второй обширный кла-

⁹ Измерения черепов доандроновской бронзы, опубликованные В.А. Дремовым (1997, прил.1), за исключением материалов елунинской культуры из лесостепного Алтая, суммированы в численно небольшую серию (табл.10), в территориальном отношении соответствующую восточным районам Верхнего Приобья (Дремов В.А., 1997, рис.1), а в культурном – большинство могил, черепа из которых вошли в нее, причисляются к самусьской культуре (Зах В.А., 1985, с.28; Матющенко В.И., 2002).

стер, формируют который долихокранные сравнительно узколицевые группы, наряду с елуинцами и самусьцами входят и «средиземноморцы» Фирсово XIV. При этом последние наиболее всего сближаются с сериями из Геоксюра и многоваликовой культуры Украины. На фоне групп средиземноморского типа они выделяются крупными продольными размерами мозговой коробки и лицевого скелета. В этом отношении с ними очень сходна суммарная серия елунинской культуры. Вероятно, если бы не монголоидная примесь в ее составе, то она занимала более определенное положение (рис.6).

Археологами в настоящее время предполагается, что прародина андроновцев (федоровцев) находилась к западу от Верхнего Приобья: на территории Центрального Казахстана (Кузьмина Е.Е., 1994) или Верхнего Прииртышья (Ткачев А.А., 1992; Ткачева Н.А., 1997). Их миграции на восток, север и запад по масштабам сравниваются с «великим переселением народов» (Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кирюшин Ю.Ф., Молодин В.И., 1994, с.8). В Верхнем Приобье андроновцы ассимилировали население елунинской культуры и частично вытеснили его в более северные и западные районы, где оно приняло участие в формировании кротовской культуры андроновского времени (Кирюшин Ю.Ф., 2002, с.88; 2002а; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., 2001). Как известно по исторически фиксируемым миграциям в более позднее время, в переселение часто по «принципу домино» вовлекались инокультурные и даже иноэтничные группы, через территорию которых осуществлялась миграция. Представляется, что краниологические материалы из Фирсово XIV отражают сходные явления. Андроновцы в процессе миграции вовлекали в переселение на Верхнюю Обь елуинцев из юго-западных районов Алтая, а проживающее в Приобье население елунинской культуры, имевшее в своем составе определенную долю монголоидной примеси (представленное, например, серией из могильника Телеутский Взвоз I), было вытеснено в другие районы.

Что касается морфологических компонентов, выделенных в составе женской серии ГМФ XIV, то черепа второго кластера, проявляющие особенности западно-сибирской расы, находят ближайшие аналогии в краниологических материалах федоровского могильника Преображенка III (табл.10) в Барабинской лесостепи (суммировано по индивидуальным данным (Молодин В.И., Чикишева Т.Н., 1988)). Появление в южных районах Верхнего Приобья подобной комбинации признаков следует объяснять брачными контактами с населением более северных территорий предтаежной зоны Западной Сибири. Черты этого морфологического типа, вероятно, проявляются в мужской серии на черепе из разрушенной могилы (табл.1), который по ряду признаков занимает крайнее положение в изменчивости серии ГМФ XIV: отчетливо выраженная брахикrania, уплощенность переносья и лица на уровне назиона, а также визуально фиксируемые довольно слабое выступание носовых костей и большой зигомаксиллярный угол. На корреляционных полях признаков этот череп, входящий по результатам анализа главных компонент в «протоевропейский» кластер, внутри него также занимает изолированное положение (рис.5). Среди андроновских групп примесь низколицевого монголоидного типа, судя по наименьшим значениям длины, высоты мозговой коробки и угла выступания носа, наиболее всего проявляется в суммарной верхнеобской серии (табл.4).

При сопоставлении морфологических компонентов женской серии Фирсово XIV с группами эпохи бронзы выделяется три кластера (рис.7). Первый из них образуют группы древнеземледельческих культур юга Средней Азии. Второй формируют серии андроновцев Енисея, Верхнего Приобья, Северо-Восточного и Западного Казахстана, из могильника Ермак и первого кластера Фирсово XIV, а также срубной и тазабагыбской культур. При этом черепа первого кластера ГМФ XIV по результатам многомерного шкалирования тяготеют к группам юга Средней Азии. Самостоятельный кластер составляют серии кротовцев Сопки II, поздних кротовцев Черноозерья I, самусьцев, елуинцев, андроновского времени из Еловки II, Преображенки III и второго кластера Фирсово XIV. Последние в наибольшей степени сближаются с андроновскими группами, вошедшими в этот кластер, самусьцами и кротовцами Сопки II.

Таким образом, изучение антропологических материалов эпохи развитой бронзы позволяет выявить определенную модель освоения пришлым населением территории Верхнего Приобья и его взаимодействия с местным, отличную, например, от модели освоения населением предшествующей елунинской культуры этой территории. Их отличия, вероятно, объясняются уровнем различий культурно-хозяйственных типов мигрантов и местного

населения, а также другими факторами. В эпоху ранней бронзы пришлые скотоводы-елунинцы вступали в контакты с автохтонным населением, в основном, путем брачных связей с местными женщинами. При этом по материалам керамических комплексов и других категорий инвентаря елунической культуры прослеживается определенная преемственность с предшествующим населением южных районов Верхнего Приобья и смена преимущественно присваивающих форм хозяйства на производящие (Кирюшин Ю.Ф., 1986; 2002, с.83-84).

В эпоху развитой бронзы какая-либо преемственность пришлых андроновцев с местным населением по археологическим данным не прослеживается (Удодов В.С., 1991, с.74; Кирюшин Ю.Ф., 2002а, с.53), и только привлечение антропологических материалов позволяет наметить механизмы их взаимодействия. В результате изучения краниологических материалов из могильника Фирсово XIV выясняется, что степень участия потомков местного населения в формировании населения андроновской культуры Верхней Оби была значительной. Многочисленные мигранты-андроновцы, расселяясь на новых территориях и оседая в Приобье, включали в состав своих коллективов группы елуницев (в том числе и мужчин!) из юго-западных районов Алтая. При этом последние теряли все свои традиционные, фиксируемые археологически культурно-диагностирующие черты. В количественном отношении доли местного и пришлого компонентов были примерно равными. Другие группы населения елунической культуры, проживавшие в Верхнем Приобье, вытеснялись со своих территорий, вовлекаясь андроновцами в дальнейшее расселение в других районах или участвуя в формировании населения других культурных образований. Факторами, способствующими такой полной ассимиляции, вероятно, являлись сходство культурно-хозяйственных типов (доминирование скотоводства и у елуницев и у андроновцев (Гальченко А.В., 1990; Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А., 1995; Косинцев П.А., 2003)) и, возможно, этническая близость пришлого и, по крайней мере, определенной части местного населения. Другое направление расогенетических связей – северное. Осуществлялось оно преимущественно через брачные связи (возможно, односторонние) путем включения в состав андроновцев Верхнего Приобья женщин из групп, генетически связанных с населением предшествующего времени. Морфологической спецификой этих групп являлось наличие низколицевого монголоидного компонента, а в культурном отношении они представляли население, в той или иной степени ассимилированное андроновцами или сохранявшее культурное своеобразие при тесных контактах с ними (кротовская культура).

Четкость выделения исходных компонентов, а также малочисленность компонента северного происхождения в составе серии ГМФ XIV по сравнению с материалами из других андроновских могильников с территории лесостепного Алтая (Дремов В.А., 1997; и неопубликованные данные автора), указывает на начало их смешения и, косвенно, на более раннюю датировку этого могильника в кругу памятников андроновской культуры Верхнего Приобья. В последующее время, в условиях трансформации андроновских культурных традиций или/и восстановления доандроновских (Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б., 1987; Шамшин А.Б., 1989), расогенез населения данной территории, по-видимому, связан с метисацией антропологических компонентов, выделяемых на материалах могильника Фирсово XIV. Это смешение должно было приводить к усреднению их исходных характеристик по размерам и пропорциям лицевого скелета, усилению монголоидности при продолжающихся контактах с более северными территориями и, что вполне возможно, брахикефализации в условиях возрастания общей гетерогенности населения (Бунак В.В., 1968; 1977). При этом различные группы могли морфологически приближаться к одному из исходных компонентов в зависимости от доли их участия. Именно это и наблюдается в материалах эпохи поздней бронзы и переходного времени к раннему железному веку данной территории (Дремов В.А., 1997; Тур С.С., 2001).

Литература

1. Алексеев В.П. Палеоантропология Алтае-Саянского нагорья эпохи неолита и бронзы // Антропологический сборник III. – М., 1961 (ТИЭ, т. 71). – С.107-206.
2. Алексеев В.П. Антропологический тип населения западных районов распространения андроновской культуры // Проблемы этнической антропологии Средней Азии. Научные труды Ташкентского гос. ун-та. – Ташкент, 1964. – Вып. 235. – С.20-28.

Индивидуальные измерения мужских черепов из могильника Фирсово XIV

№	№ по Мартину и др.			1	1b	8	8:1	17	17:1	17:8	20	5	9	Sub.9	УПИЛ	10	11	12	29	Sub.NB
	Могила, скелет	Год раскопок	Возраст																	
1.	мог. 54	1989	maturus	189	185	149	78,8	151!	79,9	101,3	128	110	99,2	22,6	131,0	126	137	119	121	29,4
2.	мог. 72	1991	maturus	203	199?	137?	67,5?!	—	—	—	120?	—	—	—	—	117?	124?	108?	120	26,8?
3.	мог. 75	1991	maturus	207?	202	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	108	115	24,0
4.	мог. 89	1991	adultus	178	175	138	77,5	143	80,3	103,6	122	103	95,0	19,3	135,8	123	129	117	113	25,1
5.	мог. 108	1993	adultus	187	182	126!	67,4!	136	72,7	107,9	119	105	92,0	18,0	137,2	114	120	110	113	26,2
6.	мог. 113	1993	adultus	189	187	140	74,1	146	77,2	104,3	121	108	99,0	19,2	137,6	123	134	109	115	26,1
7.	мог. 114, ск. 2	1993	maturus	184	177	147	79,9	140	76,1	95,2	121	108	96,6	23,3	128,5	115	127	116	121	26,0
8.	мог. 145	1994	maturus	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9.	мог. 155	1994	maturus	189	185	141	74,6	138	73,0	97,9	112	105	90,0	19,7	132,7	110	127	110	114	26,7
10.	мог. 170	1994	maturus	195	189	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	115	25,4
11.	мог. 179	1994	semilis	189	183	131?	69,3?	130	68,8	99,2?	105	107	91,6	19,0	135,0	—	122	109	109	21,4
12.	мог. 213, ск. 1	1995	adultus	193	190	132	68,4	—	—	—	123	—	96,9	20,6	133,9	120	120	107	117	26,6
13.	мог. 222, ск. 1	1995	adultus	180	178	143	79,4	137	76,1	95,8	117	101	95,2	18,3	138,0	126	127	112	114	26,3
14.	мог. 230	1995	maturus	181	181	137	75,7	—	—	—	118	—	95,4	28,2	118,7	113?	118	107	111	27,0
15.	мог. 238	1995	adultus	189	183	140?	74,1?	140?	74,1?	100,0?	121	108	100,7	22,5	131,9	123	129	105	122	26,1
16.	мог. 241	1995	adultus	197	194	131	66,5!	139	70,6	106,1	116	112	88,2	23,6	123,6	109	119	110	121	28,8
17.	мог. 243	1995	adultus	200	197	134	67,0!	—	—	—	127	—	96,1	20,8	133,3	120	125	111?	119	26,1
18.	мог. 244	1995	maturus	188	185	136	72,3	130	69,1	95,6	110	107	88,8	20,2	131,2	—	125	107	110	25,7
19.	мог. 253	1996	maturus	186	182	147	79,0	138	74,2	93,9	118	107	99,6	20,2	135,8	124	132	120	110	23,8
20.	мог. 270	1996	semilis	184	180	150	81,5	135	73,4	90,0	113	106	96,3	14,9	145,6	122	141	115	111	26,0
21.	мог. 274	1996	adultus	189	188	144	76,2	142	75,1	98,6	124	110	101,6	27,4	123,3	—	126	110	119	28,5
22.	разрушен. мог.	1996	maturus	182	180	152	83,5	—	—	—	119	—	96,7	18,8	137,6	121?	131	113	116	28,2
23.	мог. 295	1996	adultus	184	183	150	81,5	145	78,8	96,7	124	106	101,0	24,7	127,8	124	139	124	115	26,6
24.	мог. 309	1997	semilis	183	179	132	72,1	142?	77,6?	107,6?	115	111?	90,8	18,9	134,8	113	118	110	111	22,6
25.	мог. 311, ск. 1	1997	adultus	195	190	140	71,8	134	68,7	95,7	115	106	104,8	26,8	125,8	122	125	112	116	27,0
26.	мог. 318	1997	adultus	195	192	134	68,7	139?	71,3?	103,7?	120	108	95,4	23,0	128,5	115	125	107	110	28,6
27.	мог. 341	1997	maturus	187	183	140	74,9	134	71,7	95,7	114	101	93,8	21,3	131,2	122	124	110	113	28,0
28.	мог. 342	1998	maturus	201	195	139	69,2	147?	73,1?	105,8?	123	114	97,0	19,0?	137,2?	115?	126	123	112	19,5?

Продолжение таблицы 1

№	30	31	Sub.31	23a	24	25	26	27	28	7	16	32	GM/ FH	33(1)	33(2)	33(4)	34	НП (1-6)	НД (1-3)	НЗБ (0-5)	СО (1-3)	Форма черепка	40	45	48
1.	121	100	28,0	533	340	398	140	134	124	36,0	29,6	88	80	88	32	120	-8	6	3	5	3	ellips.	105	146	71
2.	119	94	29,8?	540	323	374	134	123	117	-	-	77?	71	81	33	114	-	3	2	1	2	ellips.	-	130?	-
3.	123	90	26,0?	-	-	374	133	132	109	-	-	-	-	-	-	-	-	3	2	2	3	-	-	-	-
4.	124	89	23,4	513	325	378	128	145	105	37,5	34,0	84	77	91	33	124	-14	5	3	3	3	ovoid.	97	133	63
5.	113	95	27,7	506	310	373	130	127	116	39,5	27,5	84	77	81	38	119	-4	4	3	3	3	ellips.	106	135	73
6.	127	93	24,4	528	323	383	131	141	111	39,8	35,6	85	79	91	33	124	-6	5	3	3	3	ellips.	-	138	-
7.	104	98	28,7	516	331	375	139	116	120	33,7	30,0	82	71	83	35	118	-3	5	3	2	3	sphen.	102	134	66
8.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5	3	2	3	-	-	-	66
9.	113	99	27,4	515	302	377	133	126	118	40,4	34,0	83	73	90	32	122	-1	5	3	3	3	ellips.	99?	136	64?
10.	112	-	-	-	-	-	131	122	-	-	-	-	-	-	-	-	-	4	2	4	-	-	-	-	74?
11.	106	93	26,1	510	286	355	124	120	111	-	-	70!	62!	82	39	121	-14	5	3	3	3	ellips.	103	134?	78
12.	121	94	28,6	523	323	386	133	133	120	-	29,3	79	75	78	38	116	-	4	3	4	3	ellips.	-	136?	74?
13.	112	99	26,0	513	324	373	131	125	117	42,4	-	85	76	84	41	125	-14	5	3	3	3	ellips.	107	135?	67
14.	115	93	29,2	509	319	370	128	128	114	-	-	88?	84	88	27	115	-	2	2	1	2	pentag.	-	126	-
15.	110	89	24,7	515	318	370	138	123	109	38,1?	30,5	78	70	87	35	122	-5?	6	3	2	3	ellips.	103	142?	72
16.	125	94	25,7	524	303	392	138	140	114	36,0	27,8	80	73	93	28	121	-5	4	2	4	3	ovoid.	107	131	76
17.	134	100	26,1	538	335	405	138	148	119	-	-	79	70	95	29	124	-	5	3	5	3	ellips.	-	135?	71?
18.	110	94	33,6	510	290	370	126	123	121	35,7	27,1	79	74	81	27	108	-13	3	3	3	2	ovoid.	105	130	75
19.	118	91	27,7	528	324	370	125	132	113	38,0	31,5	83	77	87	30	117	-4	5	3	1	3	ellips.	107?	138	68?
20.	109	99	24,5	527	318	365	128	121	116	40,4	31,8	80	73	79	46	125	-9	4	3	3	3	sphaer.	103	149	71
21.	118	92	24,3	529	331	379	137	133	109	38,4	28,5	92	81	88	36	124	-5	4	2	1	3	ovoid.	100	129	64
22.	113	-	-	525	332	-	133	130	-	-	-	85	79	93	-	-	-	3	2	2	3	sphen.	-	140?	73
23.	120	93	26,6	531	331	384	132	136	116	40,4	-	90	84	86	31	117	-4	4	2	4	3	sphaer.	102	148?	68
24.	109	95	23,8	501	306	355	123	122	110	-	31,2	77	74	76	48	124	-	3	2	1	2	ellips.	103?	130?	70
25.	119	90	32,6	530	315	387	133	132	122	33,7	28,2	77	70	86	21	107	-8	4	2	4	3	ellips.	101	137	76
26.	129	92	30,5	527	321	390	130	145	115	37,5	-	84	75	90	23	113	-8	4	2	1	3	ellips.	106	135?	70
27.	120	90	26,9	512	312	378	132	138	108	38,1	28,5	87	77	87	29	116	-13	5	3	3	3	ovoid.	101	132?	72
28.	130	106	32,5	539	327	398	123	145	130	39,3	-	79	74	82	34	116	-2?	4	2	2	3	ellips.	109	137	67

Продолжение таблицы 1

№	48:17	48:45	47	43	46	60	61	62	63	51	51a	52	55	54	НКГО	ПНО (1-5)	SC	SS	MC	MS	DC	DS	FC	Hz
1.	47,0	48,6	121	108	101	59	67	50,6	40,3	44,7	40,3	31,9	52,3	27,7	anth.	3	9,2	5,3	22,3	8,6	25,6	14,2	5,4	9,4
2.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	43,0?	—	34,0?	—	—	anth.	—	9,6	5,0	21,0?	9,1	—	—	—	—
3.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
4.	44,1	47,4	107	105	91	53	63	47,0	41,2	42,3	40,0	33,1	48,4	23,5	anth.	5	7,5	5,5	17,3	10,0	19,6	13,9	8,0	9,0
5.	53,7	54,1	119	103	93	59	61	49,8	37,0	42,9	40,3	29,5	55,0	25,8	anth.	3	6,3	2,1	17,6	6,0	19,1	10,1	7,3	11,5
6.	—	—	109	112	90	—	62	—	37,2	44,6	41,9	30,8	—	—	—	—	13,3	7,0	26,2	9,5	28,0	15,0	4,6	10,6
7.	47,1	49,3	—	107	90	56	60	46,0	34,6	41,9	40,3	28,9	43,4	21,2	anth.	3	6,9	3,7	19,0	8,3	20,6	13,3	8,4	11,1
8.	—	—	108	103?	88	59	66	—	41,0	45,0	42,0	27,6?	50,3	24,8	anth.	3	10,4	5,9	20,4?	11,0	25,2?	15,8	4,1?	—
9.	46,4?	47,1?	104	105	93	56	—	47,0	—	41,0	39,0	30,5	49,0	22,0	anth.	4	7,2	4,7	18,9	8,8	19,3	14,7	9,0	10,4
10.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	32,0?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7,3?	—
11.	60,0	58,2?	119	110	102	—	—	—	—	44,8	—	33,3?	59,7	25,1	anth.	3	—	—	18,2	—	—	—	2,0	—
12.	—	54,4?	126	107	94	—	—	—	—	—	—	30,0	50,5	25,6?	fos.pr.	—	—	—	—	—	—	—	6,1	12,4
13.	48,9	49,6?	109	108	100	59	69	49,3	45,4	45,9	43,4	26,0!	48,3	26,5	anth.	4	9,0	5,9	17,4	8,9	19,8	14,9	4,3	17,2 ^{pp}
14.	—	—	—	103	—	—	—	—	—	42,0?	—	—	—	20,7	anth.	—	—	—	21,0?	—	—	—	—	—
15.	51,4?	50,7?	—	115	96	57	62	47,7	35,8	47,5	44,7	34,8	50,7	24,8	anth.	5	8,8	4,4	23,5	10,0	26,1	15,1	6,9	11,5
16.	54,7	58,0	121	95	95	57	63	50,8	36,8	41,0 ^{pp}	37,0 ^{pp}	29,0 ^{pp}	52,6	20,5	fos.pr.	5	8,1	7,0	15,3	11,3	21,3	17,6	10,1 ^{pp}	11,5 ^{pp}
17.	—	52,6?	116?	106	91	—	—	—	—	43,0 ^{pp}	40,8 ^{pp}	33,5 ^{pp?}	53,0	26,8?	anth.	—	9,0	4,6	20,6	7,3	23,5	12,1	—	11,1 ^{pp}
18.	57,7	57,7	125	102	93	59	58	53,4	38,5	44,3	41,3	33,2	54,8	23,4	anth.	5	7,5	4,4	16,4	8,0	18,6	14,1	9,5	10,5
19.	49,3?	49,3?	111	110	102	—	—	—	—	46,0	43,0	33,3	47,8	26,2	anth.	—	7,7	4,4	18,5	7,7	21,0	13,0	6,9 ^{pp}	10,5
20.	52,6	47,7	113	110	101	55	64	49,3	40,5	43,3	41,5	33,6	54,5	25,2	anth.	3	9,0	4,7	20,8	10,0	23,0	14,4	7,0	12,4
21.	45,1	49,6	109	105	89	52	61	43,7	38,0	40,8	37,3	28,0	46,7	23,3	anth.	4	10,0	5,9	20,8	7,7	23,0	14,2	5,5	10,9
22.	—	52,1?	—	110	—	—	—	—	—	45,1 ^{pp}	42,0 ^{pp}	32,3 ^{pp}	52,7	—	fos.pr.	—	9,8?	3,4	21,4?	7,3	—	—	7,6 ^{pp}	—
23.	46,9	45,9?	115	112	105	58	68	51,6	42,4	43,7	40,4	29,4	50,6	25,2	anth.	3	9,4	6,2	20,2	7,9	23,5	14,0	9,0	12,0 ^{pp}
24.	49,3?	53,8?	108	103	91	54	56	45,8	—	41,3	38,5	30,8	51,8	25,4	fos.pr.	3	9,9	6,1	21,0	9,5	22,5	14,1	5,1	9,2
25.	56,7	55,5	121	111	104	59	67	49,0	39,4	47,4	45,4!	35,3	53,0	24,5	anth.	4	10,4	4,0	20,3	9,4	23,5	14,0	6,0	11,0
26.	50,4?	51,9?	119	101	95?	56	60	46,7?	35,0	43,0 ^{pp}	39,0 ^{pp}	33,0 ^{pp}	48,7	24,6	anth.	4	8,6?	4,2	20,2	7,3	25,1?	11,2	5,3 ^{pp?}	10,2
27.	53,7	54,5?	—	104	96	57	60	51,0	37,5	42,0	40,0	31,2	51,2	22,9	anth.	3	9,5	4,0	19,4	6,6	21,2	11,5	7,4	11,4 ^{pp}
28.	45,6?	48,9	112	110	87	—	—	53,7	—	46,5?	44,0?	32,0	51,5	26,2	anth.	5	13,0	8,3	20,7?	12,6	24,6	16,1	4,6	10,0 ^{pp}

Окончание таблицы 1

№	Bz	43(1)	BH	77	ЗМШ	BC	$\angle Zm'$	72	73	74	75	75(1)	68(1)	79	68	70	71a	65	66	67	69	69(1)	69(3)	$\angle C'$	
1.	54,9	102,3	23,4	130,8	98,2	26,7	122,9	87	92	72	50	37	116	122	84	64	33,2	133	113	51,8	—	31,0	12,0	—	
2.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	36,2	—	—	—	—	—	—	—	
3.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	62	35,2	—	—	—	—	—	30,9	12,6	65?
4.	52,3	97,5	18,4	138,6	89,0	22,7	126,0	85	86	82	47	38	112	124	84	57	30,4	118	111?	46,6	32,8	29,3	14,0	61	
5.	53,6	94,8	17,8	138,8	94,3	29,5	115,9!	85	87	80	52	33	112	107	95	68	40,9	113?	100	46,8	—	34,4	12,7	63	
6.	53,5	106,0	21,5	135,8	91,0	—	—	—	—	—	57	—	97	108	76	70	38,7	129	109	44,2	36,0	32,9	15,3	69	
7.	56,7	98,2	20,9	133,9	95,3	25,0	124,7	91	96	81	43	48!	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
8.	—	95,0?	15,9	143,1?	90,2	23,2	125,6	—	—	—	—	—	104	118	80	64	33,6	119	103	45,5	31,4	30,4	12,4	69	
9.	59,7	95,8	19,8	135,0	90,5	24,5	123,1	81?	84	73?	46	35?	109	113	87	67	37,5	122	93	45,3	33,4	30,2	11,6	65	
10.	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	34,9	—	—	—	—	—	32,9	10,1	—
11.	—	100,7	19,1?	138,4?	102,7	26,6	125,2	83	83	81	—	—	109	114	85	70	35,6	113	99	47,5	33,6	32,5	12,3	66	
12.	52,5	99,5	22,6?	131,2?	95,5	31,3?	113,5?	85	—	—	—	—	120	119	92	66	38,6	119	96	48,7	—	37,7	14,5	—	
13.	62,6 ^{np}	99,5	16,9	142,4	101,6	29,3	120,1	78	81	68	44	34	113	114	89	66	38,0	125	106	49,7	32,8	30,2	13,0	66	
14.	—	96,0	19,4?	136,0?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	119	80	62 ^{np}	31,7	—	96	42,4	33,6	31,6	9,8	67	
15.	60,4	109,5	24,3	132,1	99,6	24,9	126,9	85	88	77	47	38	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
16.	58,8 ^{np}	88,2	22,1	126,7!	94,0	28,6	117,4	89	91	83	40	49!	112	124	82	58	35,5	115	103	43,9	33,0	33,0	11,3	72	
17.	60,5 ^{np}	97,7	16,8	142,0	89,4?	22,9	125,8?	83	88	74	—	—	—	—	—	—	—	—	—	49,0	31,6	29,1 ^{np}	13,3 ^{np}	71	
18.	54,7	95,5	19,3	136,0	95,5	28,3	118,7	84	87	75	48	36	115	117	88	66	36,5	117	96	42,7	38,3	32,6	12,2	74	
19.	55,4	103,8	21,0	136,0	105,2	34,0	114,3!	81?	84	77?	42	39?	112	126	78	60	33,0	123?	108	50,0	35,5	30,4	13,8	66	
20.	64,3	101,4	17,6	141,6	97,9	24,6	126,7	84	87	74	48	36	108	111	89	61	40,5	132	120	48,0	32,8	30,4	11,7	65	
21.	56,5	95,0	18,3	137,8	90,0	22,2	127,4	94	98	85	60	34	106	110	88	60	41,0	121	93	44,5	30,3	28,6	9,9	65	
22.	—	101,3	16,4	144,1	—	—	—	84	88	73	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
23.	64,7 ^{np}	105,3	20,0	138,4	106,2	22,5	134,0	87	91	78	56	31	—	112	—	72 ^{np}	41,6	—	—	54,0	34,5	31,4	13,5	70	
24.	54,3	95,3	19,5	135,4	90,7	26,5	119,4	85	90	73	52	33	101	116	75	65	32,9	125	98	44,7	—	—	—	75	
25.	59,5	104,9	22,1	134,2	108,2	29,2	123,3	86	88	82	53	33	108	114	83	71	39,0	116	101	49,0	35,4	33,8	14,0	74	
26.	54,6	94,1	19,2	135,6	93,5?	21,2	131,2?	85	91	73	42?	43?!	107	116	82	63	33,0	118	95	43,5	35,5	34,4	10,5	78	
27.	55,1 ^{np}	96,9	19,2	136,8	95,5	29,1	117,2	82	82	82	42	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	
28.	51,6 ^{np}	102,3	23,0	131,6	90,1	29,8	113,0!	86	89	74	44	42!	105	112	82	70	36,7	120?	—	47,2	35,0	30,5	12,3	76	

Примечание: Здесь и в табл. 2 приняты следующие сокращения: Sub. 9 – высота поперечного изгиба лба; УПИЛ – угол поперечного изгиба лба; Sub. 31 – высота изгиба затылка; НП – надпереносье; НД – надбровные дуги; СО – сосцевидный отросток; НЗБ – наружный затылочный бугор; НКГО – нижний край грушевидного отверстия; ПНО – передненосовая ость; Нз – высота изгиба скуловой кости; Вз – ширина скуловой кости; Вн – высота назоноса; ЗМШ – зигмаксиллярная ширина; ВС – высота субспинале.

Таблица 2

Индивидуальные измерения женских черепов из могильника Фирсово XIV

№	№ по Мартину и др.		1	lb	8	8:1	17	17:1	17:8	20	5	9	Sub.9	УПІЛІ	10	11	12	29	Sub.NB	30
	Могила, скелет	Год раскопок																		
1.	мог. 70	1991	177	174	130	73,4	—	—	—	112	—	92,5	21,3	130,6	—	112	106	117	21,1?	—
2.	мог. 74	1991	179	179	134	74,9	137?	76,5?	102,2?	115	101?	84,0?	16,6	136,8?	—	122	112	110	24,2	116
3.	мог. 88	1992	174	174	141	81,0	125	71,8	88,7	111	98	94,6	22,6	128,9	118	120	106	114	29,7	97
4.	мог. 106, ск. 1	1993	176	173	133	75,6	128	72,7	96,2	111	99	88,6	19,6	132,3	108	119	113	108	26,1	99
5.	мог. 114, ск. 1	1993	174	174	133	76,4	133	76,4	100,0	115	99	91,6	18,9	135,2	111	116	109	111	30,7	112
6.	мог. 124	1993	188?	185	—	—	140?	74,5?	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	119
7.	мог. 200	1995	—	—	—	—	—	—	—	112	—	102,0	22,5	132,3	115	116	—	106	22,9	112
8.	мог. 213, ск. 2	1995	185	185	134	72,4	132	71,4	98,5	114	97	97,2	22,9	129,5	115	122	104	116	28,9	117
9.	мог. 228	1995	180	179	136	75,6	140	77,8	102,9	120	108	99,1?	—	—	—	127	101	113	28,2	103
10.	мог. 229	1995	181	180	138?	76,2?	131	72,4	94,9?	112	100	98,3	23,4	129,1	—	127	112	107	25,5	112
11.	мог. 268	1996	169	168	139	82,2	130	76,9	93,5	110	100	92,4	19,9	133,5	112	124	106	105	25,0	99
12.	мог. 292	1996	190	194	137	72,1	137	72,1	100,0	120	102	95,4	21,9	130,6	117	118	107	115	30,9	119
13.	мог. 297	1997	180	181	140	77,8	136	75,6	97,1	113	106	94,5	21,8	130,4	117	126	112	106	22,9	111
14.	мог. 306	1997	171	167	137	80,1	129	75,4	94,2	111	98	89,6	17,8	136,6	113	120	106	105	19,5	106
15.	мог. 311, ск. 2	1997	178	177	139	78,1	127	71,3	91,4	110	101	97,1	20,6	134,0	120	125	106	104	26,6	110

№	31	Sub.31	23a	24	25	26	27	28	7	16	32	GM/ FH	33(1)	33(2)	33(4)	34	НП (1-6)	НД (1-3)	НЗБ (0-5)	СО (1-3)	Форма черепа	40	45	48	48:17
1.	—	—	489	299	343	117	—	—	—	—	78?	74?	—	—	—	—	2	2	0	2	pentag.	—	120?	68	—
2.	96	25,8	—	303	371	124	131	116	—	27,6	81?	76?	88	34	122	—	3	2	3	2	ovoid.	96??	128	65?	47,4?
3.	86	27,5	498	313	347	134	107	106	33,8	25,7	87	81	83	32	115	-3	2	2	1	2	sphen.	94	126	73	58,4
4.	98	27,4	485	298	353	124	110	119	34,6	26,9	84	77	82	37	119	-9	3	2	1	2	ovoid.	96	124	63	49,2
5.	84	26,8	490	307	358	131	123	104	34,9	28,0	90	87	89	25	114	+2	2	2	2	2	ellips.	99	125	64	48,1
6.	101	27,1	—	—	—	—	131	120	34,3	—	—	—	—	—	—	—	—	2	1	2	—	—	—	—	—
7.	—	—	—	303	—	119	126	—	—	—	81?	75	—	—	—	—	4	2	—	2	ellips.	—	136	66	—
8.	90	31,1	511	306	376	134	130	112	35,6	28,3	85	78	90	22	112	-2	3	2	2	3	ovoid.	96	128	69	52,3
9.	99	28,6	505	317	363	130	113	120	35,5	27,5	86?	80	80	40	120	-8	3	2	1	2	ovoid.	110	135	76!	54,3
10.	90	27,3	508	306	362	124	127	111	36,9	—	85	76	88	30	118	-1	3	2	4	2	ovoid.	96	128	67	51,1
11.	96	24,8	493	299	342	120	109	113	34,4	29,2	88	80	84	39	123	-11	2	2	0	2	pentag.	101	128	65	50,0
12.	98	34,0	529	318	395	136	132	127	35,3	29,9	95	89	88	22	110	-15	2	2	3	2	ovoid.	101	127	63	46,0
13.	93	28,2	507	304	357	120	122	115	37,6	32,3	78	73	88	27	115	-14	2	2	1	2	pentag.	98	134	72	52,9
14.	93	25,5	486	302	345	114	120	111	39,7	33,6	77	75	83	38	121	-11	2	2	2	3	ovoid.	98	127	61	47,3
15.	89	27,2	499	306	355	121	124	110	34,7	26,6	81	77	83	33	116	-8	3	2	1	2	pentag.	101	130	68	53,5

Окончание таблицы 2

№	48:45	47	43	46	60	61	62	63	51	51a	52	55	54	HKTO	ПНО (1-5)	SC	SS	MC	MS	DC	DS	FC	Hz	
1.	56,7?	112	101	90	-	-	-	-	41,8 ^{mp}	39,2 ^{mp}	30,6	48,0	23,8?	anth.	-	10,0	4,1	19,0	7,8	20,7?	11,0	10,3	11,3 ^{mp}	
2.	50,8?	-	100?	-	-	-	-	-	41,5?	-	28,5?	46,4?	-	fos.pr.	3	-	-	-	-	-	-	-	4,9 ^{mp}	10,6 ^{mp}
3.	57,9	111	107	90	53	59	44,6	38,8	46,5	45,0	34,0	52,4	23,3	anth.	3	7,5	5,2	18,0	7,2	19,5	9,7	5,4	12,8	
4.	50,8	-	102	87	50	55	45,0	37,2	42,2	40,0	32,0	45,7	25,2	anth.	3	10,0	5,1	17,5	7,7	19,3	13,0	3,4	13,1	
5.	51,2	107?	97	97	52	58	46,7	36,4	41,4	39,0	30,0	46,0	22,3	anth.	3	7,2	4,4	15,8	7,0	18,6	11,5	6,8	10,0	
6.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
7.	48,5	109	110	94	-	-	-	-	43,3 ^{mp}	40,7 ^{mp}	34,0	50,2	22,8?	anth.	3	-	-	21,5	-	-	-	3,6	11,3	
8.	53,9	114	108	95	53	63	45,7	39,0	42,2	37,3	33,4	49,0	25,2	anth.	4	8,3	5,3	20,0	6,0	25,0	12,5	6,0	11,1	
9.	56,3	119	105?	-	60	62	52,4	38,0	-	-	36,0??	51,5	24,8?	fos.pr.	2	-	-	-	-	-	-	4,0	-	
10.	52,3	107	106	89	53	60	46,5	35,4	43,7	40,7?	32,0	46,6	26,0??	anth.	4	9,2	4,6	21,1	7,4	23,3	13,3	4,9?	9,9 ^{mp}	
11.	50,8	104	103	89	56	57	-	30,5	40,4	38,3	31,6	45,6	26,5	anth.	-	5,3	3,8	16,8	6,5	19,3	10,7	4,8	12,0	
12.	49,6	110	104	87	55	58	49,3	36,4	42,9	40,0	31,0	45,2	22,4	anth.	5	7,4	4,8	18,4	7,7	20,2	13,0	3,8	10,1	
13.	53,7	-	104	86	54	62	47,2	40,5	41,0	38,9	32,5	49,3	22,9	anth.	4	10,3	4,3	21,2	7,3	22,0	12,6	5,0	9,0	
14.	48,0	99?	101	92	-	-	-	-	42,0	40,0 ^{mp}	33,9	47,0	24,2	anth.	3	9,6?	5,6	17,3	8,9	-	-	4,4	8,9	
15.	52,3	114	108	93	57	62	51,2	38,0	43,3	40,0	34,7	50,5	24,8	anth.	3	9,1	3,7	21,4	7,7	24,8	11,5	2,4	10,4	

№	Bz	43(1)	BH	77	3MIII	BC	Zm'	72	73	74	75	75(1)	68(1)	79	68	70	71a	65	66	67	69	69(1)	69(3)	ZC'
1.	51,2 ^{mp}	93,5	19,0	135,8	89,8	25,0	121,8	83	89	72	49?	34?	-	115	-	66 ^{mp}	32,4 ^{mp}	-	-	42,3	34,1	32,4	10,7	69
2.	52,8 ^{mp}	93,9	19,0?	136,0?	-	-	-	85?	88	76?	-	-	-	-	-	-	28,5	-	-	-	-	-	-	-
3.	54,7	101,0	21,2	134,4	90,1	24,4	123,1	91	93	81	67	24	101	114	79	55	31,5	111	90	43,2	31,5	28,6	11,9	66
4.	58,3	94,5	17,9	138,6	85,8	22,7	124,2	87	91	73	63	24	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5.	53,4	91,6	17,9	137,4	96,6	25,2	124,9	81	86	68	51	30	104	125	78	50	34,0	114?	94	42,5	33,2	32,0	8,7	71
6.	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	35,9	-	-	-	-	29,5	13,6	-
7.	55,3	102,0	23,9	129,8	95,4	24,9	124,9	85?	88	75	-	-	-	-	-	62 ^{mp}	33,9 ^{mp}	-	-	46,7	-	27,5	11,8	-
8.	56,3	100,2	16,9	142,6	94,7	21,7	130,8	85	89	74	52	33	99	111	81	64	34,7	115	93	43,4	33,3	31,0	10,2	73
9.	-	96,4?	16,5	142,2?	-	-	-	82?	92?	66	-	-	116	120	88	59	42,0!	124	102	44,4	33,8	31,3	12,0	70
10.	51,2 ^{mp}	99,7	21,0	134,2	91,1	23,2	126,0	85	88	75	55	30	95	123	67	54	34,4	116	99	44,9	30,5	28,6	12,0	76
11.	55,5	92,3	15,1	143,7	90,7?	20,9	130,6	83	95!	60	62?	21?	107	126	77	65	35,0	112	95	42,0	-	29,0 ^{mp}	10,2 ^{mp}	-
12.	57,0	96,0	19,3	136,2	88,9	26,7	118,1	83	85	80	40?	43?!	101	115	79	59	34,4	113	84	44,0	30,8	30,2	10,0	76
13.	50,3	95,2	18,3	138,0	89,4	22,9	125,8	85	89	79	55	30	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
14.	52,6	92,2	17,8	137,8	94,4	29,0	116,9	81	81	81	35	46!	-	-	-	-	29,3	-	-	-	28,2	23,8	10,1	-
15.	52,8	98,7	20,3	135,2	96,3	21,8	131,4	81	87	65	62	19	104	125	75	55	33,0	114	99	49,2	33,4	29,7	12,2	66

Средние размеры и показатели изменчивости серии черепов из могильника Фирсово XIV

	Признак	Мужские						Женские																				
		N		M		S		F		n		min-max		M		S		F										
1	Продольный диаметр	27	178-207	189,8	7,34	1,45	6	5	7	169-190	178,7	6,02	1,08	14	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
8	Поперечный диаметр	25	126-152	139,6	6,90	1,90**	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
8:1	Черепной указатель	25	66,5-83,5	74,0	5,18	2,62**	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
17	Высотный диаметр от ба.	20	130-151	139,3	5,48	1,25	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
17:1	Высотно-продольный указатель от ба.	20	68,8-80,3	74,1	3,45	1,24	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
17:8	Высотно-поперечный указатель от ба.	20	90,0-107,9	99,7	5,07	1,33	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
20	Высотный диаметр от ро.	25	105-128	118,6	5,32	1,77*	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
20:1	Высотно-продольный указатель от ро.	25	55,6-68,5	62,8	3,24	1,68*	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
20:8	Высотно-поперечный указатель от ро.	25	75,3-94,8	85,1	5,01	2,30**	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
5	Длина основания черепа	20	101-114	107,2	3,33	1,52	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
9	Наименьшая ширина лба	24	88,2-104,8	95,9	4,22	1,09	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
УП/Л	Угол поперечного изгиба лба	24	118,7-145,6	132,3	5,87	1,95**	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
9:8	Лобно-поперечный указатель	24	63,6-74,9	68,7	3,11	1,13	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
10	Наибольшая ширина лба	22	109-126	119,0	5,16	1,16	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
9:10	Лобный указатель	21	75,6-85,9	80,8	2,59	1,93*	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
11	Ширина основания черепа	25	118-141	126,8	6,20	1,67*	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
12	Ширина затылка	26	105-124	111,9	5,11	1,29	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
29	Лобная хорда	27	109-122	114,9	3,93	1,37	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
Sub. Nβ	Высота изгиба лба	27	19,5-29,4	26,0	2,24	1,14	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
Sub. Nβ:29	Указатель выпуклости лба	27	17,4-26,0	22,6	1,75	1,06	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
30	Теменная хорда	27	104-134	117,6	7,65	1,57*	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
31	Затылочная хорда	25	89-106	94,5	4,19	1,48	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
Sub. 31	Высота изгиба затылка	25	23,4-33,6	27,4	2,80	1,66	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
23a	Горизонтальная окружность через орн.	25	501-540	521,7	10,93	1,66	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
24	Поперечная дуга	25	286-340	318,8	13,37	1,68*	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10
25	Сагиттальная дуга	25	355-405	378,4	12,33	1,11	6	5	14	169-190	178,7	6,02	1,08	13	130-141	136,6	3,24	2,19	13	72,1-82,2	76,6	3,16	1,03	13	125-140	132,7	4,94	1,10

Продолжение таблицы 3

1		2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
26	Лобная дуга	27	123-140	131,5	4,88	1,56	14	114-136	124,9	6,98	1,40
27	Теменная дуга	27	116-148	131,1	8,85	1,25	14	107-132	121,8	8,75	1,33
28	Затылочная дуга	25	105-130	115,4	5,75	1,63	13	104-127	114,2	6,28	1,26
26:25	Лобно-сагиттальный указатель	25	30,9-37,3	34,8	1,24		13	33,0-38,6	34,9	1,51	
27:25	Теменно-сагиттальный указатель	25	30,9-38,4	34,7	1,67		12	30,8-35,3	33,5	1,73	
28:25	Затылочно-сагиттальный указатель	25	27,8-32,7	30,5	1,29		12	29,1-33,7	31,6	1,40	
28:27	Затылочно-теменной указатель	25	72,4-103,4	88,1	7,32	2,30**	13	84,6-108,2	94,4	7,81	2,02*
7	Длина затылочного отверстия	18	33,7-42,4	38,1	2,36	1,12	12	33,8-39,7	35,6	1,69	2,02
16	Ширина затылочного отверстия	16	27,1-35,6	30,3	2,54	1,46	11	25,7-33,6	28,7	2,42	1,46
32	Угол профиля лба от п.	25	70-92	82,2	4,92	1,77*	14	77-95	84,0	5,08	1,89*
GM/FH	Угол профиля лба от gl.	25	62-84	75,0	4,84	1,46	14	73-89	78,4	4,69	1,37
33 (1)	Угол верхней части затылка	25	76-95	85,9	5,04	2,20**	12	80-90	85,5	3,32	1,05
33 (4)	Угол перегиба затылка	24	107-125	118,8	5,11	1,04	12	110-123	117,1	4,08	1,50
34	Угол затылочного отверстия	19	-1- -14	-7,4	4,35	1,09	11	+2- -15	-7,3	5,55	1,37
	Надпереносье (1-6)	28	2-6	4,25			14	2-4	2,57		
	Надбровные дуги (1-3)	28	2-3	2,57			15	2-2	2,00		
	Наружный затылочный бугор (0-5)	28	1-5	2,68			14	0-4	1,57		
	Сосцевидный отросток (1-3)	27	2-3	2,85			15	2-3	2,13		
	Ellipsoidea	15		60,0			2		14,3		
	Ovoidea	5		20,0			7		50,0		
	Sphenoidea	2		8,0			1		7,1		
	Sphaeroidea	2		8,0			-		-		
	Pentagonoidea	1		4,0			4		28,6		
40	Длина основания лица	19	97-109	103,5	3,13	2,45*	12	94-110	98,8	4,22	1,24
40:5	Указатель выступания лица	19	90,9-105,9	96,7	3,36	1,63	12	92,5-101,9	98,1	2,81	2,03
45	Скуловой диаметр	25	126-149	135,8	5,75	1,27	14	120-136	128,3	4,36	1,21
48	Верхняя высота лица	24	63-78	70,4	4,16	1,03	14	61-76	67,1	4,24	1,93*
47	Полная высота лица	20	104-126	114,6	6,47	1,17	11	99-119	109,6	5,41	1,44
48:45	Верхний лицевой указатель	22	45,9-58,2	51,7	3,70	1,38	14	48,0-57,9	52,3	3,03	1,08

Окончание таблицы 3

I	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
DC	21	18,6-28,0	22,58	2,61	1,41	10	18,6-25,0	21,27	2,37	1,27
DS	21	10,1-17,6	13,97	1,71	1,30	10	9,7-13,3	11,88	1,18	1,21
DS:DC	21	44,6-82,6	62,5	9,45	1,25	10	46,4-67,4	56,3	6,77	1,56
FC	24	2,0-10,1	6,56	1,96	3,17**	14	2,4-10,3	4,98	1,89	3,57**
Hз	21	9,0-17,2	11,1	1,68		13	8,9-13,1	10,8	1,30	
Bz	21	51,6-64,7	57,0	3,93		13	50,3-58,3	54,0	2,45	
Ihз	21	16,9-27,5	19,5	2,38		13	16,9-23,4	20,0	1,97	
77	25	126,7-144,1	136,5	4,23	1,08	14	129,8-143,7	137,3	3,71	1,41
ZZ.m*	22	113,0-134,0	122,4	5,69	1,11	12	116,9-131,4	124,9	4,62	1,37
72	22	78-94	85,0	3,41	1,38	14	81-91	84,1	2,73	1,13
73	21	81-98	88,1	4,25	2,01**	14	81-95	88,6	3,50	1,36
74	21	68-85	77,0	4,57	1,16	14	60-81	73,2	6,44	1,11
75 (1)	18	31-49	37,4	5,06	1,21	11	19-46	30,4	8,50	3,41**
68 (1)	18	97-120	109,2	5,54	1,14	8	95-116	103,4	6,25	1,56
79	20	107-126	115,8	5,36	1,43	9	111-126	119,3	5,68	1,27
68	19	75-95	84,2	5,28	1,66	8	67-88	78,0	5,88	2,27*
70	21	57-72	64,9	4,35	1,27	10	50-66	58,9	5,34	1,47
71a	23	30,4-41,6	36,3	3,18	1,39	13	28,5-42,0	33,8	3,30	1,74
65	18	113-133	121,0	5,93	1,08	8	111-124	114,9	4,02	1,08
66	18	93-120	102,2	7,58	1,45	8	84-102	94,5	5,73	1,02
67	21	42,4-54,0	46,9	3,05	1,49	10	42,0-49,2	44,3	2,23	1,16
69	17	30,3-38,3	33,9	1,97	2,09*	9	28,2-34,1	32,1	1,97	1,68
69 (1)	22	28,6-37,7	31,7	2,13	1,27	12	23,8-32,4	29,5	2,32	1,11
69 (3)	22	9,8-15,3	12,4	1,49	1,06	12	8,7-13,6	11,1	1,35	0,00
ZC'	20	61-78	68,9	4,73	1,89	8	66-76	70,9	3,94	2,72
M 1	20	147,4-162,0	154,1	3,83		12	144,2-152,8	147,6	2,83	
M 2	20	81,1-91,4	85,9	3,23		12	79,8-89,5	84,7	2,88	
M 3	22	90,9-102,9	98,0	3,52		14	88,0-101,3	92,8	3,87	

Примечание: Здесь и далее: подчеркнуты значения F для пониженной изменчивости;

* - достоверно на уровне $P < 0,05$, ** - на уровне $P < 0,01$

Таблица 4

Серии черепов андроновской культуры

	Пол									
	Фирсово XIV	Верхнее Приобье (суммарн.)	Северо-Восточн. Казахстан	Средний Енисей	Западный Казахстан	Фирсово XIV	Верхнее Приобье (суммарн.)	Северо-Восточн. Казахстан	Средний Енисей	Западный Казахстан
	Мужчины					Женщины				
1	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)	x(n)
8	189,8(27)	180,8(17)	181,3(6)	186,4(33)	188,0(13)	178,7(14)	176,1(20)	177,1(8)	178,1(18)	179,2(16)
8.1	139,6(25)	142,2(17)	142,8(6)	144,5(31)	138,3(13)	136,6(13)	137,7(19)	138,5(8)	141,6(16)	133,9(16)
17	74,0(25)	79,1(16)	78,8(6)	77,7(31)	73,7(14)	76,6(13)	78,9(18)	77,5(10)	79,8(16)	75,0(17)
17.1	139,3(20)	135,6(17)	140,0(3)	140,2(30)	139,8(5)	132,7(13)	131,1(17)	131,3(3)	131,7(16)	132,0(9)
17.8	74,1(20)	75,2(16)	76,6(3)	75,3(29)	74,8(5)	74,2(13)	75,1(17)	73,7(3)	74,1(16)	73,7(8)
20	118,6(25)	116,5(18)	120,0(4)	118,4(19)	102,5(5)	96,6(12)	94,8(17)	93,8(3)	93,2(15)	97,4(8)
5	107,2(20)	102,8(18)	104,5(2)	106,6(30)	109,0(4)	100,8(12)	99,7(17)	100,3(3)	99,0(16)	101,6(9)
9	95,9(24)	99,3(21)	99,8(6)	100,7(31)	96,7(13)	94,1(14)	95,7(23)	95,9(9)	96,9(19)	94,5(17)
32	82,2(25)	83,3(18)	87,8(4)	82,9(26)	82,3(6)	84,0(14)	83,3(14)	87,2(5)	86,3(15)	83,3(6)
11	126,8(25)	127,1(18)	133,3(3)	130,6(18)	124,8(8)	121,0(14)	119,3(18)	124,3(4)	123,9(7)	121,1(9)
40	103,5(19)	101,3(17)	100,5(2)	101,4(28)	104,3(3)	98,8(12)	96,9(17)	97,3(3)	95,7(14)	96,8(5)
40.5	96,7(19)	98,2(17)	96,2(2)	95,4(28)	97,4(3)	98,1(12)	97,1(14)	97,0(3)	96,3(15)	94,0(5)
45	135,8(25)	136,2(17)	139,0(5)	140,6(28)	134,4(9)	128,3(14)	128,4(16)	128,3(3)	129,6(15)	129,0(15)
48	70,4(24)	68,4(19)	69,2(6)	68,8(29)	68,2(10)	67,1(14)	66,9(17)	65,0(6)	67,8(19)	68,1(13)
48.17	50,6(19)	49,7(17)	49,8(2)	49,1(29)	48,2(5)	50,9(12)	51,1(14)	50,0(3)	50,9(15)	52,0(7)
48.45	51,7(22)	50,0(16)	49,6(5)	49,1(28)	51,7(8)	52,3(14)	52,6(14)	50,2(3)	52,2(15)	53,5(12)
72	85,0(22)	85,0(18)	86,3(4)	85,4(25)	85,0(6)	84,1(14)	84,8(13)	86,7(3)	85,7(14)	84,8(6)
74	77,0(21)	79,1(17)	81,7(3)	82,6(18)	73,3(4)	73,2(14)	77,3(13)	77,0(3)	85,3(7)	74,0(5)
77	136,5(25)	138,4(22)	140,9(3)	137,5(26)	134,4(8)	137,3(14)	137,9(21)	137,3(5)	140,4(15)	136,8(10)
∠Zm'	122,4(22)	127,7(19)	126,5(3)	128,4(26)	120,2(6)	124,9(12)	126,5(13)	129,5(4)	127,5(14)	124,5(6)
51	43,7(25)	43,0(22)	43,7(3)	44,3(29)	41,6(6)	42,5(13)	41,6(17)	42,3(4)	42,6(14)	42,5(7)
51a	41,0(22)	40,3(16)	40,5(4)	42,0(16)	38,3(8)	39,9(12)	39,7(10)	39,3(6)	40,1(10)	39,0(12)
52	31,4(26)	32,1(22)	31,0(4)	32,0(29)	32,3(10)	32,4(14)	32,7(18)	30,8(4)	32,7(17)	32,7(13)
52.51	71,9(24)	74,1(22)	71,7(5)	72,5(29)	74,9(6)	75,7(13)	78,8(17)	72,0(4)	76,8(14)	79,6(7)
52.51a	76,3(22)	78,7(16)	76,6(4)	75,3(16)	82,6(8)	81,4(12)	83,0(10)	78,3(6)	83,5(10)	84,2(12)
55	51,2(23)	49,3(20)	51,5(4)	50,4(30)	50,8(11)	48,1(14)	49,1(17)	47,0(6)	48,6(19)	49,1(12)
54	24,4(23)	26,2(21)	25,8(4)	25,4(29)	25,0(8)	24,2(13)	23,8(16)	24,8(6)	23,8(19)	24,0(11)
54.55	48,3(22)	53,3(20)	50,2(4)	50,6(29)	50,7(8)	50,3(13)	48,4(16)	51,9(5)	49,0(19)	48,3(9)
75(1)	37,4(18)	29,3(15)	33,5(4)	33,4(26)	32,8(6)	30,4(11)	25,4(14)	27,3(3)	28,0(15)	28,1(8)
SC	9,13(23)	9,05(17)	11,05(2)	8,80(27)	9,50(5)	8,54(11)	9,01(16)	10,47(3)	7,77(15)	9,00(6)
SS	5,07(23)	4,78(17)	5,60(3)	4,80(27)	5,22(5)	4,63(11)	4,48(17)	5,03(3)	4,01(15)	4,10(6)
SS.SC	55,7(23)	54,8(17)	49,1(2)	56,3(27)	54,5(5)	50,3(17)	50,3(17)	49,5(3)	52,0(15)	50,7(6)
DC	22,58(21)	23,33(14)	22,60(2)	23,90(27)	24,38(4)	21,27(10)	21,09(12)	21,30(3)	20,24(14)	22,00(5)
DS	13,97(21)	13,33(14)	13,50(2)	13,90(27)	15,20(4)	11,88(10)	11,99(12)	12,73(3)	11,96(14)	12,50(5)
DS.DC	62,5(21)	58,2(14)	60,7(2)	62,5(27)	62,8(4)	56,3(10)	57,4(12)	60,4(3)	58,9(14)	56,7(5)

Обобщенные коэффициенты Л. Пенроза между краниологической серией из могильника Фирсово XIV и привлекаемыми для сравнения группами

Пол	Мужчины			Женщины			
	Группы	C_R^2	C_H^2	C_Q^2	C_R^2	C_H^2	C_Q^2
Андроновцы Верхнего Приобья		0,508	0,534	0,025	0,128	0,132	0,004
Андроновцы Среднего Енисея		0,314	0,337	0,023	0,252	0,254	0,002
Андроновцы Северо-Восточного Казахстана		0,562	0,568	0,006	0,317	0,318	0,001
Андроновцы Западного Казахстана		0,243	0,244	0,001	0,104	0,105	0,001
Срубники Нижнего Поволжья		0,214	0,267	0,053	0,117	0,130	0,013
Кокча III, тазабагыябская культура		0,351	0,362	0,011	0,333	0,333	0,000
Алтындепе		0,298	0,442	0,144	0,273	0,308	0,035
Сапталитепа		0,609	0,621	0,011	0,438	0,445	0,007
Джаркутан		0,496	0,622	0,126	0,276	0,279	0,003
Сопка II, кротовцы		1,257	1,263	0,006	0,799	0,829	0,030
Черноозерье I, поздние кротовцы		1,651	1,653	0,002	0,808	0,823	0,016
Еловка II, андроновское время		1,179	1,179	0,001	0,444	0,631	0,187

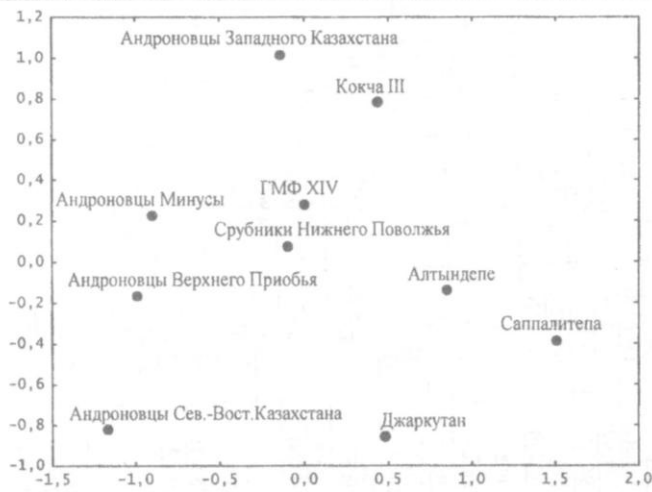

Рис.1. Результаты многомерного шкалирования расстояний Пенроза между мужскими краниологическими сериями эпохи бронзы и суммарной серией Фирсово XIV

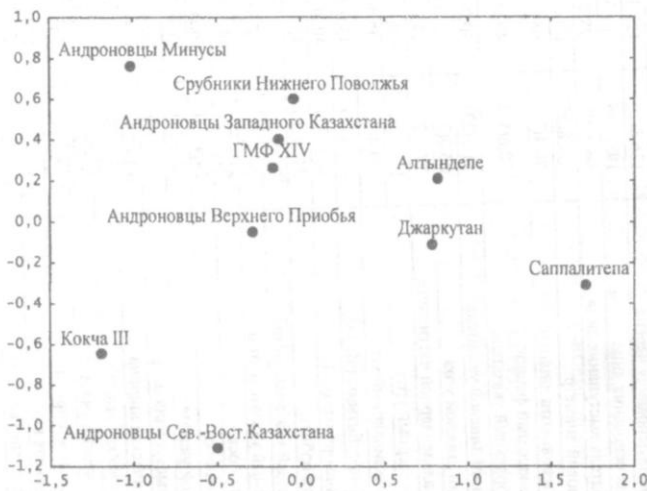

Рис.2. Результаты многомерного шкалирования расстояний Пенроза между женскими краниологическими сериями эпохи бронзы и суммарной серией Фирсово XIV

Таблица 6
Факторные нагрузки двух первых
главных компонент (I-II) мужских
черепов из Фирсово XIV

	I	II
1	0,490	0,256
8	-0,827	0,232
8:1	-0,830	0,038
20	-0,513	0,077
9	-0,570	0,506
32	-0,714	-0,380
45	-0,505	0,671
48	0,722	0,413
48:45	0,884	-0,073
77	-0,316	0,120
$\angle Zm'$	-0,436	0,104
51	-0,038	0,826
52	0,274	0,637
55	0,631	0,468
54	-0,133	0,712
λ	5,052	2,992
P%	33,679	19,950

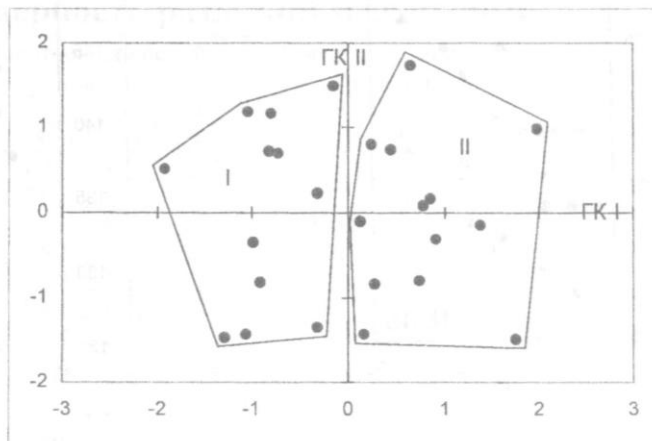

Рис. 3. Положение мужских черепов из Фирсово XIV в пространстве I и II главных компонент (ГК)

Таблица 7
Факторные нагрузки двух первых
главных компонент (I-II) женских
черепов из Фирсово XIV

	I	II
1	0,220	0,511
8	-0,716	-0,365
8:1	-0,580	-0,591
17	0,435	-0,217
9	-0,475	0,226
32	0,137	-0,086
45	-0,571	-0,479
48	-0,683	0,472
48:45	-0,289	0,730
72	-0,551	0,417
77	0,008	-0,695
$\angle Zm'$	-0,583	-0,331
51	-0,592	0,433
52	-0,746	-0,032
55	-0,807	0,307
54	-0,340	-0,354
75(1)	0,714	0,289
SC	-0,163	0,331
SS	0,026	0,297
λ	5,061	3,290
P%	26,638	17,316

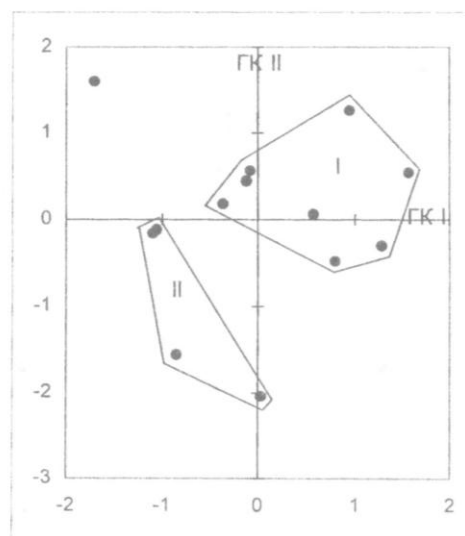

Рис. 4. Положение женских черепов из Фирсово XIV в пространстве I и II главных компонент (ГК)

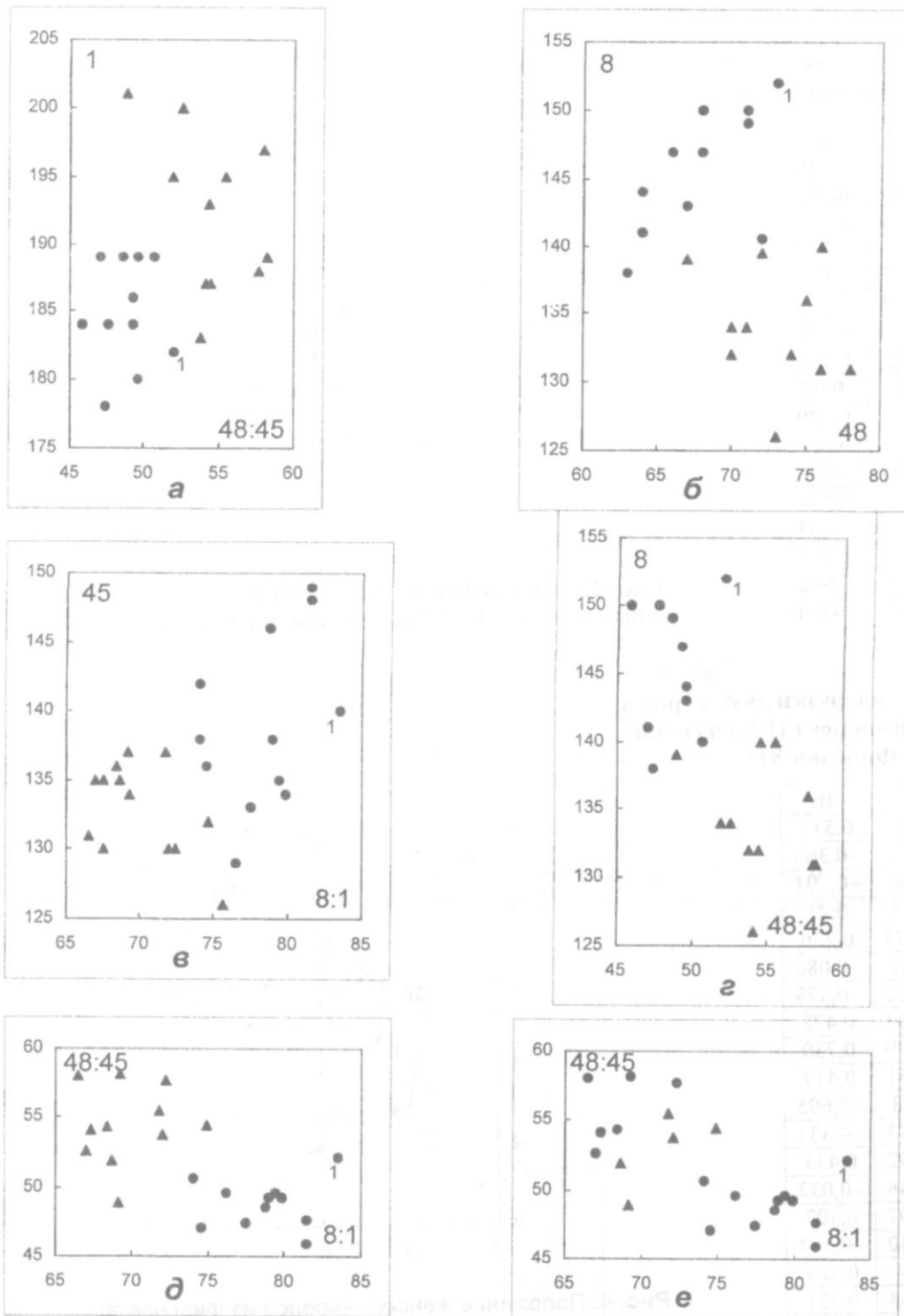

Рис. 5. Мужские черепа из андроновского могильника Фирсово XIV. Попарное комбинирование признаков на корреляционном поле.
а-д: ● – черепа, вошедшие по результатам компонентного анализа в «протоевропейский» кластер; ▲ – «средиземноморский»; **е:** ● – черепа из юго-западной «ранней» части могильника; ▲ – северо-восточной «поздней»; 1 – череп из разрушенной могилы.

Таблица 8

Морфологические комплексы в составе мужской серии из Фирсово XIV, выделенные по результатам компонентного анализа и достоверность различий между ними

Кластер		«Протоевропейский» кластер				«Средиземноморский» кластер				t-критерий Стьюдента
		n	X	S	F	n	X	S	F	
1	Продольный диаметр	12	185,3	3,89	<u>2,46*</u>	13	192,2	6,99	1,31	3,049**
8	Поперечный диаметр	12	145,1	4,70	<u>1,13</u>	13	134,5	4,14	<u>1,46</u>	5,967***
8:1	Черепной указатель	12	78,3	3,10	<u>1,07</u>	13	70,1	3,01	<u>1,13</u>	6,764***
17	Высотный диаметр от ба.	11	141,4	4,65	<u>1,11</u>	9	136,8	5,59	1,30	2,005
17:1	Высотно-продольный ук-ль	11	76,2	2,57	<u>1,45</u>	9	71,5	2,81	<u>1,22</u>	3,897**
17:8	Высотно-поперечный ук-ль	11	97,9	4,26	<u>1,07</u>	9	101,9	5,34	1,47	1,858
20	Высотный диаметр от ро.	12	120,0	4,57	1,31	13	117,3	5,81	2,11*	1,280
5	Длина основания черепа	11	106,5	2,77	<u>2,19</u>	9	107,9	3,95	<u>1,08</u>	0,893
9	Наименьшая ширина лба	12	97,6	3,30	<u>1,54</u>	12	94,2	4,50	1,05	2,076*
9:8	Лобно-поперечный указ-ль	12	67,3	2,78	<u>1,41</u>	12	70,2	2,84	<u>1,35</u>	2,491*
32	Угол профиля лба от п.	12	84,6	3,96	1,15	13	80,0	4,80	1,68	2,592*
Надпереносье (1-6)		12	4,75			13	3,85			
11	Ширина основания черепа	12	131,6	5,11	1,13	13	122,4	2,99	<u>2,58*</u>	5,552***
40	Длина основания лица	10	102,5	3,27	<u>2,25</u>	9	104,6	2,74	<u>3,20*</u>	1,473
40:5	Указатель выступания лица	10	96,4	4,07	1,04	9	97,0	2,57	<u>2,42</u>	0,358
45	Скуловой диаметр	12	139,0	6,24	1,50	13	132,9	3,35	<u>2,32*</u>	3,068**
45:8	Поперечный фацио-церебральный указатель	12	95,8	3,62	<u>1,10</u>	13	98,9	4,08	1,15	1,969
43	Верхняя ширина лица	12	108,9	3,18	<u>1,47</u>	12	104,6	4,54	1,39	2,709*
48	Верхняя высота лица	11	67,9	3,48	<u>1,39</u>	11	72,9	3,27	<u>1,57</u>	3,474**
47	Полная высота лица	9	110,9	4,96	<u>1,99</u>	10	118,6	5,48	<u>1,63</u>	3,201**
48:17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	10	47,9	2,67	<u>1,53</u>	9	53,5	4,49	1,85	3,378**
48:45	Верхний лицевой указатель	11	48,8	1,75	<u>3,24*</u>	11	54,5	2,82	<u>1,25</u>	5,655***
72	Общий лицевой угол	11	85,2	4,56	<u>2,47**</u>	11	84,8	1,89	<u>2,35</u>	0,246
74	Угол альвеолярной части	11	76,4	4,99	<u>1,49</u>	10	77,7	4,22	<u>2,09</u>	0,660
77	Назомаллярный угол	12	137,2	4,09	<u>1,16</u>	12	135,2	4,00	<u>1,21</u>	1,202
Zm'	Зигомаксиллярный угол	10	124,6	5,17	<u>1,09</u>	11	120,1	5,67	1,10	1,919
51	Ширина орбиты от mf.	12	43,9	2,11	1,37	12	43,4	1,98	1,21	0,559
51a	Ширина орбиты от d.	12	41,2	2,03	1,43	9	40,7	2,63	<u>2,39*</u>	0,443
52	Высота орбиты	12	31,1	2,60	<u>1,87*</u>	12	32,1	1,97	1,08	1,079
52:51	Орбитный указатель от mf.	12	70,8	5,64	1,27	11	74,1	3,39	<u>2,18</u>	1,657
52:51a	Орбитный указатель от d.	12	75,5	5,92	1,27	9	78,6	3,85	<u>1,86</u>	1,341
55	Высота носа	11	49,5	3,11	1,15	11	52,9	2,90	1,00	2,655*
54	Ширина носа	10	24,6	2,05	1,30	12	24,3	2,04	1,28	0,306
54:55	Носовой указатель	10	50,0	3,35	<u>1,50</u>	11	46,7	4,13	<u>1,04</u>	2,014
75(1)	Угол выступания носа	10	37,0	4,55	<u>1,02</u>	8	38,6	5,88	1,63	0,662
SC	Симотическая ширина	12	8,98	1,70	<u>1,12</u>	10	9,19	1,81	1,01	0,275
SS	Симотическая высота	12	5,09	1,06	1,39	10	4,97	1,75	<u>3,78**</u>	0,201
SS:SC	Симотический указатель	12	57,3	9,97	<u>1,38</u>	10	53,6	15,18	1,68	0,670
DC	Дакриальная ширина	11	22,68	2,93	1,77	9	22,16	2,29	1,08	0,439
DS	Дакриальная высота	11	14,25	0,68	<u>1,05</u>	9	13,42	2,43	<u>1,22</u>	1,079
DS:DC	Дакриальный указатель	11	63,6	7,56	<u>1,25</u>	9	61,0	12,15	<u>2,07*</u>	0,583
УЛС			-8,4				-18,8			
ПФЦ			89,6				91,6			
УДМЭ			-37,3				-38,7			

**Морфологические комплексы в составе женской серии из
Фирсово XIV, выделенные по результатам компонентного
анализа и достоверность различий между ними**

Кластер		Кластер I			Кластер II				t-критерий Стьюдента	
Признак		n	X	S	F	n	X	S		F
1	Продольный диаметр	8	179,3	6,14	1,12	4	174,5	4,36	1,77	1,370
8	Поперечный диаметр	8	135,3	3,28	2,14	4	140,3	1,89	6,45	2,780*
8:1	Черепной указатель	8	75,5	2,76	1,34	4	80,4	2,36	1,84	3,039*
17	Высотный диаметр от ба.	7	132,3	3,35	1,97	4	130,5	3,87	1,47	0,806
17:1	Высотно-продольный ук-ль	7	73,7	2,01	2,38	4	74,8	3,48	1,26	0,682
17:8	Высотно-поперечный ук-ль	7	97,3	2,33	3,57	4	93,0	1,64	7,20	3,187*
20	Высотный диаметр от ро.	8	113,5	2,98	1,63	3	112,3	4,04	1,13	0,531
5	Длина основания черепа	7	100,1	3,02	1,67	4	100,0	0,82	22,62*	0,091
9	Наименьшая ширина лба	8	93,5	3,49	1,52	4	96,1	5,14	1,43	1,073
9:8	Лобно-поперечный указ-ль	8	69,1	2,48	1,77	4	68,6	4,07	1,52	0,288
32	Угол профиля лба от п.	8	84,0	6,32	2,92**	4	85,5	3,32	1,24	0,438
Надпереносье (1-6)		8	2,38			4	2,50			
11	Ширина основания черепа	8	120,0	4,99	1,18	4	122,0	6,06	1,74	0,613
40	Длина основания лица	7	97,7	1,89	6,18*	4	99,5	1,91	6,06	1,501
40:5	Указатель выступания лица	7	97,6	2,72	2,16	4	99,5	1,29	9,61*	1,265
45	Скуловой диаметр	8	126,6	4,00	1,44	4	132,0	3,65	1,73	2,252*
45:8	Вертикальный фацио- церебральный указатель	8	93,6	1,32	8,29**	4	94,1	1,62	5,50	0,560
43	Верхняя ширина лица	8	102,9	3,40	1,15	4	106,8	3,50	1,09	1,845
48	Верхняя высота лица	8	65,9	3,72	1,04	4	66,5	1,29	8,68*	0,320
47	Полная высота лица	6	108,2	5,27	1,52	4	109,3	4,11	2,50	0,345
48:17	Вертикальный фацио- церебральный указатель	7	49,6	2,62	1,59	4	51,0	2,18	2,29	0,912
48:45	Верхний лицевой указатель	8	52,0	2,74	1,32	4	50,4	1,59	3,92	1,083
72	Общий лицевой угол	8	83,8	2,12	1,87	4	83,5	1,91	2,31	0,198
74	Угол альвеолярной части	8	75,3	4,46	1,87	4	70,3	10,81	3,14*	1,166
77	Назомаллярный угол	8	137,6	2,48	3,15	4	140,0	5,84	1,76	1,129
∠Zm'	Зигмаксиллярный угол	8	123,6	4,52	1,43	4	130,1	2,31	5,46	2,678*
51	Ширина орбиты от mf.	8	42,2	0,85	4,00*	4	42,7	1,57	1,17	0,769
51a	Ширина орбиты от d.	8	39,4	1,04	2,37	4	40,5	1,94	1,47	1,260
52	Высота орбиты	8	31,9	1,35	1,98	4	33,2	1,28	2,20	1,566
52:51	Орбитный указатель от mf.	8	75,8	3,46	2,09	4	77,8	1,78	7,89	1,076
52:51a	Орбитный указатель от d.	8	81,1	4,43	1,40	4	82,2	3,66	2,06	0,412
55	Высота носа	8	47,1	1,53	3,11	4	48,5	2,23	1,47	1,317
54	Ширина носа	8	24,0	1,39	1,50	4	25,3	1,14	2,22	1,637
54:55	Носовой указатель	8	51,0	3,18	1,66	4	52,4	4,69	1,31	0,596
75(1)	Угол выступания носа	8	33,8	7,30	2,52*	4	19,8	2,22	4,29	3,699**
SC	Симотическая ширина	8	9,00	1,22	2,18	4	8,60	2,77	2,37	0,728
SS	Симотическая высота	8	4,78	0,52	1,81	4	4,28	0,63	1,23	1,467
SS:SC	Симотический указатель	8	54,0	9,49	1,52	4	52,9	14,71	1,58	0,157
DC	Дакриальная ширина	7	21,30	2,27	1,17	4	21,28	3,44	2,68*	0,015
DS	Дакриальная высота	7	12,41	0,85	2,34	4	12,00	1,19	1,19	0,675
DS:DC	Дакриальный указатель	7	58,7	6,18	1,87	4	57,4	9,86	1,36	0,284
УЛС			-12,4				31,3			
ПФЦ			90,6				92,8			
УДМЭ			-36,6				24,2			

Таблица 10

Морфологические компоненты в составе серии из могильника Фирсово XIV и сравнительные материалы

	Признак	ГМФ XIV, «Средизем.» кластер		Елунинская культура		Самусьская культура		ГМФ XIV, суммарно		ГМФ XIV, Кластер I		ГМФ XIV, Кластер II		Преображенка III, андроновцы		Елунинская культура		Самусьская культура			
		x (n)	♂	x (n)	♂	x (n)	♂	x (n)	♀*	x (n)	♀*	x (n)	♀	x (n)	♀	x (n)	♀	x (n)	♀	x (n)	♀
1	Долгольный диаметр	192,2(13)		192,3(11)		186,7(3)		187,5(14)		188,1(8)		174,5(4)		172,0(5)		184,0(7)		180,3(4)		180,3(4)	
8	Поперечный диаметр	134,5(13)		139,4(12)		139,3(3)		141,0(13)		140,3(8)		140,3(4)		141,5(6)		136,7(6)		138,3(4)		138,3(4)	
8-1	Черепной указатель	70,1(13)		72,3(11)		74,7(3)		75,7(13)		74,7(8)		80,4(4)		81,5(5)		73,5(5)		76,8(4)		76,8(4)	
17	Высотный диаметр от ba	136,8(9)		137,3(8)		141,0(1)		138,9(13)		138,5(7)		130,5(4)		126,3(3)		127,8(6)		130,5(4)		130,5(4)	
17-1	Высотно-продольный указатель	71,5(9)		71,3(8)		79,7(1)		74,1(13)		73,6(7)		74,8(4)		73,7(3)		69,3(6)		72,4(4)		72,4(4)	
17-8	Высотно-поперечный указатель	101,9(9)		98,7(8)		103,7(1)		97,6(12)		98,2(7)		93,0(4)		89,6(3)		93,9(5)		94,5(4)		94,5(4)	
20	Высотный диаметр от ро.	117,3(13)		116,9(10)		119,0(3)		118,5(14)		118,7(8)		112,3(3)		110,8(5)		111,3(4)		113,8(4)		113,8(4)	
5	Длина основания черепа	107,9(9)		104,8(8)		107,0(1)		106,2(12)		105,5(7)		100,0(4)		100,0(3)		100,8(6)		99,5(4)		99,5(4)	
9	Наименьшая ширина лба	94,2(12)		95,7(11)		93,0(3)		97,1(14)		96,5(8)		96,1(4)		90,8(5)		93,6(9)		95,0(5)		95,0(5)	
32	Угол профиля лба от n.	80,0(13)		78,6(7)		77,0(2)		81,0(14)		81,0(8)		85,5(4)		86,0(3)		78,3(4)		84,7(3)		84,7(3)	
40	Длина основания лица	104,6(9)		100,6(5)		106,0(1)		102,9(12)		101,8(7)		99,5(4)		101,0(2)		99,4(5)		102,5(4)		102,5(4)	
40-5	Указатель выступающего лица	97,0(9)		96,0(5)		99,1(1)		97,0(12)		96,5(7)		99,5(4)		101,0(2)		97,6(5)		104,7(4)		104,7(4)	
45	Скуловой диаметр	132,9(13)		133,9(9)		132,3(3)		137,5(14)		135,8(8)		132,0(4)		132,0(1)		131,1(4)		130,0(4)		130,0(4)	
48	Верхняя высота лица	72,9(11)		73,9(7)		70,0(2)		72,2(14)		70,9(8)		66,5(4)		64,7(3)		70,5(8)		68,8(5)		68,8(5)	
48-17	Вертикальный фацио-церебральный указатель	53,5(9)		52,5(5)		50,4(1)		52,3(12)		51,0(7)		51,0(4)		50,8(2)		55,5(6)		53,5(4)		53,5(4)	
48-45	Верхний лицевой указатель	54,5(11)		55,3(6)		53,1(2)		52,5(14)		52,3(8)		50,4(4)		49,2(1)		54,1(4)		53,8(4)		53,8(4)	
72	Общий лицевой угол	84,8(11)		86,2(6)		83,0(2)		84,1(14)		83,8(8)		83,5(4)		80,3(3)		85,0(4)		81,3(3)		81,3(3)	
74	Угол альвеолярной части лица	77,7(10)		77,3(6)		83,0(2)		74,2(14)		76,3(8)		70,3(4)		70,3(3)		74,5(4)		76,0(3)		76,0(3)	
77	Назоярный угол	135,2(12)		139,5(11)		132,5(2)		137,3(14)		137,6(8)		140,0(4)		138,8(4)		140,8(11)		140,4(5)		140,4(5)	
Zm'	Зигмаксиллярный угол	120,1(11)		130,3(4)		120,5(2)		124,9(12)		123,6(8)		130,1(4)		131,5(2)		129,9(5)		127,0(3)		127,0(3)	
51	Ширина орбиты от mf.	43,4(12)		44,0(8)		44,5(2)		44,2(13)		43,9(8)		42,7(4)		42,0(3)		42,5(6)		44,0(4)		44,0(4)	
51a	Ширина орбиты от d.	40,7(9)		40,9(7)		41,5(2)		41,5(12)		41,0(8)		40,5(4)		39,2(3)		39,9(7)		41,0(4)		41,0(4)	
52	Высота орбиты	32,1(12)		34,1(8)		32,0(3)		32,6(14)		32,1(8)		33,2(4)		30,5(3)		34,0(6)		32,2(5)		32,2(5)	
52-51	Орбитный указатель от mf.	74,1(11)		77,7(8)		70,8(2)		73,2(13)		73,3(8)		77,8(4)		72,8(3)		79,9(6)		72,9(4)		72,9(4)	
52-51a	Орбитный указатель от d.	78,6(9)		82,7(7)		75,9(2)		78,8(12)		78,5(8)		82,2(4)		78,2(3)		85,5(7)		78,1(4)		78,1(4)	
55	Высота носа	52,9(11)		52,2(7)		50,5(2)		51,0(14)		50,0(8)		48,5(4)		49,3(3)		51,2(8)		49,2(5)		49,2(5)	
54	Ширина носа	24,3(12)		25,8(7)		28,3(2)		25,2(13)		25,0(8)		25,3(4)		25,4(2)		25,0(7)		25,6(5)		25,6(5)	
54-55	Носовой указатель	46,7(11)		49,4(7)		56,0(2)		49,3(13)		50,0(8)		52,4(4)		50,7(2)		49,0(7)		52,1(5)		52,1(5)	
75(1)	Угол выступающего носа	38,0(8)		29,0(5)		33,5(2)		34,4(11)		37,8(8)		19,8(4)		20,7(3)		21,3(6)		18,0(3)		18,0(3)	
SC	Симметрическая ширина	9,19(10)		8,56(8)		8,50(2)		8,54(11)		9,00(8)		8,60(4)		8,43(4)		9,00(7)		7,57(3)		7,57(3)	
SS	Симметрическая высота	4,97(10)		3,75(8)		4,60(2)		5,59(11)		5,77(8)		4,28(4)		3,90(4)		3,67(7)		3,83(3)		3,83(3)	
SS-SC	Симметрический указатель	53,6(10)		44,7(8)		56,1(2)		65,5(11)		65,3(8)		52,9(4)		46,4(4)		41,2(7)		50,7(3)		50,7(3)	
DC	Дакриальная ширина	22,16(9)		24,77(6)		22,00(2)		22,46(10)		22,49(7)		21,28(4)		21,00(3)		23,25(6)		21,07(3)		21,07(3)	
DS	Дакриальная высота	13,42(9)		11,78(6)		14,45(2)		13,22(10)		13,81(7)		12,00(4)		11,63(3)		10,57(6)		11,37(3)		11,37(3)	
DS-DC	Дакриальный указатель	61,0(9)		48,1(6)		68,2(2)		59,3(10)		61,9(7)		57,4(4)		55,0(3)		45,4(6)		55,0(3)		55,0(3)	

Примечание: * – женские черепа, пересчитанные на «мужские» с помощью средних коэффициентов полового диморфизма.

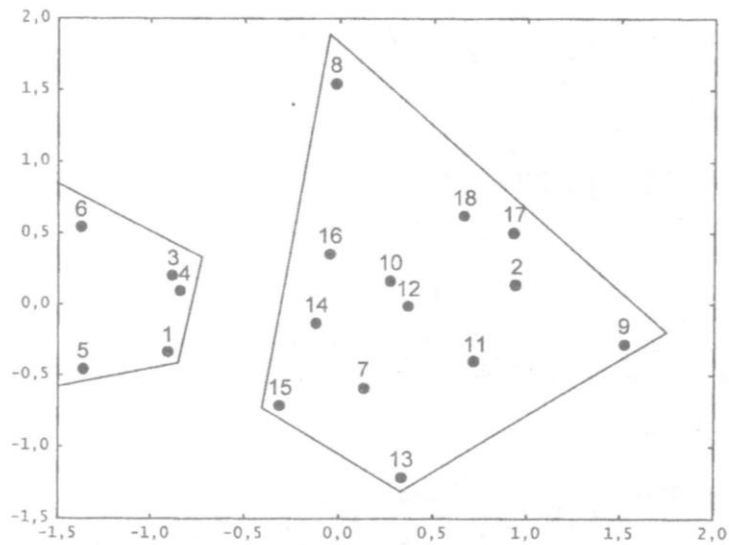

Рис. 6. Результаты многомерного шкалирования и кластеризации расстояний Пенроза «по форме» между мужскими краниологическими сериями и морфологическими компонентами серии Фирсово XIV

Примечание: Андроновцы: 1 – ГМФ XIV, «протоевропейский» кластер; 2 – ГМФ XIV, «средиземноморский» кластер; 3 – Верхнего Приобья; 4 – Среднего Енисея; 5 – Северо-Восточного Казахстана; 6 – Ермак; 7 – Западного Казахстана; 8 – елуинцы; 9 – самусьцы; 10 – Карадепе; 11 – Геоксюр; 12 – Алтындепе; 13 – Саппалитепа; 14 – Джаркутан; 15 – Кокча III; 16 – срубники Нижнего Поволжья; 17 – культура многоваликовой керамики Украины; 18 – срубники Украины.

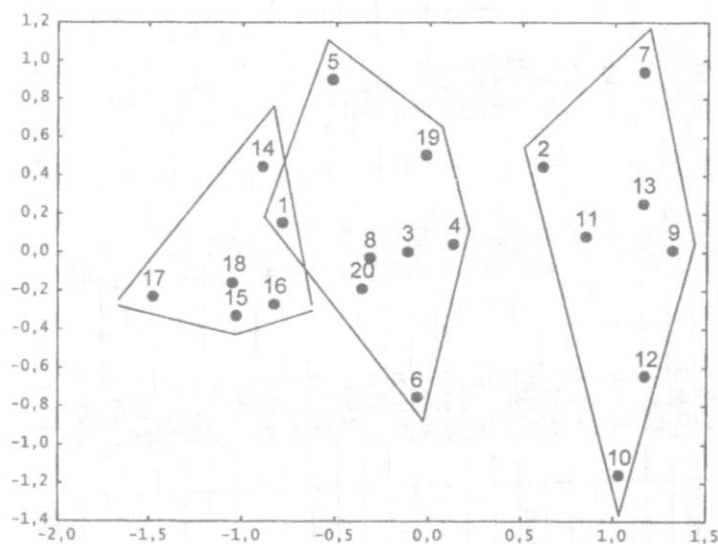

Рис. 7. Результаты многомерного шкалирования и кластеризации расстояний Пенроза «по форме» между женскими краниологическими сериями и морфологическими компонентами серии Фирсово XIV

Примечание: Андроновцы: 1 – ГМФ XIV, кластер I; 2 – ГМФ XIV, кластер II; 3 – Верхнего Приобья; 4 – Среднего Енисея; 5 – Северо-Восточного Казахстана; 6 – Ермак; 7 – Преображенка III; 8 – Западного Казахстана; 9 – Сопка II, кротовцы; 10 – Черноозерье I, поздние кротовцы; 11 – Еловка II, андроновское время; 12 – елуинцы; 13 – самусьцы; 14 – Карадепе; 15 – Геоксюр; 16 – Алтындепе; 17 – Саппалитепа; 18 – Джаркутан; 19 – Кокча III; 20 – срубники Нижнего Поволжья.

3. Алексеев В.П. Антропология андроновской культуры // Советская археология. – 1967. – № 1. – С.22-26.
4. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984. – 208 с.
5. Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. – М., 1964. – 128 с.
6. Алексеев В.П., Ходжайов Т., Халилов Х. Население верховий Амударьи по данным палеоантропологии. – Ташкент, 1984. – 391 с.
7. Багашев А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.4. Расогенез коренного населения. – Томск, 1998. – С.303-327.
8. Багашев А.Н. Формирование древнего и современного населения Западной Сибири по данным краниологии: Автореф. дис. ... док. ист. наук. – М., 2000. – 51 с.
9. Бунак В.В. Об эволюции формы черепа человека // Вопросы антропологии. – 1968. – Вып. 30. – С.3-16.
10. Бунак В.В. Изменение антропологических признаков при изменении гомогамии // Вопросы антропологии. – 1977. – Вып. 56. – С.21-26.
11. Гальченко А.В. Фаунистический анализ остеологического материала из андроновских поселений Алтайского края // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990. – С.57-62.
12. Гинзбург В.В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1962. – № 120. – С.186-198.
13. Гинзбург В.В., Трофимова Т.А. Палеоантропология Средней Азии. – М., 1972. – 372 с.
14. Дебец Г.Ф. Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя (к вопросу о миграциях в доклассовом обществе) // Антропологический журнал. – 1932. – №2. – С.26-48.
15. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – М.-Л., 1948 (ТИЭ, т.IV). – 392 с.
16. Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кирюшин Ю.Ф., Молодин В.И. Миграционные процессы в Западной Сибири в каменном и бронзовых веках // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С.5-8.
17. Дремов В.А. Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль (к вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С.19-46.
18. Дремов В.А. Антропологический состав населения андроновской и андронидных культур Западной Сибири // Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия истории, филологии и философии. – Новосибирск, 1990. – Вып. 2. – С.56-61.
19. Дремов В.А. Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск, 1997. – 262 с.
20. Дремов В.А., Багашев А.Н. Антропологическое своеобразие коренных народов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т.4. Расогенез коренного населения. – Томск, 1998. – С.292-303.
21. Дремов В.А., Козьмин В.А. Антропологический материал из Кытмановского могильника андроновской культуры (Алтайский край) // Культура народов евразийский степей в древности. – Барнаул, 1993. – С.42-66.
22. Зах В.А. Погребения эпохи неолита – ранней бронзы могильника Заречное-1 // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень, 1985. – С.23-29.
23. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... док. ист. наук. – Новосибирск, 1986 – 35 с.
24. Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул, 2002. – 294 с.
25. Кирюшин Ю.Ф. Этнокультурная ситуация в Верхнем Приобье в эпоху энеолита и ранней бронзы // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002а. – С.51-53.
26. Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. К вопросу о соотношении елунинской и кротовской археологических культур // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул, 2001. – С.33-42.
27. Кирюшин Ю.Ф., Шамшин А.Б. Корчажнинская культура лесостепного Алтайского Приобья // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул, 1987. – С.137-158.

28. Кирюшин Ю.Ф., Гальченко А.В., Тишкин А.А. Результаты анализа остеологического материала из поселения Березовая Лука // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Вып. V. Ч. 2. – С.52-55.
29. Кияткина Т.П. Палеоантропология западных районов Центральной Азии в эпоху бронзы. – Душанбе, 1987. – 124 с.
30. Кожин П. М. Предельные возможности этно-социальной интерпретации материалов андроновских кладбищ // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С.45-49.
31. Козинцев А.Г. Статистические данные к проблеме происхождения краниологического типа айнов // Расогенетические процессы в этнической истории. – М., 1974. – С.229-242.
32. Косинцев П.А. Костные остатки животных из памятника Телеутский Взвоз-I (комплекс елунинской археологической культуры) // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). – Барнаул, 2003. – С.226-241.
33. Круц С.И. Палеоантропологические исследования степного Приднепровья (эпоха бронзы). – Киев, 1984. – 208 с.
34. Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М., 1994. – 464 с.
35. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. – Л., 1978. – 192 с.
36. Матющенко В.И. Самусьские материалы в составе Еловского археологического комплекса // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С.103-106.
37. Молодин В.И., Чикишева Т.А. Курганный могильник Преображенка III – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск, 1988. – С.103-117.
38. Неверов С.В. Погребения могильника Змеевка на Алтае (по материалам раскопок С.М. Сергеева) // Археология и этнография Алтая. – Барнаул, 1982. – С.100-121.
39. Полеводов А.В. Памятники андроновской культурно-исторической общности в Среднем Прииртышье // Пятые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. – Омск, 2000. – С.99-101.
40. Солодовников К.Н. Антропологический состав андроновского населения Верхнего Приобья (по материалам могильника Фирсово XIV) // 275 лет сибирской археологии. Мат. XXXVII РАЭСК. – Красноярск, 1997. – С.49-50.
41. Солодовников К.Н. Краниологическая серия андроновцев Северо-Восточного Казахстана // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Мат. XLI РАЭСК. – Барнаул, 2001. – С.231-237.
42. Солодовников К.Н. Антропологический состав населения андроновской культуры Верхнего Приобья (по материалам из могильника Фирсово XIV) // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докладов. – М., 2003. – С.257-258.
43. Солодовников К.Н., Тур С.С. Материалы к краниологии эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002. – С.124-128.
44. Солодовников К.Н., Тур С.С. Краниологические материалы елунинской культуры эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья // Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Погребальный обряд населения эпохи ранней бронзы Верхнего Приобья (по материалам грунтового могильника Телеутский Взвоз-I). – Барнаул, 2003. – С.142-176.
45. Ткачев А.А. К проблеме миграций в андроновскую эпоху // Маргулановские чтения. – Петропавловск, 1992. – С.51-53.
46. Ткачева Н.А. Памятники эпохи бронзы Верхнего Прииртышья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 19 с.
47. Тур С.С. Краниологические материалы из Бобровского могильника большереченской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа (VIII–VI вв. до н.э.) в свете этногенетических проблем древнего населения Верхнего Приобья // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – №7. – С.67-82.
48. Удодов В.С. О некоторых особенностях керамического комплекса поселения Переезд // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С.74-76.

49. Хабарова С.В. О проникновении алакульских групп на территорию Верхней Оби // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С.64-66.
50. Ходжайов Т.К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. – Ташкент, 1977. – 166 с.
51. Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) // КСИА – М., 1976. – Вып. 147. – С.76-83.
52. Шамшин А.Б. Переходное время от эпохи бронзы к эпохе железа в Барнаульском Приобье (VIII-VII вв. до н.э.) // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. – Тюмень, 1989. – С.116-129.
53. Шамшин А.Б. Богатое андроновское погребение из могильника Фирсово XIV // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992. – Вып. III. – С.44-45.
54. Шамшин А.Б. Памятники бронзового века Фирсовского археологического микрорайона (лесостепное Алтайское Приобье) // Культурно-генетические процессы в Западной Сибири. – Томск, 1993. – С.120-123.
55. Шамшин А.Б. Фирсовский археологический микрорайон. Некоторые итоги и перспективы исследования // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск. 1997. – Т.III. – С.326-331.
56. Шамшин А.Б., Ченских О.А. Новый памятник андроновской культуры в Верхнем Приобье // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Мат. XXXIV РАЭСК. – Барнаул, 1994. – С.47-50.
57. Шамшин А.Б., Ченских О.А. К вопросу о социальной дифференциации андроновского общества лесостепного Алтая (по материалам могильника Фирсово XIV) // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С.52-56.
58. Шевченко А.В. Палеоантропологические данные к вопросу о происхождении населения срубной культурно-исторической общности // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. – Л., 1984. – С.55-73.
59. Шевченко А.В. Антропология населения южно-русских степей в эпоху бронзы // Антропология древнего и современного населения Европейской части СССР. – Л., 1986. – С.121-215.
60. Яблонский Л.Т. Проблемы этногенеза древнего населения севера Средней Азии в эпоху бронзы // Виноградов А.В., Итина М.А., Яблонский Л.Т. Древнейшее население низовий Амударьи. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. 15) – М., 1986. – С.153-193.

Кубарев В.Д.
(г. Новосибирск)

О НОВОМ ПАМЯТНИКЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЯ

На протяжении последних одиннадцати лет в республике Алтай и в соседней Монголии работала небольшая международная экспедиция, в составе которой, кроме российских ученых, принимали участие монгольские и американские коллеги. Работы по реализации проекта «Алтай», в основном, были посвящены планомерному изучению наскальных рисунков, датируемых от неолитической эпохи до этнографического времени. За прошедшие годы были открыты, обследованы и опубликованы десятки, ранее неизвестных памятников наскального искусства Центральной Азии (Кубарев В.Д., 2003).

Наибольший интерес представляют петроглифы Калбак-Таша (Российский Алтай) и несколько древних святилищ в долинах высокогорных рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур в Монгольском Алтае. К сожалению, материалы изученных памятников пока в полном объеме опубликованы только во Франции (Kubarev V., Jacobson E., 1996; Jacobson E., Kubarev

V., Tseeendorj D., 2001). Однако монографии изданы малым тиражом, на английском языке и практически недоступны российскому читателю. Но, в 2004 году авторами получен грант РГНФ на публикацию этих книг в России и будем надеяться, что издательский проект осуществится.

Безусловно, интересны в научном плане и наскальные рисунки древнего изобразительного памятника Арал-Толгой, открытого нашей экспедицией у государственной границы с Китаем (Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон, 1999; E., Jacobson E., Kubarev V., Tseeendorj D., 1999). Петроглифы этих, несомненно, уникальных местонахождений, являются вполне полноценным и самостоятельным источником по древней истории Монголии и Алтая.

Культ священных гор, отдельных скал и камней, нередко покрытых древними рисунками, до недавнего времени существовал у многих народов Центральной Азии и Сибири. Рядом с ними совершались ежегодные жертвоприношения и моления, а на самих скалах люди часто вырезали свои личные и родовые тамги, или оставляли надписи-автографы. Такие отметки и архаичные рисунки есть на алтайских скалах в Калбак-Таше, Елангаше, Калгуты и в долине р. Катуня, на утесах ручья Карбан близ Ороктоя, а также над Куюзским гротом.

В полевой сезон 2004 года стационарные работы экспедиции проходили у подножия, священной и почитаемой тувинцами горы Шивээт-Хаирхан, в Монгольском Алтае. Это был завершающий этап нашего проекта, и поэтому, уточнялись координаты, проверялись скопированные рисунки, и снимались петроглифы на видео и фотокамеры. Казалось, мы обследовали, и учли все древние изображения в этом микрорайоне. Но, в 4-5 км от места слияния двух рек Хар-Салаа и Цагаан-Салаа, прямо у восточной подошвы горы Шивээт-Хаирхан, среди нагромождения диких скал было обнаружено компактное скопление рисунков. На темно-коричневой плоскости (20x10 м), расположенной под углом 20-25 градусов к горизонту, были нанесены сотни рисунков. С неё открывается удивительно живописная панорама на окружающие горы и озера, а слегка наклонная поверхность скального останца была очень удобна для выполнения рисунков. Может быть, именно поэтому петроглифы выполнены чрезвычайно тщательно и искусно. На отдельных каменных «полотнах» чувствуется уверенная рука одного художника. Многие изображения представляются законченными и безупречными во всех отношениях произведениями первобытного искусства.

Древние рисунки, в основном, относятся к позднему бронзовому веку (карасукская культура?). Сюжеты представляются вполне традиционными для этого времени. Они включают рисунки колесниц, быков, лучников в грибовидых головных уборах, пятнистых барсов, волков-собак? и кабанов (табл. I – 1-4). Очевидно, одновременны им крупные изображения пятнистых оленей («маралух»), диких ослов? и лошадей. Особенно любопытны фигуры всадников на породистых скакунах (табл. I – 5-6). Они вооружены топорами-клевцами, луками и запечатлены в момент охоты на оленей и козлов. По стилю и технике исполнения всадники также могут быть датированы эпохой поздней бронзы или даже началом аржано-майэмирского этапа, предшествующего раннескифской эпохе Алтая.

Следует отметить несколько сцен преследования барсами козлов, которые показаны поднимающимися по горной тропе. К редким сюжетам на этом памятнике, надо отнести единственную сцену «кочевания», на которой в одном фризе последовательно изображены: лучник, человек на вьючном воле, женщина и козел. Возможно, она представляет собой, повествовательный характер и иллюстрирует, известный древним кочевникам фрагмент какого-то мифа.

Сложивший декоративный канон или так называемый «алтайский звериный стиль», особенно, характерен для рисунков оленей из Шивээт-Хаирхана. Они самые многочисленные на открытом памятнике. И это вполне понятно. Потому, что олень всегда являлся одним из главнейших персонажей индоиранских и тюрко-монгольских мифологий, и часто воплощен в петроглифах Алтая и Монголии. Его космическая сущность легко определяется тем, что, на рогах отдельных оленей изображен древнейший солярный символ – диск с лучами. В других изобразительных вариантах мифического оленя этот символ выглядит несколько иначе: в виде косоугольного креста, ромба, овала или Ф-образной фигуры, размещенной на голове, между рогами и даже на спине животного. Уникальной иллюстрацией к астральному мифу о происхождении солнца, луны и звёзд является изображение фантастического оленя из Цагаан-Салаа в Монгольском Алтае. На его рогах, над спиной и на хвосте, в один

ряд нанесено пять «золотых» светил, с 7-9 лучами на каждом. Множественность светил (возможно, ассоциируемых также с солнцем и луной) в данном сюжете заставляет вспомнить алтайский миф о самых ярких звездах *Уч-мыйгак* – трех маралухах (созвездие Орион), вознёсшихся на небо от преследовавшего их охотника. С солярным циклом монгольских мифов также связан и небесный стрелок *Эрхий-мерген*, «...сбивший выстрелом лишние светила» (Неклюдов С.Ю. 1992, с. 172). Расположение изображений главных промысловых животных и вооруженных охотников, по-видимому, может передавать также в наглядной форме магический ритуал, за которым усматривается определенное мировоззрение. Оно, возможно, наделяло солнце способностью репродуцировать умерших людей и убитых зверей. Ритуальное действие, отраженное в композициях на священном «алтаре» у горы Шивээт-Хаирхан прямо указывает на то, что человек всегда проявлял заботу об утраченных сородичах и убитых животных, пытаясь быть активным участником «воскрешения-возрождения» тех и других.

В южной части каменной плоскости Шивээт-Хаирхана контурным желобком выбито большое (длина фигуры 185 см) и изящное изображение коня. Его поза (выброшенные вперед прямые ноги на кончиках копыт, большая голова с открытой пастью) создают иллюзию стремительного полета, и одновременно передают момент внезапной остановки. В подобной манере выполнены и другие, менее крупные фигуры коней, расположенные в этом же комплексе. Их общее число составляет около 50, а по значимости образ коня, несомненно, стоял в одном ряду с «солнечным оленем». Рисунки коней разнообразны по стилю, технике исполнения и степени обработки. Но если, животных, впряженных в колесницы по экстерьеру легко определить, как изображения коней, то одиночные фигуры выполнены небрежно, и настолько стилизованы, что их видовую принадлежность выяснить весьма сложно. Своими длинными ушами и длинными мордами, они иногда напоминают диких ослов. Но, может быть, древний художник таким стилистическим приемом хотел показать характерные черты диких степных лошадей, в отличие от прирученных домашних животных? В явно фантастическом виде выполнены и четыре больших фигуры «конеолений».

Второй пласт петроглифов Шивээт-Хаирхана принадлежит раннетюркскому времени. Их немного. Это всадники с оригинальными украшениями упряжи коней и рисунки верблюдов. В центральной части комплекса – незаконченная сцена поединка катафрактариев с длинными копьями.

Новое местонахождение насчитывает более 700 отдельных фигур. Все они скопированы, и впереди предстоит обработка полученных материалов и подготовка к публикации.

Примечателен тот факт, что крупнейший в Центральной Азии центр наскального искусства, насчитывающий многие тысячи уникальных рисунков, находится в долине реки Хар-Салаа. Её живописная долина с обильным травостоем, богатым и разнообразным животным миром, окруженная высочайшими горами Алтая, находится на территории биосферного заповедника республиканского значения. Несомненно, она и в древности служила заповедным местом – *куруком* (Кляшторный С.Г., 2001, с. 213), где проходили всенародные праздники, состязания баатыров, облавные охоты и отработка приемов ведения войны, – одного из главнейших занятий кочевников Центральной Азии.

Литература

1. Кляшторный С.Г. Всадники Кочкорской долины // Евразия сквозь века. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. – С. 213-215.
2. Кубарев В.Д. Алтай–Монголия: итоги и перспективы изучения наскального искусства // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – №10. – С. 46-61.
3. Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Е. Петроглифы Арал-Тологоя // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 407-410.
4. Неклюдов С.Ю. Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. – М.: Сов. Энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 170-174.
5. Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. A new petroglyphic in the Altay mountains, Bayan Olgiy aimag, Mongolia // International newsletter on rock art (I. N. O. R. A.). – Paris, 1999. – №24. – P. 11-15.

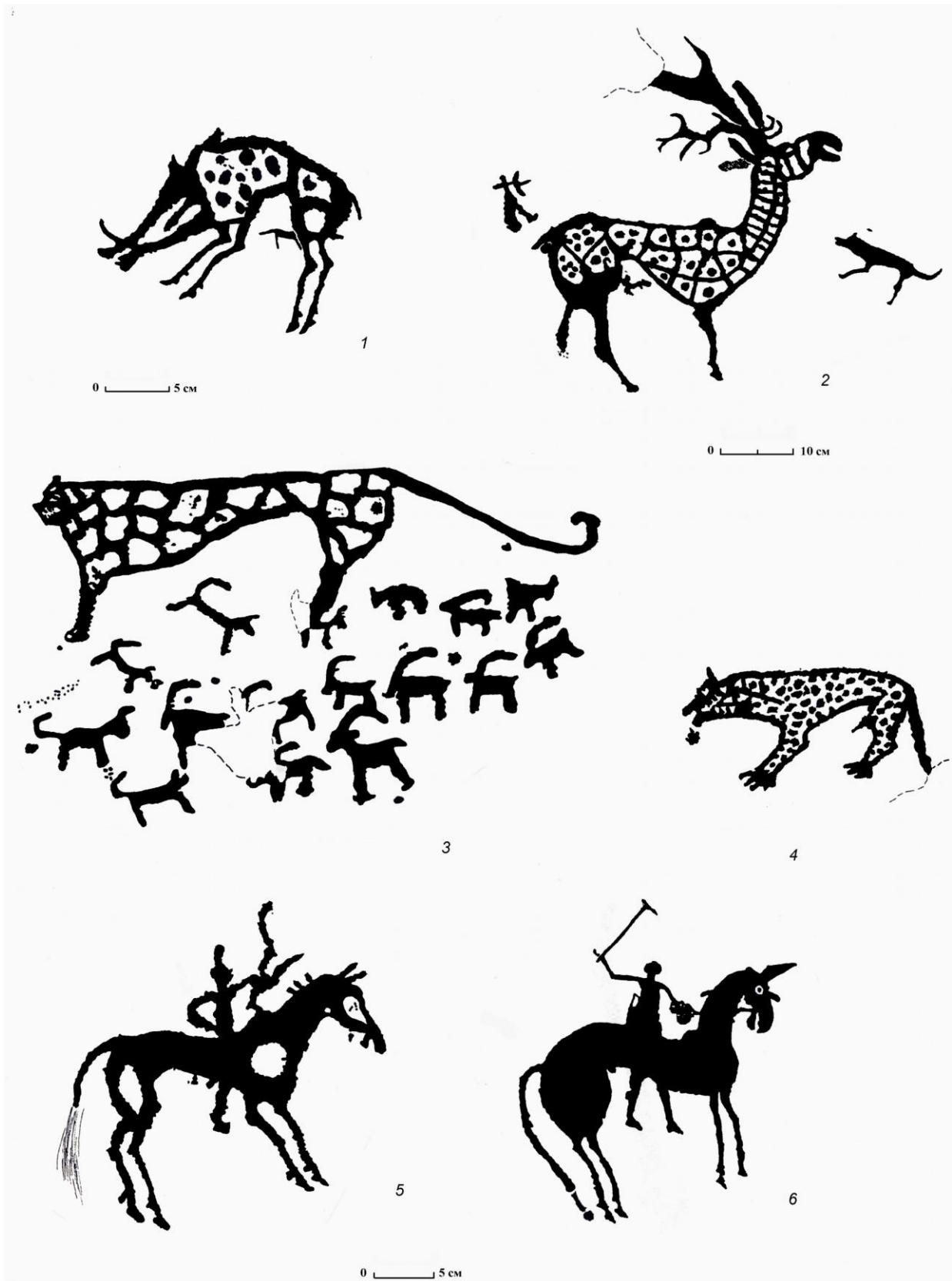

Табл. I

6. Kubarev V.D., Jacobson E., Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de L'Altai). Répertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 1996. – Т. V.3. – Fasc. №3. – 23 + 45 pp. – 15 pl. – 662 fig.
7. Jacobson E., Kubarev V., Tseevendorj D. Mongolie du Nord-Ouest: Tsagaan Salaa/Baga Oigor. Répertoire des Pétroglyphes d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 2001. – Т.V.6. – Fasc. №6. – 481 pp. – 15 map. – 399 pl.

Подпись иллюстрации к статье Кубарева В.Д.

Табл. I. Прорисовки наскальных рисунков, найденных у восточного подножия горы Шивээт-Хаирхан (Монгольский Алтай).

Дашковский П.К., Шмидт В.К.
(г.Барнаул)

**О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ**

Изучение археологических культур во многих случаях ведется на основе анализа погребально-поминальной обрядности какого-либо общества. Это объясняется тем, что результаты исследований погребений традиционно являются одним из основных по степени информативности археологических источников. Опираясь на материалы погребального обряда, можно реконструировать мировоззрение, социальное устройство, материальную культуру и быт древнего населения. Кроме этого полученные данные позволяют изучить этнокультурные процессы, а также выявить традиционные, инновационные и синкретичные элементы в тех или иных археологических культурах (см. обзор литературы: Ольховский В.С., 1991; 1995; Гуляев В.И., 1993; Гуляев В.И, Ольховский В.С., 1999; Матвеева Н.П., 2000; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003; и др.).

К изучению каменной культуры Алтая обращались В.А. Могильников, А.П. Уманский, А.Б. Шамшин, А.Н. Телегин, П.И. Шульга, Я.В. Фролов, А.Л. Кунгуров и другие исследователи. Многолетние археологические изыскания привели к накоплению огромную фактическую базу по погребально-поминальному обряду данной культуры, что нашло отражение в многочисленных публикациях. В то же время, современный уровень методических разработок, при имеющейся источниковой основе, позволяет продолжить исследования в обозначенном направлении. В этой связи представляется возможным проанализировать такие важные элементы погребального обряда как погребальное сооружение, ориентация относительно сторон горизонта и положение умершего человека в могиле.

Погребальный памятник, несущий определенную знаково-символическую нагрузку, можно рассматривать как часть погребального обряда воплощенную в материальную форму (курганы, гробницы, склепы и т.п.), которая должна служить временным или постоянным пристанищем умершего человека или его души. Вид погребального сооружения во многом определяется господствующей религиозно-мифологической концепцией и влиянием природной среды (Ольховский В.С., 1991, с.16). Кроме этого на вид погребального памятника сказывались и другие стороны жизни людей, как, например, определенный вид ведения хозяйства, имеющий значительное влияние на характер общественно-экономических отношений и менталитет конкретных социально-родственных образований. Не стоит исключать значения практического владения приемами и навыками строительства, умения обрабатывать необходимые материалы для устройства погребений. Социальное положение также находит свое отражение в реализации погребальных сооружений (Мильников В.П., 1999; Тишкин А.А. П.К., Дашковский П.К., 2003; и др.).

Надо отметить, что до настоящего времени исследователями не выработана классификация погребальных сооружений каменной культуры, хотя они и давали характеристику

некоторым конструктивным элементам внутримогильных конструкций (сруб, рама, перекрытие и т. п.). В тоже время была проведена классификация погребальных сооружений культур скифской эпохи Горного Алтая – бийкенской и пазырыкской (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 43-46; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с.128-135). Накопленный методический опыт представляется возможным использовать и применительно к памятникам указанной культуры Лесостепного Алтая.

Упорядочивание имеющейся информации осуществлялось на основе апробированной шестичленной системы деления рассматриваемых данных: категория – группа – разряд – раздел – отдел – тип (Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, С.131). Каждая классификационная единица включала в себя характеристику признаков в зависимости от степени их всеобщности для выбранной категории.

Для выявления типов погребальных сооружений используются критерии, определяющие отношение наиболее показательных и надежно фиксируемых признаков внутримогильных конструкций, которыми характеризуются захоронения этого времени. Это позволило провести таксономическое группирование, основанное на построении четко разграниченных черт в иерархии показательных уровней и в результате которого представилась наиболее полная характеристика имевших место погребальных сооружений. В основу классификации погребальных сооружений каменской культуры легли результаты исследования 254 могил из 76 курганов, раскопанных на 18 могильниках (Могильников В.А., Куйбышев А.В., 1982; Могильников В.А., 1997; Лузин С.Ю., Тишкин А.А., 1999; и др.). При проведении таксономического группирования полученных данных были использованы следующие классификационные единицы:

1. **Категория** – это группа объектов одного, или предположительно одного, функционального назначения (Клейн Л.С., 1991, с. 379). В данном случае – это погребальное сооружение, которое рассматривается как недвижимый артефакт, обычно крупный и нередко сложный по конструкции, неотделимый от среды без разрушения (Клейн Л.С., 1991, с. 373 и др.).

2. **Группа** – это любая совокупность объектов, объединенных некой общей им всем характеристикой или выделенных по некоторому единому для этой совокупности принципу (Клейн Л.С., 1991, с. 359). Данная классификационная единица подразумевает курганную земляную насыпь.

3. **Разряд** – этот таксон отражает наличие или отсутствие такой конструктивной особенности как кольцевой ров по периметру курганной насыпи.

4. **Раздел** определяет вид перекрытия (перекрытие на уровне древнего горизонта, перекрытие на заплечиках и т. д.).

5. **Отдел** указывает на то, куда был уложен умерший: в колоду, на деревянный настил либо на дно могильной ямы.

6. **Тип** – этот таксон определяет вид погребальной камеры (сруб, рама, могильная яма с подбоем, могильная яма с деревянной обкладкой либо без неё).

В результате проведенной классификационной работы предварительно было выделено 29 типов погребальных сооружений указанного периода. Под типом в данном случае понимается результат суммирования и абстрагирования отдельных артефактов, предположительно одного назначения, объединенных по их сходству между собой и отличием от других артефактов того или иного назначения (Клейн Л.С., 1991, с.215)

Нужно обратить внимание на то, что отдельные конструктивные элементы имели различную степень встречаемости. В частности, значительное число курганов окружены кольцевыми рвами. Они прослежены в 52 курганах (64,8 %). Обычный диаметр окруженных ровом площадок колеблется в пределах 10-18 м, глубина в материке – около 0,5 м (Могильников В.А., 1997, с.16).

Большинство объектов имели перекрытия на различном уровне по отношению к могиле (142 случая (55,9 %) из 254 (100%)). В 88 погребениях (34,4 %) перекрытие базировалось на уступах, материковой ступеньке по периметру в придонной части могильной ямы. Три могилы (1,2 %) были перекрыты на уровне древнего горизонта. Перекрытие могло также лежать на заплечиках, которые подразумевали материковую ступеньку с двух противоположных сторон, либо укладываться с упором на стенки могильной ямы. В 112 объектах (44,4 %) перекрытие не прослеживалось.

В отдельных могилах погребенные люди лежали на деревянном настиле. Эта особенность отмечена 4 раза (1,6 %). Шесть погребений (2,4 %) совершены в колодах. В остальных случаях (244 (96 %)) умершие люди лежали дне могильной ямы.

Значительное количество могил (61 случай (24 %)) в придонной части имели обкладку из дерева, реже раму (21 раз (8,9 %)) или сруб (9 раз (3,5 %)). В 7 случаях (2,8 %) могильные ямы оказались с подбоями.

Надо отметить, что из 29 выделенных типов погребальных памятников к основным можно отнести пять (типы: 4, 8, 14, 15, 25). Каждый из указанных типов насчитывает от 13 до 39 объектов. Ниже приводится описание наиболее распространенных типов.

Тип 4 характеризуется наличием кольцевого рва по периметру земляной насыпи и деревянного перекрытия могилы на уступах (материковой ступеньке в придонной части по периметру могильной ямы) внутри неё. К данному типу относятся 20 объектов (м. Кирилловка III, к. 3, п. 1-3; к. 6, п. 5, 8 и др.).

Погребения **8 типа** имеют кольцевой ров по периметру курганной насыпи и могилу без дополнительных конструкций. Данный тип зафиксирован в 30 случаях (м. Камень II, к. 21, п. 1-3; к. 23, п. 1-3 и др.).

Основными признаками погребальных сооружений **14 типа** являются земляная насыпь, перекрытие могильной ямы на уступах и деревянная обкладка её придонной части. Обнаружено 27 подобное погребение (м. Масляха I, к. 3, п. 3-8; м. Новотроицкое I, к. 34, п. 2-4 и др.).

Для памятников **15 типа** основными критериями служат земляная насыпь и перекрытие, расположенные на уступах во внутренней части могилы (м. Масляха I, к. 4, п. 4; м. Камень II, к. 16, п. 1 и др.). К обозначенному типу относятся 13 погребальных сооружений.

В 39 объектах **25 типа** кроме земляной насыпи имеется внутримогильное пространство без дополнительных конструктивных элементов (м. Кирилловка III, к. 7, п. 1-4; м. Камень II, к. 15, п. 1, 2 и др.).

Использование в качестве строительного материала дерева при сооружении внутримогильных конструкций (перекрытие могильной ямы, рама, обкладка стенок могильной ямы и др.) свидетельствует о влиянии природно-географического фактора на процесс развития погребальной обрядности. Например, в памятниках, расположенных вдоль русла крупных рек Оби и Чумыша, в зоне произрастания ленточных боров, такой признак фиксируется гораздо чаще, чем в других районах Алтая.

Нужно отметить, что все пять типов погребальных сооружений распространены в один довольно продолжительный хронологический отрезок – с V по II вв. до н. э. Вероятно, эти типы памятников являлись доминирующими в обозначенный период времени и отражали в определенном смысле устойчивый характер погребальной обрядности. Наличие других выделенных типов с меньшим количеством зафиксированных объектов свидетельствует о сложных этнокультурных процессах в регионе (миграции, контакты с племенами соседних территорий и т. п.).

Погребения 8 и 25 типов были обнаружены на всем ареале культуры и сооружались для рядовых «каменцев» различных половозрастных групп. Три остальных основных типа имели меньшую степень распространения, что вероятно, обусловлено определенными социально-экономическими процессами развития древних племен Алтая. Проведенное исследование позволило проследить и некоторые особенности захоронения, связанные с половозрастным делением скотоводов Алтая. Так, например, в деревянных выдолбленных колодах (тип 15) захоранивались только дети.

Малое количество информации о ранних памятниках каменной культуры (VI в. до н. э.) пока не позволяет в полной мере выявить все конструктивные особенности курганов. В тоже время, имеющиеся данные, судя по всему, свидетельствуют об относительно неустойчивом характере погребальных объектов, что обусловлено начальным этапом становления и формирования самой культуры.

Предложенная классификация отразила многообразие погребальных сооружений каменной культуры Алтая, а также позволила определить конструктивные особенности и традиции их устройства, имевшие место в Лесостепном Алтае в рассматриваемый период. Полученные выводы могут быть в последствии скорректированы с введением в научный оборот новых материалов, однако данная таксономическая схема является определенным этапом по упорядочиванию, систематизации и анализа источников. Перспективным пред-

ставляется учитывать специфику погребальных сооружений при проведении палеосоциальных исследований. Однако для этого необходимо существенно расширить серию антропологических определений с последующей корреляцией полученных данных с археологическими материалами.

Следующий признак погребального обряда каменной культуры, на рассмотрении которого следует остановиться – положение и ориентация умершего человека относительно сторон горизонта в могиле.

Обратим внимание на то, что при раскопках ориентировка погребенного человека фиксируется достаточно четко с помощью компаса или буссоли. Часто эти характеристики погребального ритуала используются исследователями как один из главных показателей при выделении отдельных культурно-хронологических единиц (тип, группа, локальный вариант и т.п.). Однако при археологических исследованиях могильников одной культуры иногда встречаются захоронения с разнообразной ориентацией погребенных людей, которая чаще всего варьируется вокруг наиболее массового направления. В других случаях наблюдается достаточно большой разброс таких показателей (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 136).

Древние, средневековые и традиционные общества придавали большое значение традиции ориентации умерших людей в могиле. Это было связано с представлениями о смерти, как о переходе человека из одного состояния в другое, из земных реалий в загробный мир. Для этого, сориентировав тело в определенном направлении, умершему указывали путь в потусторонне пространство. Сама ориентация погребенных могла определяться разными показателями: небесным светилами (обычно Солнце), течением реки, расположением горы, святыни, поселения, «прародины» предков и т.д.

При изучении археологических данных по погребальному обряду каменной культуры был использован метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта, предложенный В.В. и В.Ф. Генингами (1985, с. 136-152). Надо отметить, что данный метод уже был успешно опробован при рассмотрении указанной стороны погребальной обрядности бийкенской и пазырыкской культур Алтая (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 49-54; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 2003, с. 136-145).

Согласно разработанной В.В. и В.Ф. Генингами (1985, с. 138-139) методике определить стороны горизонта по солнцу достаточно просто по точкам его восхода и захода. Однако положение этих точек варьируется в зависимости от времени года и географической широты места наблюдения. Скорее всего, это и объясняет разнообразие ориентировок, фиксируемых археологами при раскопках. Анализ имеющихся данных об ориентации погребенных людей позволяет с учетом сезонных отклонений и географической широты установить не только, каким образом древние люди определяли стороны горизонта (по восходу или заходу солнца), но и определить, по возможности, время года, когда совершалось захоронение (Кирюшин, Тишкин, 1997, с. 50).

При изучении основных традиций ориентации тел умерших людей в курганах каменной культуры были использованы результаты исследования 274 погребений из 69 курганов, раскопанных на 17 могильниках изучаемого периода. В результате количество погребенных составило 312 человек (100 %).

При использовании указанной методики, следует обратить особое внимание на планиграфические особенности сооружения курганов, согласно которым погребения рассматриваемой культуры можно подразделить на три группы:

1. Одиночные погребения в курганах (Елунино II, к. 2; Камень II, к. 22; Андроново I, к. 3 и др.);
2. Центральные захоронения в коллективных курганах (Масляха I, к. 5, п. 3; Камень II, к. 16, п. 5; Раздумье IV, к. 1, п. 1 и др.);
3. Могилы, расположенные по кольцу вокруг центрального погребения (Елунино I, к. 2, п. 10; Казенная Заимка I, к. 3, м. 5; Масляха II, к. 2, п. 3 и др.).

В связи с этим необходимо отметить, что только в погребальных сооружениях первой и второй групп тела умерших укладывали в определенном направлении согласно традиции, связанной с ориентировкой по сторонам горизонта.

Вначале изучим зафиксированные данные из 23 одиночных погребений в курганах (табл. I), где было обнаружено 26 (8,3 %) скелетов захороненных людей: головой на СЗ было ориентировано 7 человек; на СЗ – 9; на ЮЗ – 7; на В – 1; на СВ – 2. В данном случае явно преобладает западная ориентация с отклонениями к югу или северу. Если исходить из того, что определение сторон горизонта осуществлялось по заходу солнца, то погребенные летом

должны быть ориентированы головой на СЗ; осенью – на З; зимой – на ЮЗ; весной – на З. Если же стороны горизонта определялись по восходу солнца, тогда летом погребенных должны были ориентировать головой на ЮЗ; осенью – на З; зимой – на СЗ; весной – на З (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 140, табл. III). В полученных результатах можно проследить ряд повторяющихся ситуаций, что говорит о необходимости введения корректирующего правила, согласно которому наибольшая смертность приходится на зимний и весенний периоды. Это дает возможность предположить, что носители каменной культуры, хоронившие соплеменников в одиночных курганах, определяли стороны горизонта по точке восхода солнца. В связи с этим результаты можно представить следующим образом: 9 человек (на СЗ) погребены зимой; 7 (на З) – весной, хотя не исключено, что часть из них были захоронены осенью; 7 (на ЮЗ) – летом (табл. I). Ориентация трех умерших людей на В с отклонениями является, вероятно, показателем другой традиции или случаем противопоставления. Из-за небольшого количества используемых данных полученные выводы носят пока предварительный характер.

Теперь рассмотрим 25 погребений второй группы, в которых обнаружено 30 тел умерших людей, что составляет 9,6 % от общего количества учтенных данных. В могилах обозначенных погребальных памятников скелеты захороненных людей были уложены в следующих направлениях: на З были ориентированы 8 человек; на СЗ – 6; на ЮЗ – 13; на В – 2; на ЮВ – 2 (табл. II). Здесь также можно выделить западную ориентировку в качестве преобладающей. В отличие от предыдущей ситуации, вероятно, следует сделать вывод о том, что при захоронении умерших в центральных могилах население лесостепного Алтая определяло стороны горизонта по точке захода солнца. Таким образом, зимой (на ЮЗ) было погребено 13 человек; весной и осенью (на З) – 8; летом (на СЗ) – 6. Что касается других определений, то и здесь отмеченная ориентация головой на В с отклонениями является реализацией другой традиции погребения.

Тела захороненных людей из погребений третьей группы (256 человек – 82,1 %) укладывались в определенном направлении согласно традиции, не связанной с ориентировкой умерших по сторонам света, что, скорее всего, объясняется причинами социального и религиозно-мифологического характера. Следует заметить, что общее направление погребенных в могильных ямах, расположенных по кольцу, совпадает с ориентацией захороненных в центральных могилах.

Подводя итог данной части исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проведенный анализ данных показал, что при ориентации тел умерших людей реализовывали следующую традицию: в могилах одиночных курганов и центральных погребениях коллективных склепов она базировалась на ориентировке погребенных по сторонам горизонта. В тех случаях, когда под курганной насыпью было более одной могильной ямы, их ориентация зависела от такого же показателя центральной погребальной камеры.

2. В качестве преобладающей из зафиксированных ориентаций выделяется западная с отклонениями в другие стороны горизонта.

3. Наличие других ориентировок (на север, восток, юг и т.д.) является, скорее всего, результатом инокультурных влияний, противопоставлением по отношению к основной традиции и т.д.

4. В некоторых случаях промежуточные ориентировки можно рассматривать как сезонные отклонения от четырех основных направлений, которые не могли являться самостоятельными (Генинг В.В., Генинг В.Ф., 1985, с. 152).

Для получения дополнительной информации по погребальному обряду каменной культуры необходимо скоррелировать данные по ориентации умерших людей с положением их тел в могиле.

Положение умерших людей так же, как и их ориентация, является важным признаком, характеризующим погребальную обрядность древних обществ. Оно определяется археологами совокупностью описаний общего состояния тела погребенного, а также различных его частей относительно друг друга, дна и стенок погребальной камеры, сторон света.

Для изучения указанной особенности обряда были использованы результаты археологических исследований 210 погребений из 63 курганов, раскопанных на 17 могильниках. При этом учитывались только те захоронения, где общее положение тел умерших удалось зафиксировать точно. В результате количество учтенных погребенных составило 243 человека (100%).

В процессе анализа имеющихся данных было выделено 7 видов труположения, которые неравнозначны в количественном отношении. Наиболее распространённым являлось погребение человека вытянуто на спине – данная особенность прослежена в 191 случае (78,6 %). 17 погребенных (7 %) лежали на спине с разведенными в сторону руками. Трое (1,2 %) захоронены на спине с расставленными верхними и нижними конечностями. В 14 случаях (5,8 %) тела умерших были положены на спину с подогнутыми ногами. При распаде тканей ноги чаще падали на одну сторону, реже «ромбом», иногда одна нога могла лежать согнуто, другая – вытянуто.

Положение умерших на бок использовалось очень редко: 5 погребенным (2,1 %) была придана поза «скорчено на боку», один захороненный (0,4 %) лежал на боку в вытянутом положении.

Помимо указанных фактов известны случаи предания телам погребенных нетрадиционных поз. Так, например, женщине из 12 погребения кургана №2 могильника Елунино I (Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В., 1998, с. 114) при захоронении было предано следующее положение: левая нога и левая рука вытянуты вдоль туловища, а правые нога и рука откинута в сторону. У мужчины из погребения №6 кургана 2 могильника Раздумье VI (Уманский А.П., 1993, с. 98) руки были разведены в стороны, левая нога вытянута, а правая согнута в колене и откинута в сторону. Тело погребенного из могилы №2 кургана 1 могильника Масляха II (Уманский А.П., Телегин А.Н., 1990, с. 98) при захоронении было уложено следующим образом: ноги вытянуто, а руки согнуты в локтях таким образом, что левая кисть находилась на тазовых костях, а правая у черепа. Специфичное положение умерших людей обусловлено, скорее всего, социокультурными факторами, конкретное содержание которых еще предстоит выяснить.

Проведенный анализ археологических данных по каменной культуре Алтая позволил выделить особенности погребальных сооружений, а также несколько вариантов ориентации и положения тел захороненных людей, неравнозначных в количественном отношении. Преобладающим на протяжении всего рассматриваемого периода было положение погребенных вытянуто на спине с ориентацией на запад с отклонениями в другие стороны горизонта, что отражает устойчивый характер обозначенных элементов погребального обряда. Умерших помещали в погребальное сооружение – курган, характеризующееся наличием земляной насыпи, в отдельных случаях маркированной по периметру рвом, а также могильной ямы с элементами (или без них) деревянных конструкций. В отношении других традиций погребальной обрядности данной культуры прослеживается тенденция с меньшим количеством совершенных захоронений, что, вероятно, обусловлено культурно-историческими, социальными и мировоззренческими процессами развития древних племен Алтая.

Литература

1. Арсланова Ф.Х. Могильник ранних кочевников на правобережье Иртыша // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия истории, археологии и этнографии. – Алма-Ата, 1962. – Вып. 2 (19). – С. 77-93.
2. Генинг В.В., Генинг В.Ф. Метод определения древних традиций ориентировок погребенных по сторонам горизонта // Археология и методы исторических реконструкций. – Киев, 1985. – С. 136-152.
3. Гуляев В.И. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация (введение в дискуссию. Ч. II) // РА. – 1995. – №2. – С. 84-85.
4. Гуляев В.И., Ольховский В.С. Погребальные памятники и погребальная обрядность: проблемы анализа и интерпретации // Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. – М., 1999. – С. 10-18.
5. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II: Погребально-поминальные комплексы пазыракской культуры. – Барнаул, 2003. – 234 с.
6. Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. – Барнаул, 1998. – С. 110-136.
7. Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991. – 448 с.
8. Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования могильника эпохи раннего железа Усть-Иштовка I на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С. 122-144.

9. Лузин С.Ю., Тишкин А.А. Курганный могильник Казенная Заимка I // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул, 1999. – С. 149-160.
10. Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск, 2000. – 399 с.
11. Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине-второй половине I первого тысячелетия до н. э. – М., 1997. – 195 с.
12. Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 года // СА. –1982. – №2. – С. 113-134.
13. Могильников В.А., Неверов С.В., Телегин А.Н., Уманский А.П. Андроново I - Могильник эпохи раннего железа в Восточной Кулунде // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск, 1991. – С. 122-139.
14. Могильников В.А., Телегин А.Н. Кирилловка III - могильник эпохи раннего железа на севере Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 107-120.
15. Могильников В.А., Уманский А.П. Курганы Масляха-I по раскопкам 1979 года // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 69-92.
16. Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск, 1999. – 232 с.
17. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). – М., 1991. – 256 с.
18. Ольховский В.С. Погребальная обрядность и социологические реконструкции // РА. – 1995. – №2. – С. 85–98.
19. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.
20. Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск, 1994. – 184 с.
21. Уманский А.П. Аварийные раскопки курганов в пункте Новотроицкое I в 1987 году // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1991. – С. 104-107.
22. Уманский А.П. Рогозихинские курганы по раскопкам Барнаульского пединститута в 1985 году // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 50-59.
23. Уманский А.П. Раскопки курганов в урочище Раздумье в 1961 году // Алтайский сборник. Вып. XVII. – Барнаул, 1993. – С. 83-99.
24. Уманский А.П. Курган раннежелезного века из урочища Раздумье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Часть II. – Барнаул, 1995. – С. 110-118.
25. Уманский А.П. Аварийные раскопки в урочище Раздумье в 1965-1966 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998а. – С. 104-113.
26. Уманский А.П. Раскопки кургана № 3 из урочища Раздумье VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1998б, – С. 145-153.
27. Уманский А.П., Телегин А.Н. Два кургана раннежелезного века близ с. Дресвянка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Часть II. – Барнаул, 1995. – С. 119-123.
28. Уманский А.П., Телегин А.Н. Курганы раннего железного века у села Зайцево // Археологические памятники Алтая и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1989. – С. 78-82.
29. Уманский А.П., Телегин А.Н. Аварийные исследования курганного могильника Масляха-2 // Охрана и использование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 96-99.
30. Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул, 1992. – С. 60-68.
31. Шмидт В.К. К вопросу о классификации погребальных сооружений каменной культуры Алтая // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. – Томск, 2003. – С. 245-247.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект №03-06-80384)

Киреев С.М., Чевалков С.Ю.
(г. Горно-Алтайск)

КУРГАН ПОЗДНЕГО ЭТАПА БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследование, выделение особенностей, обоснование признаков и интерпретация памятников быстрианской культуры происходило постепенно, начиная с начала XX в. Наибольший вклад в ее изучение внесли С.М. Сергеев, А.П. Марков, М.П. Грязнов, С.И. Руденко, М.И. Комарова, С.В. Кисилев, Б.Х. Кадиков, М.П. Завитухина, В.А. Могильников, А.П. Уманский, А.С. Суразаков, Т.Н. Троицкая, Д.Г. Савинов, М.Т. Абдулганеев, А.П. Бородавский, П.И. Шульга, В.А. Кочеев, А.Л. Кунгуров, А.Б. Шамшин, А.А. Казаков, П.И. Кудрявцев, Е.В. Алехина, Г.В. Скопинцева, Ж. Буржуа, Л. Ван Хооф и другие ученые. К началу 90-х годов была накоплена достаточная база источников и это позволило одному из авторов данной работы по материалам двенадцати могильников выделить быстрианскую культуру раннего железного века в северных предгорьях Алтая, являющихся одной из естественных природно-географических границ между лесостепной и степной зонами Юга Сибири и горной системой Саяно-Алтая. Были выделены шесть основных признаков данной культуры, определены ее предварительные границы и хронология, намечены контакты и связи (Киреев С.М., 1992, с. 56; 1992, с. 54-58; 1994, с. 118-120).

Большая работа по поселениям быстрианской культуры проведена М.Т. Абдулганеевым. Им определены признаки и особенности быстрианских поселений и жилищ, специфика инвентаря. Так, установлено, что одним из важнейших индикаторов поселенческой керамики быстрианской культуры является наличие налепных рассеченных валиков (Абдулганеев М.Т., 1992, с. 106-109). Также исследователь дал предварительную характеристику хозяйства быстрианской культуры и уточнил ее границы (Абдулганеев М.Т., 1995, с. 107-116; Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н., 1997, с. 62).

Таким образом, установлено, что границы быстрианской культуры с севера проходят по среднему течению р. Бия, захватывая отроги хребтов Иолго и Бийскую гриву, на северо-востоке доходит до Салаирского кряжа. На юге распространение памятников культуры доходит до отрогов Семинского, Чергинского, Ануйского и Башчелакского хребтов и охватывает значительную часть предалтайской равнины. Западная граница проходит по правобережью Верхней Оби. Именно Нижняя Катунь и правобережье Верхней Оби являются центром скопления памятников быстрианской культуры. Ее хронологические рамки определены в пределах VI-II вв. до н.э.

Но в исследовании быстрианской культуры до сих пор не разработанным остается целый ряд проблем, в частности – ее периодизация, так как материалы различных могильников и даже внутри крупных могильников, а также артефакты поселений неоднозначно демонстрируют ее постепенное развитие в течение всего отмеченного периода. В этом плане весьма интересным является погребение кургана 27 могильника Майма-VII.

Данный памятник расположен в шести километрах к северу от с. Майма (Республика Алтай) на высокой надпойменной террасе р. Катунь. Обнаружен в 1956 г. Б.Х. Кадиковым. Начиная с 1983 г. в течение ряда лет исследовался С.М. Киреевым (Киреев С.М., 1990, с. 53-57; 1992, с. 55-56)

Могильник насчитывает не менее 150 курганов и грунтовых погребений, из которых 39 было раскопано. Из сопроводительного инвентаря была получена большая коллекция керамики: кувшины, горшки, баночные сосуды, кубки. Найдены каменные, металлические (золото, серебро, бронза, железо) украшения, бронзовые, железные ножи, бронзовые, роговые, костяные и железные наконечники стрел, предметы быта, лошадиная сбруя.

Курган 27 расположен в западной части могильника в отдельной микроцепочке из 11 курганов, девять из которых раскопаны в 1991 г. Насыпь задернована, округлая в плане, диаметром 630х600 см, высотой 24 см. На поверхности было видно несколько камней. После снятия дерна и зачистки выявлена округлая в плане каменная насыпь из рваных валунов и мелкой окатанной гальки (рис.1 – 1). По периметру была четко видна каменная кольцевая выкладка, сложенная из крупных валунов (рис.1 – 2). Яма подпрямоугольной в плане формы, длиной по дну 263 см, шириной в центральной части 180 см и глубиной 213 см,

располагалась под центром насыпи кургана (рис.2 – 1) несколько смещаясь к югу, длинной осью ориентирована по линии В-3. Вдоль южной стенки ямы на специально подсыпанном приступке высотой 15-20 см уложена лошадь на правом боку с поджатыми ногами, черепом на запад (рис.2 – 2), Погребение лошади не потревожено и занимало 1/3 площади ямы. В зубах ее находились железные двусоставные шарнирные удила, От круглых кольцевых окончаний удил отходят прямоугольные окончания с небольшими круглыми отверстиями посередине (рис.3 – 1). Около шейных позвонков лошади обнаружена роговая подвеска (рис.3 – 3), а среди ребер костяная пронизь (рис.3 – 4). К северу от лошади располагалось погребение человека, отделенное от него прослойкой черного гумуса высотой 60 см и шириной до 20 см. Очевидно, это остатки «стенки», сооруженной, скорее всего из дерна. Погребение человека ограблено, в могиле в беспорядке лежали кости, лишь в восточном углу в анатомическом порядке сохранилась стопа одной ноги, около которой обнаружен кусочек коррозированного железа. В центральной части могилы найдено согнутое бронзовое шило (рис.3 – 5). В западном углу ямы находился развал крупного керамического сосуда с прямым горлом и четырьмя наклепными рассеченными валиками на нем, восстановить удалось лишь верхнюю часть сосуда (рис.3 – 6). Здесь же найдено два сильно коррозированных железных черешковых наконечника стрелы (рис.3 – 2) и позвонки барана. Под черепом и около него встречены мелкие, плохой сохранности обломки железа не поддающиеся определению.

Анализ сопроводительного инвентаря дает интересное сочетание предметов как бесспорно характерных для быстрианских памятников и других культур Алтая (пазырыкской, каменной), так и достаточно нетрадиционных. Так, роговые подвеска и пронизка, обнаруженные на скелете лошади имеют достаточно много аналогий и датируются в широких пределах V-II вв. до н.э. (Руденко С.И. 1960, табл. LXXIII,13; Кубарев В.Д. 1992, табл. XLIV,1; L X,1).

Керамический сосуд коричневого цвета с красными и темно-красными пятнами и наклепными рассеченными валиками явление характерное, как уже отмечалось выше, для погребальных и поселенческих материалов быстрианской культуры. Подобные и похожие по форме и орнаменту сосуда встречаются также в курганах пазырыкской культуры (Суразаков А.С. 1988, рис. 48,10). Необычными же для быстрианской культуры являются железные наконечники стрел и удила. Наконечники из-за плохой сохранности трудно точно отнести к какому-либо конкретному типу, но очевидно, что они черешковые, трехлопастные. На одном из них на черешке сохранились остатки дерева. Удила двусоставные, длиной 24 см (по 12 см каждое звено). От круглых колец к внешним краям отходят прямоугольные продолжения с выемкой к краю с небольшими округлыми отверстиями в центре.

Таким образом, сохранение традиционных вещей в сочетании с классическим быстрианским погребальным обрядом и предметов, получивших свое развитие и бытование в последнее время, дает нам полное основание отнести курган 27 могильника Майма-VII к быстрианской культуре и датировать его II в. до н.э., т.е. ее завершающим этапом. Отметим также, что среди ряда курганов могильника Майма-VII, а также некоторых других памятников (Быстрианка, Сростки, Бийск-II, Майма-VI и др.) выделяется целая группа, имеющая ряд некоторых отличий, как в конструкции надмогильных сооружений, так и внутримогильных конструкций, фиксируется наличие большего количества железных предметов и появление их новых форм.

Рискнем, в порядке рабочей гипотезы предложить предварительное деление быстрианской культуры, следуя традиции для южносибирской археологии этого периода на три этапа: ранний (VI – первая половина V вв. до н.э.), средний (вторая половина V – конец III вв. до н.э.), поздний (конец III – II, возможно, начало I вв. до н.э.). Полное обоснование данной периодизации и хронологии будет являться предметом отдельной работы.

Литература

1. Абдулганеев М.Т. Валиковая керамика раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Палеогеография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 106-109.
2. Абдулганеев М.Т. О хозяйстве населения лесостепного и предгорного Алтая в скифское время // Археология, антропология и этногеография Сибири. – Барнаул, 1995. – С. 107-116.

Майма VII. 1981 г.
Курган 27.

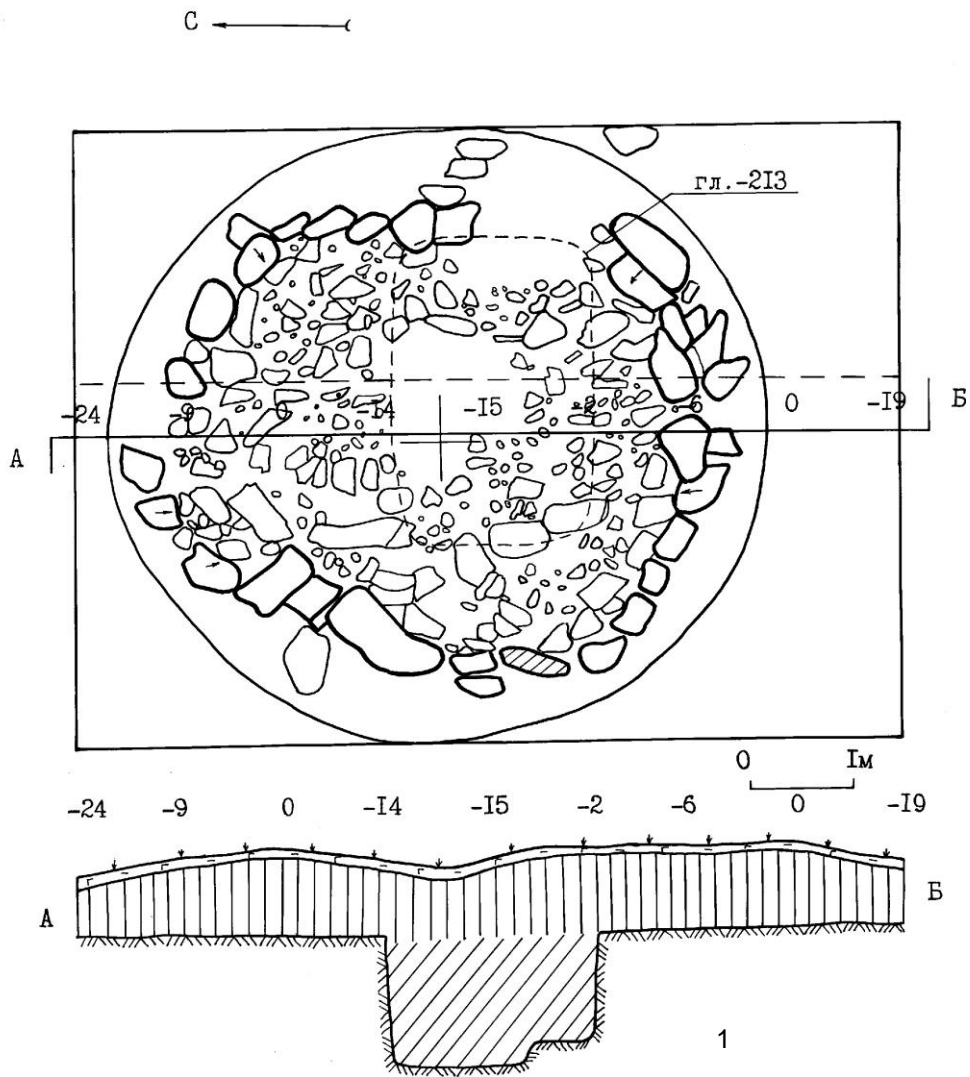
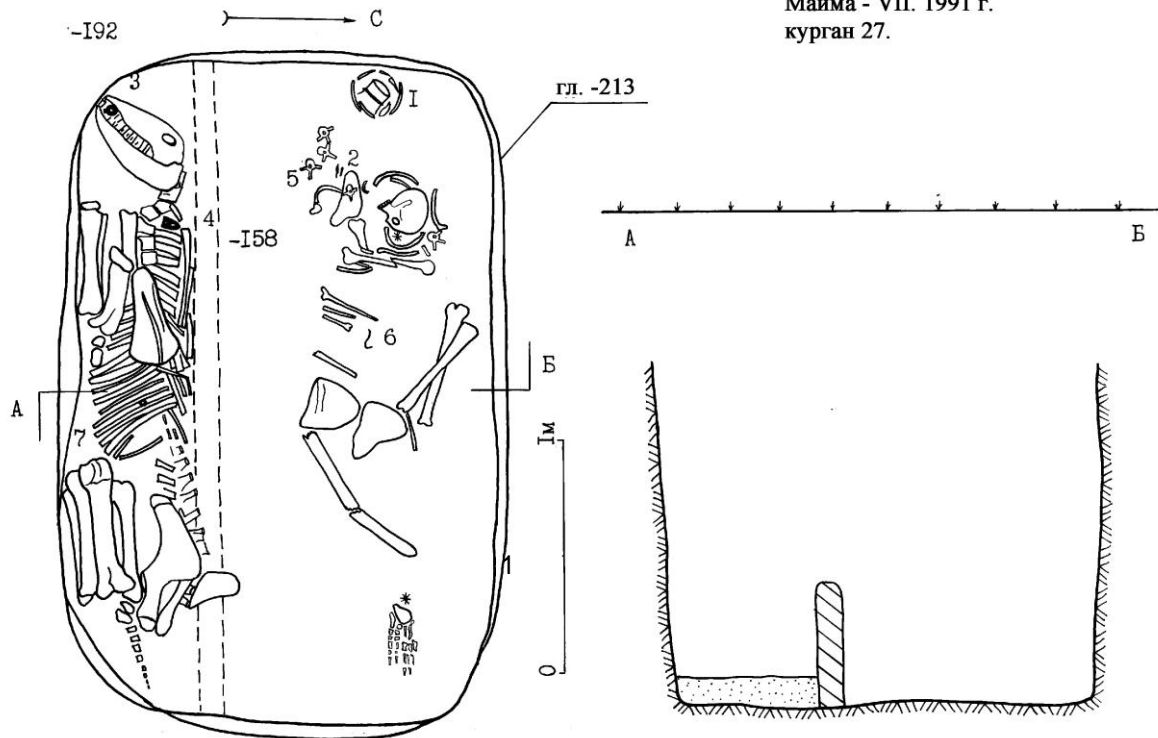

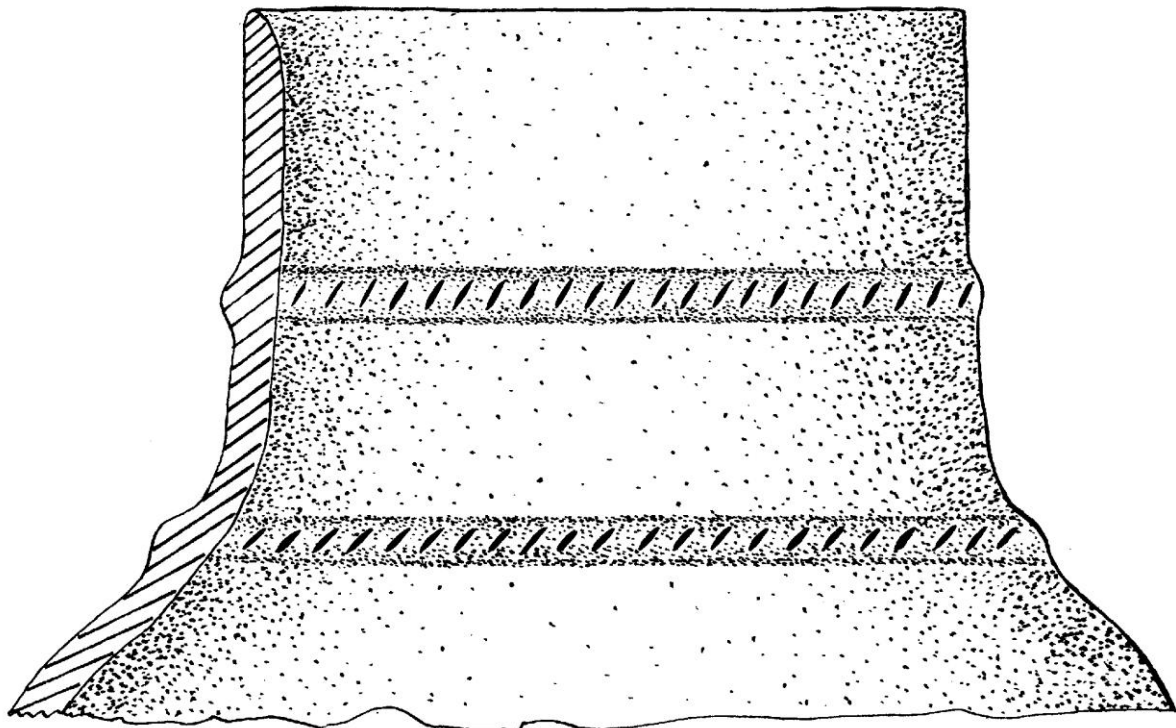
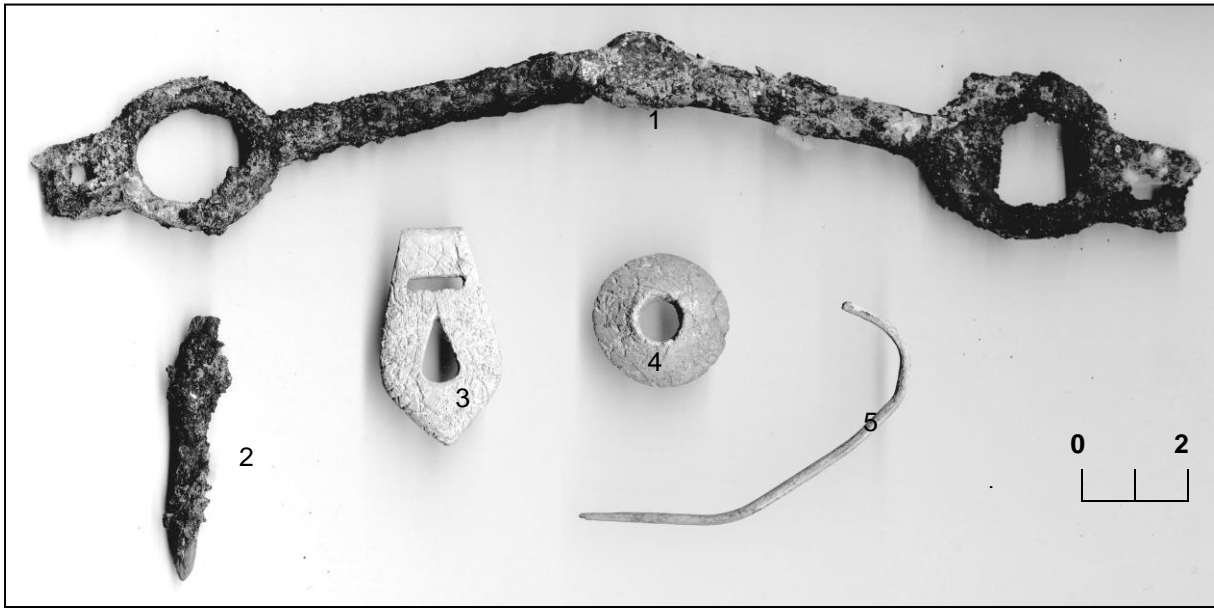
Рис. 1.

1 - развал глиняного сосуда, 2 - обломки железного предмета,
3 - железные удила, 4 - роговая подвеска, 5 - позвонки барана,
6 - бронзовое шило, 7 - костяная пронизь.

Рис. 2.

6

Рис. 3.

3. Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология населений Алтая VII-II вв. до н.э. – Барнаул, 1997. – 51 с.
4. Киреев С.М. Охранные раскопки памятников на Майминском археологическом комплексе // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул, 1990. – С. 53-57.
5. Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990-1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии (Материалы конференции). – Горно-Алтайск, 1992. – С. 55-56.
6. Киреев С.М. Погребения быстрянской культуры // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 54-58.
7. Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул, 1994. – С. 118-120.
8. Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск, 1992.
9. Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960.
10. Суразаков А.С. Горный Алтай и его северное предгорье в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск, 1988. – 214 с.

Список иллюстраций к статье Киреева С.М. и Чевалкова С.Ю.

- Рис.1. Могильник Майма-VII. 1 – План и профиль кургана 27; 2 – Зачищенная насыпь и кольцевая выкладка.
- Рис.2. Могильник Майма-VII. 1 – План и разрез погребения кургана 27; 2 – Вид на зачищенное погребение.
- Рис.3. Могильник Майма-VII. Инвентарь погребения кургана 27: 1 – железные удила; 2 – железный наконечник стрелы; 3 – роговая подвеска; 4 – роговая пронизь; 5 – бронзовое шило; 6 – глиняный сосуд.

Кочеев В.А.
(г.Горно-Алтайск)

ТРИ БОЕВЫХ КИНЖАЛА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СЛУЧАЙНЫХ НАХОДКАХ

Предлагаемая вашему вниманию статья относится к жанру очень популярных в археологической литературе публикаций, которые посвящены случайным находкам. Последние, отчего-то являются очень редкими и привлекают внимание специалистов постоянно. Ежегодно наша древняя земля как бы приоткрывает свои тайны и в различных местах делаются замечательные находки. Таким образом формируются очень интересные коллекции предметов старины в собраниях различных музеев.

К примеру, на Алтае в дореволюционный период просвященные люди покупали вещи, собирали их. Так были созданы знаменитые коллекции П.К.Фролова, С.И.Гуляева, Н.С.Гуляева. В 20-30-е годы прошлого века, когда в стране был бум краеведческого движения многочисленные, зачастую безымянные люди приносили в музеи различные вещи, причем все это делалось бескорыстно. Теперь все перевернулось с ног на голову. Сегодня народ старается выгодно продать тот или иной предмет, а музеи просто не в состоянии приобретать их. Вот и исчезают бесследно бесценные предметы на бескрайних просторах России, ближнего и дальнего зарубежья, оседая в частных коллекциях. Как это ни прискорбно, но нужно признать, что эти факты носят массовый характер. Ввод в научный оборот находок, которые волей-неволей попадают в поле зрения специалистов являются одной из неотложных задач археологии.

Эта публикация посвящена трем кинжалам, найденным в последние годы в Горном Алтае. Вещи эти уникальные и представляют особый интерес. Ниже дается описание предметов.

Бронзовый кинжал из Маймы (рис.1) относится к категории кинжалов типа скифских акинаков. Его размеры: общая длина – 25,2 см, длина рукояти – 8 см, длина клинка – 15,5 см, наибольшая ширина лезвия – 2,8 см. Кинжал литой, навершие выполнено в виде стилизованных головок грифонов, обращенных друг к другу. Рукоять прямая, рубчатая с параллельными продольными бороздками. Перекрестие кинжала бабочковидное. Клинок ромбовидный в сечении, с хорошо выраженным ребром жесткости.

Кинжал найден за с.Майма к северу от могильника Майма-IV в районе современной свалки при взятии земли на огород. В настоящее время находится в собственности жительницы села Кучеровой Веры Михайловны, судьба находки в настоящее время неизвестна. Хотелось бы выразить особую благодарность археологу С.М.Кирееву, который зарисовал находку, записал легенду и любезно предоставил материал автору.

Данный кинжал можно отнести к так называемым кинжалам с зооморфным навершием. Находки таких предметов известны в Горном Алтае и на сопредельных территориях (Кочеев В.А., 1995а, с.132-135). Наш кинжал интересен тем, что навершие его хотя и представляет стилизацию грифоновых головок, где выделена общая шея, объемные головки повернутые друг к другу с круглыми сквозными отверстиями, которые очевидно предполагали наличие глаз. Однако характерные клювы отсутствуют. Майминский кинжал по оформлению клинка, перекрестия, рукояти близок кинжалу из Кумуртука (Кисилев С.В., 1949, с.163, рис.XXX, 11; Фролов Я.В., 2001, с.294, рис.1 – 1), а также кинжалу из Тыткескена (Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 2003, рис.36 – 2). Наш кинжал предварительно можно датировать V-IV вв. до н.э. Любопытно, что находка эта была сделана неподалеку от того места, где располагался могильник Майма IV, на котором были раскопаны погребения североалтайского варианта пазырыкской культуры (Киреев С.М., 1995, с.110-114).

Два других кинжала найдены практически в одном месте, в окрестностях села Верхний Уймон одним находчиком Потаповым Петром Григорьевичем. Недавно он передал свои находки в филиал Национального музея Республики Алтай им. А.В. Анохина. Так что судьба этих находок более счастлива.

Бронзовый кинжал (рис.2 – 1) также относится к типу скифских акинаков. Его размеры: длина – 25,5 см, рукоять – 7,7 см, клинок – 15,8 см, ширина – 2,4 см. Кинжал литой, навершие валиковое, рукоять прямая прорезная, перекрестие бабочковидное, клинок с ребром жесткости, сечени лезвия линзовидное. Аналогичные кинжалы очень хорошо известны в материалах сибирской археологии, в том числе и в Горном Алтае (Кочеев В.А., 1995б, с.133-135) и датировать его можно V-III вв.до н.э.

Железный кинжал (рис.2 – 2) сам по себе очень редкий. Его размеры: длина – 27 см, рукоять – 7,7 см, клинок – 15,7 см, максимальная ширина лезвия – 3,6 см. Навершие кинжала антенновидное, рукоять округлая, перекрестие прямое брусковидное, лезвие в сечении линзовидное. Автору известно несколько аналогий уймонскому кинжалу – из Бийского музея (Скопинцева Г.В., 2000, с.196-197, рис.1), из Башталы (Кочеев В.А., 1995б, с.133-135). Похожий кинжал из железа был найден при раскопках гунно-сарматского могильника Сары-Бел (Соёнов В.И., 1999, с.135-136, рис.13 – 6). Наш кинжал можно предварительно датировать II в.до н.э. – I в.н.э., он явно демонстрирует сарматские черты. Интересно также, что эта находка сделана в местности, где раскапывается могильник гунно-сарматского времени (Соёнов В.И., 2003, с.15-16) и она, возможно, связана с погребениями.

Все эти кинжалы скифского и позднескифского времени сами по себе очень интересны, их можно с полным основанием отнести к категории настоящего боевого оружия, критерии которого, главным образом по размерам, были выделены в свое время (Кубарев В.Д., 1981, с. 32).

Литература

1. Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма-IV // Изучение памятников археологии Алтайского края. – Барнаул, 1995. – Ч.1. – С. 110-114.
2. Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Алтая. Ч. II. Погребально-поминальные комплексы Пазырыкской культуры. – Барнаул, 2003. – 233 с.

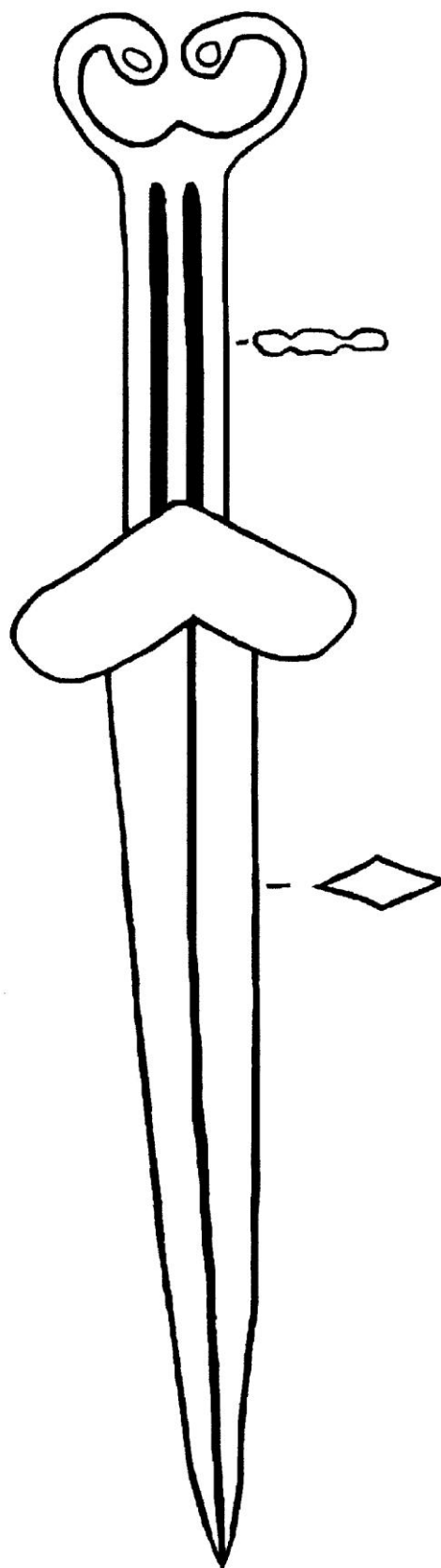

Рис.1

Рис.2

3. Кисилев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М-Л, 1949. – 264 с.

4. Кочеев В.А. Кинжалы с зооморфными навершиями из Горного Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. – Горно-Алтайск, 1995а. – С. 132-135.
5. Кочеев В.А. Два кинжала из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1995б. – №1. – С. 133-135.
6. Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1981. – С. 29-54.
7. Скопинцева Г.В. Кинжалы эпохи раннего железа из разрушенных памятников в Предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая.– Барнаул, 2000. Вып. XI. – С. 196-197.
8. Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая.– Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 132-152.
9. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск, 2003. – 159 с.
10. Фролов Я.В. К вопросу об одной коллекции предметов, выполненных в скифо-сибирском зверином стиле из фондов Алтайского государственного краеведческого музея // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. РАЭСК XVI. – Барнаул, 2001. – С. 294-295.

Список иллюстраций к статье Кочеева В.А.

Рис. 1. Бронзовый кинжал из Маймы.

Рис. 2. Бронзовый (1) и железный (2) кинжалы из Верхнего Уймона.

Трифанова С.В.
(г.Горно-Алтайск)

РЕКОНСТРУКЦИЯ УКРАШЕНИЙ ГОЛОВЫ ИЗ КУРГАНОВ АЙРЫДАША

Могильник Айрыдаш I расположен на высокой террасе правого берега реки Катунь в трёх километрах к ЮВ от с. Куюс Чемальского района Республики Алтай. С 1980 по 1990 г. здесь проводила исследования археологическая экспедиция Горно-Алтайского научно-исследовательского института истории, языка и литературы под руководством А.С.Суразакова*. В течение девяти полевых сезонов на могильнике было вскрыто более 220 курганов различных периодов от эпохи бронзы до средневековья. В ходе раскопок погребений гунно-сарматской эпохи обнаружено значительное количество предметов украшений. Они в основном были сконцентрированы в области головы погребенных. В комплекс украшений головы входили: диадемы, наконечники, серьги, нашивные бляшки, бубенчиковидные и ромбовидные подвески и др.

В курганах №№ 60, 67 и 151 обнаружены наиболее полные наборы комплексы украшений головы, позволяющие реконструировать образцы головных уборов населения гунно-сарматской эпохи.

Под насыпью кургана №60 (рис.1 – 1) находилась могильная яма размером 1,74x0,54 м, глубиной 0,39 м от древнего горизонта, ориентированная длинной осью ЮВЮ-СЗС. Заполнение песчаное. На дне ямы лежал человеческий костяк вытянуто на спине, черепом

* Пользуясь случаем, выражаем признательность А.С.Суразакову за предоставленную возможность изучения материалов раскопок и использования их в настоящей публикации.

на СЗС. Правая рука вытянута вдоль туловища и положена кистью на тазовые кости, левая согнута в локте и положена кистью поверх правой (рис.1 – 2). Выше черепа и на груди погребенного найдены шесть бронзовых наконечников, представляющих собой бронзовые пластины, согнутые в виде высокой дуги. На концах они имеют от одного до трех отверстий для пришивания. Ширина пластин 1-2 см, длина 2,5-4 см (рис.1 – 3). Поверх черепа находилась железная диадема, представляющая собой пластину в виде вытянутого прямоугольника, согнутую в низкую дугу. Диадема неполной сохранности. Ширина 2,5 см, длина 17,5 см (рис.1 – 6). Слева и справа у верхней части черепа и у правого плеча лежали восемь бронзовых бляшек, нашитые некогда на шерстяную ткань. Бляшки в центре имеют округлый сферический выступ, вокруг него – кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий, бортик украшен одним рядом мелких вдавлений, имитирующих «жемчужный» орнамент. Диаметр бляшек от 1,2 до 2,5 см (рис.1 – 4). Слева у верхней части черепа, а также с обеих его сторон ближе к нижней челюсти обнаружено пять бубенчиковидных бронзовых подвесок с деревянным стержнем, покрытым бронзовой пластиной. Длина стержня 2-2,5 см, диаметр 0,5-0,7 см. В верхней его части имеются отверстия для пришивания. Навершие подвески – «бубенчик», представляет собой деревянный шарик диаметром ок. 1,5 см, покрытый бронзовым листком. Здесь же была найдена бронзовая пронизь с каменной бусиной (рис.1 – 5). Под верхней частью левой плечевой кости находилась большая бронзовая бляха. У правой тазовой кости и под левой бедренной обнаружены фрагменты железа. У середины левой бедренной кости с внешней её стороны найден фрагмент зеркала из белого сплава. У середины правой бедренной кости лежал фрагмент сильно коррозированной железной пряжки.

В каменном кольце кургана №67 находилась могильная яма размером 1,93x0,62 м, глубиной 0,55 м от древнего горизонта, ориентированная длиной осью по линии ЮВЮ-СЗС (рис.2 – 1). Засыпка песчаная. У юго-западной стенки ямы стояла одна небольшая вертикальная плита, у северо-восточной – две, у юго-восточной – одна. На дне ямы лежал человеческий костяк вытянуто на спине, черепом на СЗС. Правая рука согнута в локте под прямым углом, левая вытянута вдоль туловища (рис.1 – 2). Над черепом обнаружены фрагменты железной диадемы, в виде пластины с расширенной центральной частью, постепенно сужающейся к концам. Диадема согнута в виде низкой дуги. Изделие неполной сохранности. Максимальная ширина 3,5 см, длина 18 см (рис.2 – 6). С обеих сторон черепа лежали бронзовые украшения головного убора: 10 нашивных бляшек, пластина, подвески. Нашивные бляшки в центре имеют округлый сферический выступ, вокруг него – кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий. У восьми из них кольцевой бортик украшен одним рядом мелких вдавлений, имитирующих «жемчужный» орнамент. Диаметр бляшек от 2 до 2,5 см (рис.2 – 7). Пластина представляла собой вытянутый прямоугольник, со сквозными отверстиями на концах. Ширина пластины 0,7 см, длина 3 см (рис.2 – 4). Четыре бубенчиковидные подвески с деревянным стержнем, покрытым бронзовой пластиной. Длина стержня 1,7-2,3 см, диаметр 0,5 см. Навершие подвески – «бубенчик», представляет собой деревянный шарик диаметром ок. 1,2 см, покрытый бронзовым листком (рис.2 – 5). С левой стороны черепа найдена небольшая бусина цилиндрической формы белого цвета. Диаметр 0,4 см, длина 0,5 см (рис.2 – 3). Под левой стороной черепа находились фрагменты кожаного изделия и фрагменты изделий из ткани (шерсть?) (рис.2 – 8). На груди лежали бронзовые украшения: две бубенчиковидные подвески и одна нашивная бляшка. На поясе найдены фрагменты железной поясной пряжки и детали поясного набора. У кисти левой руки лежала крупная реповидная бусина.

Внутри каменного кольца кургана № 151 (рис.3 – 1) находилась могильная яма размером 1,98x0,64 м, глубиной 0,35 м от древнего горизонта, ориентированная длиной осью по линии ЮВ-СЗ. В середине ЮЗ борта у дна сохранился тлен от длинной стенки деревянной погребальной камеры. На дне ямы лежал человеческий костяк вытянуто на спине, черепом на СЗ. Левая рука слегка согнута в локте и положена кистью на тазовые кости. Правая половина грудной клетки и кости правой руки нарушены норами грызунов. У верхней части черепа найдена полуовальная каменная бляха с одним большим и тремя маленькими отверстиями. Высота бляхи 3 см, длина 5 см, толщина 0,3-0,5 см (рис.3 – 4). Под черепом обнаружены две бронзовые диадемы, представляющие собой пластину в виде вытянутого прямоугольника. У обеих пластин один конец широкий постепенно сужающийся к другому. На концах имеется по одному отверстию для пришивания. Пластины согнуты в виде высо-

кой дуги. Ширина от 1,5 до 2 см, длина от 14 до 15 см (рис.3 – 5). Здесь же обнаружены девять бронзовых наконечников, представляющих собой прямоугольные пластины, согнутые в виде высокой дуги. На концах они имеют от одного до трех отверстий для пришивания. Ширина пластин 2-2,5 см, длина 2,5-5 см (рис.3 – 6). С левой и с правой стороны черепа вперемешку лежали: две серьги, семь ромбовидных подвесок, три нашивные бляшки и четыре пронизи. Серьги бронзовые крючковые с верхушкой в виде вытянутого листа, со свободным навесным крючком. Серьга составная: крючок крепился к верхушке при помощи заклепок. Верхушка декорирована двумя крупными выпуклыми вдавлениями, выполненными пуансоном и одним рядом мелких вдавлений окаймляющим ее всему периметру (рис.3 – 2). Подвески представляют собой пластины ромбовидной формы с маленькими отверстиями в верхнем углу. Высота пластин около 3,5 см, ширина 1,5-2,5 см (рис.3 – 7). Нашивные бляшки в центре имеют округлый сферический выступ, вокруг него – кольцевой бортик с парой радиально расположенных сквозных отверстий. Бортик украшен одним рядом мелких вдавлений, имитирующих «жемчужный» орнамент. Диаметр 1,8-2,5 см (рис.3 – 8). Пронизи представляют собой бронзовые пластинки, свернутые в обоймы. Высота обойм 1,8 см, диаметр 0,2-0,5 см (рис.3 – 3). У правого плеча лежали: одна бронзовая нашивная бляшка, одна крупная бронзовая бляха со сквозным отверстием в центре и три раковины-каурии. Еще 28 таких раковин обнаружены отдельными скоплениями в районе локтя правой руки. Здесь же находились фрагменты железа. У таза найдены фрагменты железных деталей поясного набора.

Во все времена голова воспринималась как особо священная часть тела, в определенном смысле воплощающая самого человека, поэтому она декорировалась наиболее обильно. В рассмотренных погребениях в число украшений головы входили диадемы. Понятие «диадема» широко используется археологами, однако необходимо его конкретизировать, т.к. существуют разные толкования данного понятия. В «Толковом словаре русского языка» слово «диадема» определяется как женское головное драгоценное украшение (первоначально головной убор царей, а ранее – жрецов) (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 2003, с.164). И.П. Засецкая определяет диадемы как украшение головного убора, носившиеся как венцы или как налобные повязки (Засецкая И.П., 1994, с.50, 57). С.А. Яценко отмечает, что диадемой (венцом) принято называть полосу ткани, кожи или войлока, иногда сужающуюся к концам и скрепленную у темени. Диадемы не сопровождаются головным убором, являясь самостоятельным элементом костюма (Яценко С.А., 1986, с.14). Возникает вопрос «Что такое головной убор?». В «Толковом словаре русского языка» понятие «головной убор» определяется как общее название одежды для головы (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю., 2003, с.821). В целом, головной убор несет утилитарную и эстетическую, магико-религиозную функции, поэтому диадема также входит в число головных уборов и является самостоятельным элементом костюма.

Семантика диадем-лент определяется их формой, в основе которой кольцо, надетое на голову. С древнейших времен диадемы являются знаком, выделяющим их владельца, знаком его превосходства. Так, например, головной убор правителей среднеазиатских государств неизменно включал две составляющие: собственно корону и диадему, окружающую голову – ее наличие всегда подчеркивалось бантом или развевающимися лентами-завязками на затылке (Засецкая И.П., 1994, с.72). По конструкции диадемы делятся на диадемы-венцы и на диадемы-полувенцы (налобные повязки). Диадема-венец – это полоса ткани, кожи или войлока, одеваемая на голову, она иногда сужается к концам. По всей поверхности она может быть украшена металлическими пластинами, бусами, бляшками, низ также может быть украшен подвесками. Диадема-полувенец (налобная повязка) отличается от диадемы-венца тем, что она украшается только в лобной части.

Анализ украшений, находившихся в области головы погребенных в курганах №№ 60, 67 и 151, позволил нам реконструировать головные уборы-диадемы с кожаной или тканевой основой. Любая реконструкция элементов древнего костюма допускает несколько вариантов, в связи с чем, предлагаем три варианта диадем населения гунно-сарматского времени из могильника Айрыдаш I.

В кургане №60 на голове погребенной была диадема-полувенец, украшенная железной пластиной, бронзовыми нашивными бляшками и бубенчикообразными подвесками (рис.4). Видимо, основой головного убора служила полоса шерстяной ткани, на которую в лобной части была пришита железная пластина. Металлические пластины являющиеся

основными элементами диадемы в большом количестве встречены в захоронениях Шестаковского могильника тагарского времени, а также тагаро-таштыкского периода (Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М., 1971, с.204). Находки подобных золотых пластина-диадемы известно в Тыве (Грач А.Д., 1980, с.36). На территории Украины в скифскую эпоху женщины носили метопиду – налобную золотую ленту, которая пришивалась на кожаный ремень, завязывающийся сзади (Мирошникова И.П., 1980, с.36). Аналогия с бронзовыми пластинами, обнаруженными в других погребениях могильника Айрыдаш I, позволяют предположить, что у пластины из кургана №60 на концах имелись сквозные отверстия для пришивания. Ниже пластины были пришиты восемь бронзовых нашивных бляшек, которые широко использовались для декорации различных элементов одежды. Иногда для украшения диадемы использовались только нашивные бляшки, например, в случае с диадемой-полувенцом (налобной повязкой) обнаруженной у оз. Батыр в Казахстане. Она представляла собой узкую ленту холста, обтянутого шелковой китайской тканью длиной 46 см, шириной 3 см с нашитыми на нее круглыми золотыми бляшками (Скалон К.М., 1961, с.144-126, рис.4 – 3, 6). К нижнему краю ленты-основы крепились бубенчиковидные подвески. Очевидно, они пришивались к матерчатой основе, на стержне подвески имеются сквозные отверстия, которые проходили насквозь, включая бронзовую оболочку. Поскольку диадема-полувенец украшалась только в лобной части, то на голову надевался платок. Выше черепа и на груди погребенной был обнаружен еще один вид украшений головы – накосники. Накосники одновременно украшали и закрепляли прическу. Очевидно, волосы погребенной были заплетены в две косы и уложены на плечи и грудь. На одном накоснике сохранился фрагмент шерстяной ткани, из чего мы можем предположить, что пластины пришивались к полосе ткани, которая вплеталась вместе с волосами в косу. В основание косы вплеталась полоса ткани с одной пластиной, а конец косы закреплялся полосой ткани с двумя пластинами.

В кургане №67 в число украшений головы входила диадема-венец (рис.5). Лента-основа была изготовлена из кожи. Очевидно, в лобной части к ней пришивалась железная пластина. Боковые стороны ленты-основы были декорированы десятью бронзовыми бляшками, пришитыми на расстоянии 1-1,5 см друг от друга, по пять штук с каждой стороны. На затылке пришивалась небольшая бронзовая пластина в виде вытянутого прямоугольника. Измерив длины элементов украшающих диадему-венец, мы получаем средний диаметр головы человека 56-60 см. У висков диадема-венец была украшена бубенчиковидными подвесками, пришитыми прямо к нижнему краю кожаной основы. Небольшая бусина обнаруженная с левой стороны черепа могла использоваться для маскировки сквозного отверстия на железной пластине. Возможно, бусин было две.

В кургане №151 комплекс украшений головы включал большее количество элементов: диадема-полувенец, серьги, накосники (рис.6). Композиционным центром диадемы-полувенца, видимо, была белая полуовальная каменная (?) бляха. С двух сторон от нее были пришиты бронзовые пластины, обращенные широким концом к бляхе. Прямо под бляхой к краю ленты-основы в области переносицы были пришиты три бронзовые ромбовидные подвески. У висков нижний край диадемы-полувенца украшался четырьмя бронзовыми подвесками, от которых сохранились пронизи и ромбовидные пластины. Видимо, на нити, соединявшие ромбовидную подвеску с лентой-основой, были одеты пронизи. В ушах погребенной были крючковые серьги с фигурной верхушкой, украшенной пуансонным орнаментом. Волосы ее были заплетены в косы, украшены накосниками. Поскольку накосники находились только под черепом, видимо, косы были уложены на затылке (рис.8).

Изучение головных уборов из могильника Айрыдаш I показал, что диадемы украшались обязательным набором элементов включающих: металлические пластины, бляшки, бубенчиковидные подвески, ромбовидные пластины и в некоторых случаях каменные или роговые бляхи. Головные уборы с таким набором украшений были обнаружены только в погребениях взрослых женщин. Видимо, не все имели право носить головной убор такого вида, диадемы были обнаружены только в девяти женских погребениях. Учитывая это, можно предположить, что диадемы являлись отличительным признаком женщин, занимавших довольно высокое социальное положение в обществе, представители которых погребены на могильнике Айрыдаш I.

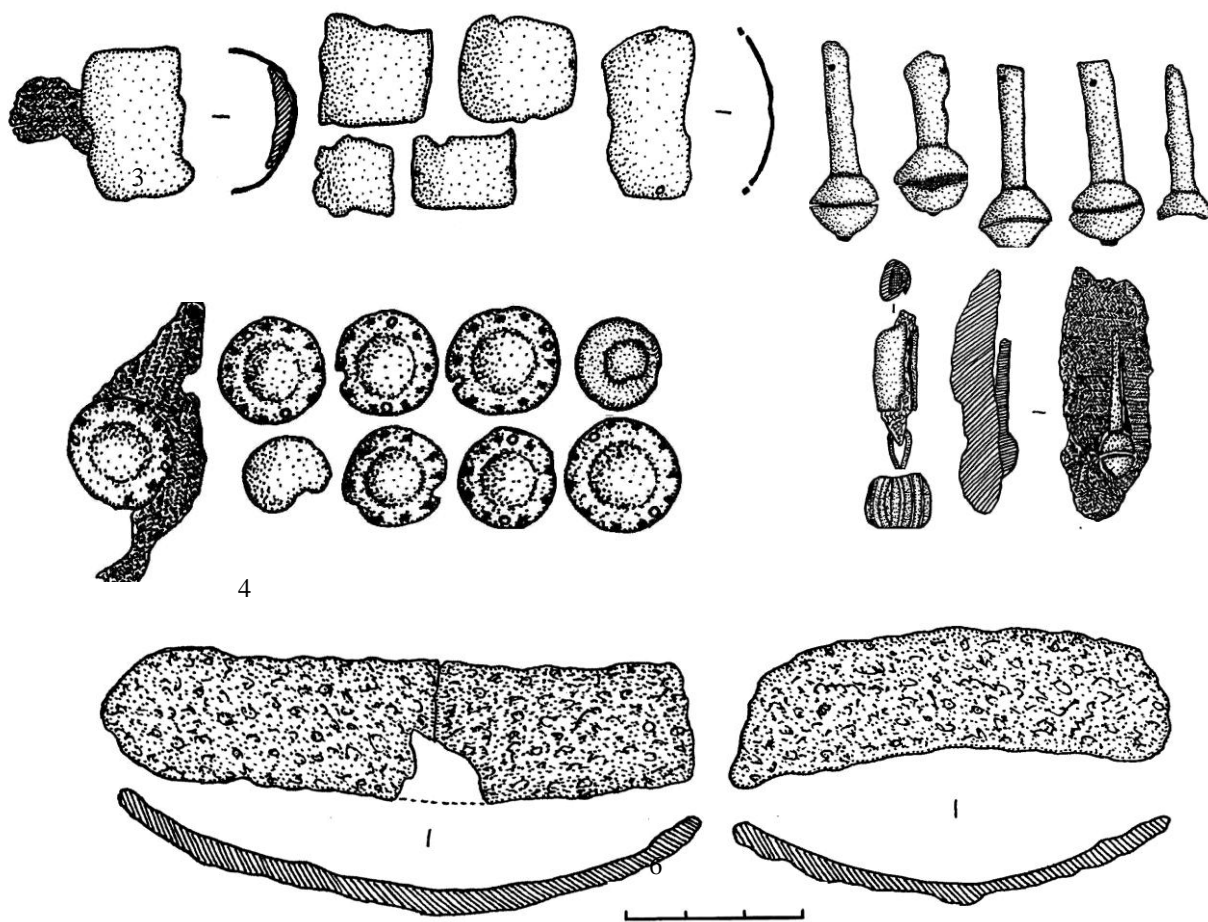
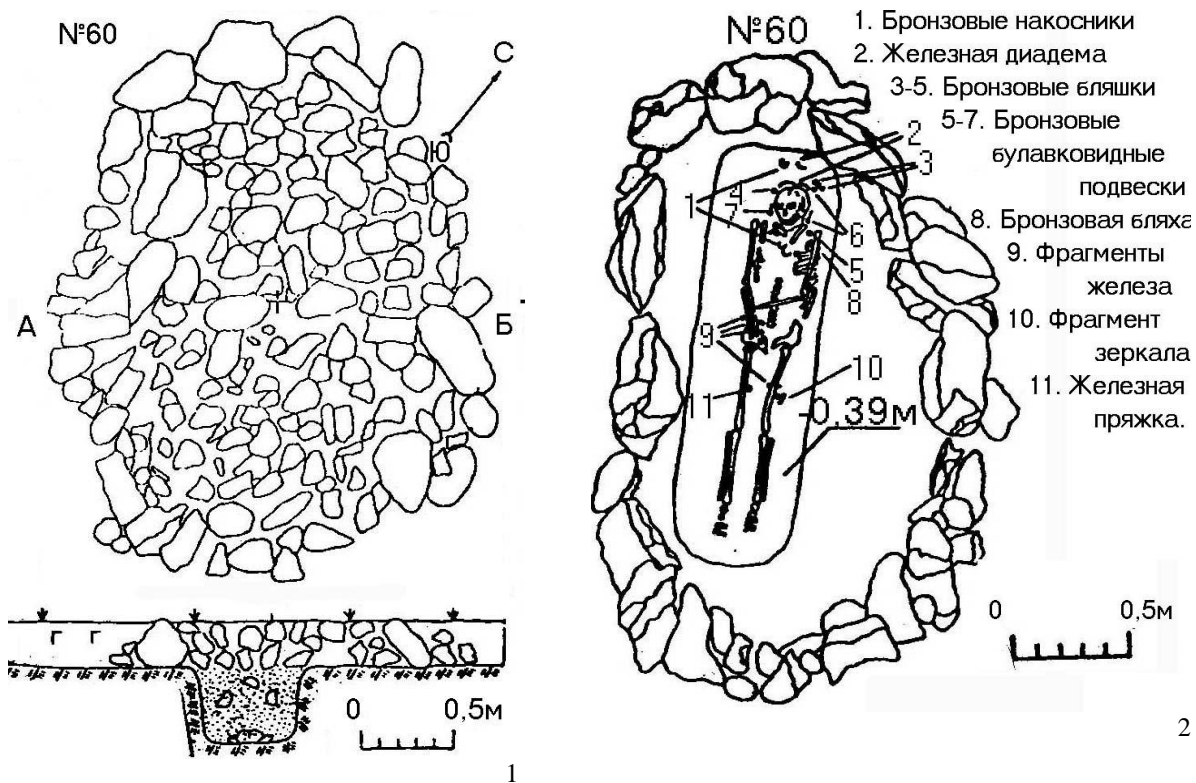

Рис.1

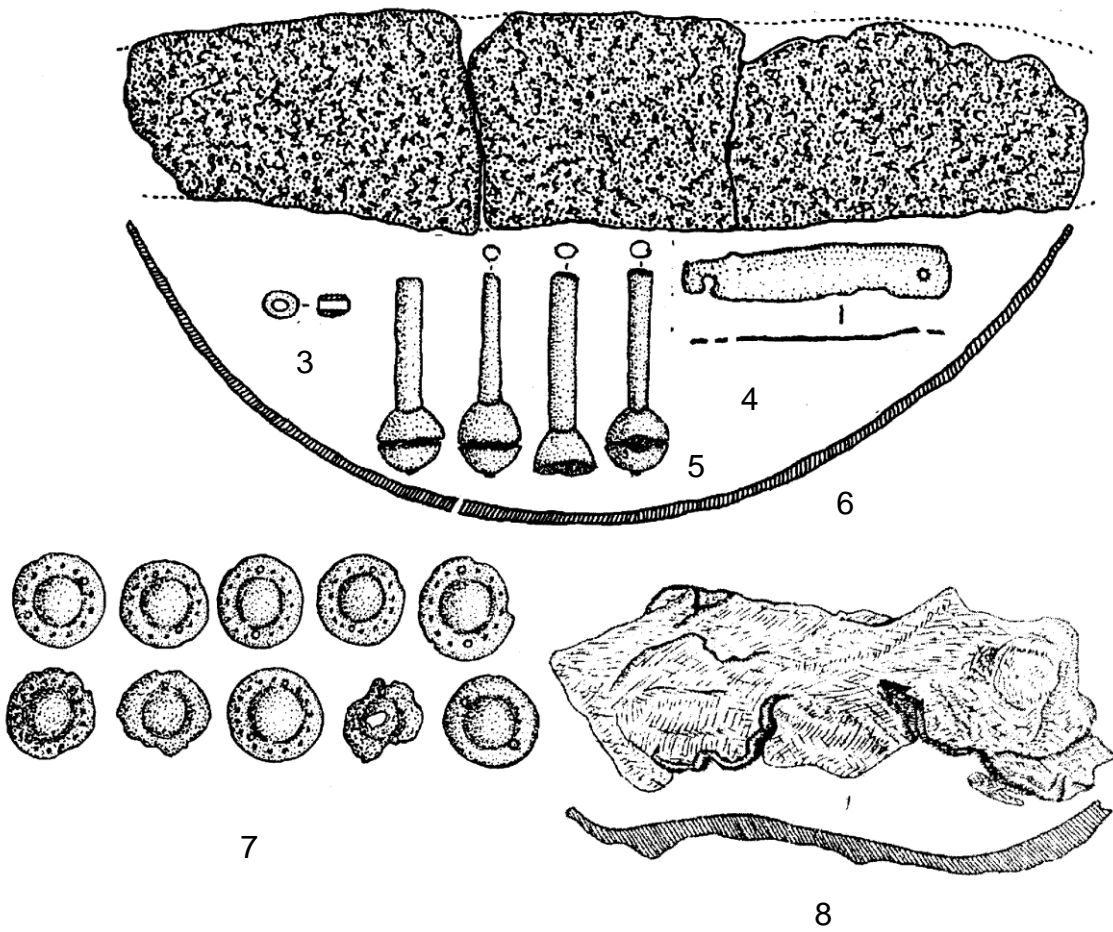
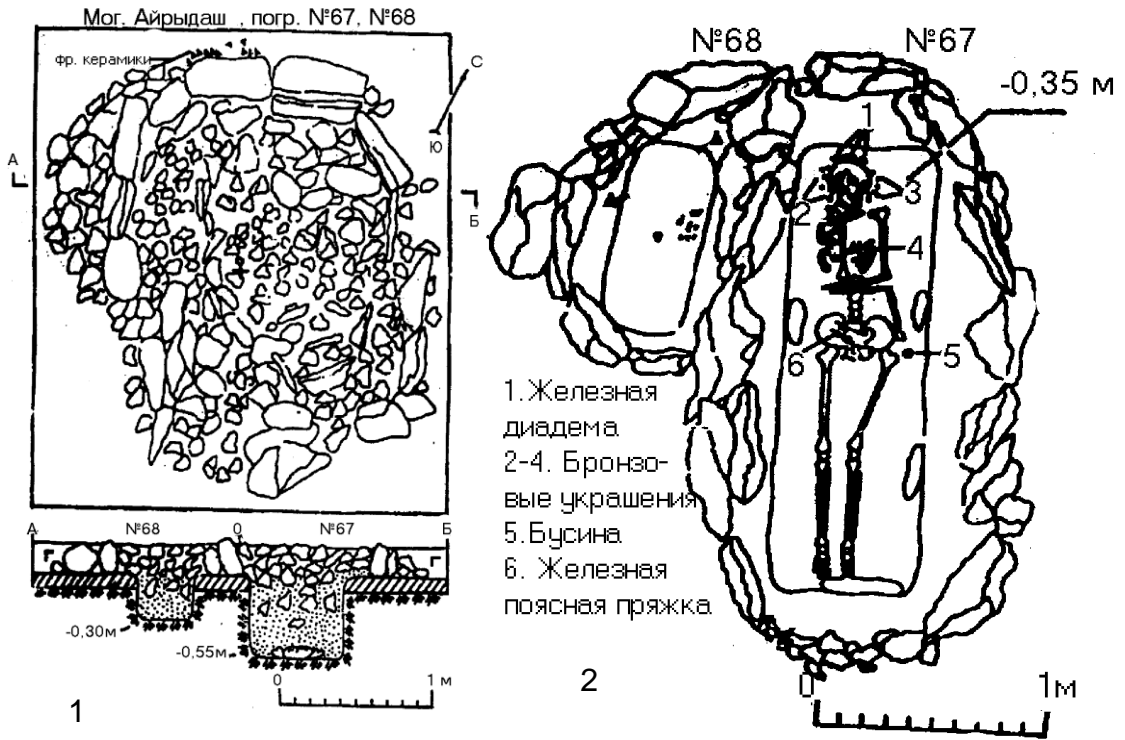

Рис.2

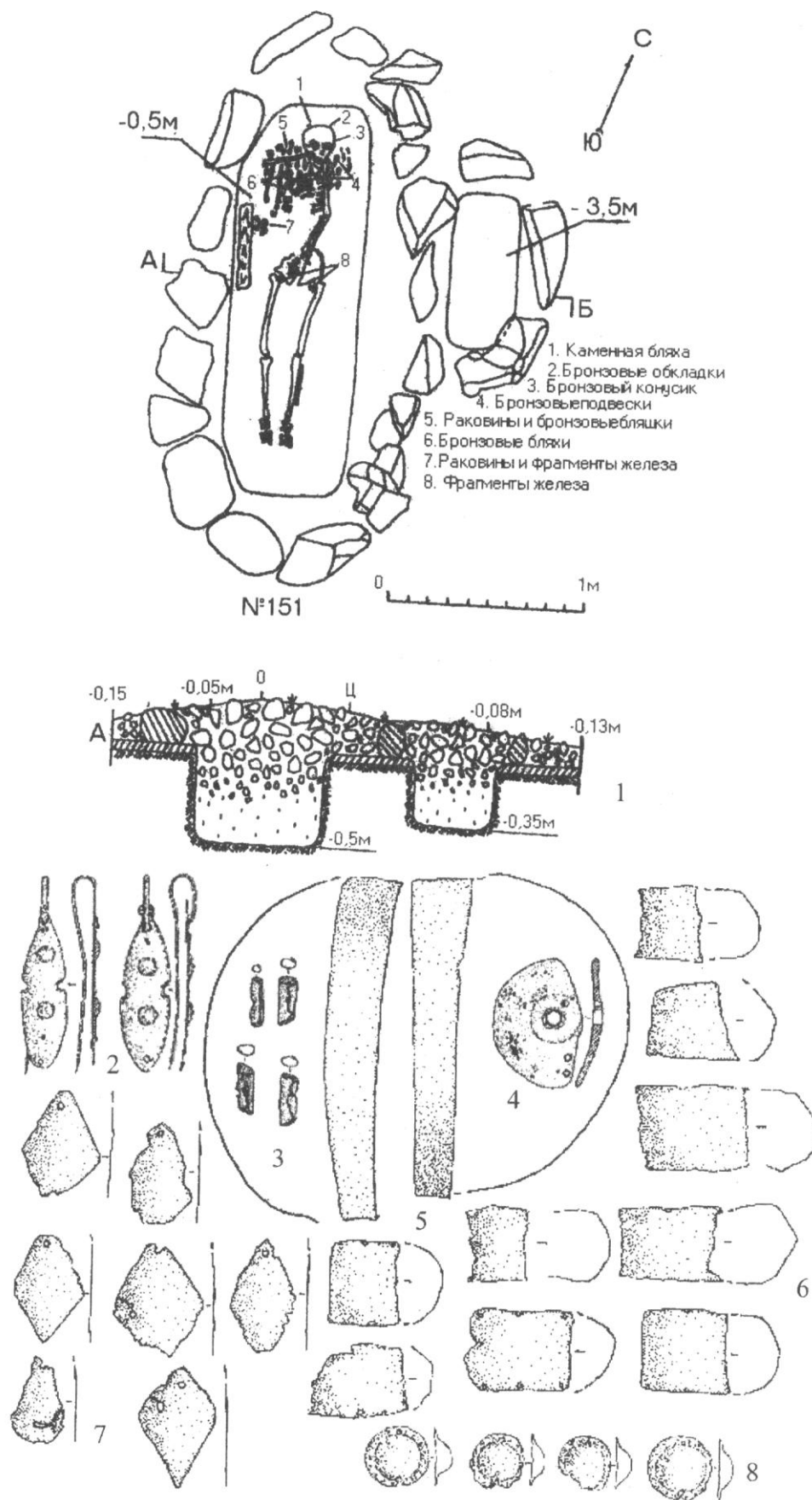

Рис.3

Рис.4

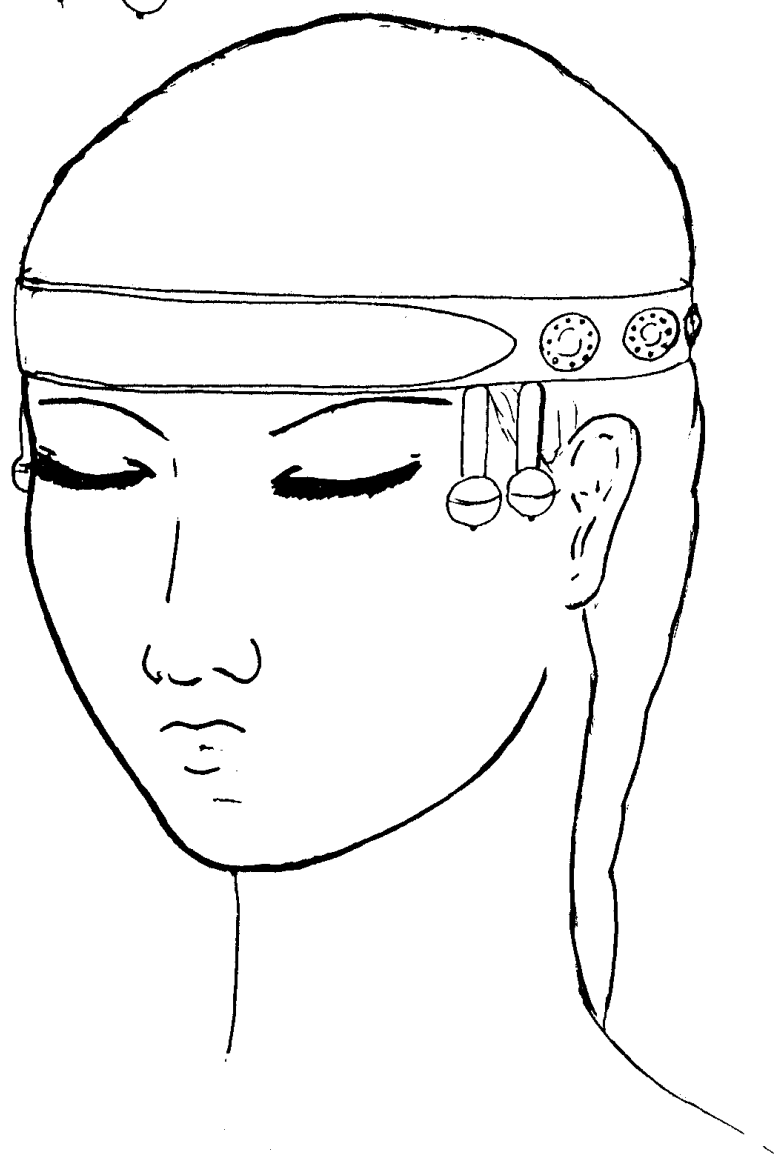
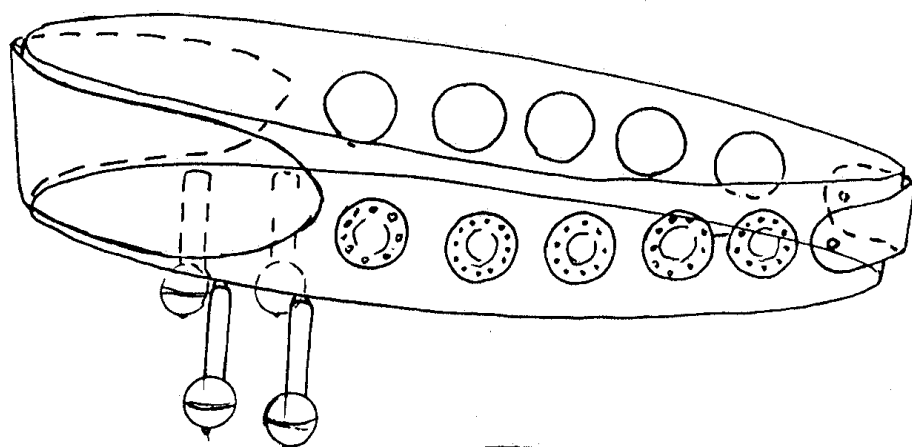

Рис.5

Рис.6

Литература

1. Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М., 1980. – 255 с.
2. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). – СПб., 1994. – 222 с.
3. Мартынов А.И., Мартынова Г.С., Кулемзин А.М. Шестаковские курганы. – Кемерово, 1971. – 247 с.
4. Мирошникова И.П. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV-III вв. до н.э. // Советская Археология. – 1981. – №4. – С.46-70.
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2003. – 944 с.
6. Скалон К.М. О культурных связях Восточного Прикаспия в позднесарматское время. // АСГЭ. – Л., 1961. – Вып.2. – С.144-126.
7. Яценко С.А. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху. // КСИА. – М., 1986. – Вып.186. – С.14-20.

Список иллюстраций к статье Трифановой С.В.

- Рис.1 Могильник Айрыдаш I. Курган №60. 1 – план и разрез насыпи; 2 – план погребения; 3-6 – украшения головы.
- Рис.2 Могильник Айрыдаш I. Курган №67. 1 – план и разрез насыпи; 2 – план погребения; 3-7 – украшения головы; 8 – фрагменты изделия из кожи и шерстяной ткани.
- Рис.3 Могильник Айрыдаш I. Курган №151. 1 – план и разрез погребения; 2-8 – украшения головы.
- Рис.4 Могильник Айрыдаш I. Курган №60. Реконструкция головного убора.
- Рис.5 Могильник Айрыдаш I. Курган №67. Реконструкция головного убора.
- Рис.6 Могильник Айрыдаш I. Курган №151. Реконструкция головного убора.

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект №04-01-61007а/м)

Матрёнин С.С.
(г. Барнаул)

РАЗРАБОТКА СХЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ II В. ДО Н.Э. – V В.Н.Э.

Одной из главных частей похоронного ритуала большинства древних и средневековых народов было создание необходимых для этого погребальных сооружений, под которыми понимаются недвижимые (непортативные) артефакты, неотделимые от внешней среды, обычно крупные и нередко сложные (Клейн Л.С., 1991, с. 373), предназначенные для помещения тела, костных останков умершего человека, предметов сопроводительного инвентаря, иногда жертвенных животных. На организацию такого сакрализованного пространства для умершего человека оказывали влияние господствующая религиозно-мифологическая система, окружающая природная среда (Ольховский В.С., 1991, с. 16), тип хозяйства, уровень социально-политического развития общества, приемы строительства жилищ, навыки обработки различных материалов (Киришин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997, с. 43, 55-58), прагматические соображения и некоторые другие факторы (Смирнов Ю.А., 1997). Будучи достаточно консервативным компонентом обряда захоронения, погребальные конструкции несут на себе также определенную этнокультурную нагрузку и традиционно используются исследова-

телями в качестве одного из важных показателей для обоснования разграничения археологических культур, локально-территориальных групп памятников и типов погребений номадов Алтая I тыс. до н.э. – II тыс. н.э.

Применение классификационного метода в изучении погребальных сооружений было предложено в отечественной археологии еще в середине XIX века (Радлов В.В., 1989) и представлено сейчас в большом количестве работ. Отражением нового уровня использования данного метода по отношению к погребальной архитектуре следует считать появление в последние два десятилетия исследований, направленных на разработку дробных схем таксономического группирования, традиционно практикуемых в области анализа вещевого комплекса (Ольховский В.С., 1991; Тишкин А.А., 1996; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997; 2003; Кожомбердиева Э.И., 1997; Соёнов В.И., 2003; и др.). Именно такой опыт реализации классификации, как мы полагаем, позволит наиболее четко отразить общие, особенные и единичные черты конструкции погребальных построек носителей булан-кобинской культуры, а также выявить традиции их возведения в Горном Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. Создаваемая таксономическая система должна быть удобной для дальнейшего накопления материалов, а кроме этого, в перспективе она может стать основой для воплощения некоторых аспектов типологического анализа, призванного выяснить происхождение, факторы и направления развития обозначенного вида археологических артефактов во времени и пространстве.

К настоящему моменту вопрос об устройстве погребальных сооружений кочевниками Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э. освещен недостаточно полно, несмотря на то, что, начиная с конца 1980-х гг., к нему в той или иной мере обращались некоторые археологи. На сегодняшний день в специальной литературе наряду с описательной характеристикой параметров курганных захоронений отдельных могильников булан-кобинской культуры отражена попытка их систематизации (Елин В.Н., 1987, с. 7-8; 1990, с. 121, рис. I; 1991, с. 154-155; Елин В.Н., Васютин А.С., 1992; Илюшин А.М., 1996; Васютин А.С., 1997; Соёнов В.И., 1997, с. 8-10; 1998; 2003, с. 30-36; Матрёнин С.С., 2001; Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 13-17). Однако за исключением работы В.И. Соёнова, большинство из обозначенных вариантов классификации погребальных сооружений построены на материалах сравнительно узкого круга памятников и не ориентированы на осуществление формально-типологического анализа.

В исследовательской практике сложилось два подхода к классификации курганных сооружений. Согласно одному из них, который представлен в преобладающем большинстве работ, посвященных изучению погребальной обрядности номадов Центральной Азии, в том числе и Горного Алтая, наземные и внутримогильные конструкции рассматриваются самостоятельно на основе одинакового или разного числа признаков, а корреляция получаемых совокупностей объектов выполняется статистико-комбинаторных путем или в результате простого сопоставления выделенных типов. В нашем случае мы будем придерживаться другого подхода, предполагающего одновременный анализ наземных и подкурганных построек в рамках общей схемы таксономических единиц. Изучение обозначенного аспекта погребального обряда населения булан-кобинской культуры базировалось на результатах раскопок 567 курганных и впускных объектов из 38 могильников¹. Такое количество использованных источников, составляет более 70% изученных на сегодня в этом регионе захоронений II в. до н.э. – V в. н.э. Они подразделялись на три хронологических периода, соответствующих раннему, усть-эдиганскому (II в. до н.э. – I в. н.э.), развитому, бело-бомскому (II – 1-я пол. IV вв. н.э.) и позднему, верх-уймонскому (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) этапам развития булан-кобинской культуры (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2005).

Опираясь на предыдущий опыт разработок в области классификации памятников Горного Алтая рассматриваемой эпохи, из всего многообразия элементов, присущих погребальным сооружениям, нами был выделен комплекс наиболее показательных и надежно фиксируемых параметров. Систематизация необходимых сведений осуществлялась посредством взаимного сочетания признаков с помощью шестичленной системы деления материала, где задействованы такие основные таксономические единицы, как категория, группа, разряд, раздел, отдел, тип. Каждая из перечисленных дефиниций включала в себя показатели в зависимости от степени их всеобщности для выбранной категории (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с. 11; Кызласов И.Л., 1983, с. 8-10; Неверов С.В., 1985, с. 193; и др.). Следуя принципу

¹ Автор выражает благодарность всем исследователям за предоставленную возможность ознакомиться с материалами своих раскопок, не отраженными в публикациях.

четкой иерархии классов, построенных на едином признаке деления и соподчинения друг другу (Городцов В.А., 1995, с. 27-30), исключающему попадание объекта сразу в две порядковые ячейки (Клейн Л.С., 1991, с. 365), все таксоны от группы к типу характеризовались более изменчивой во времени и пространстве чертой. Последнее, однако, напрямую не исключало, что наименее постоянные морфологические признаки могли оказаться в типологическом отношении более значимыми, чем показатели, встречающиеся часто (Балон Ф.Р., 1991, с. 325; Горелик М.В., 1993, с. 92; Горбунов В.В., 2003, с. 30). Такой алгоритм исследования погребальных сооружений, апробированный А.А. Тишкиным (1996) на материалах Горного Алтая IX–VI вв. до н.э., зарекомендовал себя при изучении памятников Алтая скифской эпохи и раннего средневековья (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., 1997; Тишкин А.А., Дашковский П.К., 1997; 2003; Кондрашов А.В., 2001; 2004; Шмидт В.К., 2003). Он является достаточно эффективным способом выявления тенденций взаимовстречаемости конструкций без апелляции к статистико-комбинаторным методам.

Некоторую сложность в процессе отбора параметров сравнения погребальных сооружений и построения иерархии выявленных признаков составляли два момента. Во-первых, при публикации материалов для обозначения тех или иных разновидностей погребальных конструкций и их отдельных деталей исследователи оперируют разнообразной, часто не унифицированной терминологией. Имеет место ситуация, когда завуалированное и нечеткое словесное описание древних сооружений при отсутствии или низком качестве графической документации, не дает ясного представления о том, что в действительности скрывается за тем или иным характеризуемым объектом. Во-вторых, многие элементы древних погребальных построек (прежде всего наземные сооружения и внутримогильные конструкции, выполненные из дерева) к настоящему моменту в различной степени изменены вследствие природного и антропогенного воздействия, а поэтому полнота и качество информации о них напрямую зависят от степени сохранности памятников, а также особенностей используемой разными специалистами методики раскопок.

Нами предлагается следующее наполнение признаками таксономических уровней. Признаки могли быть как простыми (одночленными), так и сложными (составными), предполагавшими в последнем случае соединение разноплановых формальных и конструктивных характеристик.

I. Категория – группа объектов одного или предположительного одного функционального назначения (Клейн Л.С., 1991, с. 379). В данном случае категория представлена погребальным сооружением, под которым понимается комплекс взаимосвязанных наземных и подкурганых конструкций.

II. Группа – это любая совокупность объектов, объединенных некой общей им всем характеристикой (одночленной или составной) или выделенных по некоторому единому для этой совокупности принципу (Клейн Л.С., 1991, с. 359). В нашей системе данная единица определяет наличие или отсутствие курганной насыпи без конкретизации использованного для ее возведения материала, а также фиксирует впускной характер захоронения.

III. Разряд – отражает наличие или отсутствие таких конструктивных элементов надмогильных сооружений как кольцевая выкладка-крепида, кольцевая выкладка-стенка, прямоугольная выкладка-крепида, прямоугольная выкладка-стенка вокруг могильной ямы. Различия между ними состояли в том, что стенка устраивалась с более плотной и тщательной подгонкой плит друг к другу и превосходила крепиду по мощности кладки (от 2 до 12 слоев), достигая иногда в высоту одного метра. Прочность стенке придавало наличие у нее внутренней и (или) внешней каменной забутовки, а в некоторых случаях конструктивных связей на отдельных участках или по всей длине постройки. Последнее получалось за счет того, что камни верхнего уровня располагались ровно над стыками плит нижнего слоя. Возведению стенок также могло предшествовать сооружение слегка углубленной в грунт площадки. Крепида представляла собой однослойную (обычно однорядную) выкладку из крупных валунов и рваных плит, уложенных плашмя, поставленных на ребро, вкопанных вертикально в грунт. Названные детали наземных конструкций располагались по периметру насыпи или находились внутри нее и были перекрыты сверху крупными камнями, образующими своеобразный «панцирь». В последнем случае крепиду не всегда можно было точно зафиксировать в бровках без применения многоуровневой расчистки кургана.

IV. Раздел – учитывает количество могил для умерших людей. Пока отмечено три варианта подобного рода фиксации: одна, две, три могилы.

V. Отдел – характеризует конструкцию могильной ямы: простая яма (с отвесными, расширяющимися, сужающимися ко дну стенками), яма с приступкой по одной из длинных стенок, яма с заплечиками (уступами по всему периметру или двум, трем сторонам могилы), яма с подбоем. Кроме этого данная таксономическая ячейка отмечает факты совершения захоронения на уровне древнего горизонта.

VI. Тип – определяет вид основной погребальной камеры, предназначенной для непосредственного помещения тела умершего человека: каменный ящик, деревянный ящик, каменно-деревянный ящик, колода, каменная обкладка по периметру дна могилы, яма, отсутствие таковых.

VIa. Подтип – фиксирует такие дополнительные детали оформления погребальных камер как наличие или отсутствие у них перекрытия, общую целостность сооружения, сочетаемость нескольких разновидностей внутримогильных конструкций.

Поскольку критерии выделения разных типов погребальных камер не всегда специально оговариваются в литературе и зачастую зависят от конкретного археологического материала, остановимся на приведенных выше обозначениях чуть подробнее. Под *каменным ящиком* понимается конструкция из плит, грубых или со специальной обработкой, установленных на ребро плотно друг к другу, как правило, перекрытых сверху такими же плитами, реже в сочетании с деревянными жердями. Ящик мог сооружаться и без перекрытия, либо воспроизводиться фрагментарно, имея в последнем случае обязательно обе или одну длинные стенки в виде одиночных плит. Дно такой камеры было в основном грунтовое, иногда встречаются каменный настил, берестяная или войлочная подкладка. *Деревянный ящик* – сооружение из плотно приставленных плах, тонких бревен (в один венец) с деревянными перекрытием сверху или без него. Стыковка стенок могла производиться с помощью шипов на торцевых и пазов на продольных сторонах. У некоторых таких камер наряду с перекрытием могли отсутствовать короткие (торцевые) стенки. Дно ящика земляное, реже с подстилкой из бересты. *Каменно-деревянный ящик* – имеет торцевые стенки из вертикально установленных каменных плит или валунов, а длинные из досок, на которые опиралось деревянное перекрытие, либо без такового. Этот тип конструкции в отдельных ситуациях выполнялся фрагментарно, когда отсутствовали деревянные стенки и (или) перекрытие. *Колода* – выдолбленное из ствола дерева гробовище с крышкой из цельной заготовки, заменяющим ее перекрытием, либо без них. *Каменная обкладка* – сооружение в виде крупных валунов и булыжников, уложенных плашмя по всему периметру дна или в отдельных частях могилы.

Другие признаки (материал курганной насыпи, пропорции погребальных камер, характер перекрытия внутримогильных сооружений, каменные столбики и стелы в насыпи курганов или рядом с ними), выносились на описательный уровень рассмотрения. В классификации учитывались по возможности только те сооружения и их остатки, которые были уверенно идентифицированы. Часть объектов, не обладавших всем набором необходимых показателей ввиду плохой сохранности, а также отсутствия полной информации оказалась за рамками этой обработки, однако они также использовались нами при общей характеристике. Во внимание принималось и то обстоятельство, что первоначальное состояние конструкций могло отличаться от зафиксированного.

В результате проведенного таксономического группирования было выделено 56 типов погребальных сооружений Горного Алтая II в. до н.э. – V в. до н.э. (табл. I). В количественном отношении они разделялись на три неравноценные группы. Первая группа – шесть типов (типы 1, 2, 3, 5, 6, 18), насчитывающих не менее 30 курганов, характеризует 77,93% всех учтенных сооружений. Вторая – также содержит шесть типов (типы 4, 8, 26, 30, 40, 41), каждый из которых включал от шести до 30 объектов (в среднем около восьми), и объединяет 8,97% анализируемой выборки. Остальные 44 типа (типы 7, 9–17, 19–25, 27–29, 31–39, 42–56) с пороговым значением встречаемости менее шести объектов относились к третьей группе, на которую приходилось 13,1% памятников. Разумеется, с накоплением новых материалов количественное наполнение и процентное соотношение групп может несколько измениться и некоторые немногочисленные сейчас типы преодолению рамки единичности, по крайней мере, в отдельных районах Горного Алтая. Ввиду широкой датировки многих могильников в пределах 100 и более лет, определить узкие границы бытования большинства типов оказалось достаточно трудно, а поэтому при их хронологическом разграничении приходилось руководствоваться главным образом интервалами, соответст-

вовавшими отдельным этапам булан-кобинской культуры. При этом, однако, здесь следует обратить внимание на то важное обстоятельство, что в отдельных частях Горного Алтая одинаковые типы могли появиться в разное время и иметь неодинаковое количественное соотношение в течение II в. до н.э. – V в. до н.э. В целом, по предварительным хронологическим выкладкам на усть-эдиганском (II в. до н.э. – I в. н.э.), бело-бомском (II – 1-я пол. IV вв. н.э.) и верх-уймонском (2-я пол. IV – 1-я пол. V вв. н.э.) этапах булан-кобинской культуры было представлено 11, 36 и 23 типов соответственно. Принадлежность шести типов (типы 50, 51, 52, 54, 55, 56) к одному или нескольким этапам не установлена, поэтому мы их не учитываем при анализе территориально-хронологического распределения. Наблюдаемая диспропорция вызвана появлением и быстрым исчезновением типов, отражавших в своем большинстве единичные черты (часто типологически не выразительные) оформления базовых типов сооружений или являющихся частными (исключительными) случаями возведения погребальных конструкций. Показательно, что основная масса таких «мелких» типов, характерных для II в. до н.э. – I в. н.э. не фиксируется во II – 1-ой пол. IV вв. н.э., а многие типы сооружений, представленные на развитом этапе, не отмечены во 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. За счет этого на смежных этапах булан-кобинской культуры происходило своеобразное «обновление» единичных типов. В течение всей рассматриваемой эпохи бытовали типы 1, 2, 3, 5, 6, и, возможно, их аналоги: типы 26, 28, 30.

Рассмотрим теперь наиболее распространенные и (или) показательные типы, демонстрирующие основные традиции возведения погребальных сооружений носителей булан-кобинской культуры.

Тип 1 (21,86%) Курган с кольцевой выкладкой-крепидой в основании, в пределах которой имелась одна могила (с отвесными, расширяющимися, сужающимися стенками). На дне ямы сооружался каменный ящик с перекрытием (подтип 1), без него (подтип 2), в виде отдельно установленных плит в разных частях ямы (подтип 3). Он выявлен при раскопках 124 курганов на 17 могильниках: Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 132; Худяков Ю.С., 1992; 1998; 1998a), Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 488-489), Чендек (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 13-14, 17-19), Сары-Бел (Соёнов В.И., 1999, с. 135, рис. 12), Карбан-I (Контев А.В., 1991), Бош-Туу-I (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, рис. 2), Сальдьяр-II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1997, с. 139-140, рис. 7), Пазырык (Сорокин С.С., 1977, с. 65-66, рис. 9), Булан-Кобы-IV (Мамадаков Ю.Т., 1985, с. 175, рис. 2-1), Айрыдаш-I (Соёнов В.И., 2003, табл. 1, 3, рис. 12-1, 13-1), Кальджин-6, 8, (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С. и др., 2004, с. 161-162, 176, рис. 261-263, 290, 292, 293), Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С. Васютин С.А., 2003), Верх-Уймон (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 20-24), Дялян (Калинин И.В., Тетерин Ю.В., 1991, с. 61-62; Тетерин Ю.В., 1991, с. 156), Улуг-Чолтух-I (Худяков Ю.С., 2002, с. 473-476) и некоторые другие памятники. Тип 1 существовал на протяжении всего рассматриваемого времени на большей части Горного Алтая, являясь господствующей традицией у населения Центрального Алтая (28,18%), преобладавшей на раннем (65,71%) и реже встречающейся на развитом (22,53%) и позднем (16,27%) этапах булан-кобинской культуры. Этот тип доминировал в Северном Алтае во II в. до н.э. – I в. н.э. (49,9%) и у номадов 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. (50%). В Восточном Алтае тип 1, очевидно, превалировал (26,47%) во II – 1-ой пол. IV вв. н.э. и в меньшей степени (4,76%) характеризовал погребальную практику 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. Для небольшой серии погребений Южного Алтая он отмечен пока в двух (14,28%) курганах, датирующихся пока в рамках конца I тыс. до н.э. – сер. I тыс. н.э.²

² Приведенные процентные подсчеты для типов погребальных сооружений сделаны от количества анализируемых памятников (567 – 100%), не зависимо от числа содержащихся в них захоронений. Для определения территориально-хронологического соотношения типов использовались разные выборки. В Северном Алтае это 271 объект: 37 раннего, 226 развитого, 8 позднего этапов булан-кобинской культуры. В Центральном Алтае это была совокупность, включавшая 220 сооружений, из которых 35 относятся ко II в. до н.э. – I в. н.э., 142 – ко II – 1-ой пол. IV вв. н.э., 43 – ко 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. Выборка из Восточного Алтая представлена 55 погребальными памятниками: 34 бело-бомского и 21 верх-уймонского этапов. Для Южного Алтая учтено 14 памятников, среди которых 12 принадлежат ко II – 1-ой пол. IV вв. н.э., два – ко 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. Из Юго-Восточного Алтая анализируются 14 памятников, датирующихся в рамках II – 1-ой пол. IV вв. н.э. Наконец, из Северо-Западного района рассматриваемого региона используются десять объектов (в основном «впускники»), относящихся к развитому этапу булан-кобинской культуры.

Тип 2 (6,7%). Надмогильное сооружение в виде кургана с кольцевой крепидой. Под насыпью одна могильная яма (с отвесными или сужающимися ко дну стенками), в которую впущен деревянный ящик с перекрытием (подтип 1) или без него (подтип 2). Учено 38 курганов этого типа на шести некрополях: Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 132-134, рис. 40, 41 с. 128-132), Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, с. 126, 224), Айрыдаш-I (Суразаков А.С., 1986, с. 203; 1987, с. 285; Соёнов В.И., 2003, табл. 1, 3, рис. 13-4, 14-4), Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003), Бош-Туу-I (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, рис. 5-II, 8-II, III), Верх-Уймон (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 26-27). Общая хронология этих памятников укладывается в рамки II в. до н.э. – V в. н.э. Тип 2 был наиболее широко представлен у кочевников Северного Алтая (8,85%), начиная со II в. до н.э. – I в. н.э. (5,4%), однако достигает там максимального распространения (9,73%) во II – 1-ой пол. IV вв. н.э. В Центральном Алтае данный тип встречается пока не так часто (3,18%) и характерен для комплексов, датирующихся не ранее II в. н.э. Его встречаемость в данном районе варьировала от 4,22% во II – 1-ой пол. IV вв. н.э. до 2,32% во 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. В Восточном Алтае этот тип также немногочисленный (10,9%) и представлен в близком соотношении на развитом (11,76%) и позднем (9,52%) этапах булан-кобинской культуры. Достаточно высокий процент данного типа в Восточном Алтае обусловлен, очевидно, небольшой выборкой, состоящей преимущественно из материалов могильника Кок-Паш.

Тип 3 (7,76%). Памятники имеют насыпь с кольцевой выкладкой-крепидой, одну могильную яму (с отвесными, расширяющимися, сужающимися стенками), погребальную камеру в виде каменно-деревянного ящика с перекрытием (подтип 1), без него (подтип 2), либо представленного каменными плитами в головах и ногах умершего человека (подтип 3). Он зафиксирован у 44 курганов, исследованных на могильниках Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., 1997 с. 146, 150 рис. 1, 2; Соёнов В.И., 2003, с. 31, 33, 35; табл. 1, 3), Сары-Бел (Соёнов В.И., 1999, с. 134-135, рис. 1–5, 7, 9), Бош-Туу-I (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1995, с. 62-63 рис. 1, 8-I, 6, 10), Бике-I (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 63, рис. 41, 43), Айрыдаш-I (Суразаков А.С., 1987, с. 285; Соёнов В.И., 2003, табл. 1, 3, рис. 14-1, 5), Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, с. 126, 224), Чендек (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 31), Улуг-Чолтух-I (Худяков Ю.С., 2002, с. 474) и встречается на протяжении II в. до н.э. – V в. н.э. Названный тип преобладает в Северном Алтае (13,65%) и отмечен в примерно одинаковом соотношении на раннем (10,81%) и развитом (13,27%) этапах булан-кобинской культуры. Тип 3 обнаружен в трех (37,5%) из восьми погребений верх-уймонского этапа. В Центральном Алтае он фиксируется намного реже (3,18%) и, если принять датировку кург. №27, 149, 150 некрополя Сары-Бел временем не позднее I в. н.э., появляется также на усть-эдиганском этапе. Во II–V вв. н.э. удельный вес таких сооружений на данной территории не превышал 2%.

Тип 5 (5,29%). Курган с кольцевой выкладкой-крепидой, содержал одну могилу (с отвесными стенками). Для человека предназначалась камера в виде каменной обкладки по периметру дна ямы с перекрытием (подтип 1) или без такового (подтип 2). Он обнаружен у 30 объектов из памятников Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., 1998, рис. 5-6, 25-26, 1998а, рис. 4; Соёнов В.И., 2003, табл. 1, 3, с. 31, 33, 35-36), Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 489), Айрыдаш-I (Соёнов В.И., 2003, табл. 1,3, рис. 12-4, рис. 13-3), Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. 2003), Улуг-Чолтух-I (Худяков Ю.С., 2002) и существовал на протяжении всей изучаемой эпохи. Этот тип отражал одну из достаточно распространенных (21,8%) традиций возведения погребальных построек у «булан-кобинцев» Восточного Алтая, преимущественно во 2-ой пол. IV – сер.V вв. н.э. (38,09%) и реже (11,76%) фиксируется там во II – 1-ой пол. IV вв. н.э. В Северном Алтае на него приходится 6,27% сооружений и они по абсолютным показателям наиболее многочисленны на усть-эдиганском (семь случаев – 18,91%) и бело-бомском (восемь случаев – 3,53%) этапах. На верх-уймонском этапе тип 5 отмечен два (25%) раза. В Центральном Алтае данный тип (0,45%) сооружений выявлен пока единожды (2,85%) во II в. до н.э. – I в. н.э.

Тип 6 (25,04%). Погребения совершались в курганах с кольцевой выкладкой-крепидой в камере в виде яме (с отвесными, расширяющимися, сужающимися стенками) с перекрытием (подтип 1) или без него (подтип 2). Обозначенный тип представлен на большей части Горного Алтая. К нему относятся 142 кургана из 13 могильников: Чендек (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 10-12, 14-18), Айрыдаш-I (Соёнов В.И., 2003, с. 31, 33-34, рис. 12-2, 13-2, 14-3, 6), Би-

ке-I (Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В., 1990, с. 61-76), Сальдьяр-II (Могильников В.А., Суразаков А.С., 1997), Урочище Балчикова-3 (Шульга П.И., Горбунов В.В., 2002, с. 112, 113, 117, рис. 1), Тыткескень-VI (Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А., Мамадаков Ю.Т., 1992, с. 224, рис. 2-1, 4, 5, 6), Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003), Дялян (Тетерин Ю.В., 1991, с. 156), Улуг-Чолтух-I (Худяков Ю.С., 2002, с. 472-478), Верх-Уймон (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, с. 22-24) и другие комплексы. Он бытовал в течение II в. до н.э. – V в. н.э. На усть-эдиганском этапе встречается достаточно редко (2,85%) и получает самое широкое распространение во II – 1-ой пол. IV вв. н.э. в Северном (48,67%) и Восточном Алтае (14,7%), а во 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. в Центральном Алтае (37,2%).

Тип 8 (1,41%). Его отличительными чертами являются насыпь с кольцевой выкладкой-крепидой, под которой находилась яма с приступкой по длинной (северной или южной) стенке, с перекрытием (подтип 1), либо без него (подтип 2). В эту совокупность сооружений входят восемь курганов из могильников Усть-Эдиган (Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В., 1990, с. 139-140), Чендек (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 11), Берель, Катанда-I (Гаврилова А.А., 1965, с. 54-57; Сорокин С.С., 1969, с. 234). Отсутствие у последних двух памятников кольцевой выкладки по периметру кургана следует считать условным, поскольку методика их раскопок в 60-х годах XIX века В.В. Радловым (1989, с. 443-451) попросту не предусматривала фиксацию этих конструктивных элементов. Погребения типа 8 соответствуют двум хронологическим периодам: II в. до н.э. – I в. н.э. и 2-я пол. IV – сер. V вв. н.э.

Тип 13 (0,7%). Надмогильное сооружение представлено курганом с кольцевой крепидой. Под насыпью устраивалась одна могильная яма с подбоем, уходящим в длинную (юго-западную или северо-восточную) стенку могилы. В подбое, вход которого мог быть закрытым каменными плитами, находился каменный ящик с перекрытием (подтип 1) и без него (подтип 2). Подобный тип погребальных сооружений был выявлен в процессе исследования четырех курганов могильника Верх-Уймон, относящихся ко 2-ой пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1992, рис. 35, 37; Соёнов В.И., 2000, с. 48-49, рис. 5, 6, 11). Результаты изучения могильника Верх-Уймон в 1995 и 2003–2004 годах (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1996) показали, что подобных захоронений, в том числе в каменных ящиках, на данном некрополе было больше.

Тип 18 (11,28%). Особенностью конструкции кургана была кольцевая выкладка-стенка, возведенная вокруг одной ямы (с отвесными или расширяющимися ко дну стенками). Погребальная камера – каменный ящик с перекрытием (подтип 1), либо в виде одиночных плит (подтип 2), имитирующих такую внутримогильную конструкцию. Данный тип отражен в 64 случаях на некрополях Булан-Кобы-IV (Мамадаков Ю.Т. 1985, с. 173, 175, 176-178, рис.2-5, 6, рис.3-3, 4, 5, 6), Белый-Бом-II (Глоба Г.Д., 1983; Мамадаков Ю.Т. 1990, с. 15-16), Яломан-II (Тишкин А.А., Горбунов В.В., 2003, с. 490-491), Бийке (Тишкин А.А., Тишкина Т.В. 1996, с. 36-37; рис. 1, 4-5), Дялян (Тетерин Ю.В. 1991, с. 156). Он демонстрирует одну из ведущих традиций устройства погребальных сооружений кочевников Центрального Алтая II – 1-ой пол. IV вв. н.э. (41,54%), которая была достаточно устойчивой у этой группы «буланкобинцев» и во 2-й пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э. (6,97%). В Северном Алтае курганы данного типа единичны (0,73%) и относятся также ко II – V вв. н.э.

Тип 40 (1,94%). Выделяется сооружением насыпи с прямоугольной выкладкой-крепидой. В ее пределах находилась одна могила (с отвесными или расширяющимися стенками), на дне которой установлена колода с перекрытием (подтип 1). В отдельных случаях эта камера сочеталась с каменной обкладкой по периметру ямы (подтип 2). Тип 40, выявленный пока только в Южном и Юго-Восточном Алтае, включает 11 курганов, раскопанных на могильниках Курайка (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 113-116, рис. 1, 3–7, 11) и Кальджин-6 (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С. и др., 2004, с. 153-155, 169 рис. 255, 256, 276-278). Нижнюю границу появления данного типа предварительно можно ограничить I – II вв. н.э., верхнюю – сер. IV в. н.э., не исключая, перемещения последней в V в. н.э.

Тип 41 (1,05%). Курган с выкладкой-крепидой прямоугольной формы содержал одну могильную яму (с отвесными или расширяющимися стенками), обложенную по периметру дна крупными валунами, на которые опиралось перекрытие (подтип 1) или без него (подтип 2). Описываемый тип отмечен у шести объектов, исследованных на памятниках Восточного и Юго-Восточного Алтая: Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С. Васютин С.А., 2003,

рис. 9, 10, 13, 14, 31), Курайка (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 114). Тип 41 датируется в рамках II – сер. V вв. н.э. Основная масса захоронений с такими признаками принадлежит 2-й пол. IV – 1-ой пол. V вв. н.э.

45 тип ПС (0,7%). Его особенностью является возведение курганной насыпи с прямоугольной выкладкой-стенкой, перекрывавшей одну могилу (с отвесными стенками), на дне которой располагался деревянный ящик. По оформлению погребальной камеры выделяются ящики с перекрытием (подтип 1), с перекрытием и каменной обкладкой (подтип 2), без торцевых стенок и перекрытия, но в сочетании с каменной обкладкой (подтип 3). К типу 45 относятся четыре кургана из некрополей Кок-Паш (Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, рис. 25) и Кальджин-6 (Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С. и др., 2004, с. 167-168, рис. 269-275). Время существования данного типа определено нами условно в пределах I-II – сер. V вв. н.э.

На остальные 45 типов приходится в сумме только 16,27% объектов, при этом они в своем большинстве единичны и отражают вариации оформления основных типов, локально-территориальную специфику погребальной практики отдельных групп населения Горного Алтая II в. до н.э. – V в н.э. Кроме этого, мы, допускаем, что выделение некоторых из них было следствием несовершенной методики раскопок отдельных памятников и (или) плохой сохранности сооружений. Во многих случаях дублирование типов, вероятно, происходило из-за отсутствия достоверной информации о результатах исследования наземных сооружений, прежде всего наличия или отсутствия у курганов такого конструктивного элемента как выкладка кольцевой или прямоугольной формы. В этой связи логично предположить, что отдельные объекты, отнесенные, например, к типам 26, 27, 28, 29, 30 могут быть соответственно включены в типы 1, 2, 3, 5, 6. Возможно, похожая ситуация с излишним дроблением наблюдается для типов 39–48. Судя по опубликованным чертежам могильника Курайка, прямоугольные оградки у некоторых курганов были двухслойными стенками (Соёнов В.И., Эбель А.В., 1998, с. 116). Однако из-за отсутствия прямых указаний авторов раскопок этого памятника о том, у каких объектов имелись многослойные выкладки, все они были условно интерпретированы нами как крепиды. Многообразие типов оказалось обусловлено продолжительным существованием булан-кобинской культуры, неоднородностью ее носителей, свидетельствует о сложных по форме и содержанию процессах взаимодействия последних. Оно дополнительно усиливалось замкнутостью и слабой политической консолидированностью проживавших в Горном Алтае во II в. до н.э. – V в. н.э. многочисленных родоплеменных коллективов. Среди обстоятельств, определивших значительную вариабельность конструкции сооружений следует также учитывать элементы случайности, вызванные невозможностью по каким-то причинам совершить захоронение человека со строгим соблюдением канона, отступления обусловленные мировоззренческими соображениями.

Проблема происхождения и развития выделенных типов погребальных сооружений булан-кобинской культуры является темой специального исследования, выходящего за рамки данной публикации.

Литература

1. Балонов Ф.Р. Этуд о кладах // Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991. – С. 315-337.
2. Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск, 2003. – 223 с.
3. Васютин А.С. Погребальные сооружения Восточного Алтая эпохи Великого переселения народов // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. – Барнаул, 1997. – С. 179-183.
4. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л., 1965. – 144 с.
5. Глоба Г.Д. Раскопки курганного могильника Белый-Бом II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980-1982 годах. – Горно-Алтайск, 1983. – С. 116-126.
6. Горбунов В.В. Военное дело населения Алтая в III – XIV вв. Ч. I. Оборонительное вооружение (доспех). – Барнаул, 2003. – 174 с.; ил.
7. Горелик М.В. Оружие Древнего Востока (IV тысячелетие до н.э. – IV в. до н.э.). – М., 1993. – 349 с.

8. Городцов В.А. Типологический метод в археологии // Антология советской археологии (1917-1933). – М., 1995. – Т.1. – С.27-30.
9. Елин В.Н. Восточный Алтай в предтюркское время. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Кемерово, 1987. – 19 с.
10. Елин В.Н. Кок-пашский тип археологических памятников в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С. 119-136.
11. Елин В.Н. Использование планиграфического метода для определения относительной хронологии памятников предтюркского времени(на примере могильника Кок-Паш в Горном Алтае) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С. 153 -155.
12. Елин В.Н., Васютин А.С. Наземные погребальные сооружения предкудыргинского времени на могильнике Кок-Паш из Восточного Алтая (методика раскопок и вопросы классификации) // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 135-154.
13. Илюшин А.М. Опыт типолого-хронологической классификации могил хуннской и постхуннской эпох из Восточного Алтая // Горный Алтай и Россия – 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 40-44.
14. Калинин И.В., Тетерин Ю.В. Воинское погребение предтюркского времени могильника Дялян // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 1991. – Т. 2. – С. 61-63.
15. Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I. Культура населения в раннескифское время. – Барнаул, 1997. – 232 с.: илл.
16. Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л., 1991. – 448 с.
17. Кожомбердиева Э.И. Классификация погребальных сооружений кенкольской культуры // Древности Евразии. – М., 1997. – С. 44-49.
18. Кондрашов А.В. К вопросу о выделении таксономических уровней при классификации погребальных сооружений сrostкинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Материалы РАЭСК–ХLI. – Барнаул, 2001. – С. 380-383.
19. Кондрашов А.В. Изучение погребального обряда и социальной организации сrostкинской культуры (по материалам археологических памятников юга Западной Сибири середины VII-XII вв. н.э.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
20. Контев А.В. Раскопки позднегуннских погребений урочища Карбан (Горный Алтай) // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 1991. – Т. 2. – С. 54-55.
21. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М., 1983. – 128 с.
22. Мамадаков Ю.Т. Новые материалы гунно-сарматского времени в Горном Алтае // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 173-198.
23. Мамадаков Ю.Т. Культура населения Центрального Алтая в первой половине I тыс. н.э. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 19 с.
24. Матренин С.С. Классификация погребальных сооружений булан-кобинской культуры // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. Материалы РАЭСК–ХLI. – Барнаул, 2001. – С. 340-344.
25. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки курганов гуннского времени у с. Малая Иня в Горном Алтае // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. – М., 1995. – С. 62-74.
26. Могильников В.А., Суразаков А.С. Раскопки Второго Сальдярского могильника // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 126-144.
27. Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). (Материалы по археологии Сибири. Вып. 3). – Новосибирск, 2004. – 256 с.
28. Неверов С.В. Костяные пряжки сrostкинской культуры (VIII–X вв. н.э.) // Алтай в эпоху камня и раннего металла. – Барнаул, 1985. – С. 192-206.
29. Ольховский В.С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). – М., 1991. – 256 с.
30. Радлов В.В. Из Сибири. – М., 1989. – 751 с.

31. Смирнов Ю.А. Лабиринт: морфология преднамеренного погребения. – М., 1997. – 506 с.
32. Соёнов В.И. Погребальный обряд населения Горного Алтая в гунно-сарматскую эпоху. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1997. – 22 с.
33. Соёнов В.И. Классификация надмогильных сооружений гунно-сарматской эпохи Горного Алтая // Актуальные вопросы истории и культуры Саяно-Алтая. Материалы международной научной конференции. – Горно-Алтайск, 1998. – Вып. II. – С. 25-31.
34. Соёнов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1999. – №4. – С. 134-152.
35. Соёнов В.И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // Древности Алтая. – Горно-Алтайск, 2000. – №5. – С. 48-62.
36. Соёнов В.И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). – Горно-Алтайск, 2003. – 160 с.
37. Соёнов В.И., Эбель А.В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катунь. – Горно-Алтайск, 1992. – 116 с.
38. Соёнов В.И., Эбель А.В. Охранные раскопки в Верх-Уймоне // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1996. – С. 157-158.
39. Соёнов В.И., Эбель А.В. Исследования на могильнике Курайка // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С. 113-135.
40. Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Культура и искусство народов Востока. – Л., 1969. – Т. X. – С. 208-236.
41. Сорокин С.С. Погребения эпохи великого переселения народов в районе Пазырыка // АСГЭ. – Л., 1977. – Вып. 18. – С. 57-67.
42. Суразаков А.С. Могильник Айрыдаш-I в Горном Алтае // АО 1984 года. – М., 1986. – С. 203.
43. Суразаков А.С. Раскопки могильника Айрыдаш-I // АО 1985 года. – М., 1987. – С. 284-285.
44. Тетерин Ю.В. Могильник Дялян – новый памятник протюркского времени Горного Алтая // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул, 1991. – С. 155-157.
45. Тишкин А.А. Культура населения Центрального и Северо-Западного Алтая в раннескифское время. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1996. – 28 с.
46. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. X. Ч. I. – С. 488-493.
47. Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул, 2005. – 200 с. + вкл.
48. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Классификация погребальных сооружений скифской эпохи Горного Алтая // Древности Алтая. Известия Лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1997. – №2 – С. 19-24.
49. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул, 2003. – 430 с.
50. Тишкин А.А., Тишкина Т.В. Результаты археологического исследования курганного могильника Бийке в Горном Алтае // Горный Алтай и Россия – 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 34-38.
51. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. – М., 1966. – 275 с.
52. Худяков Ю.С. Мумифицированное захоронение из могильника Усть-Эдиган // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1992. – С. 118-135.
53. Худяков Ю.С. Новые находки хуннского времени из могильника Усть-Эдиган в Горном Алтае // Источники по истории Республики Алтай. – Горно-Алтайск, 1997. – С. 145-155.
54. Худяков Ю.С. Раскопки могильника Усть-Эдиган в 1990 году // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. – Кемерово; Гурьевск, 1998. – С. 160-206.
55. Худяков Ю.С. Проблема генезиса культуры хуннского времени в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998а. – №3. – С. 97-112.
56. Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух-I в 2002 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VIII. – С. 472-478.

КАТЕГОРИЯ

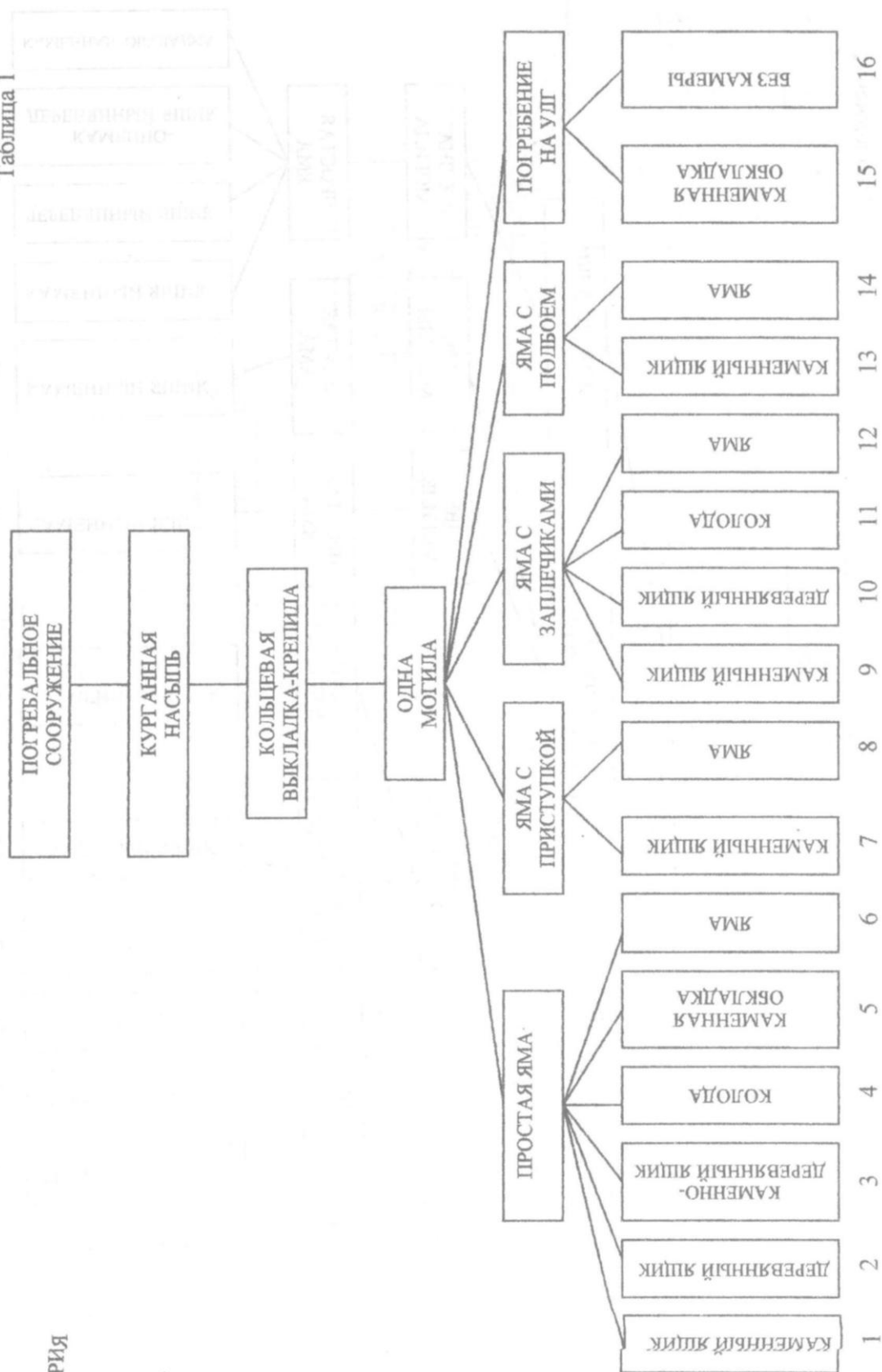
ГРУППА

РАЗРЯД

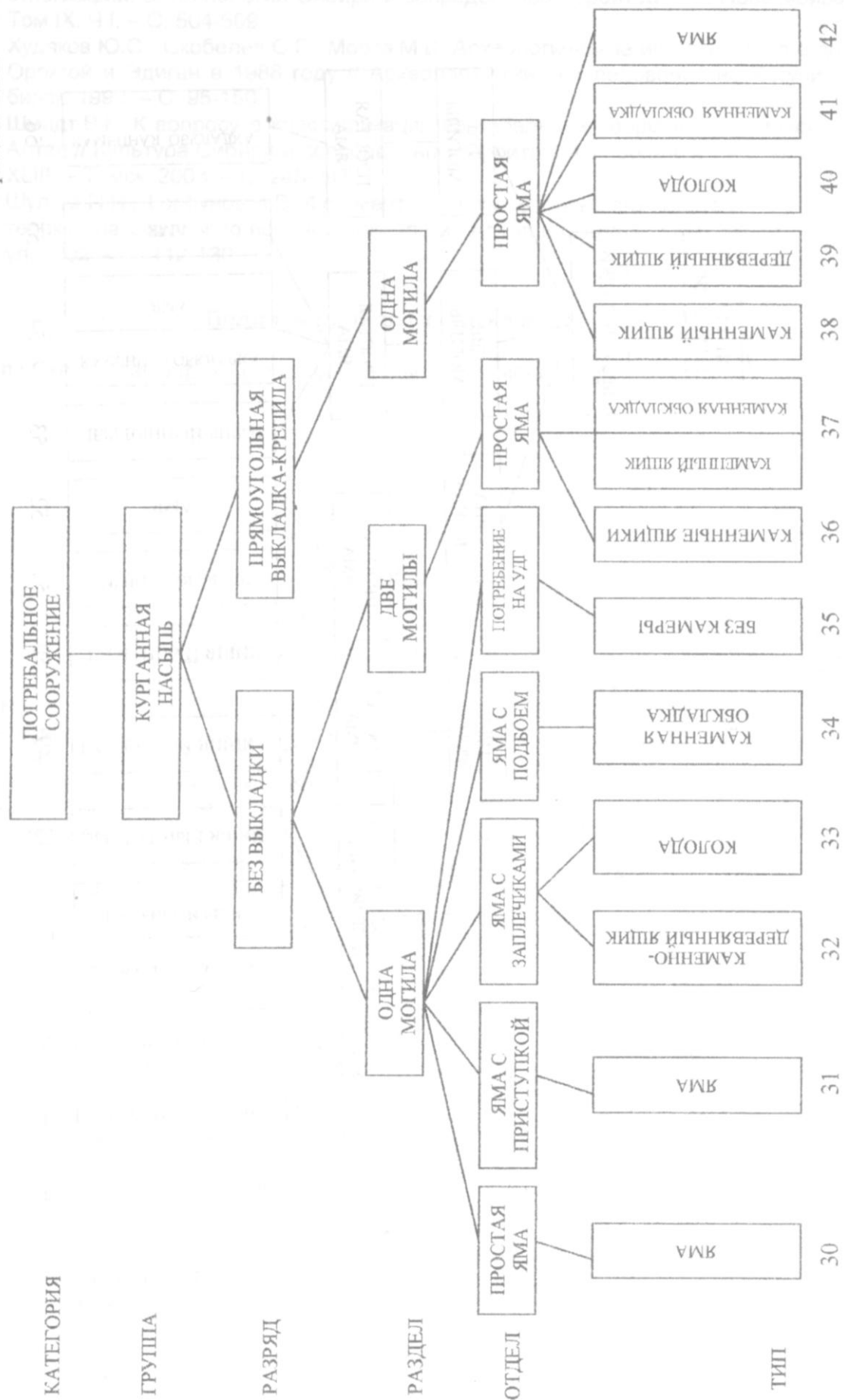
РАЗДЕЛ

ОТДЕЛ

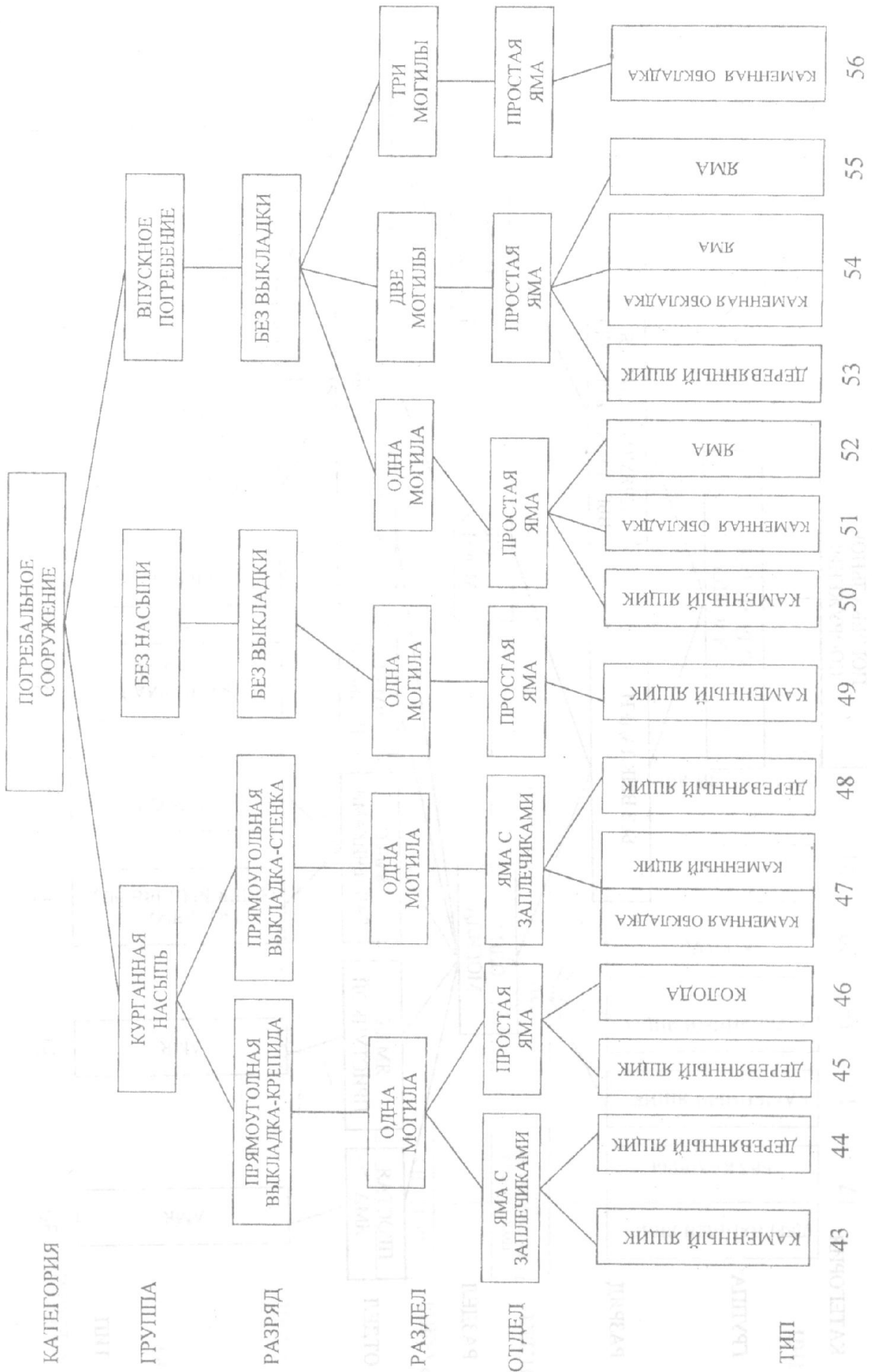
ТИП

Продолжение

Окончание таблицы 1

57. Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Том IX. Ч I. – С. 504-509.
58. Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В. Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск, 1990. – С. 95-150.
59. Шмидт В.К. К вопросу о классификации погребальных сооружений каменной культуры Алтая // Культура Сибири и сопредельных территорий в прошлом и настоящем. РАЭСК–XLIII. – Томск, 2003. – С. 245-247.
60. Шульга П.И., Горбунов В.В. Фрагмент доспеха из тюркского кенотафа в долине р. Сентелек // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул, 2002. – С. 112-130.

Подпись таблицы к статье Матрёнина С.С.

Табл. I Схема классификации погребальных сооружений Горного Алтая II в. до н.э. – V в. н.э.

Худяков Ю.С.
(г.Новосибирск)

СЕДЛА ДРЕВНИХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Неотъемлемой частью предметного комплекса древних и средневековых культур кочевников Центральной Азии было убранство верхового коня.

Кочевники учились ездить верхом в самом раннем возрасте. По сведениям Сяма Цяня, хуннский "мальчик, как скоро может сидеть на баране, стреляет из лука пташек и зверьков» (Бичурин Н.Я., 1950, с.40). Описывая монголов, Д. Плано Карпини отмечал, что "дети их, когда им два или три года от роду, сразу начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы.

Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины» (Плано Карпини Д., 1997, с.43). Значительная часть жизни кочевников проходила "в седле", на выпасе скота, на охоте или войне.

Естественно, что проблемам происхождения и эволюции конской сбруи, в том числе седел с жестким остовом и стремян уделялось значительное внимание в трудах ученых, специалистов по истории, археологии и этнографии кочевых народов. Появление седел с деревянным остовом и металлических стремян стало одним из наиболее важных изобретений в развитии убранства верхового коня. Жесткое седло со стремянами значительно упрочило посадку всадника и повлияло на многие стороны жизни и быта номадов. Особенно велика была роль седла и стремян в развитии военного дела кочевников. Использование жестких седел со стремянами существенно расширило возможности атакующих действий тяжеловооруженной панцирной кавалерии в ближнем бою и значительно повысило военную мощь войск кочевых государств.

Поэтому изучению проблемы происхождения седел с жестким остовом и стремян в трудах специалистов по истории, археологии и этнографии кочевников Центральной Азии в последние десятилетия уделяется повышенное внимание.

В работах некоторых исследователей высказывались предположения о появлении седел с жестким остовом и стремян в скифское и хуннское время (Arendt W.W., 1934, p.206-208; Bushell S.W., 1910, p.35; Laufer B., 1911, p.23; Werner J., 1953, s.53). В трудах С.В. Киселева и Л.П. Кызласова к числу свидетельств появления седел и стремян в хунно-сарматское время привлечены находки берестяной обкладки и миниатюрные вотивные

стремена, которые были отнесены к таштыкской культуре и датированы первыми веками I тыс. н.э. (Киселев С.В., 1949, с.242; Кызласов Л.Р., 1960, с.140). Попытку дополнительно обосновать это мнение предпринял И.Л. Кызласов (Кызласов И.Л., 1973, с.29-30). Утверждения этих авторов основаны на том, что миниатюрные вотивные предметы не встречаются позднее III в. н.э. (Кызласов И.Л., 1973, с.30). Однако, миниатюрные псалии и стремяна известны в материалах культуры древних тюрков (Худяков Ю.С., 1998а, с.595). Миниатюрные стремяна, найденные случайно в Минусинской котловине и отнесенные Л.Р. и И.Л. Кызласовыми к таштыкской культуре, по своей форме напоминают полноразмерные стремяна, характерные для культур тюркских кочевников Саяно-Алтая в периоды позднего средневековья и этнографической современности (Вайнштейн С.И., 1966а, с.65).

В работах С.И. Вайнштейна и А.К. Амброза было установлено, что стремяна происходят от односторонней подножки, которая подвешивалась к седлу на ремне с левой стороны и служила для посадки всадника в седло (Вайнштейн С.И., 1966а, с.64; Амброз А.К., 1973, с.83). Согласно изысканиям А.К. Амброза, первые стремяна появились в Китае, Корее и Японии в IV - V вв. н.э. Их изготавливали из дерева и обшивали листовой медью или железом, подвешивали на ремнях к седлу с двух сторон (Амброз А.К., 1973, с. 83,86). С.И. Вайнштейн отметил, что китайские ученые считают, что конское убранство, в том числе и стремяна, были заимствованы китайцами у своих северных кочевых соседей. Он привел ряд соображений в пользу того, что стремяна получили широкое распространение в степях Евразии в VI в. в период экспансии Первого Тюркского каганата (Вайнштейн С.И., 1966а, с.65-66). Некоторые сведения о распространении седел с жестким остовом и стремянами в Корее и Японии в IV - V вв. н.э. привел И.Л. Кызласов (Кызласов И.Л., 1973, с.26,28-29).

Р.Ш. Джарылгасинова высказала предположение, что стремяна были изобретены в государстве Когуре в IV в. н.э. (Джарылгасинова Р.Ш., 1972, с.112). По данным М.В. Крюкова, В.В. Малявина и М.В. Софронова распространение стремян в Китае произошло в конце III - IV вв. н.э. Изображения седел со стремянами в Китае относятся к IV - VII вв. н. э. (Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В., 1979, с.166, рис.33,5-8).

Исследователи, обращавшиеся к анализу материалов, связанных с происхождением седел с жестким остовом и стремянами, подчеркивали, что данное изобретение было непосредственно связано с развитием снаряжения всадника-воина, совершенствованием наступательного оружия и тактики боя отрядами конницы.

Во II - III вв. н.э., в результате ожесточенных войн с хуннами происходит возвышение сяньбийской державы, подчинившей все кочевые племена Центральной Азии. В комплексе вооружения сяньбийских воинов ведущую роль играло оружие ближнего боя и средства защиты. Возможно, в сяньбийском войске появились отряды тяжеловооруженной панцирной конницы (Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа, 2000, с.41). Благодаря превосходству в наступательном оружии ближнего боя и защитном облачении сяньбийские панцирные всадники имели перевес в сражениях с хуннскими войсками. Вероятно, это превосходство стало одной из причин успешных войн сяньбийцев против хуннов и покорения ими всей Центральной Азии. В III - IV вв. сяньбийские племена тоба и муюнов выделяются в самостоятельные государственные образования, втягиваются в войны на территории северного Китая, создают государства, во главе которых были сяньбийские правящие роды (Кычанов Е.И., 1997, с.62,64). Вероятно, в условиях активных военных действий сяньбийской панцирной кавалерии в северном Китае были апробированы новые формы седел с жестким остовом и парой стремян вместо одной левосторонней подножки. В течение IV в. н.э. седла со стремянами были заимствованы корейцами и японцами. О распространении седел со стремянами в IV - V вв. н.э. судить довольно сложно из-за того, что на большей части территории Центральной Азии памятники этого периода остаются не изученными. Железная модель стремени с петельчатой подножкой была обнаружена в склепе таштыкской культуре на Арбанском чаа-тасе в Минусинской котловине (Савинов Д.Г., 1996, с.17). Эта находка могла бы свидетельствовать о распространении стремян у племен Южной Сибири во второй четверти I тыс. н.э., однако, Д.Г. Савинов датирует исследованный им таштыкский склеп на Арбанском чаа-тасе VI в. и связывает появление стремян в таштыкской культуре с влиянием древних тюрков (Савинов Д.Г., 1996, с.18). В памятниках кокзельской и чаатинской культур Тувы, булан-кобинской и кок-пашской культур Горного Алтая, относящихся к сяньбийскому и жужаньскому времени стремян не обнаружено (Худяков Ю.С., 1993, с.51,60,67,73). О роли жужаней в распространении в кочевом мире седел с жестким остовом и стремяна-

ми судить сложно, поскольку памятники этого кочевого этноса, господствовавшего в степях Центральной Азии в V - первой половине VI вв. н.э., до настоящего времени не выделены. Известно, что в войске жужаней была панцирная конница. "Стальными латами" защищались от поражения не только жужаньские воины, но и их боевые кони (Бичурин Н.Я., 1950, с.204). Вполне вероятно, что жужани в ходе частных военных столкновений с войсками северокитайских государств могли заимствовать не только некоторые виды вооружения, но и снаряжения лошадей.

Однако, пока не обнаружено определенных свидетельств в пользу того, что стремяна и седла разнесены по степям Евразии жужанями, вывод о том, что это было сделано древними тюрками, должен сохранять силу (Вайнштейн С.И., 1966а, с.65).

По мнению ряда исследователей это могло произойти после переселения древних тюрок Ашина на Алтай в V - VI вв., до образования Первого Тюркского каганата. Однако, в материалах наиболее ранних древнетюркских погребений с лошадьми на Алтае, раскопанных В. Радловым на могильнике Берель, при наличии подпружных пряжек от седельных ремней, не было обнаружено стремян (Гаврилова А.А., 1965, с.54-55; Сорокин С.С., 1969, с.234).

Большая часть ранних тюркских стремян происходит из случайных находок с территории Горного и степного Алтая, Минусинский котловины (Грач В.А., 1982, с.160; Шульга П.И., Горбунов В.В., 1998, с.99-101; Гричан Ю.В., Плотников Ю.А., 1999, с.76-77). В ходе раскопок подобные стремяна обнаружены на древнетюркских погребальных и поминальных памятниках в Саяно-Алтае, во впускном погребении с конем на памятнике Улуг-Хорум в Туве, в поминальных оградках и захоронениях с лошадьми на памятниках Кок-Паш, Кара-Коба I, Кудыргэ в Горном Алтае (Васютин А.С., 1994, с.56; Могильников В.А., 1994, с.111; Гаврилова А.А., 1965, с.34). В верхнем Приобье орнаментированное стремя было найдено в насыпи кургана на памятнике Крохалевка-23, относящемся к верхнеобской культуре (Новиков А.В., 1988, с.51). Еще одно орнаментированное стремя было найдено в районе пос. Золотаревка в среднем Поволжье (Измайлов И.Л., 1990, с.62-63). Как справедливо отмечали исследователи, уплощенное стремя с тавровой подножкой, орнаментированное по всей поверхности с одной стороны представляет собой наиболее архаичный вариант цельнометаллических стремян, который происходит от металлических оковок стремян с деревянной основой, а орнамент в виде треугольных вдавлений имитирует шляпки гвоздей, которыми оковки прибивались к деревянной основе (Грач В.А., 1982, с.160-161; Гричан Ю.В., Плотников Ю.А., 1999, с.76-77). Ученые настаивают, что в степях Евразии подобные стремяна получили распространение в конце V - начале VI вв. н.э. до экспансии древних тюрок в период существования Первого Тюркского каганата (Гричан Ю.В., Плотников Ю.А., 1999, с.77). В пользу подобного предположения свидетельствует география и частота распространения находок уплощенных и орнаментированных стремян. Большая часть находок таких стремян происходит с территории Горного Алтая, остальные из соседних районов Южной и Западной Сибири; Тувы, Минусинской котловины, степного Алтая и верхнего Приобья. Эта ситуация довольно точно соответствует периоду переселения древних тюрок Ашина на Алтай, подчинения ими местных племен до образования Первого Тюркского каганата, когда ареал распространения древнетюркской культуры охватил обширные пространства степной Евразии. Однако находка из среднего Поволжья может быть связана с периодом широкой экспансии древних тюрок в середине VI в. н.э. (Шульга П.И., Горбунов В.В., 1998, с.101). (Рис. I – 1-4).

Вероятнее всего, заимствование седел с жестким остовом и стремян древними тюрками могло произойти в период установления непосредственных дипломатических контактов между древними тюрками Ашина во главе с правителем Бумыном и Вын-ди, императором западного Дома Вэй в 530-550-х гг., завершившихся заключением династийного союза (Бичурин Н.Я., 1950, с.231-232). Уплощенные стремяна с пластинчатой петлей без перехвата и тавровой подножкой и иными вариантами чисто декоративной орнаментации в виде ломаных линий, или без орнамента можно считать упрощенной модификацией наиболее раннего типа древнетюркских стремян. Подобные варианты стремян могли возникнуть в результате массового тиражирования подножий, удобство применения которых было быстро воспринято кочевниками. Различные варианты уплощенных стремян существовали и в период образования и возвышения Первого Тюркского каганата. Со времени освоения стремян древними тюрками в период их обитания на Алтае, они начали заимствоваться

соседними кочевыми племенами, в том числе вассальными. Таким образом, самый ранний тип древнетюркских стремян мог попасть на Средний Енисей к кыргызам и на верхнюю Обь. Вероятно, крохалевское стремя с уплощенной дужкой, пластинчатой петлей и тавровой подножкой, орнаментированное параллельными линиями можно считать подражанием ранним тюркским образцам (Новиков А.В., 1988, с.51).

Военные успехи древних тюрков, подчинение телесских племен и разгром жужаней, сделали их господствующим этносом в Центральной Азии. Для совершения далеких походов в Восточную и Среднюю Азию и Восточную Европу требовалось весьма совершенное, удобное конское снаряжение. С образованием Первого Тюркского каганата у древних тюрков появляются новые типы стремян, простые в изготовлении и удобные в применении. Они изготавливались из округлого в сечении железного прута-заготовки. Один тип стремян имел выгнутую из прута кольцевую петлю, овальный проем, выгнутую или прямую подножку с ребром снизу, другой тип имел пластинчатую петлю с прямоугольным отверстием, короткую шейку, овальный проем, выгнутую или прямую подножку с ребром снизу. Оба типа стремян оказались настолько функционально оптимальными, что продолжали применяться древними тюрками на протяжении всех пяти веков существования древнетюркской культуры, были разнесены тюрками по всей обширной территории степного пояса Евразии, были заимствованы многими кочевыми и оседлыми этносами (Савинов Д.Г., 1984, с.133). В отличие от стремян, в ранних памятниках древних тюрков на Алтае, которые относятся ко времени до образования Первого Тюркского каганата седла пока не обнаружены. По мнению Д.Г. Савинова к IV в. может относиться берестяная обкладка луки седла из таштыкского склепа на Уйбатском чаа-тасе, подобное седло с прямоугольной передней лукой изображено на одной из тепсейских планок (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.101). Таштыкские седла имели вертикальную переднюю и наклонную заднюю луки, полки ленчика с вырезами с двух сторон и полукруглой лопастью в центре, а также дополнительной лопастью, расположенной ниже (Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г., 1994, с.101). Подобные седла могли быть заимствованы населением таштыкской культуры у древних тюрков.

От древнетюркских седел VI - X вв. в памятниках Центральной Азии сохранились различные металлические детали, костяные накладки, пряжки и накладки седельных ремней, деревянные остовы.

Одну из первых попыток классификации древнетюркских седел предприняла А.А. Гаврилова. Ею выделено два типа кудрыгинских седел VI - VII вв. "Мужские" седла имели высокую, дугообразную переднюю луку, к которой иногда крепились костяные орнаментированные накладки, "женские" седла имели низкую переднюю луку с накладками (Гаврилова А.А., 1965, с.85, рис.17,1,2). На второй стадии в VIII - X вв., по мнению А.А. Гавриловой, появились седла с вырезом на нижней части передней луки. При построении своей классификации она опиралась на находки костяных накладок и отдельных, частично сохранившихся деталей передних луков седел из древнетюркских погребений на могильнике Кудыргэ.

В 1959-1960 гг. С.И. Вайнштейном в ходе раскопок древнетюркских погребений на могильнике Кокэль в Туве были обнаружены хорошо сохранившиеся деревянные остовы седел (Вайнштейн С.И., 1966б, с.294,296-297,301-303,304). На основе этих находок была разработана классификация седел, которые имели невысокие передние и массивные задние луки и различались формой полок ленчика, которые имели разные лопасти или были без лопастей (Вайнштейн С.И., 1966б, с.326-328). На основании типологических различий седел, древнетюркские погребения на могильнике Кокэль были отнесены к трем разным этапам существования древнетюркской культуры (Вайнштейн С.И., 1966б, с.329-330). В специальной статье, посвященной анализу древнетюркских седел из могильника Кокэль, он выделил четыре типа остовов. У седел первого типа лука изогнута слабо, у задней луки имеется вырез в нижней части. Седла второго типа имеют вырезы в передней части полок ленчика. Седла третьего типа имеют вырезы в передней и задней частях полок ленчика, образующие лопасти. Четвертый тип седел имеет более глубокие вырезы полок и узкую лопасть. У всех типов в задних, а иногда и передних луках имеются арочные вырезы. Эволюция деревянных остовов седел, согласно С.И. Вайнштейну, происходила у древних тюрков в VI - X вв. н.э., путем появления передних, а затем и задних вырезов на полках ленчика и сужения лопастей (Вайнштейн С.И., 1966а, с.68). С.И. Вайнштейн отметил, что остовы древнетюркских седел из могильника Кокэль были изготовлены из различных пород дере-

ва: березы, тополя, ели, сосны. Согласно его описанию, седельные луки соединялись с полками ленчика с помощью кожаных ремешков, которые продевались в сквозные отверстия в деревянных деталях (Вайнштейн С.И., 1966б, с.326). Предложенная классификация, построенная на достаточно представительной серии находок, заложила основу для дальнейшего изучения седел в Центральной и Восточной Азии.

На ее основе и с привлечением других материалов свой вариант эволюции седел предложил А.К. Амброз (Амброз А.К., 1973, с.94-98). Вслед за С.И. Руденко, он отнес к числу древнейших пазырыкские мягкие седла из двух простеганных подушек с накладками и кантами из дерева или рога (Амброз А.К., 1973, с.94; Руденко С.И., 1960, с.131-132, 226-229). По мнению А.К. Амброза, седла с жестким деревянным остовом были изобретены для нужд тяжелой кавалерии в начале новой эры, однако находки подобных седел в Корее и Японии относятся к IV - VI вв. н.э. Первый тип седел состоял из узких прямоугольных полок, к которым крепились широкие вертикальные луки. У хуннов применялись седла с изогнутыми луками и решетчатым ленчиком. В VI в. вертикальные луки стали крепить поверх полок ленчика с округлыми лопастями. Седла с вертикальными передними, наклонными задними луками и полками с лопастями, по его оценке, возникли в VII в. северном пограничье Китая, в "области Табгач, откуда вышли основатели династии Тан" (Амброз А.К., 1973, с.96). У кочевников, по его мнению, до VIII в. бытовали мягкие седла с роговыми передними составными накладками, а седла типа кокэльских распространились в VII - VIII вв. н.э. (Амброз А.К., 1973, с.97-98).

Основные положения разработки С.И. Вайнштейна оспаривает Л.П. Кызласов. По его предположениям, у древних тюрок в VI - VII вв. н.э. бытовали разные типы седел. Древнейшей формой он считает кара-куджурское седло с полуовальными полками, наклонными луками. Высокие передние луки с металлическими оковками, по его мнению, относятся к VII - VIII вв. н.э. (Кызласов Л.П., 1979, с.136-138).

Д.Г. Савинов считает, что в развитии древнетюркских седел параллельно существовали два основных типа: с низкими передними луками, с высокими передними луками арочной формы и полками с лопастями (Савинов Д.Г., 1984, с.131). В VII - VIII вв. у древних тюрок появился третий тип седел с подтреугольными луками. Д.Г. Савинов отметил, что реконструированная Л.П. Кызласовым высокая треугольная лука из памятника Улуг-Хову в Туве совершенно не характерна для древнетюркских седел, а находит аналогии в памятниках XII - XIII вв. н.э. (Савинов Д.Г., 1984, с.132).

Несколько новых находок деревянных остовов седел из памятников Аргалыкты, Аймырлыг и Даг-Аразы было введено в научный оборот Б.Б. Овчинниковой. Она выделила четыре типа седел. Ею отмечен любопытный случай обнаружения деревянного остова седла с разнотипными полками в могильнике Аймырлыг (Овчинникова Б.Б., 1990, с.101-102). Б.Б. Овчинниковой описаны костяные и металлические детали седел и подпружные пряжки (Овчинникова Б.Б., 1990, с.102-103).

Серия находок деревянных остовов древнетюркских седел была обнаружена в ходе раскопок на Тянь-Шане, на памятниках Айгыр-Жал, Таш-Тюбе, Бел-Саз II, Беш-Таш-Короо II, Кулан-Сай, Суттуу-Булак. Эти находки были проанализированы в работах Ю.С. Худякова, К.Ш. Табалдиева, О.А. Солтобаева (Табалдиев К.Ш., 1996, с.35-36; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.52-53; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С., 1997, с.143). Деревянные остовы древнетюркских седел из памятников Тянь-Шаня однотипны. Они имеют высокую, дугообразную переднюю луку, которая крепилась вертикально к полкам ленчика, задняя лука крепилась наклонно. Полки имели округлую лопасть в нижней части и врезы, образующие уступы, к которым крепились луки седла (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.52-53). К.Ш. Табалдиев уточнил, что находка деревянного остова седла из памятника Кара-Булун на Тянь-Шане должна относиться не к древнетюркскому времени, как считают некоторые исследователи, а к эпохе развитого средневековья (Табалдиев К.Ш., 1996, с.36). Седла из древнетюркских памятников Тянь-Шаня очень схожи с находками из Тувы, с седлами с вертикальной передней и наклонной задней луками, и лопастями в нижней части полок ленчика, которые были отнесены С.И. Вайнштейном к третьему и четвертому типу (Вайнштейн С.И., 1966а, с.68).

Попытку обобщить все имеющиеся материалы о культуре древних тюрок с территории Саяно-Алтая и Средней Азии, включая данные о седлах, предпринял В.А. Могильников (Могильников В.А., 1981, с.37). Он поддержал мнение А.А. Гавриловой о том, что у древних

тюрков в VI - VII вв. н.э. бытовали мужские и женские седла. Им же были опубликованы находки костяных накладок на переднюю и заднюю луки седла из древнетюркского погребения на могильнике Кара-Коба I в Горном Алтае (Могильников В.А., 1990, с.143). Ю.Ф. Кирюшиным, В.В. Горбуновым, Н.Ф. Степановой, А.А. Тишкиным были опубликованы находки деталей седел из могильника Тыткескень VI в долине р. Катунь на Алтае (Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А., 1998, с.166). Накладки на луку седла из памятника Белый Яр II в Минусинской котловине были изданы А.И. Поселяниным, Э.Н. Киргинековым и В.В. Таракановым (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, с.95).

К настоящему времени накоплены значительные по объему новые материалы, относящиеся к использованию седел древними тюрками, включая вещественные и изобразительные источники, которые позволяют проанализировать все имеющиеся данные по этому вопросу.

Среди материалов, относящихся ко времени существования Первого Тюркского каганата обнаружены отдельные деревянные остовы седел и их части, костяные накладки и ранты, подпружные пряжки, накладки ремней и стремяна. Из находок на могильнике Кудыргэ в Горном Алтае к этому периоду относятся роговые орнаментированные накладки на переднюю луку. Судя по форме двух хорошо сохранившихся накладок из могилы №9, передняя лука у кудыргинских седел была достаточно высокой, с полуовальной, дуговидной серединой и расходящимися в стороны, сужающимися концами. Подобная лука крепилась вертикально к передним концам поперек полок ленчика. На нижних концах накладок имеется по три отверстия для крепления к деревянной луке. Возможно, нижние отверстия использовались и для крепления к полкам с помощью ремешков. Поверхность накладок покрыта гравированной композицией гона животных (Гаврилова А.А., 1965, табл.XV,12; XVI,1). (Рис. II – 2,3).

От накладок на переднюю луку седла из могилы №15 сохранились обломки нижних концов. Они узкие постепенно расширяющиеся кверху. Отверстия для крепления, вероятно, обломаны. Накладки орнаментированы тремя параллельными резными линиями с одной, внешней стороны и двумя с другой, внутренней стороны. По торцу луки проходил роговой кант. Он представлял собой узкую, односторонне выпуклую роговую накладку, без орнамента. На сохранившихся фрагментах канта отсутствуют шпунты. Вероятно, он приклеивался поверх кожного покрытия седла к торцу передней луки по всему внешнему периметру (Гаврилова А.А., 1965, табл.XXI,6,7). (Рис. II – 4-6).

Судя по конструкции накладок, они должны были относиться к седлам с высокой, полуовальной, вертикальной передней лукой, крепившейся поперек полок ленчика, которые должны относиться ко второй или третьей стадии развития седел с жестким остовом по классификации А.К. Амброза (Амброз А.К., 1973, рис.2,32). Это вполне соответствует ранней стадии развития седел с деревянным остовом в культуре древних тюрков. Были ли у кудыргинских седел лопасти в средней части полок ленчика сказать трудно.

В могиле №13 был обнаружен еще один небольшой фрагмент накладки на нижний конец луки седла. Он имеет прямо срезанное основание и плавно расширяется кверху. В нижней части накладки есть сквозное округлое отверстие для крепления к деревянной луке. Накладка покрыта типичным для орнаментации древнетюркских роговых изделий циркульным орнаментом, волнотобразным узором на затемненном фоне (Гаврилова А.А., 1965, табл.XX,13). По реконструкции А.А. Гавриловой данная накладка относится к низкой передней луке "женского" седла (Гаврилова А.А., 1965, с.85). А.К. Амброз отнес данную накладку к "мягкому" седлу, хотя луку реконструировал довольно высокой (Амброз А.К., 1973, рис.2,32). Вероятно, по такому небольшому фрагменту точная реконструкция невозможна.

Судя по описанию, деревянный остов седла из древнетюркского памятника Таш-Тюбе в долине р. Кара-Куджур на Тянь-Шане имел высокую, вертикальную переднюю и низкую наклонную заднюю луку, полуовальные полки без лопастей (Кызласов Л.Р., 1979, с.136). Конечно, этих материалов не достаточно для классифицирования древнетюркских седел периода Первого Тюркского каганата. Можно отметить, что седла с деревянным остовом в древнетюркской среде в VI - VII вв. н.э. стали богато украшаться гравированными накладками. Такие нарядные седла можно отнести к престижным элементам культуры. Особого внимания заслуживает композиция гона животных, изображенная на роговых накладках передней луки седла из могилы №9 памятника Кудыргэ на Алтае. Это высокохудожественное произведение декоративно-прикладного искусства древних тюрков неоднократно анализировалось специалистами. Обе композиции на накладках передают сцены загонной

охоты всадников-лучников с собаками на диких копытных животных: оленей, куланов, аргали, косуль. Среди бегущих зверей показаны также медведь, заяц и даже рыба. Однако центральное место в обеих композициях занимают изображения тигров в угрожающей позе. Это придает сценам символический смысл (Худяков Ю.С., 1998б, с.41). По оценке Г.А. Федорова-Давыдова, в этих сценах изображено, как "степной конный витязь вторгается в мир анимализма и вспугивает все животное царство» (Федоров-Давыдов Г.А., 1978, с.82).

В то же время конные лучники изображены на кудыргинских накладках не столь детально, масштабно и выразительно, как животные, в особенности, тигры. Такое невнимание к основным персонажам загонной охоты может быть следствием традиций искусства звериного стиля в культурах кочевников. Всадники на кудыргинских пластинах показаны скачущими во весь опор и стреляющими из луков. У них подчеркнуты характерные для древних тюрков черты этнографического облика, костюм и прическа. Лучники сидят на лошадях поверх чепраков, расширяющихся книзу и имеющих окантовку. Седла и стремяна не изображены. Посадка всадников с опущенными вниз ступнями характерна для езды на мягком седле без стремян. Вероятно, это отражает не реальную ситуацию, поскольку седла со стремянами древними тюрками в VI - VII вв. н.э. уже употреблялись, а иконографическую традицию. Изображения седел с передней и задней луками и чепраками имеются на валуне из Кудыргэ.

При раскопках Бугутского памятника в Монголии, относящегося к периоду Первого Тюркского каганата, были обнаружены железные оковки на луку седла с чеканенным золотом растительным орнаментом и изображением дракона (Войтов В.Е., 1996, с.68). Подобные оковки совершенно не характерны для культур кочевников эпохи раннего средневековья. Они получили широкое распространение в кочевом мире в последующий период развитого средневековья в XI - XIV вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1982, с.156). Видимо, эти оковки попали на площадь Бугутского памятника значительно позже времени его сооружения. Известно, что некоторые древнетюркские поминальные комплексы и каменные изваяния служили объектом поклонения в монгольское время (Войтов В.Е., 1996, с.128). Судя по всему железные инкрустированные оковки попали в Бугутский памятник во время совершения обрядовых действий в монгольскую эпоху. Они не относятся к седлам древних тюрков.

Седло удерживалось на теле лошади с помощью седельных ремней: нагрудного, подпружного и подфейного. Ремни стягивались на теле лошади с помощью пряжек, украшались бляшками и подвесками. В древнетюркских погребениях с лошадьми на могильнике Кудыргэ обнаружено по 2-3 железных или роговых пряжки. Железные пряжки имеют прямоугольную или округлую рамку и подвижный язычок. У роговых пряжек прямоугольный корпус с двумя проемами, иногда с перехватом в средней части и роговой или железный язычок. Поверхность некоторых роговых пряжек украшена волнистыми резными линиями (Гаврилова А.А., 1965, с.68). (Рис. III – 1-6).

Судя по имеющимся материалам, именно в период существования Первого Тюркского каганата, в VI - VIII вв. н.э., в комплексе конского убранства древних тюрков сформировались основные элементы, характерные для кочевого мира на протяжении всей последующей эпохи средневековья: седло с жестким деревянным остовом и кожаным покрытием, украшенное костяными, орнаментированными накладками, с седельными ремнями, пряжками и бляшками и железными стремянами. В период максимальной территориальной экспансии древних тюрков во второй половине VI в. новые формы конского убранства, апробированные в многочисленных войнах и походах, и продемонстрировавшие свои преимущества для использования по сравнению с устаревшими мягкими седлами без стремян, были распространены по всей территории степного пояса Евразии, заимствованы другими кочевыми и оседлыми племенами и народами. Несмотря на распад Первого Тюркского каганата на Восточный Тюркский и Западный Тюркский каганаты в VII в. развитие седел в обоих государственных образованиях древних тюрков происходило во многом в рамках схожих форм.

Ко времени существования Восточного, Западного Тюркского и Тюркешского каганатов относится наибольшее число находок деревянных остовов седел в древнетюркских погребениях с конем в Саяно-Алтае и Тянь-Шане.

В древнетюркских погребениях с лошадьми, исследованных на Тянь-Шане, седла обнаружены на памятниках Беш-Таш-Короо II и Беш-Таш-Короо III, в девяти курганах. На памятнике Бел-Саз II седло найдено в погребении без коня. На могильнике Суттуу-Булак I

седло было найдено в погребении с бараном (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.50). Находки деревянных частей седел из других памятников не могут быть привлечены для анализа из-за плохой сохранности.

Все найденные седла из древнетюркских памятников Тянь-Шаня относятся к одному типу.

Тип 1. Седла вертикальной дуговидной передней и наклонной задней луками, и полками ленчика с полуовальными лопастями. Данный тип включает 13 экземпляров находок из памятников: Беш-Таш-Короо III, к. 3, 5, 7, 13, 15, 20, 30, 35, 39, огр. 51; Беш-Таш-Короо III к. 5; Бел-Саз I, к. 19 в Кочкорской долине; Сутуу-Булак I, к. 54 в ущелье на пути из Кочкорской в Нарынскую долину на Тянь-Шане (Табалдиев К.Ш., 1996, с.35; Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С., 1999, с.61; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.50; Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С., 1997, с.143). (Рис. IV – 1-4; V) Размеры седел из разных памятников довольно значительно различаются. Высота передних луков от 9 до 22 см, высота задних луков от 6 до 10 см, длина полок от 28 до 40 см. Все седла из древнетюркских памятников Тянь-Шаня имеют высокую, уплощенную, дуговидную переднюю луку. Блыпинство луков имеет уплощенный верх. У отдельных луков верх имеет овальные очертания. В верхней части луки седла из памятника Беш-Таш-Короо II, к. 39, имеется небольшой прямоугольный выступ. На внешней лицевой поверхности передней луки седла из могильника Сутуу-Булак I, к. 54, вырезан рельефный орнамент. Он воспроизводит семь стилизованных растительных побегов в виде волютообразных фигур с трехлепестковыми завитками, ориентированными в противоположные стороны. Фигуры симметрично расположены по всему полю луки. Наибольшие крупные три фигуры вырезаны в расширенной части луки, меньшие по размерам волюты изображены на концах. Одна из них вырезана не полностью. По нижнему краю луки вырезана полоса, соединенная между собой окружностями. Хотя рельефная манера украшения луки седла выглядит вполне оригинальной и на других седлах не встречается, сам мотив растительной орнаментации можно считать достаточно типичным для декоративно прикладного искусства кочевников в эпоху раннего средневековья. Подобные мотивы очень широко представлены в тюркской центральноазиатских кочевников VIII - X вв. н.э. (Маршак Б.И., 1971, с.60). Подобные мотивы восходят к стилизованным изображениям виноградной лозы, заимствованным кочевниками из художественной традиции обработки металла в Иране и Средней Азии (Даркевич В.П., 1976, с.75). Задние луки у седел данного типа были низкими, дуговидными со скошенными концами. У некоторых луков в нижней части, в центре, имеется невысокий, пологий арочный вырез. Передние луки крепились к полкам вертикально, задние наклонно. Они прикреплялись к поверхности и выступам в передней и задней частях полок, образованным специальными вырезами. Полки ленчика имели полуовальные лопасти в нижней части и окончания, сужающиеся к лукам. Внешняя поверхность полок была вогнутой, образуя сидение для всадника. Луки и полки соединялись кожаными ремешками через сквозные отверстия. Поверх деревянного остова имелось кожаное покрытие. У некоторых седел оно прикреплялось на торцах луков тонкими роговыми пластинками-кантами с полированной поверхностью без орнамента. Для крепления кожаного покрытия седельных ремней и тороков в полках ленчика имеются округлые и прямоугольные отверстия (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.53). Седла данного типа находят аналогии среди седел могильника Кокэль в Туве, которые датируются VII - VIII вв. н.э. (Вайнштейн С.И., 1966а, с.68). Такие седла крепились на теле лошади с помощью седельных ремней: нагрудного, подпружного и подфейного. В кургане № 20 могильника Беш-Таш-Короо II сохранились фрагменты седельных ремней, украшенных сферическими округлыми бронзовыми бляшками, крепившимися с помощью шпеньков к ремню. Подпружные ремни стягивались на теле лошади с помощью железных или роговых пряжек (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.54). В исследованных древнетюркских памятниках были обнаружены пряжки с округлой или прямоугольной рамкой и подвижным язычком (Табалдиев К.Ш., 1996, с.40).

К седлам с помощью ремней подвешивались стремена. Железные стремена из древнетюркских памятников Кочкорской долины Тянь-Шаня довольно разнообразны по форме проема, подножки, петли или конструкции для подвешивания. Среди стремян с округлым проемом и провисающей подножкой выделяются типы с округлой петлей без шейки, с округлой петлей на шейке, с округлой несомкнутой петлей. Редкой, необычной формой являются стремена с полым вытянутым приспособлением для крепления стремянного ремня. Ремень пропусклся в отверстие в верхней части полый петлей, оборачивался вокруг

поперечной перекладки и возвращался наверх. Стремена с арочным проемом представлены типами с овальной петлей, с прямоугольной петлей на шейке, с прямоугольной петлей на дужке (Табалдиев К.Ш., 1996, с.38-39). (Рис. VI – 1-4).

Представляют интерес данные о местоположении седел и стремян в погребениях, которые свидетельствуют о различиях в их использовании в погребальном обряде. В большинстве раскопанных древнетюркских курганов седла со стремянами находились на спинных хребтах погребенных коней. В соответствии с устоявшимся канонам древнетюркской погребальной обрядности лошадей хоронили взнузданными и заседланными в могилах умерших мужчин, женщин и детей. Седло на теле лошади помещали передней лукой вперед, как для езды верхом. Только в одном кургане седло было помещено передней лукой назад. Видимо, по каким-то причинам погребенная женщина должна была продолжить свой путь верхом на лошади, сидя спиной вперед. В кургане на могильнике Бел-Саз II, в погребении без коня, седло было помещено во входной яме. В нескольких случаях седло помещали в могилу в разобранном виде. В погребении женщины с бараном на памятнике Супуу-Булак I, передняя и задняя луки, обе полки ленчика в разобранном виде были прислонены к стенке могильной ямы. В женском погребении без коня на могильнике Беш-Таш-короо II, в могилу поместили только одну полку ленчика. Она была прислонена к каменной перегородке на дне могильной ямы.

Как правило, при каждом седле находилось по два стремени. Значительно реже помещали одно стремя. В отдельных случаях при сохранившемся седле нет стремян. Их отсутствие в могилах с разобранными седлами вполне объяснимо. Сложнее понять, почему нет стремян у целых седел. Вероятно, эти отличия диктовались особенностями погребального ритуала (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.50-54).

В реконструированном виде седла западных тюрков и тюргешей VII - VII вв. н.э. представляли собой деревянный остов с вертикальной передней и наклонной задней луками на полках с лопастями, обтянутое кожей с роговыми кантами. Оно крепилось поверх потника с помощью нагрудного, подфейного и подпружных ремней. К полкам прикреплялись на ремнях стремяна (Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., 1999, с.57). (Рис.VII).

В материалах культуры древних тюрков, обитавших в Саяно-Алтае и Монголии, на землях Второго Восточного Тюркского каганата, Уйгурского и Кыргызского каганатов, находки седел и стремян, различных деталей седел и седельных ремней весьма представительны. В древнетюркских погребениях с конями на территории Тувы обнаружены находки деревянных остовов седел на памятниках Кокэль, Аргалыкты-IX, Даг-Аразы-II и V, Аймырлыг I (Овчинникова Б.Б., 1990, с.101-102). Отдельные детали седел найдены на других памятниках. Среди сохранившихся деревянных остовов седел большая часть относится к тому же типу, что и седла западных тюрков и тюргешей.

Тип 1. Седла с вертикальной передней и наклонной задней луками, полками ленчика с лопастью. К данному типу относятся экземпляры седел из памятников Кокэль, к. 2, 22, 47; Даг-Аразы П, к. 8, 13, 14; Даг-Аразы V, к. 1; Аймырлыг, к. 52 в Туве. По размерам они несколько различаются. (Рис. VIII – 1-3, 5-9; IX – 1-10). Высота передних луков 18 см, задних 18 см, длина полков от 35 до 48 см. Передние луки некоторых седел имеют на лицевой стороне пазы, окаймленные невысокими валиками или выступ наверху. На задних луках имеются валики. На некоторых луках сохранились заклепки. Полки ленчика имели врезы для крепления луков, полуовальные или пятиугольные выступы спереди и сзади, полуовальные или подпрямоугольные лопасти. У седла из могильника Аймырлыг полки были оформлены по-разному. Одна полка имела два выреза и лопасть, другая – один вырез. Лопасть у полки не полуовальная, а подпрямоугольная. Вероятно, деревянный остов аймырлыгского седла был собран из деталей разных седел, при этом использованы разнотипные несимметричные полки (Овчинникова Б.Б., 1990, с.101). По мнению С.И. Вайнштейна седла данного типа бытовали в течение VII - X вв. н.э. (Вайнштейн С.И., 1966а, с.69-70). По оценке А.К. Амброза подобные седла восходят к китайским седлам VI - VII вв. н.э. (Амброз А.К., 1973, с.83,86). Л.Р. Кызласов находки седел всех типов из древнетюркских погребений в Туве отнес к VIII - X вв. н.э. (Кызласов Л.Р., 1979, с.138). Б.Б. Овчинникова ссылается на мнения предшественников, определяя датировку седел данного типа в пределах VII - X вв. н.э. (Овчинникова Б.Б., 1990, с.101).

Судя по имеющимся данным такой тип седла был в наибольшей степени характерен для древних тюрков и бытовал у них в течение периодов существования Второго Восточно-

го Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов. Некоторые различия в оформлении лук и полок не являются определяющими для выделения в рамках данного типа отдельных вариантов.

Тип 2. Седла с вертикальной передней и наклонной задней луками и вырезом в передней части полок ленчика. К этому типу относятся находки остовов седел из памятников: Аргалыкты IX, к. 1; Кокэль, к. 6-13 в Туве. (Рис. VIII – 10,12). Размеры седел близки габаритам остовов седел первого типа. Высота передних лук 18 см, высота задних лук 18 см, длина полок 40-42 см. Передние и задние луки данного типа седел по форме, размерам и местоположению в составе остова, способам крепления к полкам ленчика не имеют существенных отличий от седел первого типа. Отличаются по форме полки, которые у данного типа седел имеют вырезы только спереди, но не имеют вырезов сзади, что придает полкам полуовальную форму. О том, что оба типа седел с разными полками бытовали у древних тюрков одновременно, свидетельствует находка деревянного остова седла из могильника Аймырлыг, у которого одна полка была характерна для седел первого, а вторая – второго типа (Овчинникова Б.Б., 1990, с.101-102). По мнению С.И. Вайнштейна, седла данного типа должны относиться к VII - VIII вв. н.э., периоду существования Второго Восточного Тюркского каганата (Вайнштейн С.И., 1966а, с.69-70). Он предполагал, что седла данного типа сосуществовали до середины VII в. с седлами с выделенными лопастями на полках (Вайнштейн С.И., 1966а, с.70). Л.П. Кызласов отнес подобные седла к VIII - IX вв. н.э., но также предположил их одновременное существование первого и второго типа седел (Кызласов Л.П., 1979, с.138-139). Различия в оформлении полок ленчика не служили препятствием для использования разнотипных полок в конструкции остова одного и того же седла. Видимо, оба типа не только бытовали синхронно, но и не имели принципиальных функциональных отличий, иначе в седле с разнотипными полками невозможно было бы ездить. Судя по имеющимся материалам данный тип седел был характерен для древних тюрков в периоды существования Второго Восточного Тюркского каганата и Уйгурского каганата и бытовал с наиболее распространенным типом седел с выделенными лопастями на полках.

Тип 3. Седла с вертикальной передней и наклонной задней луками и полуовальными полками ленчика. К этому типу относятся находки деревянных остовов седел из памятника Кокэль, к. 23 в Туве. (Рис. VIII – 4, 8, 11). Размеры седел следующие: высота передних лук от 18 до 21 см, высота задних лук 21 см, длина полок 34 см. Седла с подтреугольными или дуговидными вертикальными передними луками, дуговидными наклонными задними луками с горизонтальным уступом и полуовальными полками ленчика без вырезов и лопастей. В передней части лопастей отсутствуют пазы или врезы для крепления передних лук. В задней части имеется уступ для крепления задних лук (Вайнштейн С.И., 1966б, с.327, рис.43). В отношении седел данного типа и времени их бытования у древних тюрков между разными исследователями существуют значительные разногласия. С.И. Вайнштейн считает подобные остовы наиболее ранним типом древнетюркских седел. По очертаниям полок они напоминают форму кожаных подушек мягких седел. Согласно его представлениям древнейшие седла имели полки без лопастей. Данный тип седел он относит к VI - VII вв. н.э., времени существования Первого Тюркского каганата (Вайнштейн С.И., 1966а, с.68-69). А.К. Амброз древнейшими считал седла с прямоугольными полками и вертикальными передней и задней луками, а мягкие седла, по его мнению, бытовали в эпоху раннего средневековья (Амброз А.К., 1973, с.94-96). Л.П. Кызласов датировал подобные седла IX - X вв., хотя кара-куджурское седло с полуовальными полками без лопастей отнес к VI - VII вв. н.э. (Кызласов Л.П., 1979, с.136). Судя по имеющимся аналогиям седла с полуовальными полками без лопастей должны восходить к раннему типу седел с жестким остовом и прямоугольными полками. Они были в употреблении у древних тюрков в период существования Первого Тюркского каганата и продолжали бытовать вплоть до IX в., наряду с более распространенными типами седел. (Рис. X).

Седла восточных тюрков обтягивались кожаными покрышками, обивались роговыми орнаментированными или железными накладками и кантами. Роговые накладки орнаментировались растительным узором в виде извивающегося побега виноградной лозы с завитками, циркульного орнамента в сочетании с перевитыми лентами вихревого орнамента. Подобные накладки обнаружены в памятниках древнетюркской культуры в Горном Алтае, Минусинской котловине, Туве, Монголии. На Алтае подобные накладки обнаружены в памятниках катандинского этапа древнетюркской культуры, относящегося ко времени суще-

ствования Второго Восточного Тюркского каганата (Гаврилова А.А., 1965, с.61). (Рис. II – 7-13). В Минусинской котловине орнаментированные седельные накладки происходят из памятника Белый Яр II, относящегося ко времени завоевания кыргызских земель древними тюрками и последующему периоду Уйгурского и Кыргызского каганатов (Поселянин А.И., Киргинеков Э.Н., Тараканов В.В., 1999, с.97). А.А. Гаврилова считала, что подобные накладки принадлежат женским седлам с низкой передней лукой (Гаврилова А.А., 1965, с.85). Однако, площадь накладки не соответствовала ширине передней луки седла, поскольку накладки приклеивались или набивались вдоль верхнего края луки. Судя по хорошо сохранившимся накладкам из древнетюркского погребения на могильнике Катанда II, передняя лука седла имела довольно широкий верхний край (Гаврилова А.А., 1965, с.61). Помимо роговых кантов и накладок луки седел у древних тюрков в VIII - X вв. обивались железными оковками (Овчинникова Б.Б., 1990, с.103). Подобные оковки становятся наиболее характерными для кочевников в эпоху развитого средневековья (Худяков Ю.С., 1982, с.124). От седельных ремней, с помощью которых седла крепились на теле лошади, сохраняются железные и роговые подпружные пряжки и бляхи. В погребениях с лошадьми встречается от одной до трех подобных пряжек, с помощью которых стягивались не только подпружные, но и другие седельные ремни. Железные пряжки имели массивную прямоугольную или округлую рамку и подвижный язычок. Роговые или костяные пряжки имеют прямоугольную в сечении рамку. По форме среди них выделяется несколько типов: полуовальные пряжки с перехватом, роговым или железным подвижным язычком; подпрямоугольные пряжки без перехвата с подвижным язычком; трапециевидные пряжки без перехвата с подвижным язычком; полуовальные пряжки без перехвата с подвижным язычком; округлые пряжки с перехватом и подвижным язычком; округлые пряжки без перехвата с подвижным язычком. (Рис. III – 7-19)

Все пряжки имели два проема для крепления и для продевания ремня. Изредка на поверхности пряжек встречается гравированный орнамент в виде дуговидных полос, ромбических и крестообразных фигур (Овчинникова Б.Б., 1990, с.113-123).

Довольно частой находкой в памятниках древних тюрков в Саяно-Алтае и Монголии являются железные стремена. Они встречаются в большинстве древнетюркских погребений с лошадьми, а иногда и в поминальных оградках. В древнетюркских погребениях с конем в Минусинской котловине, относящихся к VIII - X вв. зафиксировано несколько типов стремян.

Наиболее распространенной формой были стремена с кольцевой петлей, образованной изгибом дужки, округлым проемом и плоской подножкой. Значительно реже встречаются стремена с пластинчатой петлей с перехватом, округлым проемом и пластинчатой подножкой с ребром снизу (Худяков Ю.С., 1979, с.199). Очень редко в древнетюркских погребениях на Среднем Енисее находят стремена с пластинчатой петлей без перехвата, округлым проемом и плоской подножкой или с полукруглой петлей без перехвата, округлым проемом и плоской подножкой (Худяков Ю.С., 1998в, с.33). Эти типы стремян из могильника Ибыргыс-Кисте должны датироваться IX - X вв. н.э. (Худяков Ю.С., 1998в, с.33,37).

В древнетюркских памятниках на территории Тувы и Горного Алтая преобладали стремена с кольцевой и пластинчатой петлей с перехватом, плоской подножкой. Они были распространены в периоды существования Второго Восточного Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов, в течение VII - X вв. н.э.

В древнетюркских памятниках на территории Монголии обнаружены стремена с кольцевой или пластинчатой петлей. В погребениях с двумя конями на памятниках Саинтэ-Сумэ и Джарагаланты встречались стремена с пластинчатой петлей с перехватом. Эти памятники относятся к VIII - X вв. н.э. (Евтюхова Л.А., 1957, с.207). (Рис. XI – 1-4).

В погребениях с лошадьми седла размещались на спинах заседланных и погребенных коней, либо размещались в ногах умершего человека. Случаев помещения седел с могилы в разобранном виде не зафиксировано. Как правило, седла помещались в могилу с парой стремян. Значительно реже встречается погребение с седельными пряжками и одним стременем (Нестеров С.П., Худяков Ю.С., 1979, с.90). Возможно, седла не всегда помещались в могилу с полным набором седельных ремней и стремян, что объяснимо локальными вариантами погребального обряда (Овчинникова Б.Б., 1990, с.103).

В реконструированном виде седла восточных тюрков имели существенные типологические различия. Седла первого типа имели высокую вертикальную переднюю, наклонную

заднюю луку и полки ленчика с лопастями. Остов седла был обтянут кожей и обит окантовкой. Седла имели ремни с пряжками и бляхами и стремяна.

Седла второго типа отличались дуговидными передними луками и полками без задних вырезов. У седел третьего типа были дуговидные или подтреугольные передние луки и полуовальные полки.

Вероятно, подобные типы седел применялись и другими кочевыми народами Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. Однако, в памятниках уйгуров, кыргызов, байырку, курыкан деревянные остовы седел не сохранились.

В эпоху развитого средневековья у центральноазиатских кочевников получили распространение седла монгольских типов, с округлой широкой или подтреугольной узкой передней вертикальной лукой, иногда богато украшенной серебряными накладками, накладной задней лукой и прямоугольными полками с округленными концами (Савинов Д.Г., 1977, с.35).

Изменения в конструкции деревянных остовов седел коснулись формы лук, которые стали делать более узкими, без выступающих вниз лопастей, с округленными концами и врезами для опоры передних и задних луков. Передние луки стали изготавливать более широкими, рельефными с высоким сводчатым арочным вырезом. Они опирались на расширенные концы. Задние луки крепились наклонно. У них также стали изготавливать расширенные концы. Лицевая поверхность передней луки, торцы и выступы полок украшались накладками (Савинов Д.Г., 1977, с.33-37). Остовы седел покрывались кожей. Покрытие имело округлые лопасти, заменившие деревянные лопасти древнетюркских седел (Вайнштейн С.И., 1966а, с.71-72). К выступам седел крепились пробои с кольцами для тороков на плоских или округлых сферических пластинах с орнаментацией (Савинов Д.Г., 1977, с.37). Седла крепились седельными ремнями на теле лошади. С обеих сторон к полкам на ремнях подвешивались стремяна. Характерной особенностью седел эпохи развитого средневековья было изготовление всех металлических деталей из железа с набивкой серебряной фольгой, или украшение деталей серебряными обкладками.

Новые формы седел оказались более пригодными с функциональной точки зрения для длительной езды верхом, поэтому просуществовали у народов Саяно-Алтая с незначительными изменениями до этнографической современности.

Литература

1. Амброз А.К. Стремяна и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV – VIII вв.) // Советская археология. – 1973. – №4. – С.81-99.
2. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Ч.1. – 380 с.
3. Вайнштейн С.И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // Советская этнография. – 1966а. – №3. – С.60-81.
4. Вайнштейн С.И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. – М.-Л., 1966б. – Т.11. – С.292-374.
5. Васютин А.С. Некоторые вопросы относительной хронологии комплексов со стремянами и удилами кудыргинского и катандинского типов // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии. – Кемерово, 1994.
6. Войтов В.Е. Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI – VIII вв. – М., 1996. – 151 с.
7. Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.-Л., 1965. – 144 с.
8. Грач В.А. Средневековые впускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С.156-168.
9. Гричан Ю.В., Плотноков Ю.А. Архаичное стремя из Горного Алтая // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. – Новосибирск, 1999. – Вып.2. – С.76-77.
10. Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М., 1976.
11. Джарылгасинова Р.Ш. Древние когуресцы. – М., 1972.

12. Евтюхова Л.А. О племенах Центральной Монголии в IX в. // Советская археология. – 1957. – №2. – С.206-227.
13. Измайлов И.Л. Появление и ранняя история стремян в Среднем Поволжье // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. – Новосибирск, 1990. – С.61-70.
14. Кирюшин Ю.Ф., Горбунов В.В., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Древнетюркские курганы могильника Тыткескень VI // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 1998. – №3. – С.165-175.
15. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. Материалы и исследования по археологии СССР. – М.-Л., 1949. – №9. – 363 с.
16. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. – СПб., 1994. – 165 с.
17. Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М., 1979. – 327 с.
18. Кызласов И.Л. О происхождении стремян // Советская археология. – 1973. – №3. – С.24-36.
19. Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины. – М., 1960.
20. Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М., 1979. – 206 с.
21. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997. – 319 с.
22. Маршак Б.И. Согдийское серебро. – М., 1971.
23. Могильников В.А. Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. – М., 1981. – С.29-43.
24. Могильников В.А. Древнетюркские курганы Кара-Коба I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1990. – С.137-185.
25. Могильников В.А. Культовые кольцевые оградки курганы Кара-Кобы I // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск, 1994. – С.94-116.
26. Нестеров С.П., Худяков Ю.С. Погребение с конем могильника Тепсей III // Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979. – С.88-92.
27. Новиков А.В. Новый памятник верхнеобской культуры в Новосибирском Приобье // Источники и историография. Археология и история. – Омск, 1988. – С.47-54.
28. Овчинникова Б.Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI – X веках. – Свердловск, 1990. – 223 с.
29. Плано Карпини Д. История монгалов; Рубрук Г. Путешествие в Восточные страны; Книга Марко Поло. – М., 1997. – 460 с.
30. Поселянин А.И., Киргинцев Э.Н., Тараканов В.В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Горизонты Евразии. – Новосибирск, 1999. – Вып.2. – С.88-116.
31. Руденко С.И. Культура Центрального Алтая в скифское время. – М.-Л., 1960. – 351 с.
32. Савинов Д.Г. Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // Советская этнография. – 1977. – №1. – С.31-48.
33. Савинов Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – 174 с.
34. Савинов Д.Г. К проблеме происхождения металлических стремян в Центральной Азии и Южной Сибири // Актуальные проблемы сибирской археологии. – Барнаул, 1996.
35. Сорокин С.С. Большой Берельский курган (полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. – Л., 1969. – Т. X.
36. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996. – 256 с.
37. Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С. Древнетюркский памятник Беш-Таш-Короо // Памятники культуры древних тюрков Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1999. – С.55-81.
38. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. – М., 1978.
39. Худяков Ю.С. Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1979. – С.194-206.
40. Худяков Ю.С. Кыргызы на Табате. – Новосибирск, 1982. – 238 с.
41. Худяков Ю.С. Археология Южной Сибири II в. до н.э. – V в.н.э. – Новосибирск, 1993. – 88 с.
42. Худяков Ю.С. Материалы древнетюркской культуры из музеев Восточного Туркестана // Сибирь в панораме тысячелетий. Материалы международного симпозиума. – Новосибирск, 1998а. – Т.1. – С.592-599.
43. Худяков Ю.С. Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1998б. – 119 с.

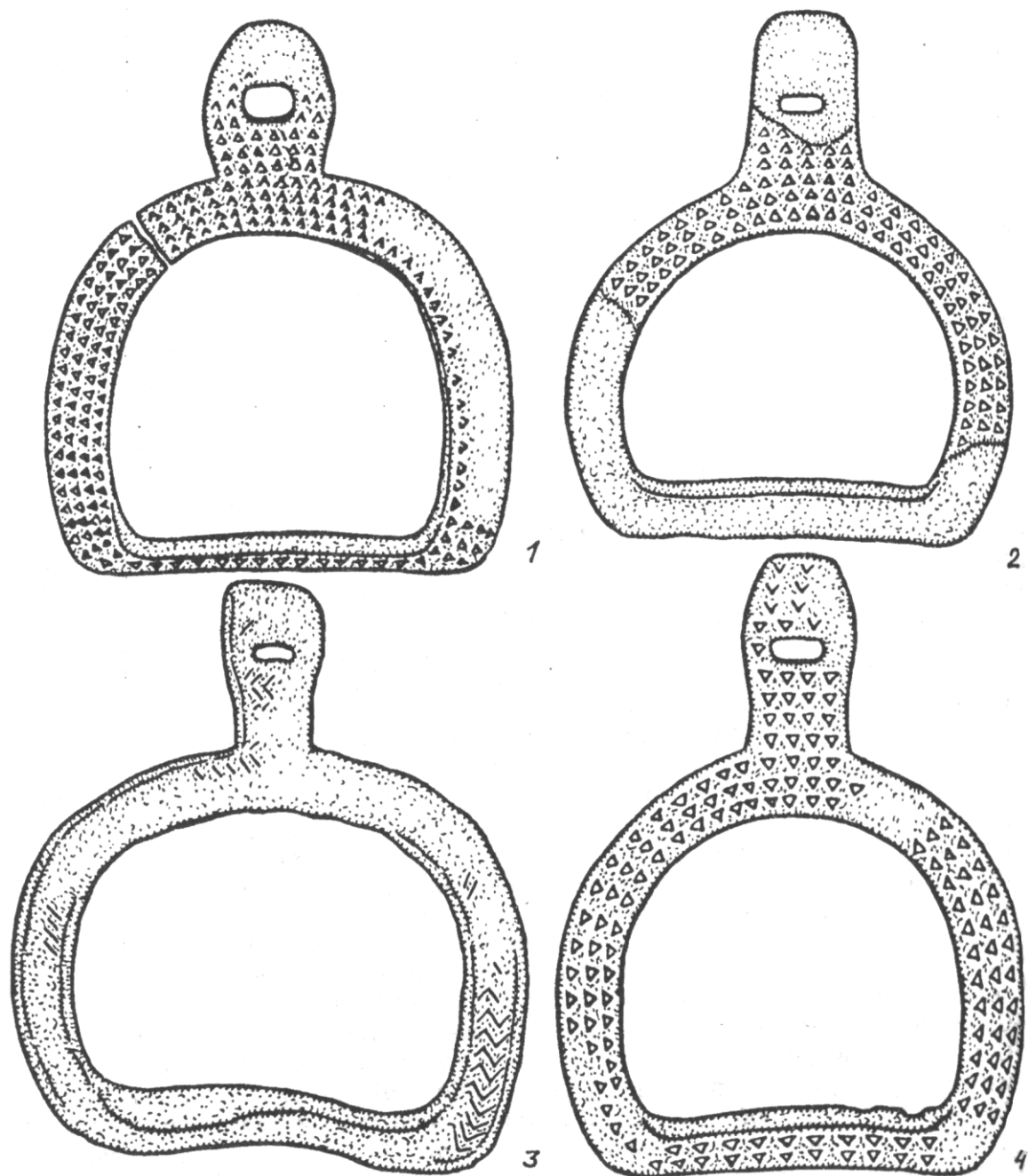

Рис. I

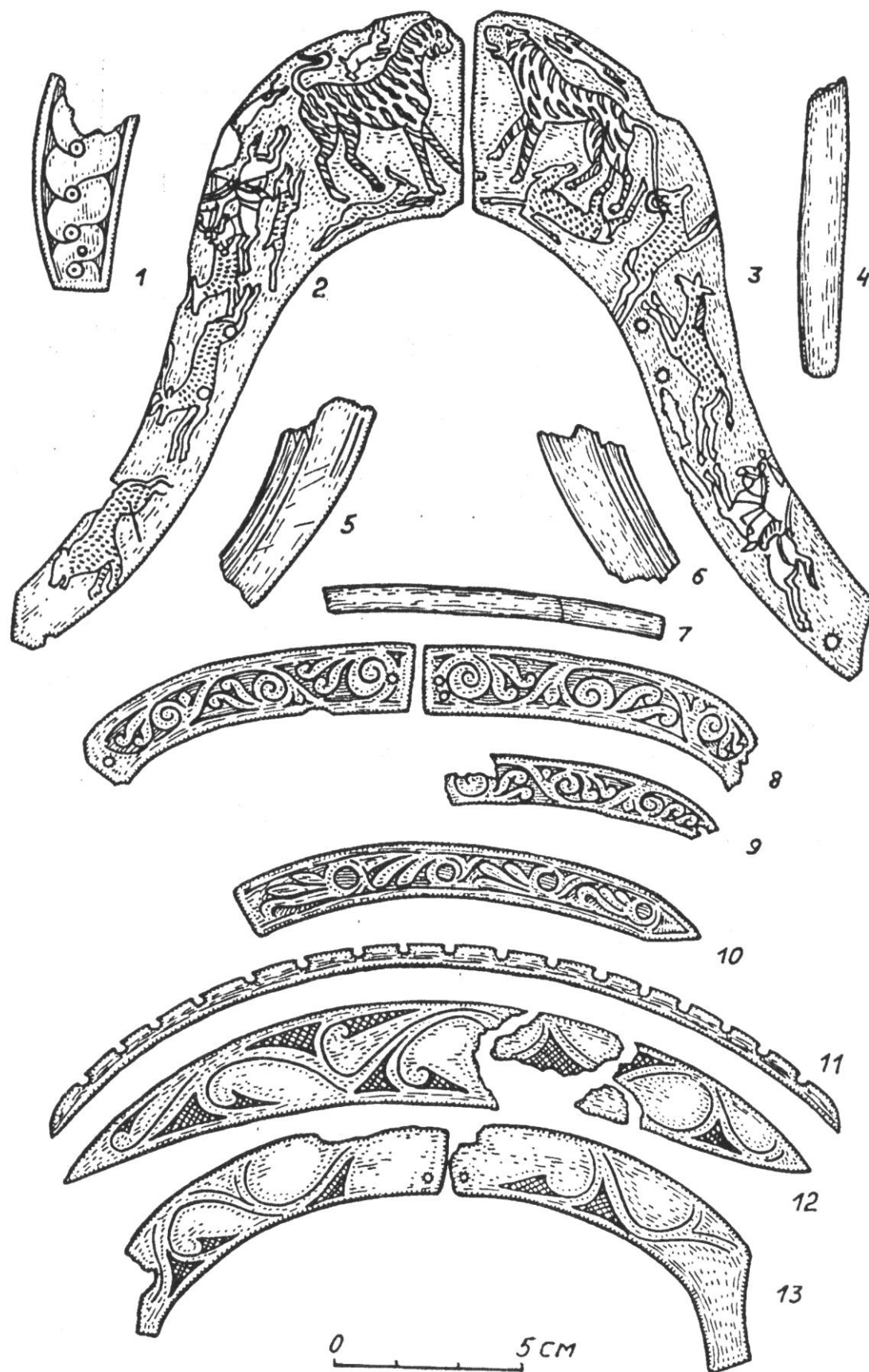

Рис. II

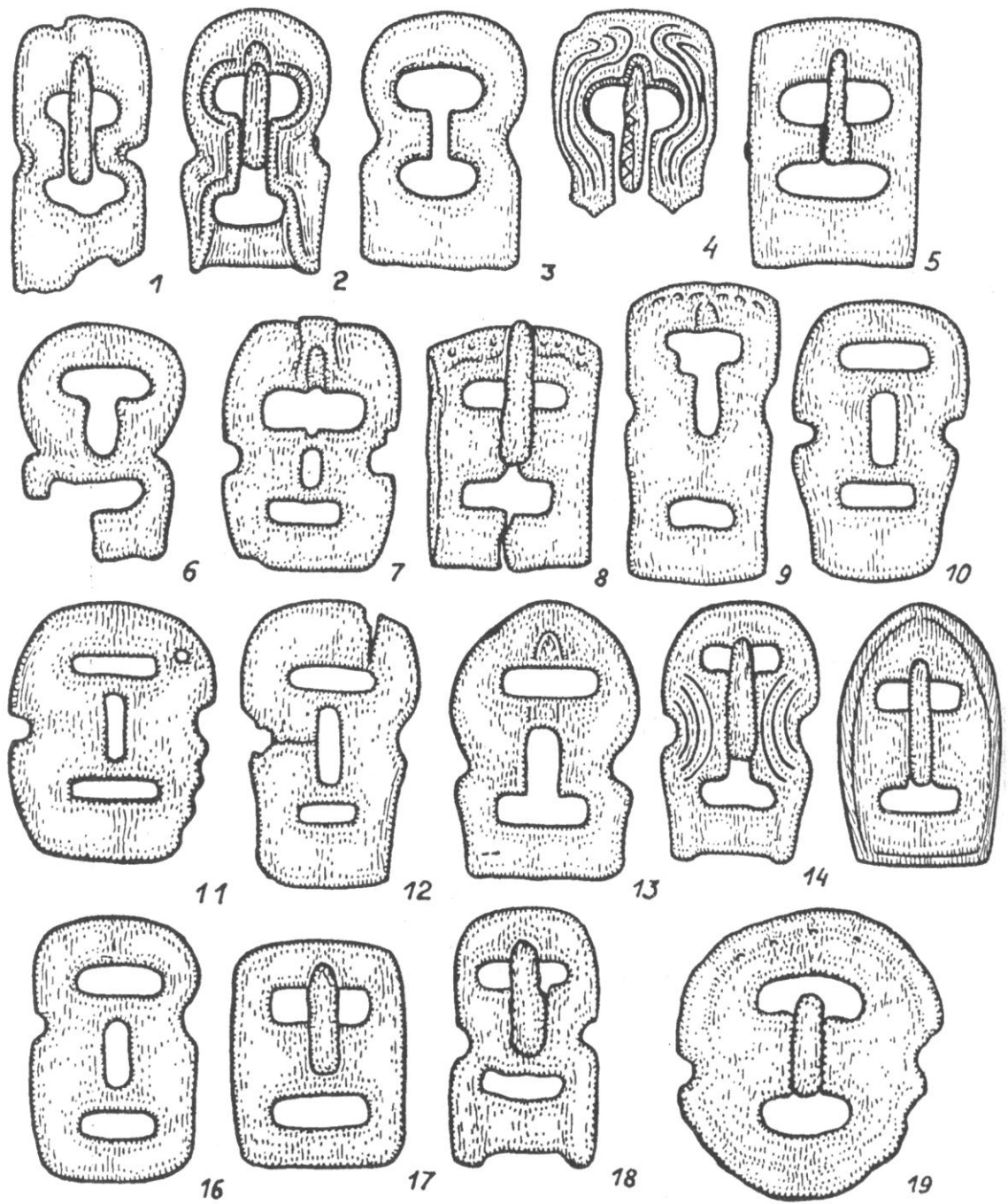

Рис. III

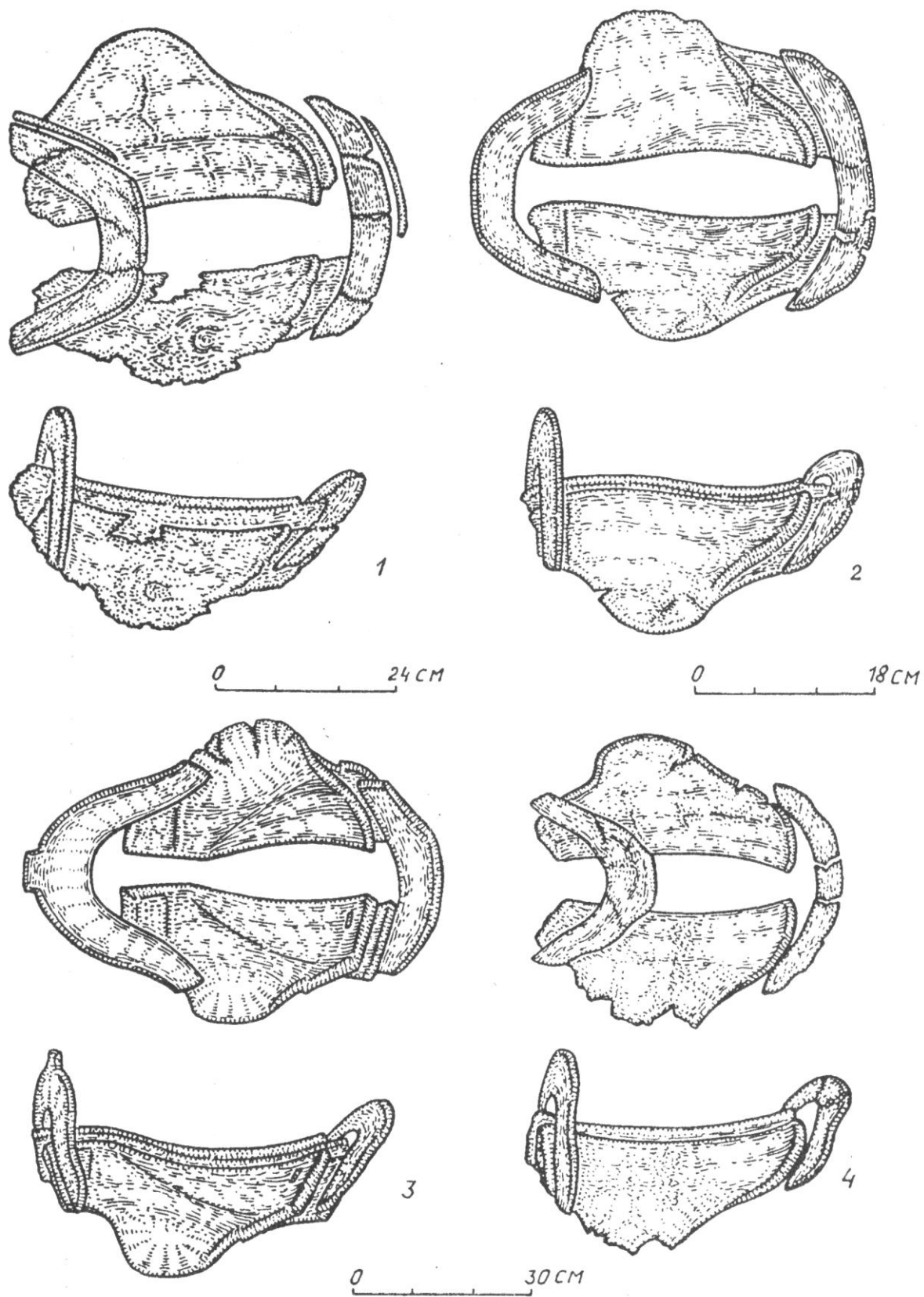

Рис. IV

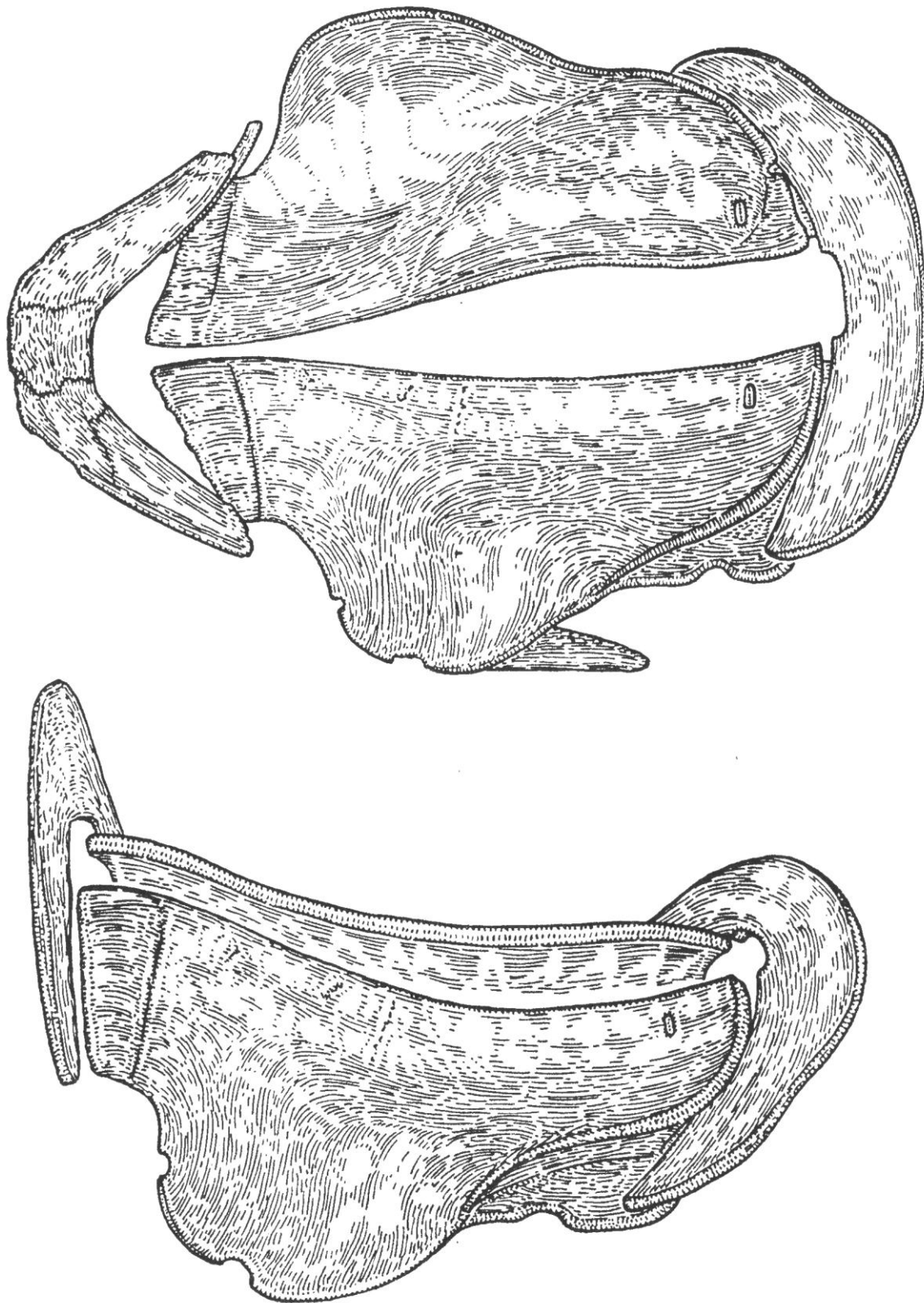

Рис.V

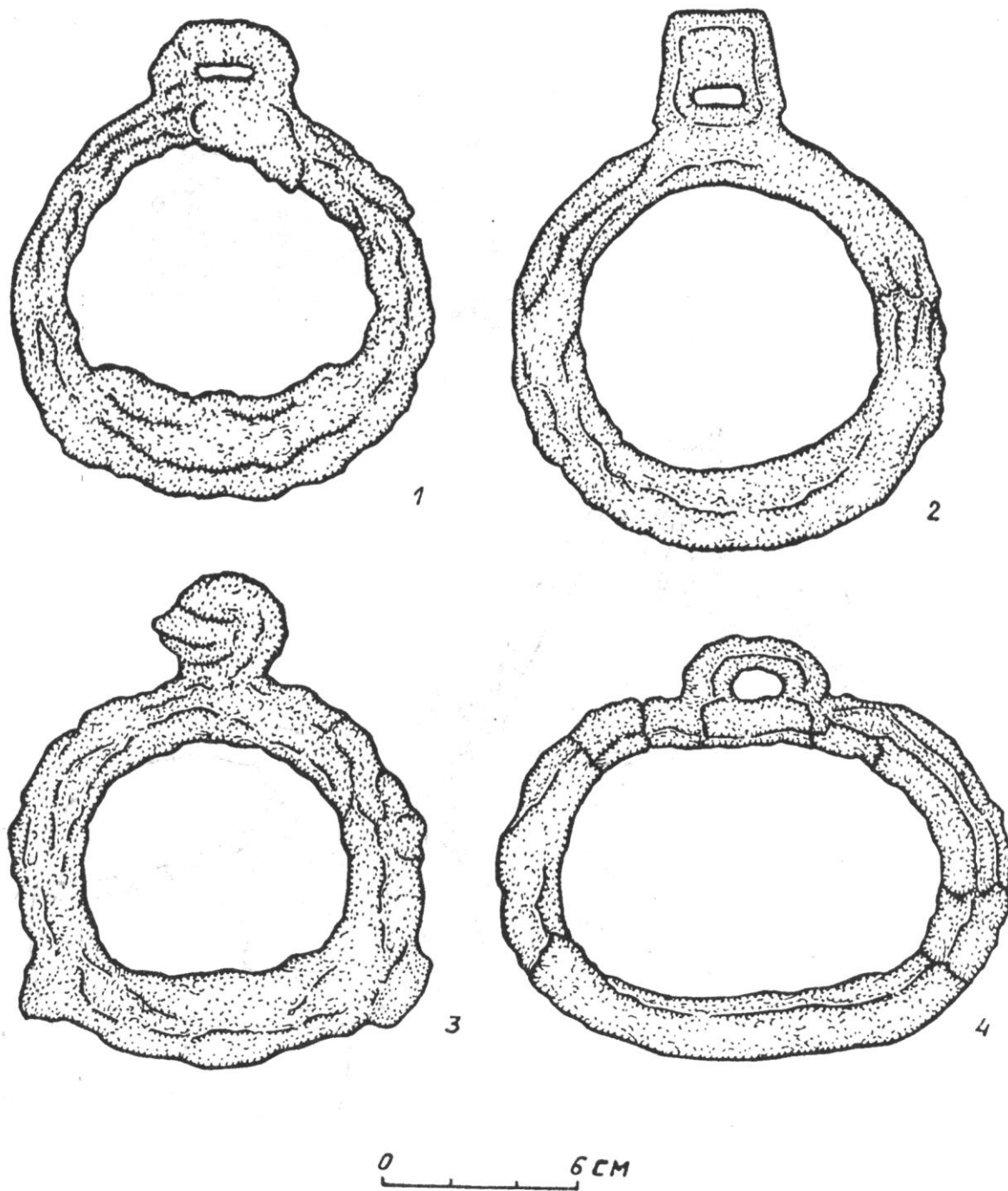

Рис. VI

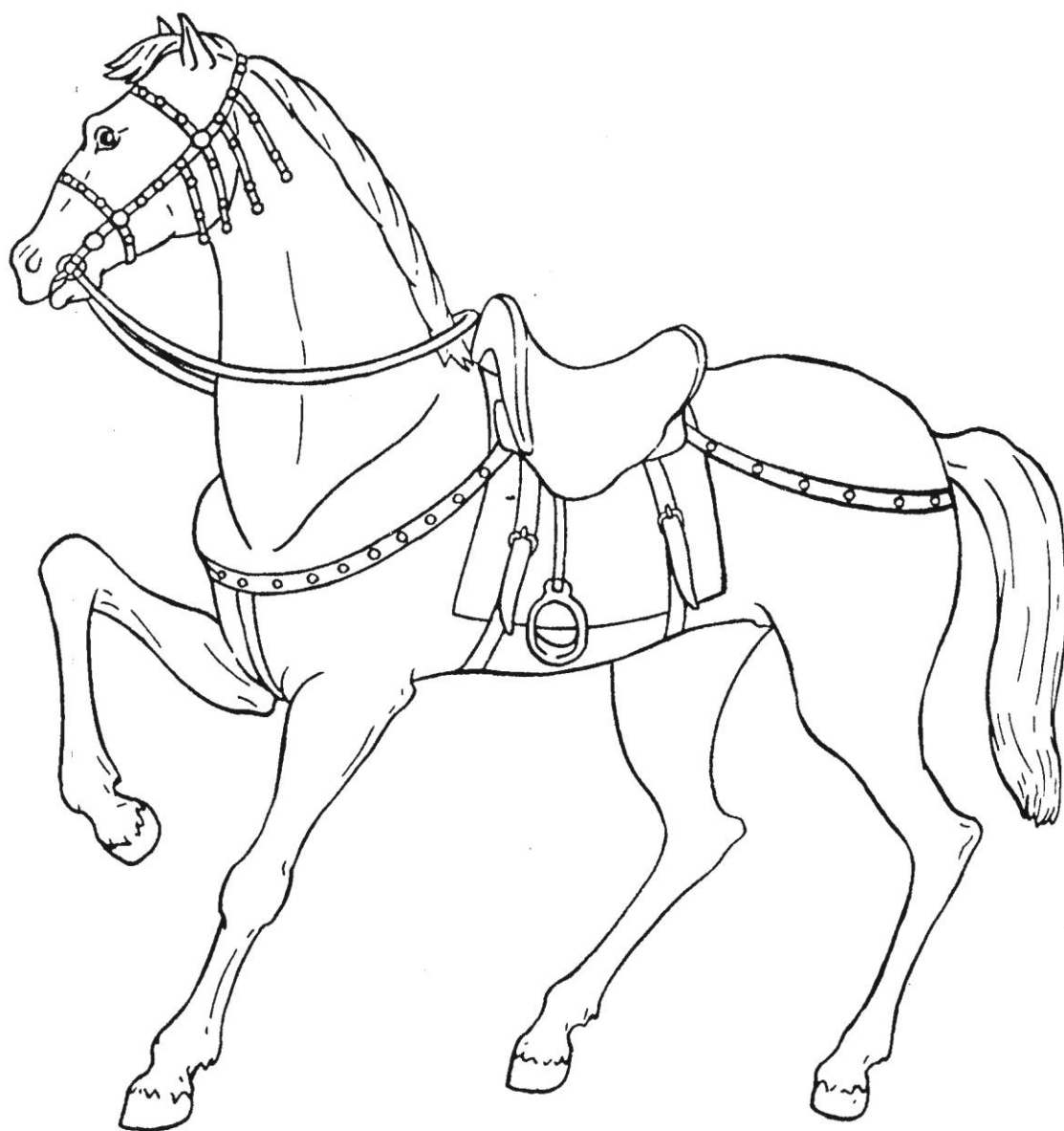

Рис.VII

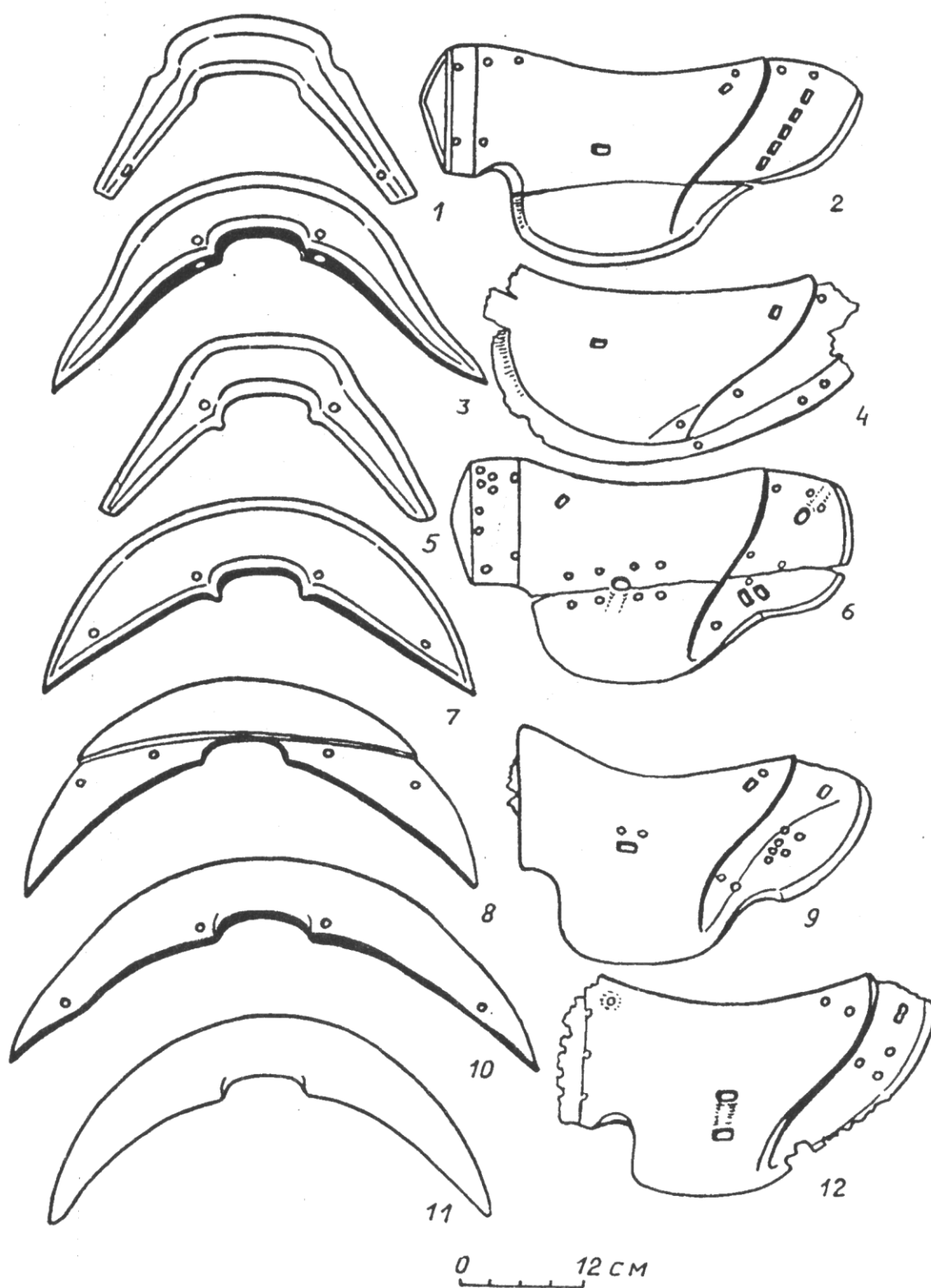

Рис.VIII

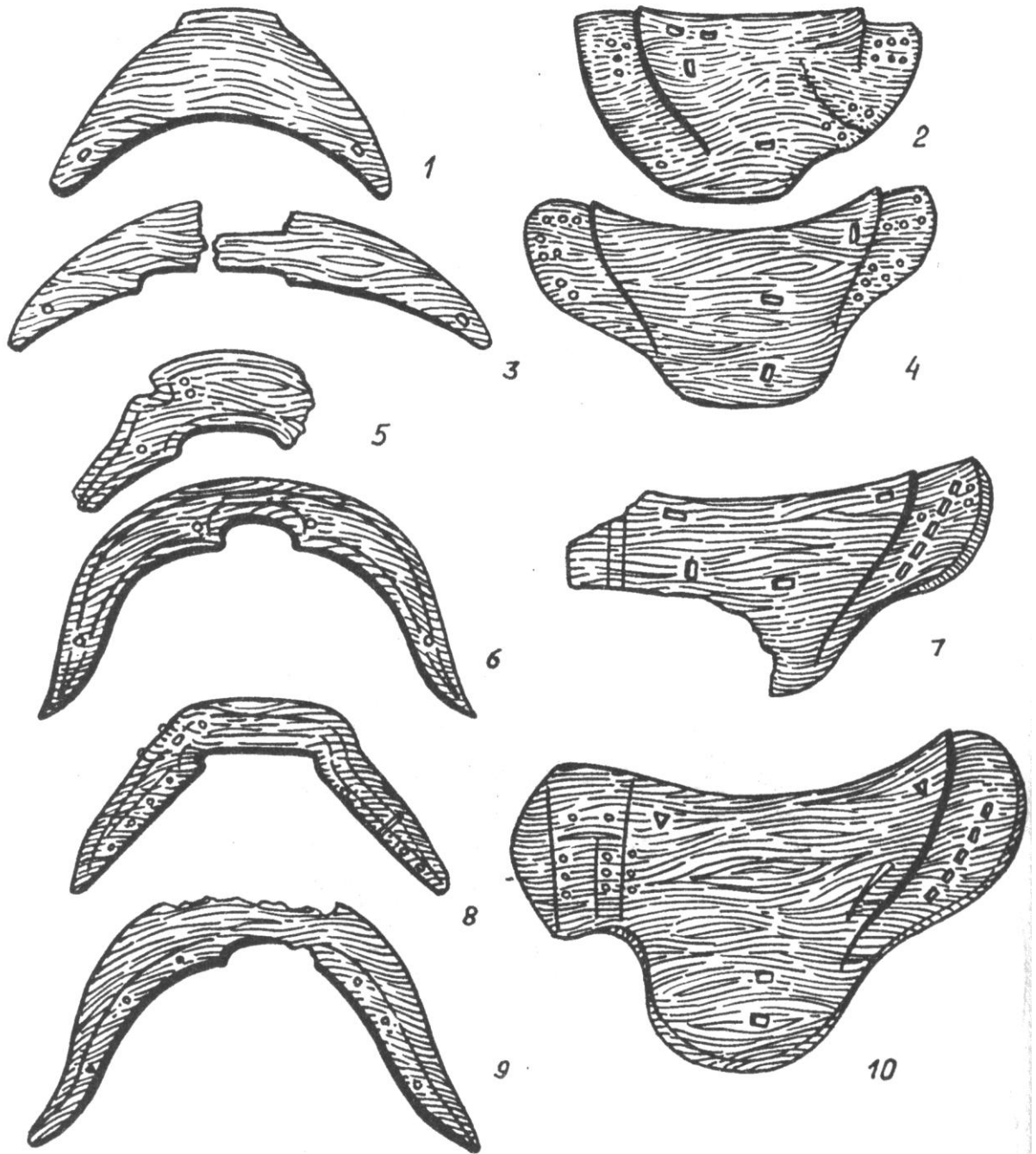

Рис.IX

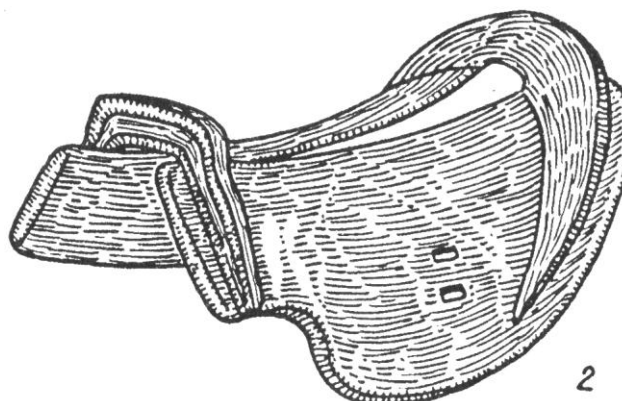
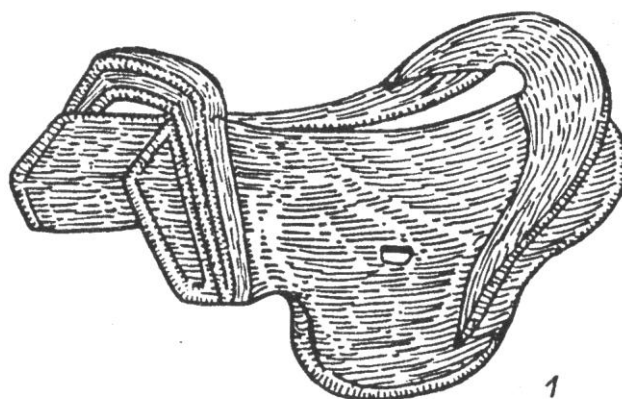

Рис.Х

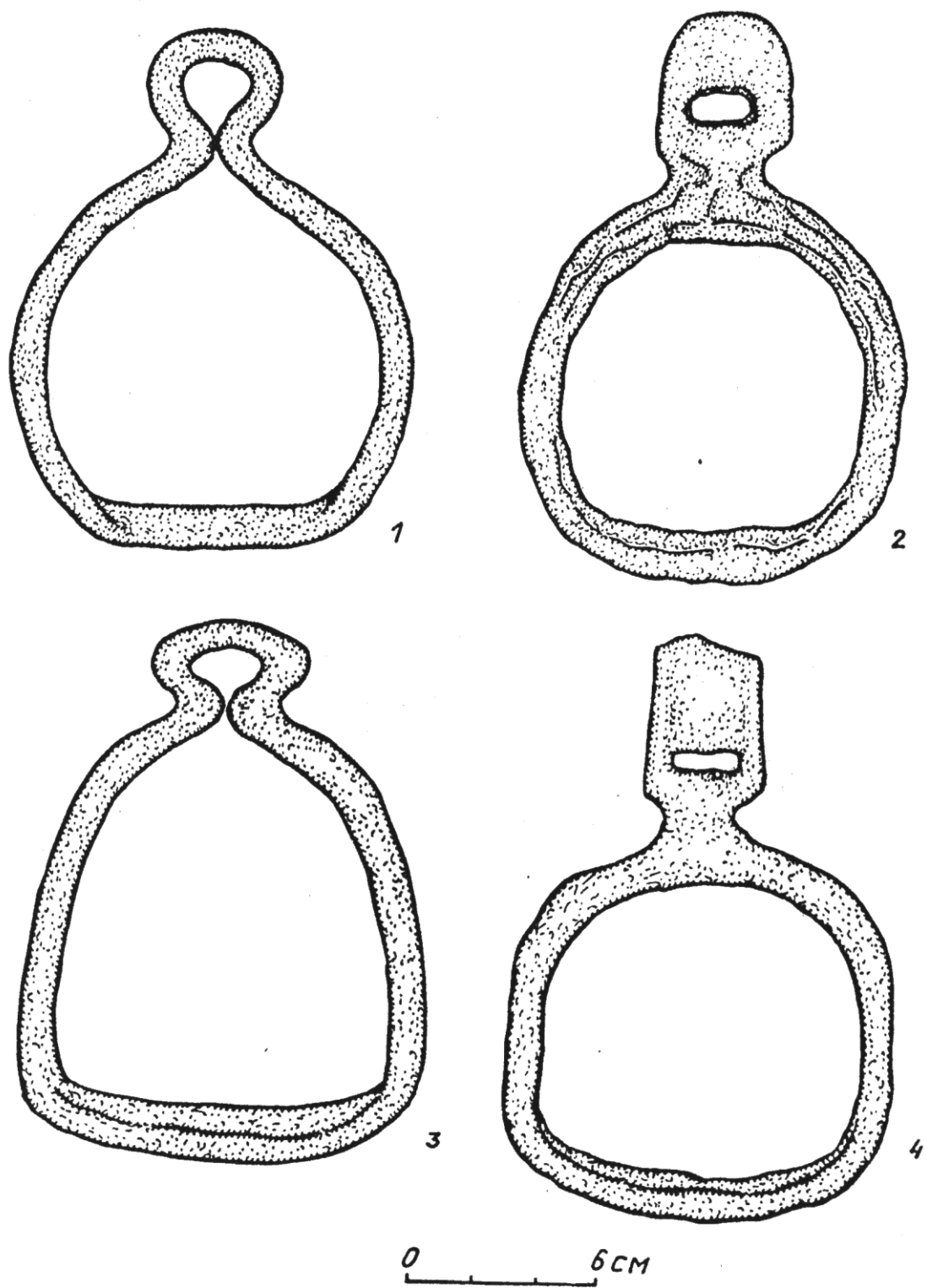

Рис. XI

44. Худяков Ю.С. Реконструкция узды из древнетюркского погребения на могильнике Ибыргыскте // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. – 1998в. – №3. – С.31-38.
45. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Реконструкция конского убранства древних тюрков Центрального Тянь-Шаня // Российская археология. – 1999. – №3. – С.50-58.
46. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.С. Новые находки предметов изобразительного искусства древних тюрков на Тянь-Шане // Российская археология. – 1997. – №3. – С.142-147.
47. Худяков Ю.С., Юй Су-Хуа. Комплекс вооружения сяньби // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2000. – Вып.5. – С.37-48.
48. Шульга П.И., Горбунов В.В. Стремя раннего типа из Алейской степи // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул, 1998. – С.99-101.
49. Arendt W.W. Sur l'apparition de l'étrier chez les scythes // Eurasia septentrionalis Antiqua. – Helsinki, 1934. – Т.IX.
50. Bushell S.W. L'art chinois. – Paris, 1910.
51. Laufer B. Chinese Grav-Sculptures of the Han Period. – London, 1911.
52. Werner J. Beitrage zur Archaeologie des Attila-Reiches. – Munchen, 1953.

Список иллюстраций к статье Худякова Ю.С.

- Рис. I. Стремена раннего тюркского времени: 1 – Улуг-Хорум, Тува; 2 – Золотаревка, Поволжье; 3 – Локоть, Степной Алтай; 4 – Каракол, Горный Алтай.
- Рис. II. Роговые накладки седел: 1-6 – Кудыргэ; 7-9 – Катанда; 10 – Узунтал; 11-12 – Тыткескень-VI, Горный Алтай.
- Рис. III. Роговые подпружные пряжки: 1-6 – Кудыргэ, Горный Алтай; 7-13 – Кокэль, Тува; 14 – Даг-Аразы II, Тува; 15 – Курай IV, Горный Алтай; 16, 17 – Катанда, Горный Алтай; 18 – Тыткескень VI, Горный Алтай; 19 – Наинтэ Сунэ, Монголия.
- Рис. IV. Седла древних тюрков Тянь-Шаня: 1 – Беш-Таш-Короо II, к. 30; 2 – к. 35; 3 – к. 39; 4 – к. 20.
- Рис. V. Седло из могильника Беш-Таш-Короо II, к. 15.
- Рис. VI. Стремена древних тюрков Тянь-Шаня: 1 – Беш-Таш-Короо II, к. 20; 2 – к. 37; 3 – к. 15; 4 – к. 39.
- Рис. VII. Реконструкция конского убранства западных тюрков.
- Рис. VIII. Седла древних тюрков Саяно-Алтая: 1-3 – Кокэль, к. 2; 4, 8, 11 – к. 23; 5-7 – к. 2; 9 – к. 47; 10, 12 – к. 6.
- Рис. IX. Седла древних тюрков Саяно-Алтая: 1-4 – Аймырлыг I, к. 52; 5-7 – Даг-Аразы-II, к. 14; 8-10 – Даг-Аразы-II, к. 13.
- Рис. X. Реконструкция седел восточных трок: 1 – тип 1; 2 – тип 2 (по С.И. Вайнштейну).
- Рис. XI. Стремена древних тюрков Саяно-Алтая и Монголии: 1 – Даг-Аразы-II, к. 14, Тува; 2 – Загал, Монголия; 3 – Курай III, к. 2, Горный Алтай; 4 – Узунтал, к. 2, Горный Алтай.

Троицкая Т.Н., Савин А.Н.
(г. Новосибирск)

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ГАРНИТУРЫ НАБОРНОГО ПОЯСА ИЗ МОГИЛЬНИКА СТАРО-БИБЕЕВО-6

В археологическом музее Новосибирского педагогического университета хранятся находки из осыпавшегося кургана могильника Старо-Бибеево-6. Среди них находится и бронзовая поясная гарнитура. Она была опубликована (Троицкая Т.Н., 1996, с.155-159, рис.2). При этом изделия были проанализированы и датированы VII в.н.э. Однако вопрос о характере их литья не был рассмотрен. Поэтому основной целью данного сообщения является детальное восстановление процесса литья публикуемых материалов.

Ременная гарнитура представлена одной пряжкой с неподвижным язычком и поясными бляшками-накладками (рис.1 – 1-9). Бронзовая крупная ажурная пряжка имела заостренный неподвижный шпенек и состояла из двух неправильных овалов с полулунными прорезями и трапецевидным окончанием, орнаментированным рядами кантов и двумя розетками с отходящими от них лучами. Пряжки с неподвижным шпеньком являются характерными для таштыкской культуры и датируются А.К. Амброзом временем с V – VI по начало VII н.э. (Амброз А.К., 1971, с. 118, 120, рис.12, 2-б).

В состав наборного пояса входили восемь бронзовых прямоугольных блях (рис.1 – 2-9). Одна из них состоит из двух рядов, округлых выпуклостей, окруженных ложной зернью. Семь остальных однотипны, размер их колеблется от 4,6 x 2,2 см до 5,3 x 3, 3 см. Они также выполнены в виде рядов полукруглых прорезей и округлых выпуклостей с ложной зернью. У шести блях таких рядов было четыре, у одной – три, число выпуклостей колеблется от 7 до 5. Они разделены между собой вертикальными или горизонтальными ложновитыми жгутами, Крепились к ремню при помощи петелек на обратной стороне блях. Подобные бляхи неоднократно встречались в составе поясных наборов Приобья: в могильниках одинцовского времени (VI – VII вв.н.э.): Чёрное Озеро-1, Юрт-Акбалык-4, Юрт-Акбалык-8 (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 1998, рис.17, 52-54).

Предметы комплекса по технологии изготовления относятся к объемным отливкам сложного профиля, изготовленным с использованием литейного «болвана» – специально изготовленного утолщения одной из створок литейной формы, предназначенного для образования небольшой по объему полости.

Несмотря на функциональное различие пряжки, и бляшек из Старо-Бибеево-6, судя по сохранившемуся литейным бракам, в процедуре производства отливок прослеживается множество схожих технологических приемов изготовления. Поэтому нам представляется возможным проанализировать все элементы гарнитуры в комплексе. Как пряжка, так и поясные бляшки изготовлены с использованием двухчастных двухсторонних литейных форм, о чем говорят литейные швы, проходящие по краю изделий (рис.2 – 5А, 6А, 9В; 3 – 12А, 16А; 4 – 7А). На лицевой стороне пряжки выполнен геометрический рисунок в виде канта из небольших квадратов и округлостей (рис.1 – 1; 2 – 2). Следы прочерчивания орудием по пластичному материалу модели прослеживаются в виде небольших наплывов (валиков) сдвинутой модельной массы перешедших на отливку (рис.2 – 2А). Большинство поясных бляшек (6 экз.) орнаментировано довольно однотипно, основным мотивом служат ряды из четырех круглых выпуклостей каждая из которых имеет по краю лучевой орнамент, между собой ряды округлостей соединяются ложновитым кантом (рис.2 – 2-7). По внешнему облику отличаются только две бляшки, одна из них близка выше описанным, но имеет по три выпуклости в каждом ряду (рис.2 – 8). Другая бляшка имеет в ряду по две выпуклости гораздо большего размера (рис.2 – 9). На оборотной стороне бляшек находится от четырех до шести небольших петель для нашивания, на пряжке таких петель две, при этом более крупного размера (рис.2 – 3, 4). Все петли цельнолитые с предметом, на что указывает литейный шов, а так же следы их модельной формовки, перешедшие на отливку (рис.2 – 3А, 4А, 4Б; 3 – 5А, 15В; 4 – 5А, 6А, 9Б, 12А, 14А). Обратная сторона всех предметов вогнута и как правило повторяет внешний контур предмета, что указывает на использовании литейного «болвана». На основании анализа сохранившихся на предметах литейных браков можно реконструировать процедуру их изготовления от модельной формовки до вторичной доработки предмета.

Изготовление модели. Первым и наиболее важным этапом бронзолитейного производства является изготовление модели. По всей видимости, в качестве модельной массы применялся воск либо модельные смеси на основе воска. Обладая такими качествами как пластичность и легкоплавкость, воск является незаменимым материалом в модельном производстве для изготовления сложных по конфигурации предметов.

Для изготовления модели первоначально, разровняв пластичную массу на подмодельной плите, с помощью острого орудия, по всей видимости, ножа оформляли абрис предмета, затем вырезал необходимые элементы декора луновидные и лировидные отверстия для изготовления модели пряжки и подтреугольные, либо ромбические вырезы в модели бляшек. Следы работы острым орудием по материалу модели четко фиксируются на поверхности предметов в виде отпечатков режущей кромки орудия (рис.2 – 1А, 7А), а небольшой уклон стенок, пряжки и ременных бляшек говорит о том, что отверстия проре-

зались с лицевой стороны модели (рис.1 – 1А). Судя по сохранившимся следам литейный канал, располагался в створке с лицевой стороной отливки, и мог прорезаться уже в процессе формовки. На лицевой стороне пряжки острым орудием с подпрямоугольной в сечении рабочей кромкой был выполнен кант из мелких квадратов, при этом часть пластичного материала модели была смещена образовав небольшие наплывы в виде валиков (рис.2 – 2А). После этого модель пряжки немного выгнули вдоль продольной оси в изнаночную сторону. По всей видимости, неподвижный язычок пряжки был заблаговременно вылеплен из отдельного куса модельной массы, а затем прикреплен к основной части модели. Следы заглаживания стыка модельной массы можно проследить у основания неподвижного язычка пряжки.

Несколько иначе проходило изготовление поясных бляшек. Помимо резьбы острым орудием (ножом?) при изготовлении поясных бляшек широко применялись приемы ручной и инструментальной лепки, следы которой частично сохранились в виде заглаживания пластичного материала на лицевой и оборотной сторонах бляшек (рис.3 – 7, 11Б; 4 – 4А, 7Б, 13А). Инструментальная лепка широко применялась при формировании выпуклого орнамента поверхности бляшек, для этого после оформления абриса модель отделялась от плиты, затем орудием с широким округлым либо ромбическим рабочим краем с оборотной стороны модели наносились вдавления (рис.3 – 11В, 15Б; 4 – 7Б, 13А). Фигурное оформление оборотной стороны отливки позволяло изготовить тонкостенный предмет, что, во-первых, облегчало вес изделия, а так же экономило расход металла.

Декоративные элементы поясных бляшек в виде ложновитого жгута и выпуклостей с радиально расходящимися линиями изготавливались с помощью прочерчивания модельной массы острым орудием с шириной режущей кромки 0,45 – 0,55 мм. Технология изготовления солярного орнамента представлена несколькими вариантами. В обоих случаях первоначально прочерчивались расходящиеся от центра линии, затем в центре либо просто приминалась модельная масса (рис.4 – 4А), либо прилеплялся отдельно подготовленный шарик так же изготовленный из пластичного материала (рис.3 – 1-3). В последнем случае на отливке, как правило, фиксируются следы стыка фрагментов модельной массы, а так же следы ее неравномерного распределения (рис.3 – 7А, 7Б, 9А, 13А, 14А).

Процедура формовки – изготовление литейных форм, проходила несколькими способами. В первом случае при изготовлении литейной формы для отливки поясной пряжки в заранее приготовленную формовочную массу сверху погружалась модель отливки, в результате чего модель неравномерно размещалась в формовочной массе, что в дальнейшем привело к образованию неровного литейного шва. В разных частях предмета литейный шов пряжки расположен либо по середине грани отливки либо тяготеет к одной из ее сторон (рис.2 – 5А, 6А, 9В). Во втором случае при изготовлении литейных форм для отливки поясных бляшек использовалась модельная плита, что обеспечило ровный разъем створок литейной формы и соответственно ровный литейный шов по краю предметов (рис.3 – 12А, 16А; 4 – 7А).

На этом этапе формовки после непродолжительной просушки с оборотной стороны модели изготавливались петли для крепления отливки к ременной конструкции. Судя по сохранившимся следам петли, могли изготавливаться двумя методами. В первом случае петелька из пластичной массы изготавливалась целиком, а уже затем прикреплялась к остальной части модели. Отпечатки следов заглаживания пластичного материала в виде небольшого утолщения четко фиксируются у основания петелек (рис.4 – 12А, 14А). В другом случае сначала на небольшом расстоянии друг от друга прикреплялось два коротких жгута так же изготовленных из модельного материала, а затем их концы скреплялись внахлест, такой способ изготовления петель хорошо прослеживается на ременной пряжке и на большинстве бляшек поясного набора (рис.2 – 3А, 4А, 4Б; 3 – 5А, 15; 4 – 5А, 6А, 8А, 9Б). При формировании петель кроме ручной лепки пластичного материала применялась подрезка острым орудием (рис.4 – 6Б), а так же формовка на шаблоне. Следы использования шаблона, как правило, фиксируются на внутренней поверхности петель (рис.4 – 8Б, 14Б). По всей видимости, в качестве шаблона могла применяться небольшая круглая в сечении палочка.

Для того чтобы изготовить створку формы с оборотной стороной предмета, мастером применялась кусковая формовка, что позволило сначала с помощью формовочной массы заполнить полости под петлями, создав так называемые литейные болваны,

а уже после этого накладывался основной слой глиняной массы, формирующий оставшуюся часть створки.

После просушки литейная форма, по всей видимости, подвергалась обжигу, в результате чего пластичная модель плавилась, освобождая полость литейной формы.

Литниковая система. Сохранившиеся в большинстве случаев на предметах поясной гарнитуры из Старо-Бибеево-6 следы примыкания литникового стояка, а также широко представленные на отливках различного рода браки (недоливы и заливки металла, шероховатости, газовые раковины и т.д.) позволяют частично реконструировать систему и методы заливки металла.

Судя по сохранившимся следам при изготовлении поясной гарнитуры использовалось два вида системы литниковых каналов. Шесть из девяти предметов поясной гарнитуры имеют следы использования двух параллельных друг другу вертикальных каналов соединенных, по всей видимости, в единую литниковую систему (рис.3 – 4А, 6А, 11А, 15А; 4 – 9А). В одном случае следы литейного канала не сохранились, два предмета имеют следы использования одного литейного канала (рис.2 – 9; 4 – 1). По всей видимости, использование литниковой системы с двумя каналами обусловлено конструктивными особенностями предмета, так как во всех случаях её применения основание литника органично включено в предмет. Одним из преимуществ использования литейной системы с двумя каналами является значительное увеличение суммарной площади поперечного сечения канала, что особенно важно при изготовлении предметов сложной конфигурации. Площадь поперечного сечения литейных каналов с двумя стояками колеблется от 15,7 мм. кв. до 31 мм. кв. (19,4 мм. кв. 18 мм. кв.), с одним каналом от 9, 54 мм. кв. до 27, 9 мм. кв.

Заливка металла производилась путем свободного падения расплава в полость литейной формы через литниковую систему. В этом случае щелевидный тип литникового стояка препятствовал образованию завихрений металла, отчасти гася гидростатическое давление жидкого расплава, что предотвращало размывание полости литейной формы, но в то же время увеличивало продолжительность заливки. Длительная заливка металла может привести к преждевременному остыванию расплава и как следствие формированию недоливов (рис.3 – 12Б, 4 – 5Б, 11А), при этом для получения качественной отливки такой сложной конфигурации температурный перегрев металла должен составлять как минимум 200 градусов по С. В пользу высокого температурного режима заливки так же свидетельствуют такие литейные браки как заливки и просечки, широко представленные практически на всех элементах поясной гарнитуры (рис.2 – 1Б, 7Б, 8А, 8Б; 3 – 13, 14; 4 – 10А). В результате перегретый металл, обладая высокой жидкотекучестью заполняет мельчайшие стыки створок литейных форм и микроскопические трещины. Одной из причин широкого образования заливок послужила нетщательная подгонка створок литейной формы.

Выемка изделия и его вторичная доработка. После изготовления литейная форма разбиралась, при этом створка с оборотной стороной предмета разрушалась, так как в противном случае невозможно освободить крепежные петли пряжки. Створка с отпечатком лицевой стороны предмета могла использоваться неоднократно для тиражирования отливки. Судя по наличию идентичных элементов в орнаменте три из восьми поясных бляшек были изготовлены с использованием одной литейной формы, при этом створка с оборотной стороной предмета изготавливалась заново для каждого случая отливки (рис.3 – 7-8, 9-10, 13-14). Процедура изготовления оборотной створки формы, по всей видимости, очень близка технологии изготовления пластин-застежек из сибирской коллекции реконструированной С.И. Руденко (Руденко С.И., 1962, с.26). Для этого полость створки с отпечатком лицевой стороны предмета заполнялась мягким модельным материалом, после чего следовала описанная выше процедура формовки створки с оборотной стороной отливки.

После выемки проходила вторичная доработка изделия целью, которой является удаление литейных браков (литейных швов, заливок, шероховатостей и т.д.), а так же литниковой системы. Судя по сохранившимся следам литейные каналы, были удалены небрежно, при помощи слома с неглубокой подрезкой у самого основания (рис.2 – 9А, 9Б; 3 – 4А, 11А, 15А; 4 – 9А). Не смотря на значительное количество, литейные швы и заливки были обработаны лишь частично и при этом только по контуру предметов. Технику удаления литейных швов можно проследить на примере ременной пряжки. Обработка производилась с помощью мелкозернистого абразива под углом 40 – 45° градусов к продольной оси предмета (рис.1 – 10А). К сожалению, грубая патина на лицевой и оборотной стороне пряжки не

позволяют проследить следы вторичной доработки. Тем не менее, на свободных от патины участках поясных бляшек, как на лицевой, так и на изнаночной стороне можно проследить залощенность, которая, по всей видимости, образовалась в результате эксплуатации предмета.

Заключение. Весь комплекс предметов изготовлен с помощью пластичных восковых моделей в двухчастных двухсторонних литейных формах с «болваном». Несмотря на то, что все проанализированные предметы имеют сложную конфигурацию, что придает отливкам художественную выразительность, технология их изготовления далеко несовершенна, так как при каждой отливке неизбежно разрушалась створка формы с отпечатком оборотной стороны предмета. Тем не менее, на основании анализа поясной гарнитуры Старо-Бибеево-6 можно говорить о тиражировании ее отдельных элементов.

Исходя из анализа комплекса литых бронзовых предметов случайно обнаруженных в осыпи могильника Старо-Бибеево-6 можно говорить о единой технологической традиции изготовления предметов.

Литература

1. Амброз А.К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. – 1971. – №3. – С.106-132.
- а. Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья V – VIII вв. н.э. – Томск, 1983. – 244 с.
2. Илюшин А.И., Сулейманов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово в Кузнецкой котловине. – Новосибирск, 1992. – 128 с.
3. Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. ДЗ – 9. – М.-Л.: АН СССР, 1962. – 52 с.
4. Троицкая Т.Н. Местные пояса населения верхнеобской культуры // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул, 1996. – С.154-162.
5. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск, 1998. – 152 с.
6. Чиндина Л.А. Могильник Рекана Средней Оби. – Томск, 1977. – 192 с.

Список иллюстраций к статье Троицкой Т.Н. и Савина А.Н.

Рис.1 Поясной набор Старо-Бибеево-6: 1 – поясная пряжка с неподвижным язычком; 2-9 – накладные бляхи пояса; 10 – реконструкция пояса Старо-Бибеево-6.

Рис.2 Литейные дефекты ременной пряжки Старо-Бибеево-6: 1А, 2А, 7А – следы работы острым орудием по пластичному материалу модели; 1Б, 7Б, 8А, 8Б – заливки металла; 3А, 4А – признаки ручной формовки модельного материала; 4Б – отпечаток стыка модельной массы; 5А, 6А, 9В – литейные швы образовавшиеся при изготовлении предмета; 9А – следы удаления литникова канала; 9Б – следы подрезки литника; 10А – следы вторичной доработки отливки (удаление литейных швов с помощью абразивной обработки).

Рис.3 Литейные дефекты поясной гарнитуры Старо-Бибеево-6: 1 – 3 – поясные бляхи изготовленные с использованием одной литейной формы; 4А, 6А, 11А, 15А – следы удаления литниковой системы; 6Б, 5А, 10А, 14Б – следы работы острым орудием по пластичному материалу модели; 7А, 9А, 13А, 14А – отпечатки стыка модельной массы перешедшие на отливку; 7Б – следы неравномерного распределения пластичной массы модели; 5А – следы соединения модельной массы при формировании петель; 11Б, 12Б – недоливы металла; 11В, 15Б – признаки ручной формовки оборотной стороны модели; 12А, 16А – литейные швы; 15В – отпечаток притирания модельной массы в области крепления петли.

Рис.4 Литейные дефекты поясной гарнитуры Старо-Бибеево-6: 1 – 3 – поясные бляшки Старо-Бибеево-6; 4А – следы заглаживания пластичной массы модели; 4Б, 6Б – признаки работы острым орудием по модели; 5А, 6А, 8А – отпечаток стыка модельной массы; 5Б, 11А – недолив металла; 7А – литейные швы; 7Б, 13А – следы ручной формовки оборотной стороны модели; 8Б, 14Б – следы использования шаблона при формовке; 9А – следы примыкания литниковой системы; 10А – залив металла; 12А, 14А – следы крепления петель к модели предмета.

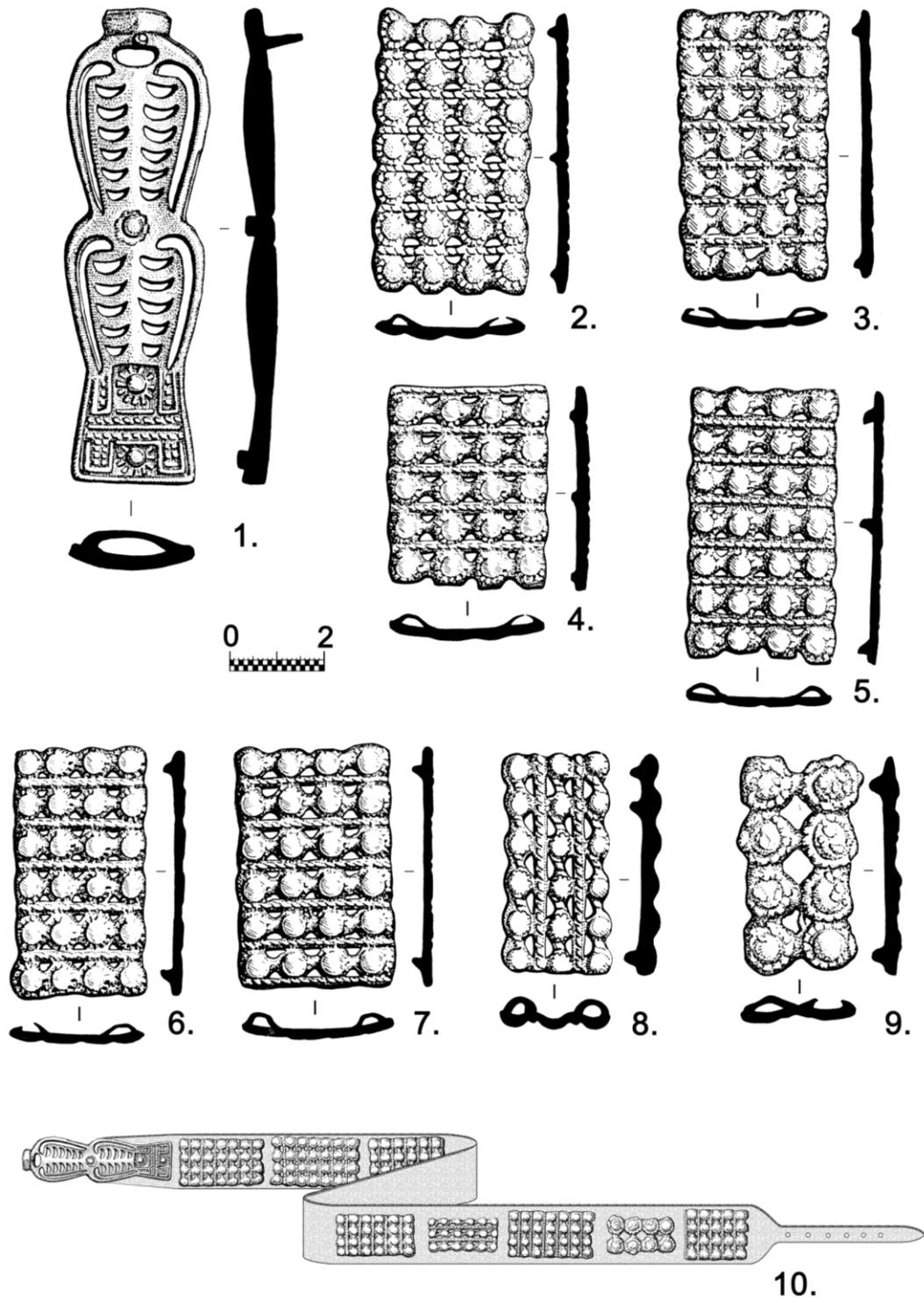

Рис.1

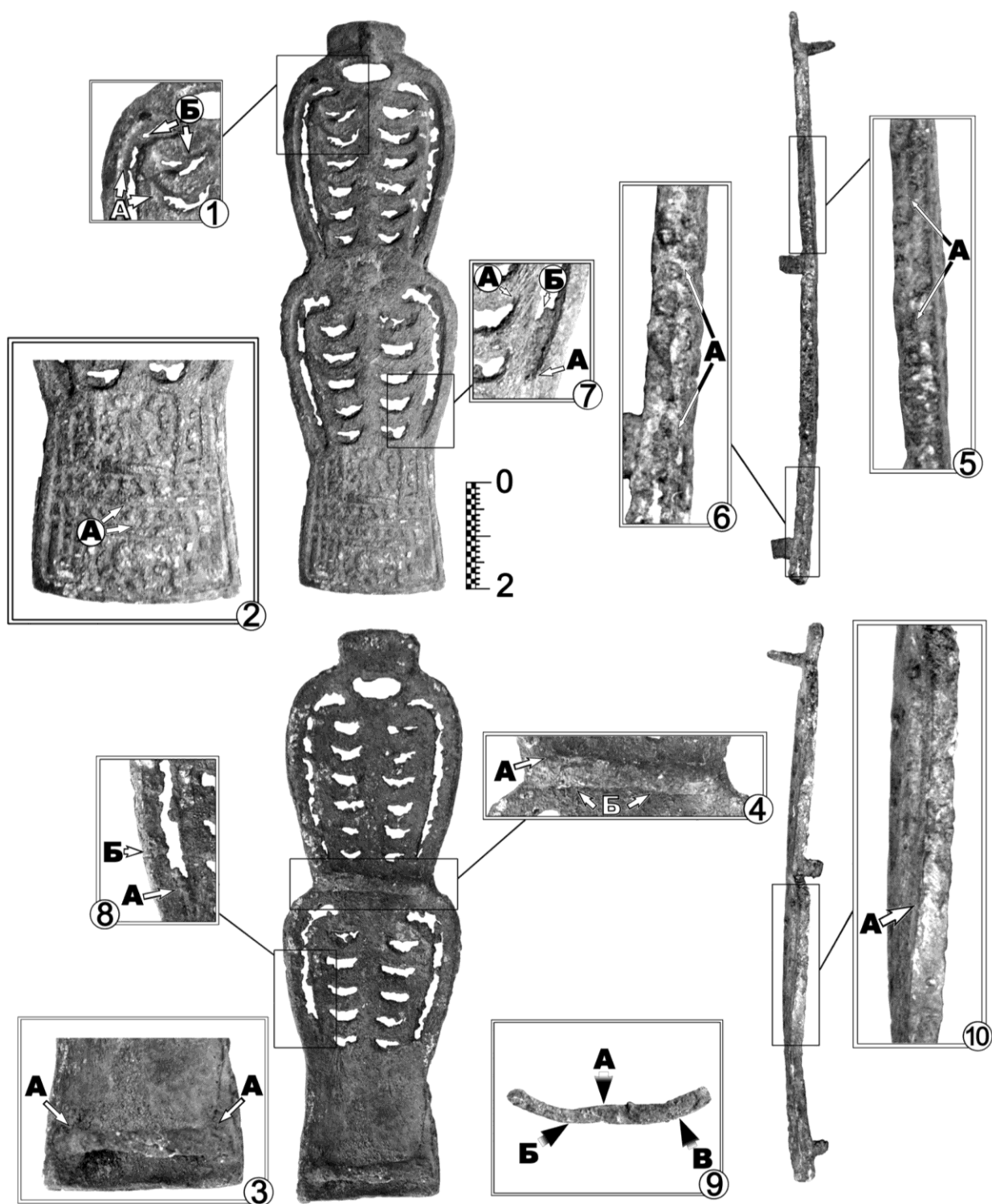

Рис.2

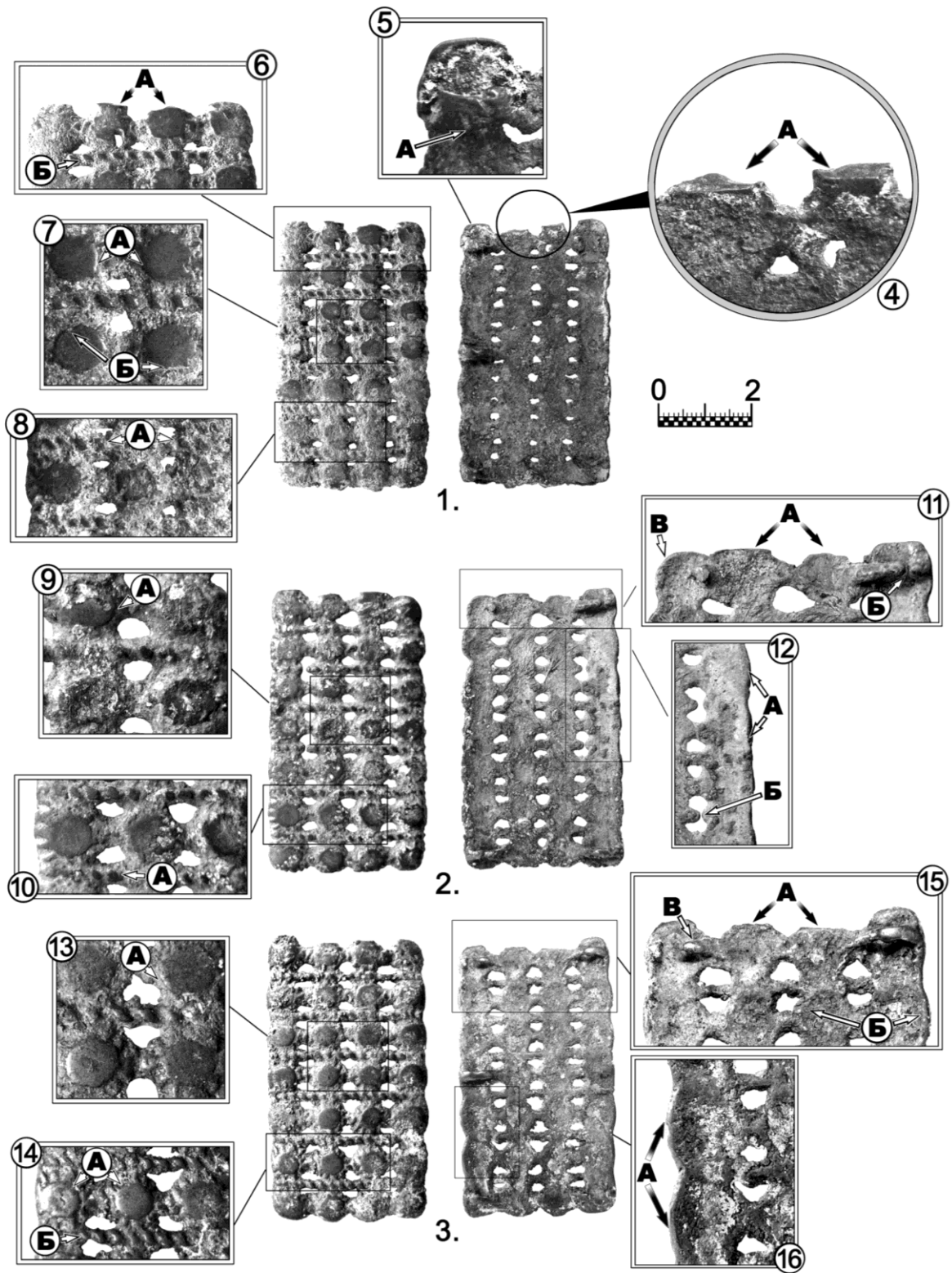

Рис.3

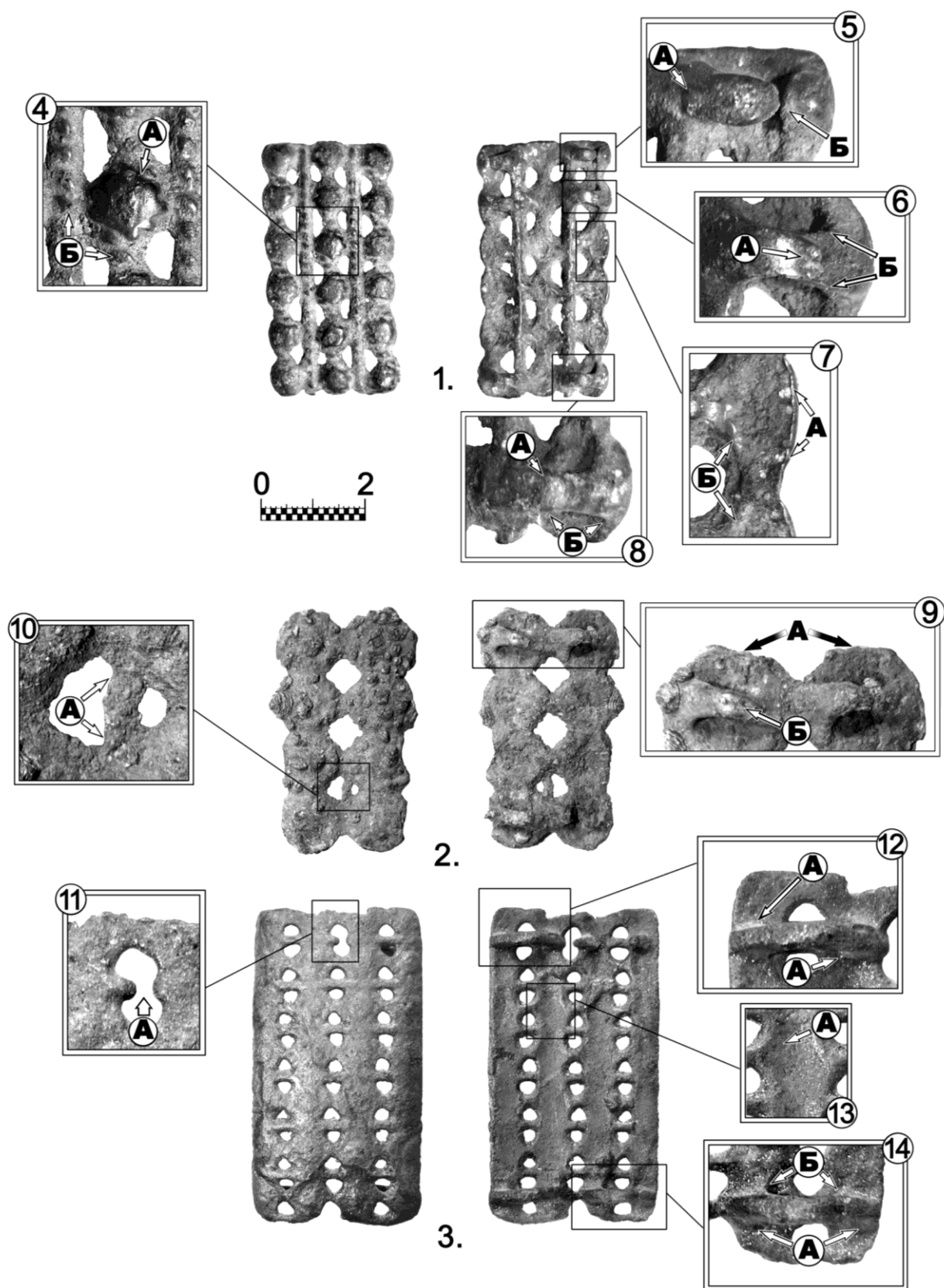

Рис.4

Кызласов И.Л.
(г.Москва)

ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ

*Чтите гостя или посла, если не можете подарками,
то пищей или питьем, они, проезжая, будут прослав-
лять человека либо добрым, либо злым по всем землям.*

Почтение Владимира Мономаха (1099 г.).

В последние годы историки культуры увлечены Великим Шёлковым путем. Учитывая его значение в истории Евразии, такое пристрастие вполне понятно. Однако в судьбе той части континента, которая зовется Россией, значительно большего внимания заслуживает Великий Сибирский путь, издревле широтно соединявший Северную Евразию. Именно вдоль него и во многом благодаря нему сложилась и крепла наша Родина.

Плотность населения на сибирских просторах в верхнем палеолите (около 30 тыс. лет назад) была выше, чем в Европе. Двигаясь вдоль ледниковых щитов, древние сибиряки оказались подлинными евразийскими первопроходцами. Как известно, пройдя на восток до последнего моря, они около 20 тысяч лет назад по Берингоморскому перешейку открыли до того пустовавшие земли обеих Америк. В верхнем палеолите большие группы людей несколькими волнами продвинулись из Сибири и на запад, в Восточную Европу, заметно обогатив культурное развитие местного населения того времени.

Евразийские связи в неолитическую эпоху известны нам мало. Но существование благоприятных условий для них сомнений не вызывает. Можно думать, что уже в то время Сибирь становится поставщиком драгоценной пушнины. Не случайно с конца V тыс. до н.э. жители Западной Сибири и Северного Казахстана для защиты своих богатств начинают возводить укрепленные поселения с деревянными стенами и рвами. Такие первогорода достигают 64-той широты, вторгаясь в хантыйские болота. Появление части из них (кошкинской и каюковской культур) исследователи связывают с воздействием неолитического населения Юго-Восточной Европы, в целом, однако, городищ не знавшего (Ивасько Л.В., 2002, с. 23, 24). Деревянные города и крепости, жилые башни и другие виды укрепленных поселений непрерывно существовали в аборигенной Сибири с неолита до XVII в. (Кызласов Л.Р., 1993а; 1999; Борзунов В.А., 2002).

В бронзовом веке складывается постоянный и единый широтный евразийский путь, связывавший в XVI-XIII вв. до н.э. долины Оки, Волги и Камы через Южный Урал и Западно-Сибирскую равнину с Саянской горной страной, степями Забайкалья, верховьями Амура и бассейном Хуанхэ. Хорошо заметный для археологов по распространению характерных изделий из восточносибирского нефрита, он получил в литературе название Великого Нефритового пути (Киселев С.В., 1951, с. 145-147; 1965, с. 52; Кызласов Л.Р., 1986, с. 27; 1993б). Вторую группу товаров, вывозимых из Южной Сибири в нерудные районы Востока и Запада, составляли слитки олова, меди и бронзы, а также оружие и орудия, отлитые из этих металлов по новой для того времени технологии. Саяно-Алтайское нагорье являлось центром столь широкого культурного явления.

Широтный путь, в целом проходивший по степи и границе лесной зоны, с момента появления колесных повозок и верхового коня приобрел определяющее значение для всей последующей истории общевразийских культурных и политических связей. Науке еще предстоит выяснить периодичность и интенсивность его действия на разных исторических этапах, определить основные трассы и ответвления, со временем все больше охватывавшие и степные, и таежные пространства. Но уже сейчас очевидно, что без учета этого пути, который, вероятно, безотносительно к эпохам можно было бы именовать Сибирским, нельзя в полной мере понять такие евразийские явления как ямно-афанасьевское сходство III тыс. до н.э., расцвет и движение древнеарийских культур II тыс. до н.э., "кимерийско"-карасукско-иньские схождения начала II тыс. до н.э., скифо-сибирское единство VI-IV вв. до н.э., подобие гунно-сарматских древностей рубежа н.э. и последующей эпохи Великого пе-

реселения народов. Во все названные времена по Сибирскому пути распространяется и воздействует на его окружение, прежде всего, самая яркая, наиболее значимая форма материальной культуры – продукция развитых металлургических и металлообрабатывающих центров (Кызласов И.Л., 1993).

В раннем и развитом средневековье эта северная трасса, наравне с южным Великим Шелковым путем, способствовала быстрому становлению и росту всех евразийских государств тюркских народов, как и распространению самой тюркизации.

В последние десятилетия археологами выявлены новые свидетельства функционирования этого пути в IX-X вв. и, наиболее интенсивно, в XI — начале XIII вв. Особая важность этого открытия для правильного понимания процессов как предмонгольского, так и последующих периодов общей истории Евразии, вполне очевидна.

Сочинение Гардизи, персидского географа XI в., помимо значительных сведений о южносибирской Древнехакасской державе, приводит легенду о происхождении ее правящего рода хыргызы. Предание позволяет проследить основной ход торгового пути, соединявшего Саяно-Алтай и Восточную Европу: земля славян — хазар — башкир — кимаков — земля хыргызов, т.е. Приднепровье — Поволжье — Южное Приуралье — Среднее Прииртышье — долины Енисея (Кызласов Л.Р., 1984а; 1987).

Эта дорога (далее на запад уходившая к франкам, а на восток — в Монголию и Китай) была известна средневековым хакасам уже в IX-X вв. На то указывают находки бронзовых изделий тюхтятской культуры на Среднем Иртыше (служащем дорогой на запад: см. памятники усть-ишимской культуры – Кызласов Л.Р., 1984б, с. 122; Могильников В.А., 1987, карта 38, табл. LXXXI, 15), на Южном Урале, на Днепре (Кызласов Л.Р., 1984б, с. 117; Кызласов Л.Р., Король Г.Г., 1990, с. 172, рис. 64) и в устье Дона (Король Г.Г., Конькова Л.В., 2004)¹. Древнехакасское воздействие на Запад достигло тогда и крайнего севера Европы, уже к X в. породив серию «скандинаво-сибирских гибридов» (Седова М.В., 1981, с. 45, рис. 13, 1; Михайлов К.А., 1997). Эти данные позволяют считать древнехакасскими и те характерные подкурганые захоронения-трупосожжения IX-X вв., которые обнаружены в устье Ишима (Кызласов Л.Р., 1984б, с. 122, 123) и на Южном Урале (где они получили наименование памятников селенташского типа).

Знакомство средневековых хакасов с Восточной Европой переросло в активное и постоянное общение на стадии аскизской археологической культуры. Украшенные серебром и золотом железные изделия, изготовленные на Енисее в конце X — начале XIII вв., свидетельствуют о систематическом пребывании на Русь саяно-алтайских посольских и торговых экспедиций. Аскизские предметы этого времени ныне найдены при раскопках 10 древнерусских городов и селищ: на Кубенском озере (селище Минино I)² в бассейне Северной Двины, в Великом Новгороде на Волхове, в детинце Новогрудка на Немане, в Смоленске в верховьях Днепра, в детинце летописного Болдыжа (городище Слободка) на р. Навля в бассейне Десны, в Серенске на Оке, летописном Снепороде (городище Мацковцы) на р. Суле, на Семилукском городище на Дону, на Лавском селище и у с. Нижний Воргол близ Ельца. Для полноты картины укажу и на сбруйный набор древнехакасской работы, найденный в постройке второй половины XIII в. на городище-святилище Звенигород на р. Збруч в Прикарпатье (Кызласов И.Л., 1996; 1997). И хотя вполне очевидна неполнота этих данных, уже сегодня ясно, что древнехакасские изделия найдены по всей территории Руси, а их расположение определяет цель таких поездок — несомненна их связь с важнейшими торговыми путями и центрами региона.

Подобно Руси, аскизские изделия встречены в домонгольских пластах конца XI-XII в. и второй половины XII — первой трети XIII в. на памятниках всей государственной территории Волжской Болгарии — вплоть до южного Муромского городка на Самарской Луке. Количество находок археологи исчисляют уже сотнями, а число памятников, где они сделаны, десятками (Руденко К.А., 2001). На севере древнехакасские караваны достигали Пермского Предуралья. Предметы всаднического снаряжения аскизской культуры найдены на Рождественском городище. Сообщается об аскизских находках также на четырех других городищах: Соломатовском, Городищенском, Анюшкар, Телячий Брод (Белавин А.М., 2003,

¹ Алтайские аналогии, создавшие для авторов этой работы «проблемы атрибуции, датировки и интерпретации», на деле являются прямым следствием воздействия древнехакасской тюхтятской археологической культуры середины IX – конца X вв. на иные культуры Саяно-Алтая и Южной Сибири.

² Сведения И.Е. Зайцевой (ИА РАН).

с. 138-139). Показательно, что южносибирские древности концентрируются в местах прохождения и пересечения торговых путей, на лучших переправах при впадении Камы в Волгу и на дороге из города Болгара в Киев (Золотаревское поселение) (Белорыбкин Г.Н., 2001).

В Поволжско-Приуральских землях положение древнехакасских землепроходцев заметно отличается от того, которое возможно представить ныне по немногочисленным пока подобным находкам на Руси. В Поволжье и Прикамье существовали постоянные древнехакасские торговые фактории, имевшие непрерывную связь с южносибирской митрополией. На это указывают как большое количество древнехакасских находок и их связь с городскими и торговыми центрами и путями Поволжско-Уральского региона, так и их принадлежность к нескольким сменявшим друг друга этапам внутреннего развития этой саяно-алтайской культуры с XI до начала XIII в. (Кызласов И.Л., 2001). Непрерывная деятельность этих факторий объясняет появление особой моды на древнехакасские изделия, распространившейся среди волжских болгар, средневековых удмуртов, марийцев и мордвы. В XI-XII вв. у всех них возникли и широко распространились местные подражания аскизским формам. Другим направлением воздействия на Европу явилось, насколько можно судить, клинковое оружие (Кызласов И.Л., 2003).

Теперь, я думаю, становится понятным устойчивое указание арабских и персидских авторов X в. (ал-Истахри, Ибн Хаукаля, Худуд ал-Алам) на то, что Итиль «берет начало близ (земли) хырхызов», «вытекает от границы хырхызов» или «вытекает из области Хырхыз» (Кызласов Л.Р., 1984б, с. 118). Географы Среднего Востока, как известно, верхним течением Волги считали Каму, а ее истоки искали далеко на востоке не потому, что путали их с верховьями Иртыша, как ныне утверждают некоторые исследователи (Коновалова И.Г., 2000, с. 130). Поскольку древнехакасские караваны, постоянно прибывающие в Поволжье, спускались туда по Каме, у посторонних наблюдателей создалось впечатление о размещении ее верховий в пределах Древнехакасской державы, называемой по ее Хырхызской династии.

Следует также сказать, что появление на культурном пространстве Восточной Европы посланцев новой, богатой рудными залежами мировой державы не случайно совпадает с начавшемся на западе Евразии серебряным кризисом.

Евразийское значение аскизской культуры Древнехакасского государства в трагическое монгольское время выразилось в том, что она оказалась одним из элементов формирования государственного стиля империи Чингизидов (Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т., 2001). В предшествующее время, в IX-X вв., подобное произошло уже не только со сросскинской и иными южносибирскими культурами, но и с официальным стилем киданьской империи Ляо, сложившимся под явным воздействием тюхтятской культуры древних хакасов³. Художественные особенности, присущие древнехакасским изделиям каменного этапа аскизской культуры оказали прямое воздействие на оформление сбруи центральноазиатских, казахстанских и европейских кыпчаков золотоордынского периода (Кызласов И.Л., 1980; 1987; Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т., 2001).

Археологические данные подтверждают свидетельства ряда арабо-, персо- и китаеязычных источников, отмечающих большую роль международной торговли в жизни Древнехакасского государства, в том числе оказываемую ей там официальную поддержку (Кызласов Л.Р., 1984, с. 112-115). Движение по Сибирскому пути было двухсторонним. Арабские авторы сообщают, что купцы Волжской Болгарии достигали р. Чулыма, т.е. пределов Древнехакасского государства (Кызласов Л.Р., 1984б, с. 121). На Сибирском торговом пути встречены западноевропейские вещи: лотарингская бронзовая дарохранительница начала XIII в. и меч с латинской надписью последних годов XII — первой четверти XIII в. (Кызласов Л.Р., 1984б, с. 120, 122). В бассейнах Иртыша и Оби во множестве известны привозные приуральские, волжскоболгарские и древнерусские предметы (последние поступали не только из Новгородской, но и из Владимиро-Суздальской земли). Эти данные уже вошли в обобщающие работы сибиреведов (Могильников В.А., 1987, с. 214-216, 235, карта 41, табл. XCII) и учебные пособия сибирских вузов (Троицкая Т.Н., Новиков А.В., 2004, с. 119). Характерные бронзовые изделия поволжско-уральских финно-угорских народов распростра-

³ Эта культурная особенность показана серией работ Г.В. Длужневской (ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН) (список их см.: Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В., 1998, с. 80, 81), недооценившей, однако, закономерности исторического развития региона и потому придавшей воздействию импульсу обратное направление.

нялись до Енисея. Они отложились в коллекциях Минусинского музея и музея Томского университета.

Раннесредневековые евразийские связи и особая роль в них Древнехакасского государства, Волжской Болгарии и Руси — новая тема в нашей медиевистике. Важно осознавать: слава о камских, волжских, днепровских, неманских и волховских торжищах в XI-XII вв. достигала берегов Енисея, а саяно-алтайские посольства приносили в Европу сведения о сибирских пространствах и их богатствах.

Эти знания, полученные на Руси за 5 веков до Ермака и за 200 лет до вхождения Восточной Европы в состав улусов Золотой Орды, во многом определили ход евразийской истории в последующий период. Не от тесноты Западной Европы и малой населенности уральской тайги двинулось на Восток сбросившее оковы Московское царство — давние знания о богатствах сибирского края позволили ему в выгодной геополитической ситуации избрать именно это направление. В конце XVI и в XVII вв. основное продвижение казаков обеспечивалось местными сибирскими проводниками, а первоначальные остроги нередко ставились с добровольной строительной помощью аборигенных жителей (Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г., 1993, с. 177). Ими же, как известно, поставлялось русским землепроходцам не только продовольствие, но зачастую и первое семенное зерно. Ранние границы нового административного членения Сибири воспроизводили рубежи предшествующих местных держав. На этом обстоятельстве стоит остановиться подробнее.

Сибирь поначалу воспринималась Русским царством как отдельная страна (именно в соответствии с этими взглядами составлялась Есиповская летопись, построение которой отличается от прочих летописей внутренних районов государства). И, поскольку столицей этой Восточной страны (как она именовалась русскими издревле) считался Искер (Сибирь, Кашлык), совершенно ясно, что под Сибирью в XVI в. и в начале XVII в. в России понимаются лишь владения Тайбугидов и Шейбанида Кучума в Западной Сибири, на востоке ограниченные Обью. Присоединив эту страну, правительство по-особому, не так как в других русских областях, организовало и управление ею. В Сибири был создан самостоятельный административный центр, главенствующий над прочими уездами и контролирующей деятельность местных воевод. Таким городом стал Тобольск — прямой преемник прежней столицы Кучума, осознанно выстроенный неподалеку от нее. Не случайно и то, что первые воеводы Тобольска состояли в родстве с русским царским домом, здесь же была создана и архиепископская кафедра (Ромодановская Е.К., 2002, с. 100).

Местоположения сибирских острогов обычно объясняются в отечественной литературе двумя обстоятельствами: земледельческим освоением края и защитой от военной угрозы. Первая причина вряд ли может быть серьезно воспринята для таких русских городов как Мангазей, Енисейск или Якутск, поставленных в таежных дебрях. Целью здесь была добыча пушны и, конечно же, закрепление на путях дальнейшего продвижения на восток (т.е. вторая причина заключена в первоначальном назначении острогов — опорных пунктов расширения подвластных земель, а не центров защиты еще не сложившихся границ). Третья причина немедленно проявилась с началом борьбы русских отрядов со следующей за Кучумовой Сибирью восточной страной — Древнехакасским государством («Киргизской землицей» русских документов). Уже в конце XVII в. на его землях, еще чужих для Русской державы (их присоединение произойдет только в 1718 г.), начали возводить крепости на серебряных рудниках (Каштацкий острог), как это было и на Оби (Умревинский острог). Те же причины привели к созданию Аргунского и Шилкинского острогов в Восточной Сибири (Бородовский А.П., 2003).

Возвращаясь к организации сбора ясака русским правительством, нельзя не заметить, что многие остроги были сооружены на вековых местах традиционного сбора дани. Так, при анализе письменных и археологических источников выясняется, что Томский (1604 г.), Красноярский (1628 г.) и Абаканский (1707 г.) остроги наследовали податным центрам Древнехакасского государства не только развитого, но и раннего средневековья, а его правители-хыргызы, в свою очередь (судя по концентрации находок тагарских изделий в тайге), восприняли систему сбора ясака еще от динлинов раннего железного века. В начале XVIII в. маньчжурский двор Цинь, вслед за монгольскими Алтын-ханами претендуя на сбор дани с правого берега Среднего Енисея, затеял долгую дипломатическую тяжбу из-за возведенного русскими Абаканского острога. Заявления претендентов и дипломатическая переписка в полной мере раскрывают давнее административное значение этого места и, косвенно, Красноярска (Кызласов Л.Р., 1994, с. 76-79).

Однако даже в период государственного противостояния Сибирский путь продолжал действовать. Через хакасские земли и с хакасами-проводниками (иногда это были князья) проходили в Монголию и Китай русские посольства XVII в. (В. Тюменца и И. Петрова в 1616 г., С. Гречанина и Б. Карташова в 1636 г., В. Старкова и С. Неверова в 1638 г. и т.п.), а в Москву двигались монгольские (в 1616, 1619 гг. и др.). Лишь в период открытых военных действий прямой путь был им всем заказан (как И. Белоголову в 1609 г.). Тогда русским посланцам в Центральную Азию приходилось обходить Хакасию по ее северной границе (так ехал Н.Г. Спафарий Милеску в 1675 г.) (Кызласов Л.Р., 1962, с. 43-45; Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г., 1993, с. 173, 174, 179-181).

Как видим, процессу продвижения России на Восток и быстрому присоединению к ней Сибири в немалой степени способствовал налаженный общеевразийский Сибирский путь, искони соединявший взаимодействующие народы. До известной степени именно он замечен теперь проходящей в Китай Транссибирской железнодорожной магистралью.

Здесь дан обзор только основных широтно направленных культурных и политических связей, закономерно объединявших народы Евразии от древнейших до новых времен. Особенно важно, что эти сношения происходили вопреки естественной транспортной сети. Пути, проходившие вдоль евразийского пространства, почти повсеместно шли поперек течения главных рек материка. Меридиональные связи с цивилизациями далекого Юга на тех же просторах Восточной Европы (путь из варяг в греки или волжский путь) или пространствах Западной Сибири были столь же исконными, постоянными и естественными. Их существованию благоприятствовало направление рек и долин. Однако, как представляется, они охватывали отдельные полосы Евразии и только при использовании налаженных широтных путей приобретали общий континентальный характер.

Быть может, история особенно ярко показала эту закономерность, когда Московское царство, распространившись вдоль меридиональных речных путей от Белого и Баренцева до Каспийского и Черного морей, выстроила свое политическое движение вдоль широтного Великого Сибирского пути. Сложение и развитие Киевской Руси определил путь Днепровский, рост Московской Руси – Волжский путь, для России же таким судьбоносным стал Великий Сибирский путь. Он оказался тем становым хребтом, который создал и до сих пор удерживает богатырское тело России. Был и останется евразийскими весами ее истории.

Литература

1. Грач А.Д., Савинов Д.Г., Длужневская Г.В. Енисейские кыргызы в Центре Тувы (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). – М., 1998. – 84 с.
2. Белавин А.М. Аскизские предметы в Пермском Предуралье // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. – Пермь, 2003. – С. 138-139.
3. Белорыбкин Г.Н. Золотаревское поселение. – СПб., 2001. – 197 с.
4. Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // Российская археология. – 2002. – №3. – С. 79-96.
5. Бородовский А.П. Поиски серебра в Сибири и возведение русских острогов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX. – Ч. II. – С. 25-29.
6. Горелик М.В., Ковпаненко Г.Т. Погребение знатного латника у западных границ Золотой Орды // Археология Поволжья. – Пенза, 2001 – С. 154-164.
7. Ивасько Л.В. Укрепленное поселение каменного века Каюково 2 // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. – Екатеринбург, 2002. – С. 7-25.
8. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – 642 с.
9. Киселев С.В. Бронзовый век СССР // Новое в советской археологии. – М., 1965. – С.17-60.
10. Коновалова И.Г. Пути сообщения в Восточной Европе по данным средневековых арабско-персидских авторов // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. – М., 2000. – С. 72-77.
11. Король Г.Г., Конькова Л.В. Средневековые ременные украшения из коллекции ГИМ (проблемы атрибуции, датировки и интерпретации) // Российская археология. – 2004. – №4. – С. 126-133.
12. Кызласов И.Л. Кыпчаки и восстания енисейских племен в XIII в. // Советская археология. – 1980. – №2. – С. 80-93.

13. Кызласов И.Л. Изменения в материальной культуре кыпчаков в XIII-XIV вв. в связи с политическим положением в Азии // Смены культур и миграции в Западной Сибири. – Томск, 1987. – С. 103-105.
14. Кызласов И.Л. О единстве культур степной зоны Евразии // КСИА. – М., 1993. – №207. – С. 35-36.
15. Кызласов И.Л. Сибирские землепроходцы на Руси // Горный Алтай и Россия: 240 лет. – Горно-Алтайск, 1996. – С. 60-64, форзац.
16. Кызласов И.Л. Следы пребывания древних хакасов в городах Руси XI-XIII вв. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. – СПб.-Псков, 1997. – Т. 1. – С. 380-386.
17. Кызласов И.Л. Аскизская культура Южной Сибири и ее древности в Восточной Европе // К.А. Руденко. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань, 2001. – С. 6-10.
18. Кызласов И.Л. Связи Южной Сибири с Восточной Европой. Мечи домонгольской поры // Археология восточноевропейской лесостепи. – Пенза, 2003. – С. 456-477.
19. Кызласов Л.Р. Начало сибирской археологии // Историко-археологический сборник. – М., 1962. – С. 43-52.
20. Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск, 1984а. – С.111-118.
21. Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. – М., 1984б. – 167 с.
22. Кызласов Л.Р. Бронзовый век Сибири // МГУ. Учебные программы. Археология. – М., 1986. – С. 27-30.
23. Кызласов Л.Р. Торговые пути и связи древнехакасского государства с Западной Сибирью и Восточной Европой // Прошлое Средней Азии. – Душанбе, 1987. – С. 79-86.
24. Кызласов Л.Р. Земля Сибирская. Абакан. – М., 1994. – 94 с.
25. Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. – М., 1993а. – 134 с.
26. Кызласов Л.Р. Проблемы археологии Сибири эпохи металла // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1993б. – №1. – С. 77-82.
27. Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1999. – №3. – С. 96-129
28. Кызласов Л.Р., Копкоев К.Г. Хакасия в XVII – начале XVIII в. // История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М., 1993. – С. 135-195.
29. Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М., 1990. – 216 с.
30. Михайлов К.А. Центральноеазиатские ремесленные украшения в материалах древнерусских памятников X века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. – Новгород, 1997. – С. 251-260.
31. Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР. Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М., 1987. – С. 163-235.
32. Ромодановская Е.К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы) // Избранные труды. Сибирь и литература. XVII век. – Новосибирск, 2002. – 390 с.
33. Руденко К.А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI-XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье. Исследование и каталог. – Казань, 2001. – 255 с.
34. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). – М., 1981. – 195 с.
35. Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Археология Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск, 2004. – 139 с.

Ширин Ю.В.
(г. Новокузнецк)

ПОСЕЛЕНИЕ КУЗНЕЦКИХ ТАТАР БАРСАЯТСКОЙ ВОЛОСТИ XVIII В.

К середине XIX в. жилища лесостепных групп шорцев (кузнецких татар барсаятской, тагапской и ряда иных волостей) под русским влиянием утратили прежнюю этническую специфику, которую отчасти зафиксировали академические экспедиции XVIII в. В этнографической литературе XX в., при характеристике традиционных типов жилищ

шорцев, речь уже идет только о постройках горно-таежного населения (Кимеев В.М., Притчин А.В., 1991). Это делает актуальным археологическое изучение поселенческих памятников лесостепных этно-территориальных групп кузнецких татар, относящихся к XVII-XVIII вв. Один из таких памятников был нами исследован в бассейне р. Кондомы, в 1 км к северу от с. Кузедеево Новокузнецкого района Кемеровской области – поселение Тёш-5 (рис. 1 – 1).

Поселение было выявлено по подквадратным обваловкам пяти объектов, возвышающимся на 0,3 м над поверхностью пойменного луга. Объекты располагались цепочкой вдоль рч. Бачалачиха, левого притока р. Тёш, на расстоянии 8-10 м от руслового каньона ручья. Жилища составляли компактную группу, кроме одного, размещенного в 60 м к юго-западу, ближе к устью ручья. Берег рч. Бачалачиха, на котором располагались объекты, превышает широкую заболоченную долину р. Тёш всего на 1 м. С северо-востока поселение прикрыто высоким увалом.

Интересно, что поселение Тёш-5 было хорошо известно старожилам с. Кузедеево, у которых в этой связи бытовал вариант общесибирского легендарного предания о «чуди», которая сама себя похоронила, подрубив опорные столбы крыш своих землянок.

В ходе археологических раскопок на поселении Тёш-5, проводимых автором в 1997, 2003 гг., были исследованы 5 жилищ и прилегающая незначительная площадь межжилищного пространства.

Жилище-1 (нумерация дана по линии В-3) подквадратной формы (обваловка 5x5 м). Его осевая линия может быть условно ориентирована на СЗ, хотя вход конструктивно не выделен. В центре жилища, с небольшим смещением к юго-восточной стене, располагался наземный очаг прямоугольной формы 80x50 см (мощность прокала 10 см). Среди прокаленного грунта заполнения очага расчищены обломки глиняного слабообожженного конуса. Диаметр основания конуса около 10 см. У северо-восточной стены жилища найдено пятно с прослойкой древесного угля, куча железных шлаков (56 кусков) и фрагменты воздушодувного сопла. Длина сопла 9,5 см, внешний диаметр трубки 4,5 см, внутренний диаметр 2 см. Кончик сопла оплавлен и ошлакован. В стенку печи он вставлялся на 6,5 см. На противоположном конце сопла есть раструб диаметром 8 см, который, видимо, облегчал крепление мехов (рис. 2 – 3). К ЮЗ от очага найден осколок кремневой гальки (рис. 3 – 4), который использовался для высекания огня. Здесь же расчищено скопление расколотых костей животных (12 обломков). Вокруг очага прослежена прослойка утоптанного пола. Судя по этим следам, вход в жилище мог быть в юго-восточной стене.

Жилище-2 подквадратной формы (обваловка 5x5 м) (рис. 1 – 2). Вход обращен на ЮВ, он фиксировался по разрыву в обваловке. По центральной оси жилища, ближе к юго-восточной стене, находился слабо углубленный земляной очаг 85x50 см, заполненный золой. К ЮЗ от очага собрано много колотых костей животных (пищевые отходы). В центре жилища, найдены: галечное грузило для сети (рис. 3 – 6); плоская железная пластинка 57x23x2 мм с округлым расширением в средней части и крепёжными отверстиями на концах (рис. 4 – 8); развал лепного горшка без орнамента. Горшок был плоскодонный, с короткой шейкой и слегка вывернутым наружу уплощенным венчиком (рис. 4 – 2). Внешний диаметр устья 19 см. Объем горшка более 5 л, на его стенках внутри и снаружи есть нагар.

У северо-западной стены жилища-2 располагалась железоплавильная печь, характеристика которой уже была дана в одной из наших публикаций (Ширин Ю.В., 1999). Для полноты изложения приведем её основные параметры. При устройстве земляной части печи в полу жилища была выкопана овальная яма 60x50 см, глубиной 20 см. Она была выстлана берестой. Первый слой бересты присыпали глиной, затем уложили второй слой бересты. Его также присыпали глиной, оставив углубление для печи диаметром 32 см и глубиной 10-12 см (рис. 2 – 2). Вероятно, береста служила для изоляции ямы от близких грунтовых вод. Хотя почва вокруг ямы была сильно прокалена, изолирующая береста лишь слегка обуглилась. Из заполнения ямы, состоящего из прокаленной почвы и мелких кусочков железного шлака, были извлечены обломки верхней глиняной конструкции печи. По уцелевшим фрагментам, ее удалось восстановить практически полностью. Верхняя, съёмная часть печи представляла собой глиняную трубу высотой 33-35 см, в форме усеченного конуса. Её нижний диаметр — 32 см, то есть соответствовал размеру печной ямы, а верхний диаметр — 10 см (рис. 2 – 1). Толщина стенки трубы у основания — 2,5 см, а у загрузочного отверстия — 1 см. Размыкая окружность основания, в стенке трубы сделано отверстие в виде арки (высотой 12 см и шириной 14 см) для извлечения крицы и шлака. По

бокам этого вспомогательного отверстия есть фигурные бортики высотой до 4 см. Среди обломков печи найдены фрагменты плоской глиняной дверки-пробки толщиной до 3 см (рис. 2 – 4), хорошо притертой к арочному отверстию трубы. Перпендикулярно арке, слева от неё, в стенку трубы, на 3 см выше основания, через отверстие диаметром около 5 см вставлялось воздуходувное сопло. В жилище-2 найдены обломки не менее трех сопел, аналогичных соплу из жилища-1. Все они были изготовлены из белой, видимо, огнеупорной глины, но их кончики, вставляемые в печь, сильно оплавлены. Размеры сопел: длина — 12 см, внешний диаметр — около 4,5 см, внутренний — 2-2,5 см.

Возле железоплавильной печи, в северном углу и у северо-восточной стены жилища-2, найдены прослойки древесного угля, куски железного шлака и сильно коррозированный железный стержень 40х3,5х3,5 мм (рис. 3 – 10). У входа лежал гранитный валун 40х35х20 см со следами проковки железа.

Жилище-3 подквадратной формы (обваловка 5х5 м). Вход, судя по разрыву в контуре обваловки, мог быть обращен на ЮВ. Очаг был устроен в центре жилища в виде мелкой прямоугольной ямы 80х55 см (мощность прокала 10 см). В его заполнении найдены куски прокаленной глины и обломки монолитного глиняного конуса. Диаметр основания конуса 10,5 см, высота конуса более 13 см (рис. 2 – 5). К Ю-ЮЗ от очага найдены: скопление костей (более 60 обломков, в том числе черепов грызунов); железная пластинка 68х50х1 мм с фигурным краем (рис. 4 – 6); игла с ушком из плоского железного стержня 140х7х2,5 мм (рис. 4 – 7); обломок железного стержня 26х3х3 мм (рис. 4 – 9); кресальный кремь (рис. 3 – 3); железная руда (2 куска). У северо-восточной стены жилища-3 на уровне пола найдены: фрагмент воздуходувного сопла; блюдцеобразные шлаки диаметром 8 см (2 куска); брусок песчаника 16х5х3,5 см, который использовался в качестве точила (рис. 3 – 5); фрагменты стенок двух лепных глиняных сосудов без орнамента (рис. 4 – 4).

Жилища 1-3 располагались в ряд на расстоянии 2-3 м друг от друга.

Жилище-4 подквадратной формы (обваловка 4,5х4,5 м) (рис. 1 – 3). Оно располагалось в 15 м к ЮЗ от жилища-3. Вход не прослежен. В центре жилища, с небольшим смещением к восточной стенке, располагался очаг в виде ямы овальной формы 85х60 см, открытый широкой стороной на запад. Глубина очажной ямы, точнее, высота стенки противоположной зеву очага — 12-15 см. Уровень пола жилища перед зевом очага выведен на уровень его дна. Дно очага представляет собой спекшуюся зольно-глинистую площадку мощностью до 5 см. На приподнятом участке пола, к В от очага, лежали развалы двух горшков без орнамента (один лепной, другой изготовлен на ручном гончарном круге). Объем гончарного горшка около 3,5 л, а лепного около 1 л. Гончарный горшок толстостенный (0,8 см) с короткой шейкой и скругленным обрезом венчика. В тесте примесь крупнозернистого песка. Диаметр устья 15 см (рис. 4 – 3). У лепного горшка более тонкие стенки (0,4 см), уплощенное дно, короткая шейка с наклоном во внутрь и горизонтальный срез венчика. Диаметр устья 10 см. В тесте примесь песка (рис. 4 – 5). К ЮВ от очага найдено скопление расколотых костей животных (6 обломков), а в северной части жилища-4 найдены обломки зернотерок. Самый крупный из них 16,5х15х3,5 см, с многочисленными продольными насечками — от верхней плиты (рис. 3 – 1). Здесь же найден 1 кусок железного шлака.

Жилище-5 подквадратной формы (обваловка 4,5х4,5 м). Оно располагалось в 60 м к юго-западу от жилища-4. Вход, возможно, был обращен на ЮВ. Очаг устроен ближе к юго-западной стенке. Он был в виде обмазанного глиной овального углубления 80х65 см, открытого широкой стороной на СВ. Уровень пола перед зевом очага, так же, как в жилище-4, выведен на уровень дна очага. Высота стенки противоположной зеву очага — 15 см. Возле северо-восточной стены жилища найдены фрагменты лепного горшка без орнамента, расколотые кости животных (6 обломков), осколок кремня с забитыми гранями (рис. 3 – 2) и обломок зернотерки. Горшок имел короткую шейку и уплощенный горизонтальный срез венчика. Диаметр устья около 19 см, что соответствует объему сосуда около 5 л (рис. 4 – 1).

Исследованные на поселении Тёш-5 жилища были конструктивно сходны. Судя по всему, они представляли собой шатровые наземные постройки, сходные с жилищами типа «одаг», описанными у горно-таежных шорцев (Кимеев В.М., Притчин А.В., 1991, с. 18; рис. 2), но не тождественные им. В частности, следов опорных столбовых конструкций при зачистке уровня пола в жилищах на поселении Тёш-5 не прослежено. Возможно, опоры не были углублены или у жилищ была самонесущая рама. Стены могли быть сделаны из наклонно поставленных горбылей, жердей и плах, укрытых корьём. Перед сооружением жи-

лищ, на их площади был снят дерн. Видимо, в дальнейшем он был использован для утепления стен. Сходные приемы домостроительства отмечены на археологических памятниках лесостепных и предгорных районов Кузнецкой котловины, по крайней мере, с начала I тыс. н.э.

Не смотря на внешнее сходство остатков жилищ, исследованных на поселении Тёш-5, их можно разделить на две группы. Восточная группа жилищ (1-3), в отличие от западной (4, 5), имеет немного более крупные размеры. Жилища 1-3 на площади поселения выделяются и планиграфически. У каждой из групп жилищ различаются очажные конструкции, а также функциональное зонирование их внутреннего пространства (интерьер) (рис. 1 – 2-3). Косвенным признаком последнего является разница в расположении скоплений мусора на площади исследованных объектов.

Судя по однотипной керамике и сопутствующим материалам, обе группы жилищ на поселение Тёш-5 существовали одновременно. Они могут быть датированы второй половиной XVIII в. В частности, гончарный сосуд, найденный в жилище-4, обладает технологическими и морфологическими особенностями, характерными именно для керамики сельских памятников Кузнецкого уезда второй половины XVIII в. (Ширин Ю.В., 2003).

В окрестностях с. Кузедеево в XVIII в. была локализована Барсаятская волость. В описи к карте, составленной в 1745 г. инженер-капитаном С. Плаутиным, сказано: «От города Кузнецка по тракту Кузнецкого ведомства 1-я татарская волость Барсаятская, лежит по обеим сторонам р. Кондомы. Татары дают ясак, а алман нет. Земля добрая, к хлебопашеству и скотоводству удобная. Из скота имеют только лошадей, а другого скота нет. Лесов — сосна, береза, пихта и прочий черный лес. Сеют оные татары там хлеб только яровой: ячмень, пшеницу, рожь, ярицу, но не довольно. Больше они промыслы имеют звериный, нежели к хлебопашеству, а хлеб озимый и яровой сеять можно, а они больше хлеб покупают у крестьян Кузнецкого уезда. Расстоянием от Кузнецка в 68 верстах. 37 человек м. п. платят ясак, кроме малолетних».

Наличие на исследованном нами поселении Тёш-5 двух групп жилищ, с различиями в интерьере, вероятнее всего, следует связывать с совместным проживанием носителей двух этнокультурных традиций. К сожалению, отсутствие сравнительного материала пока не позволяет утверждать это определенно. Но смешанное расселение в улусах кузнецких волостей представителей, по крайней мере, двух этно-территориальных групп кузнецких татар было обычным явлением. Также пока нет возможности предложить уверенную этническую атрибуцию выявленных домостроительных традиций.

Один из улусов на территории Барсаятской волости, и именно вблизи с. Кузедеева, посетили в 1734 г. Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин, для ознакомления с местным кустарным производством железа. Вот как И.Г. Гмелин описывает процесс варки железа, который был продемонстрирован членам академической экспедиции в этом улусе: «Наконец, нас пригласили в одну юрту... В этой же юрте живут и люди... Яма, которая имеется во всех татарских юртах на месте очага, составляет часть плавильной печи. Глиняное сооружение, дно которого имеет одинаковый поперечник с выкопанной в земле ямой..., кверху сужается, и верхний поперечник на расстоянии фута от пола не превышает полутора дюймов; все это составляет, вместе с ямой плавильную печь. Впереди имеется отверстие, которое замуровывается во время плавки, а сбоку есть другое, в которое вставляется два меха. Вся работа производится двумя татарами; один подносит попеременно уголь и руду, причем руды он брал на закладку не более того количества, которое умещается на кончике ножа, руда употреблялась в мелко измельченном виде. Таким способом он заполнял печь, а другой парень в это время дул двумя мехами. Как только уголь садится, приносится новая порция руды и угля, и вся эта процедура повторяется до тех пор, пока не будет высыпано в печь около трех фунтов руды — количество, какое печь может вместить за раз. После того как высыпана последняя руда, плавильщик, подув немного мехами, вынимает внизу с помощью щипцов замурованный там камень. Плавка лежит в яме. Её извлекают из под углей и очищают от налипших углей, ударяя об нее чурбаком. Из трех фунтов руды получают около двух фунтов железа, которое хотя и выглядит довольно нечистым, однако на деле оно хорошее. Все это мы наблюдали в течение полутора часов» (Гмелин И.Г., 2003, с. 102-103).

Описание Гмелина практически полностью совпадает с тем, что может быть реконструировано по материалам раскопок на поселении Тёш-5. Следует отметить, что металлур-

гические печи, подобные исследованной в жилище-2, характерны именно для поздних комплексов кузнечных татар. При этом бросается в глаза типологическое сходство поздних металлургических печей с наземными тандырами, распространенными с эпохи развитого средневековья в ряде регионов Евразии (Красильников К.И., 1986).

Обращаясь к генезису традиций домостроительства народов Южной Сибири в области устройства очагов, можно вполне определенно утверждать, что печные конструкции типа тандыров здесь не имеют древних прототипов. Для многочисленных исследованных средневековых поселений данного региона наиболее характерны открытые очаги, реже ямные печи, которые в единичных случаях имели своды (Плетнева Л.М., 1994, с. 178-190). Очаги кузнечных татар, описанные в этнографической литературе, также представляют собой простые наземные и ямные конструкции, иногда с обмазанным глиной подом и снабженные вытяжным устройством (Гмелин И.Г., 2003, с. 102; Кимеев В.М., Притчин А.В., 1991, с. 20-21). Исследованные на поселении Тёш-5 очаги собственно и являются одним из таких открытых типов очагов — ямными печами, иногда с устройством бокового зева и обмазкой дна. Судя по расположению некоторых из очагов ближе к стене, они могли снабжаться подвесными вытяжными трубами, подобными шорскому дымоходу «суген». Хотя обычно такие вытяжные устройства (как и чувал) типологически связаны со срубной конструкцией жилища. Таким образом, металлургические печи кузнечных татар, вроде бы, не могли возникнуть из переиспользования одного из типов известных им очажных устройств. Но случайно ли сходство металлургических печей XVIII в. с наземными тандырами?

В жилищах-1 и 3 поселения Тёш-5, среди прокаленного грунта очага были собраны обломки нижней части монолитных глиняных конических предметов (рис. 2 – 5), назначение которых долго оставалось неясным. Глиняные конусы (также в обломках), аналогичные найденным на поселении Тёш-5, ранее были известны в материалах поселения Казас в нижнем течении р. Мрассу. Обломки сходных глиняных предметов найдены в верхнем течении р. Томи на поселениях Акколь и Косой Порог. Это монолитные глиняные конические изделия, хорошо обожженные. У них плоское основание диаметром 10-11 см. Высота конусов не менее 15-20 см. Плоскость основания явных следов износа не имеет. На боку предмета из Косого Порога до обжига были процарапаны вертикальные параллельные полосы. Казас, Акколь и Косой Порог по характеру находок могут быть отнесены к поселениям кузнечных татар начала XIX в.

Вполне вероятно, что прототипами описанных предметов являются конусообразные глиняные опорные подставки, применяемые в тандырах для установки жаровен (одновременно использовалось не менее трех конусов). Параметры тандырных подставок полностью совпадают с глиняными конусами, найденными на поселениях кузнечных татар (диаметр основания около 10 см, высота около 20 см). В ходе раскопок тандырные конусы обнаруживаются внутри печей или возле них. Они изготовлены из той же глины, что и тандыр, для них характерна прокаленность и отсутствие нагара (Красильников К.И., 1986, с. 55; рис. 5, 3-5.). Данная аналогия вполне уместна не только из-за полного сходства предметов, но и по условиям обнаружения конусов — на поселениях Горной Шории они также связаны с очагами. Возникает вопрос, когда и откуда у кузнечных татар появились тандырные приспособления, при отсутствии традиции изготовления тандыров?

В качестве аналогий глиняным конусам-подставкам поселения Тёш-5, территориально относительно близких, но весьма отдаленных хронологически, можно указать на материалы позднетагарских поселений (Мартынов А.И., 1980, рис. 2, 1, с. 18). Прямая преемственность с этими находками конусов из поселений XVIII начала XIX вв. вряд ли возможна. Средневековые археологические памятники региона не имеют «тандырных комплексов». В одном из наиболее полных каталогов этнографических коллекций, собранных в музеях России по шорцам (кузнечным татарам) (Шорцы, 1999, с. 19-31), в разделе «Очажная и печная утварь» глиняные подставки отсутствуют, есть только функционально соответствующие им железные треноги. Следовательно, наблюдаемое по поздним археологическим материалам распространение в быту кузнечных татар глиняных тандырных приспособлений было неким эпизодическим явлением. Оно локализуется в хронологических рамках XVIII начала XIX вв., и, несомненно, должно быть связано с проникновением в регион бытовых традиций новых этнических групп, хозяйственный комплекс которых имеет центрально-азиатские или среднеазиатские корни. Такой этнической группой в новое время могли быть белые калмыки (выезжие телеуты). В среду северных групп кузнечных татар

«тандырный комплекс» мог проникать в силу установления этнокультурных и брачных контактов с родовыми подразделениями этих телеутов. Навыки лепки тандыров могли быть использованы кузнецкими татарами и для нужд металлургии.

Любопытная этнографическая деталь, связанная с представлениями телеутов об очаге, была отмечена автором в 1987 г. в ходе сбора экспонатов среди потомков выезжих телеутов в окрестностях г. Новокузнецка. На чердаке одного из домов были обнаружены два глиняных изделия (названы местной пожилой телеуткой «отчагыштер») в виде усеченных конусов с небольшой лункой в вершине. Высота конусов 7-7,5 см, диаметр основания 8 см, диаметр верхней части 5 см, глубина лунки 3 см. Они были сделаны из необожженной глины с примесью некой органической трухи и ворсинок шерсти. По сообщению информатора, подобные конусы, которых должно быть три, изготавливались для проведения обряда поклонения очагу на свадьбе. В углубления в их вершине клали жир или масло и втыкали веточки березы.

К сожалению, имеющиеся в музеях этнографические коллекции собранных в XX в. у телеутов предметов бытовой утвари, отражают уже сильно трансформированную культуру, которая испытала влияние, не столько со стороны коренных этнических групп Кузнецкой котловины (например, ачкыштымов), но, прежде всего, со стороны русских. Уже в начале XIX в. по наблюдениям Г.И. Спасского: «Избы их (телеутов — Ю.Ш.) сходны с тамошними крестьянскими... Достаточные телеуты имеют порядочные горницы, снабженные лавками, скамьями, полками и столами. В таковых домах живут они зимою и летом. Почти при каждом из них есть двор, скотский пригон и хлевы для мелкого скота» (Спасский Г.И., 1821, с. 9-10). Правда, у части телеутов и ачкыштымов традиционные жилища, обычно сезонного типа, сохраняются вплоть до начала XX в. Но более обоснованно о возможности проникновения «тандырного комплекса» в быт кузнецких татар можно будет судить только после археологического изучения поселенческих комплексов выезжих телеутов XVII-XVIII вв. в местах их наиболее раннего компактного расселения в Кузнецкой котловине (на реках Томь, Ускат, Чумыш).

Выявление памятников отдельных этно-территориальных групп, проживавших в Кузнецкой котловине и в Горной Шории в XVII-XVIII вв., только началось. Слабая разработка методологии подобных исследований может подталкивать к поспешным выводам. В частности, нельзя признать удачной предпринятую А.М. Илюшиным попытку выделения древностей аз-кыштымов (ачкыштымов) (Илюшин А.М., 2003; 2004). При этом, этнической интерпретации были подвергнуты не только единичные комплексы XVIII в., но и проявлено стремление «...удревнить этнографо-археологический комплекс аз-кыштымов, как минимум, до развитого средневековья» (Илюшин А.М., 2004, с. 133).

Прежде всего, методологически неверно переносить этнонимы XVII-XVIII вв. на археологические комплексы Кузнецкой котловины начала II тыс. Нет никаких объективных оснований для приписывания ачкыштымам памятников развитого средневековья (Гурьевское, Шабаново-5, Шабаново-10 и т.п.), исследованных на тех территориях, где в новое время были отмечены ачкыштымы (и не только они). Этно-территориальные группы Кузнецкой котловины всегда отличались неустойчивостью. Известно, что даже в XVIII-XIX вв. отдельные родовые подразделения ачкыштымов переходили в иные этнические группировки, переселялись на весьма отдаленные расстояния. Сложность и противоречивость истории формирования ачкыштымов отмечали многие исследователи (Потапов Л.П., 1969, с. 139; Батьянова Е.П., 1994). В XVIII-XIX вв. чересполосно с ачкыштымами проживали: телеуты, керетцы, тогулы, тагапцы, шуйцы, кумышцы. Весьма смело ожидать, что в начале II тыс. этнокультурная ситуация в Кузнецкой котловине была проще.

Судя по приведенным в публикациях А.М. Илюшина материалам, к ачкыштымам им отнесены не только разнокультурные поселенческие материалы рубежа I и II тыс. (Илюшин А.М., 2004, рис. 3, Б-Г), но и сопутствующие поздним комплексам более ранние фрагменты керамики (Илюшин А.М., 2004, рис. 3, А (4, 9)). Детальное знакомство с памятниками, которые А.М. Илюшин именуется «культовыми местами аз-кыштымов», показал, что Подгорное является остатками полуземлянок на поселении рубежа I-II тыс., а Раздольное-2 (Илюшин А.М., 2004, рис. 1) современным скотомогильником.

Что касается жилища, исследованного А.М. Илюшиным на поселении Саратовка-6 на р. Ур, то его типологические особенности (сруб, глинобитная печь, хозпристройка) и хронология (конец XVIII в.) позволяют отнести данный комплекс скорее к русским, чем к ач-

кыштымам. Именно в середине XVIII в. наблюдается активное расселение крестьян в Кузнецкой котловине; в бассейне р. Иня и ее притоков, возникают многочисленные заимки, начинают формироваться русские села (Усков И.Ю., 2002, с. 166-171). Опыт исследования памятников Кузнецкого сельского стана XVII-XVIII вв. показывает, что наличие лепной орнаментированной керамики (наряду с гончарной) в комплексе из жилища на поселении Саратовка-6 не обязательно является свидетельством его «не русской» принадлежности. Напротив, это типично для «русских» памятников Кузнецкой котловины (Ширина Ю.В., 1992; 2003). Кроме того, все известные места обитания ачкыштымов на р. Ур располагались значительно выше и ниже по течению от Саратовки-6 (Горскино, Урский улус) (Батьянова Е.П., 1994, с. 15). Нельзя исключать и возможную телеутскую принадлежность этого комплекса. Телеуты, особенно «достаточные», как мы уже отмечали выше, сравнительно быстро переняли русские традиции хозяйствования и домостроительства, в то время как ачкыштымы стремились сохранять свой привычный бытовой уклад.

Приведенный пример показывает, что при этнической атрибуции археологических комплексов нового времени требуется не только многоуровневый перекрестный анализ имеющихся археологических фактов, но и обязательное использование максимального числа дополнительных источников (архивных документов, картографических материалов, этнографических наблюдений). Только в этом случае можно рассчитывать на прояснение этнокультурной ситуации в соответствующем регионе, а также на создание основы для последующих ретроспективных исследований.

Литература

1. Батьянова Е.П. Ачкыштымы // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий.— М., 1994.— С. 14-27.
2. Гмелин И.Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги «Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733-1734») // Кузнецкая старина.— Новокузнецк, 2003.— Вып. 5.— С. 86-107.
3. Илюшин А.М. Этнокультурный комплекс аз-кыштымов в конце XVIII в. (по материалам археологических раскопок) // Народная культура: личность, творчество, досуг.— Омск, 2003.— С. 45-46.
4. Илюшин А.М. Материальная и духовная культура аз-кыштымов (по археологическим данным) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии.— Барнаул, 2004.— С. 132-138.
5. Кимеев В.М., Притчин А.В. Жилище и хозяйственные постройки шорцев // Жилища народов Западной Сибири.— Томск, 1991.— С. 16-32.
6. Красильников К.И. Тандыры в салтовских жилищах Подонья // СА.— 1986.— №3.— С. 48-60.
7. Мартынов А.И. Косогольский археологический комплекс // Археология Южной Сибири.— Кемерово, 1980.— С. 11-19.
8. Плетнева Л.М. Генезис традиций в домостроительстве // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Поселения и жилища.— Томск, 1994.— Т. 1.— Кн. II.— С. 165-197.
9. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк.— Л., 1969.— 196 с.
10. Спасский Г.И. Телеуты или Белые Калмыки // Сибирский вестник, издаваемый Григорием Спасским.— СПб, 1821.— Ч. 16.— Кн. 10.— С. 9-14.
11. Усков И.Ю. Ревизские сказки как источник по истории Среднего Притомья // Аборигены и русские старожилы Притомья.— Кемерово: Городок, 2002.— С. 153-175.
12. Ширина Ю.В. Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII века // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность.— Кемерово, 1992.— С. 106-113.
13. Ширина Ю.В. Металлургия кузнецких татар в XVIII веке // Вопросы археологии и истории Южной Сибири.— Барнаул, 1999.— С. 209-216.
14. Ширина Ю.В. Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина.— Новокузнецк, 2003.— Вып. 5.— С. 17-34.
15. Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Предметы быта.— Кемерово, 1999.— Ч. 3.— 234 с.

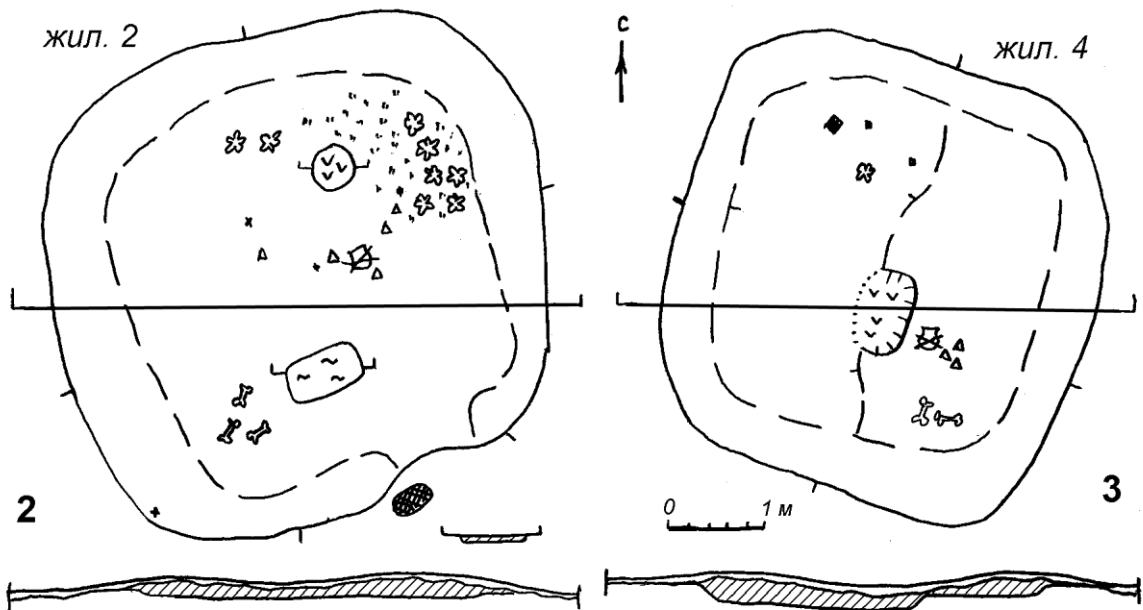
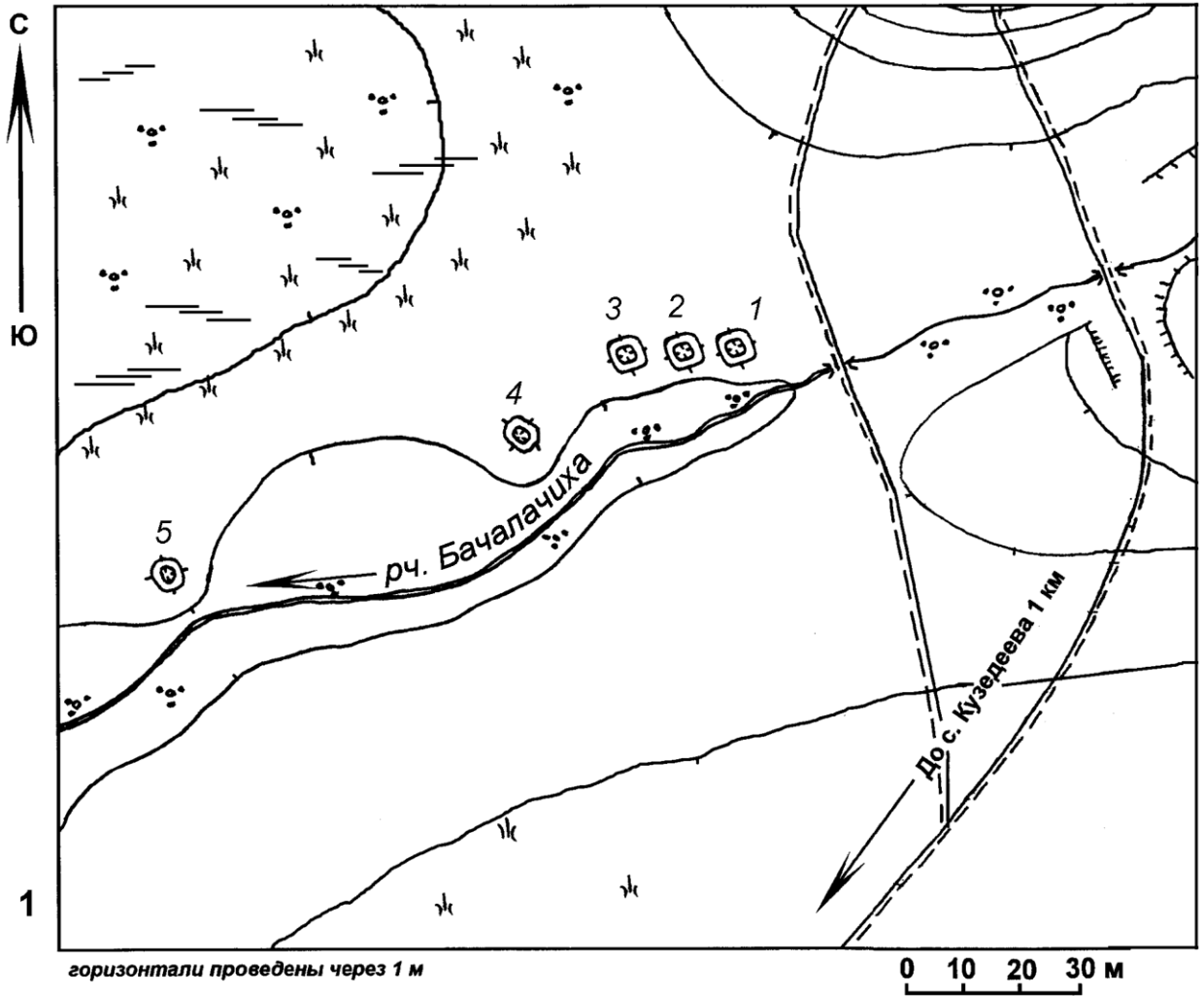

Рис.1

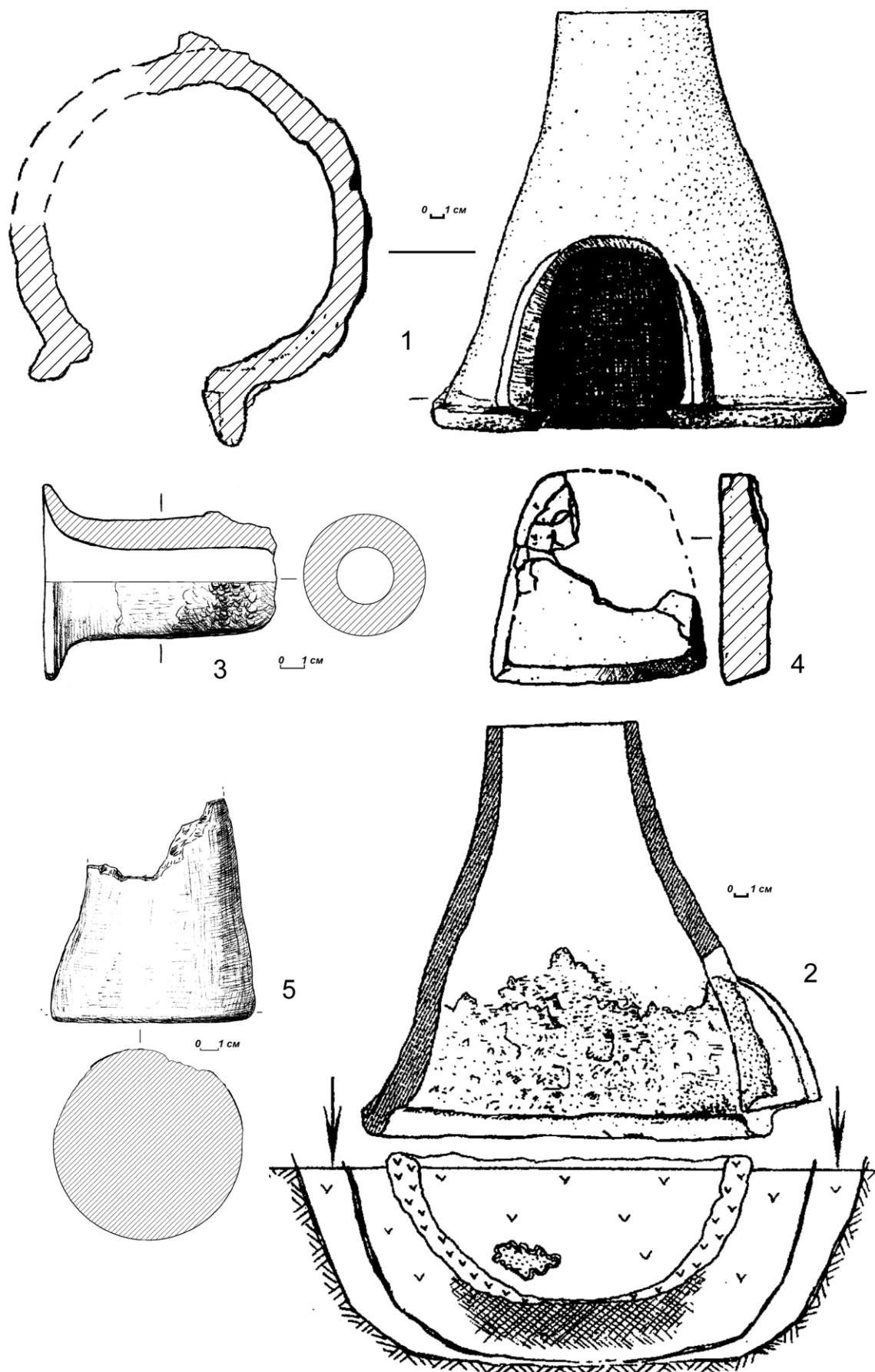

Рис.2

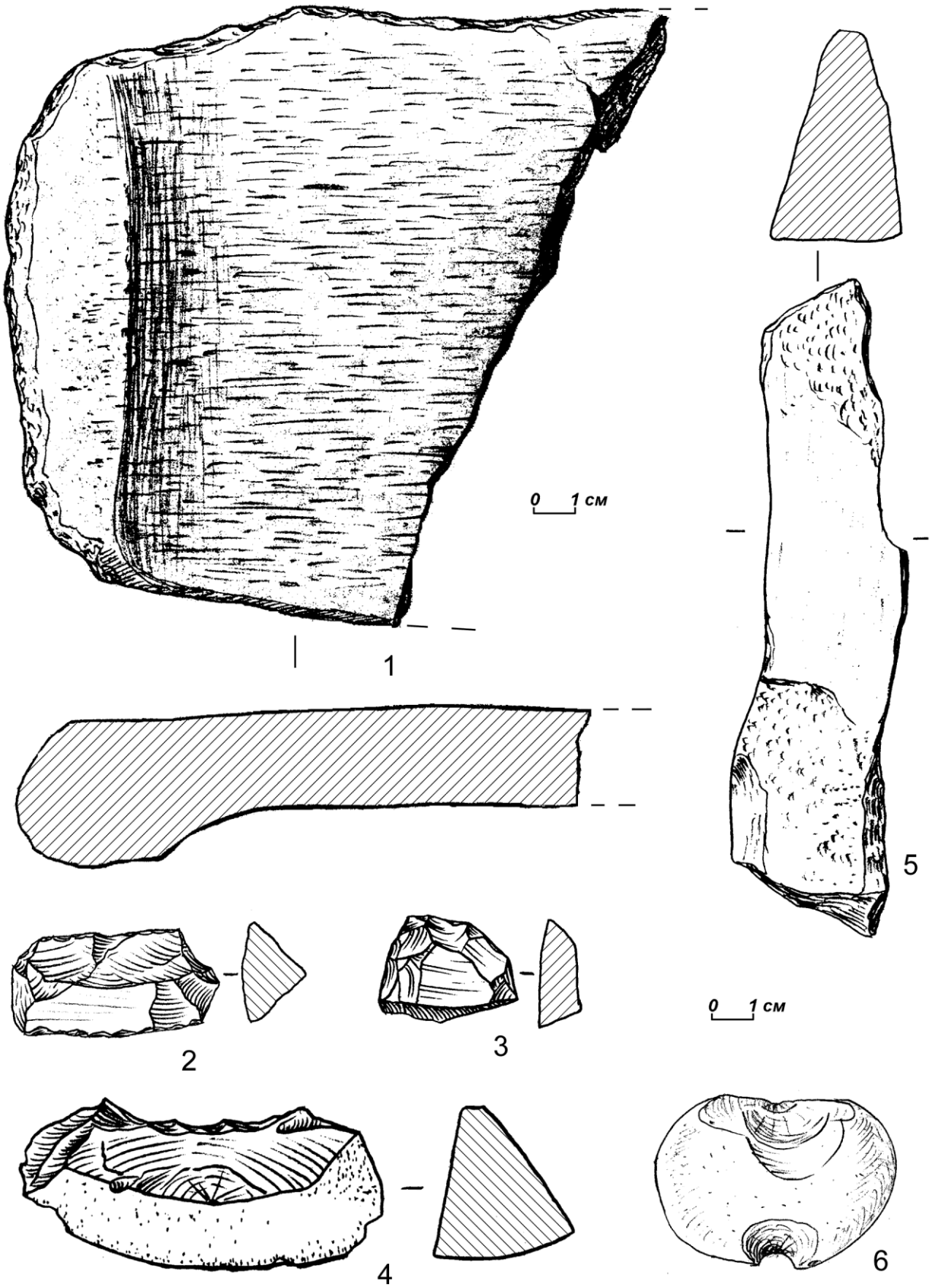

Рис.3

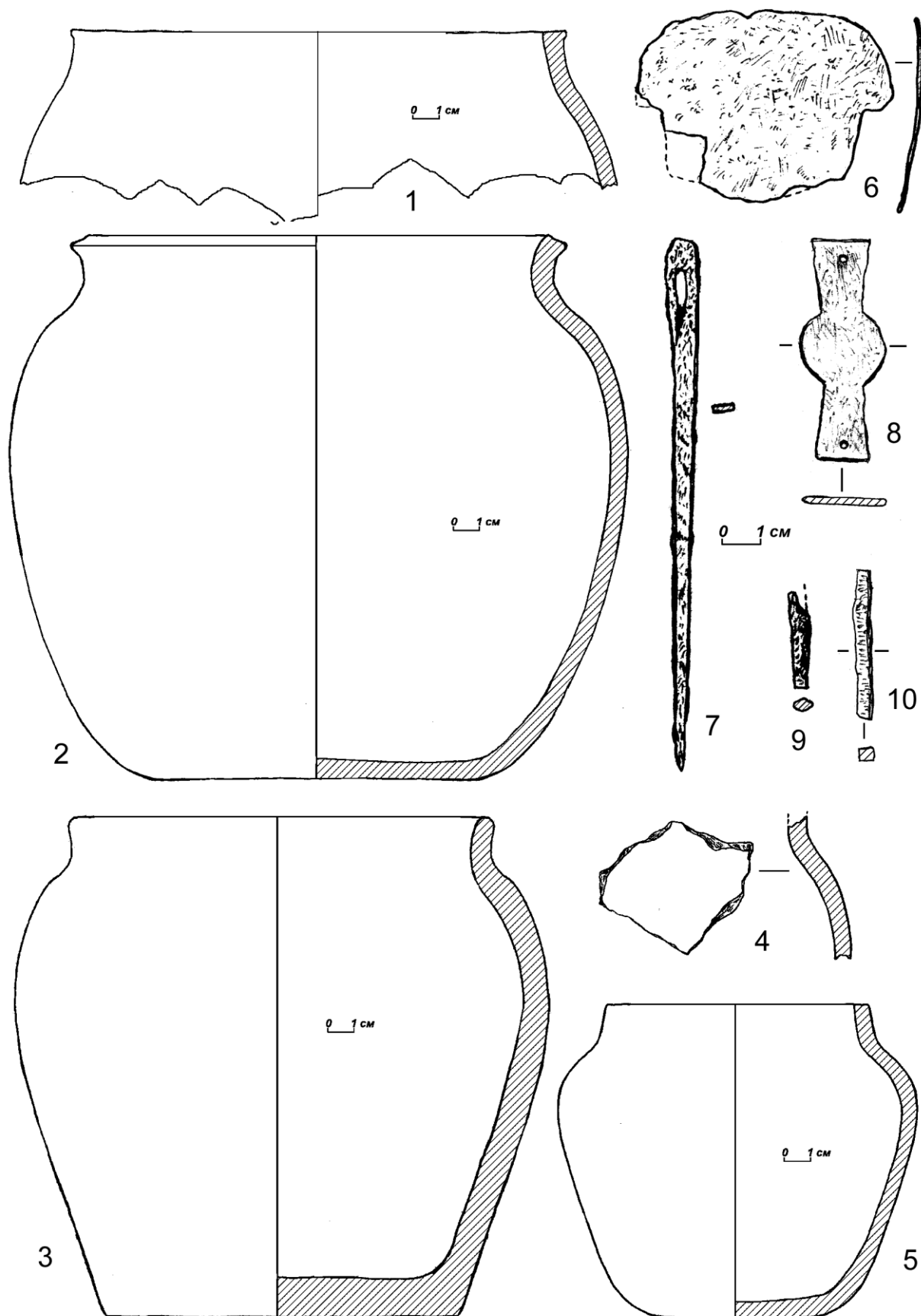

Рис.4

Список иллюстраций к статье Ширина Ю.В.

- Рис. 1. 1 — поселение Тёш-5; 2 — план жилища-2; 3 — план жилища-4.
- Рис. 2. Материалы поселения Тёш-5. 1, 2 — глиняная съемная часть железоплавильной печи и разрез всей печной конструкции (жилище-2); 3 — сопло (жилище-1); 4 — глиняная дверка-пробка от железоплавильной печи (жилище-2); 5 — обломок глиняного конуса (жилище-3).
- Рис. 3. Материалы поселения Тёш-5. 1 — обломок верхнего камня зернотерки (жилище-4); 2-4 — кремни для высекания огня (жилище 5, 3, 1); 5 — точило (жилище-3); 6 — грузило для сети (жилище-2).
- Рис. 4. Материалы поселения Тёш-5. 1 — из жилища-5; 2, 8, 10 — из жилища-2; 3, 5 — из жилища-4; 4, 6, 7, 9 — из жилища-3. 1-5 — керамика; остальное железо.

Соёнов В.И.

(г.Горно-Алтайск)

ОТЧЕТ О РАБОТАХ ПО ПРОЕКТУ РГНФ И ЦНТ РА «ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ГУННО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ» В 2004 ГОДУ

В течение отчетного периода под руководством автора производились полевые и кабинетные работы по проекту «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху» (№04-01-61007а/т). Исследования осуществлялись на финансовые средства Российского гуманитарного научного фонда и Центра науки и технологий Республики Алтай.

По первому виду работ в полевой сезон 2004 года подготовлены и проведены экспедиционные исследования: разведки локальных участков в Чемальском, Шебалинском, Онгудайском, Кош-Агачском, Усть-Канском, Усть-Коксинском и Улаганском районах Республики Алтай; а также раскопки на могильнике Верх-Уймон, расположенном у одноименного села Усть-Коксинского района. В состав экспедиции входили аспиранты кафедры археологии, этнологии и источниковедения ГАГУ С.В.Трифанова, Т.А.Вдовина, М.А.Черепанов; сотрудник ГАГУ В.Ю.Коробченко; студенты исторического факультета и школьники.

Работы осуществлялись на основании Открытых листов №№ 333 и 334, выданных Институтом археологии РАН и Разрешения, выданного Агентством по культурно-историческому наследию Республики Алтай 21.06.2003 г. Все работы проводились в соответствии с требованиями инструкций Института археологии РАН, утвержденных Ученым советом 23 февраля 2001 года (Положение о производстве археологических раскопок и разведок и об Открытых листах. — М., 2001).

На могильнике Верх-Уймон в результате раскопочных работ вскрыты два каменных кургана, в которых содержались воинские погребения с конем. Раскопанные погребения имели надмогильные сооружения в виде ориентированных длинной осью по линии В-З овальных оград-крепид с каменным заполнением внутреннего пространства. Могильные ямы вытянуто-прямоугольной в плане формы с закругленными углами ориентированы длинной осью по линии В-З. В ямах имеются подбои, перекрытые каменными плитами. Подбой уходит в северную стенку ямы. В курганах обнаружены погребения лошади на боку с подогнутыми ногами головой на З или СЗ. В одном случае череп лошади отсутствовал. Погребение лошади находилось выше уровня погребения человека, но не прямо над ним. В подбоях имелись остатки комбинированной каменно-деревянной или деревянной конструкций, в которых находились погребения людей, ориентированные головой в западный сектор. Погребенные были положены вытянуто на спину. В одном погребении череп человека отсутствовал. Инвентарь из курганов представлен костяными и железными предметами вооружения (наконечниками стрел, кинжалом, палашом, накладками лука) и снаряжения коня (цурками, удилами, подпружными пряжками, деталями узды), а также остатками поясных пряжек, трубочками, ножами, рыболовным крючком, топорами-кельтами и т.д.

Раскопанные курганы демонстрируют сходство основных элементов погребального обряда. Это свидетельствует об единстве культурно-хронологической принадлежности объектов могильника, что подтверждается составом инвентаря.

По топографии могильника и элементам погребального обряда мы можем предварительно отнести курганы могильника Верх-Уймон к V в.н.э. Серия радиоуглеродных дат, полученных по образцам кости из погребений, в целом, не противоречит археологической датировке могильника.

В полевой сезон 2004 г. производилась проверка сведений о возможном наличии могильников гунно-сарматской эпохи в долине р.Теньга (Онгудайский район), около с.Усть-Кан (Усть-Канский район), в долине р.Чуя выше с.Акташ (Улаганский район), в окрестностях сс.Шебалино и Апшухта (Шебалинский район), которые не подтвердились.

В ходе разведочных работ обследованы могильники, предположительно относящиеся к гунно-сарматской эпохе: Бугузун XI (Кош-Агачский район), Куру-Сай (Чемальский район), Онгудай VIII и Чуй-Оозы (Онгудайский район), Теректа (Усть-Коксинский район) на предмет перспективы раскопчных работ, а также исследовались граффити гунно-сарматской эпохи на петроглифическом памятнике Калбак-Таш.

По второму виду работ изучалась опубликованная литература и неопубликованные отчетные материалы по теме исследования, хранящиеся в архивах Института алтаистики им. С.С.Суразакова, Горно-Алтайского государственного университета, Национального музея Республики Алтай им. А.В.Анохина, Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай.

В течение осени производилась обработка материалов раскопок на могильнике Верх-Уймон в 2004 году: реставрация, консервация, шифровка, фотосъемка, отрисовка предметов сопроводительного инвентаря из погребений; перебелка полевых чертежей; подготовка текстов отчетов в отдел полевых исследований Института археологии РАН, Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай, Центр науки и технологий Республики Алтай.

Антропологическая коллекция из могильника Верх-Уймон передана для дальнейших исследований в Лабораторию антропологических исследований при Алтайском государственном университете.

В радиоуглеродной группе Лаборатории геологии и палеоклиматологии кайнозоя Института геологии СО РАН Л.А.Орловой получены пять радиоуглеродных дат (СОАН-5386 – 257(419)559 г.н.э.; СОАН-5387 – 344(429)559 г.н.э.; СОАН-5388 – 441(599)652 г.н.э.; СОАН-5389 – 415(538)639 г.н.э.; СОАН-5390 – 362(434, 525)600 г.н.э. Калибровка – UNIVERSITY OF WASHINGTON, QUATERNARY ISOTOPE LAB, RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM REV 4.3. Вероятность – 2 сигмы (95,4%)) для образцов из погребений могильника гунно-сарматского времени Верх-Уймон.

В течение года производилась обработка, изучение и подготовка к публикации материалов могильника гунно-сарматского времени Айрыдаш I (раскопки А.С.Суразакова в 1980, 1982, 1984-1990 гг.).

В целом, исследования по проекту расширили данные об археологических памятниках Горного Алтая, материальной культуре населения, а также увеличили количество сведений о гунно-сарматской эпохе в истории Южной Сибири и Центральной Азии. Полученные материалы позволяют провести корректировку в культурно-хронологической схеме этнокультурогенеза населения Горного Алтая.

Результаты исследований по проекту и ход работ докладывались на заседаниях кафедры археологии, этнологии и источниковедения Горно-Алтайского государственного университета и заседаниях сектора археологии Института алтаистики им. С.С.Суразакова.

Материалы работ по проекту «Горный Алтай в гунно-сарматскую эпоху» используются для подготовки докторской (В.И.Соёнов) и кандидатской (С.В.Трифанова) диссертаций. Результаты исследований используются в учебном процессе исторического факультета Горно-Алтайского государственного университета при преподавании спецкурсов «Археологические исследования в Горном Алтае», «Методы археологических исследований», «Хозяйственные системы населения Горного Алтая в древности и средневековье», «Погребальный обряд» и других курсов по специализации «археология».

По теме проекта в 2004 г. нами и исполнителем С.В.Трифановой опубликованы четыре научные работы (Соёнов В.И., 2003, с.54-56; Трифанова С.В., 2004а, с.306-310; 2004б,

с.92-95; 2004в, с.100-104); подготовлены доклады: 1) по теме «Раскопки погребений гунно-сарматской эпохи на могильнике Верх-Уймон в 2003-2004 годах» на всероссийскую научно-практическую конференцию «Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края» (г.Барнаул, 15 ноября 2004 года), 2) по теме «Украшения населения Горного Алтая как источник по этногенезу» на международный конгресс молодых тюркологов «Глобализация и тюркский мир» (г.Туркестан, Казахстан, 9-10 декабря 2004 года).

Литература

1. Соёнов В.И. К вопросу об изучении ритуальных памятников гунно-сарматской эпохи на Алтае // Вестник НГУ. Серия: история, филология. – Новосибирск, 2003. – Том 2. – Выпуск 3. – С.54-56.
2. Трифанова С.В. Классификация серег гунно-сарматского времени Саяно-Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд. АлтГУ, 2004а. – С.306-310.
3. Трифанова С.В. Серьги из памятников Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд. ГАГУ, 2004б. – №12. – С.92-95.
4. Трифанова С.В. Украшения населения Саяно-Алтая гунно-сарматского времени // Горный Алтай. – Горно-Алтайск-Бийск, 2004в. – С.100-104.

Работа выполнена при поддержке РГНФ и ЦНТ РА (проект №04-01-61007а/м)

Артюх Е.А.
(г.Барнаул)

В.В. РАДЛОВ И ФРАНЦУЗСКАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

8 июля 1861 г. в Барнаул прибыла французская экспедиция в составе Луи д'Эйхтала, Мари Луи Гюстава Менье и Оскара Неймана (Бородаев В.Б., 1996, с. 18-21; Тишкина Т.В., 2000, с. 183-184; Рафиенко Л.С., 2000, с. 241-245; Исследователи Алтайского края, 2000, с. 139-140, с. 250-251). Экспедиция была собрана на частные средства барона Луи д'Эйхтала (1804-1860-е гг.) – публициста, сына парижского банкира. Доктор Г. Менье (1827-1862 гг.) должен был осуществлять во время путешествия археологические и геологические исследования. В качестве переводчика барон взял с собой Оскара Неймана – прусского артиллерийского офицера. Целью французской научной экспедиции было исследование Азии, особое внимание уделялось Сибири. Во Франции, в Академии наук, по просьбе Г. Менье и Луи д'Эйхтала создали комиссию, которая разрабатывала инструкции для этого научного мероприятия.

В России исследователям значительную помощь оказали такие влиятельные лица, как министр иностранных дел граф Толстой и председатель Кабинета Его Императорского Величества барон П.К. Мейендорф. Последний попросил о содействии начальника Алтайских заводов А.Е. Фрезе.

За три месяца, с июля по сентябрь, французская экспедиция посетила Змеиногорск и окрестные рудники, Тигирецкий редут, осуществила археологические раскопки в пещерах долины р. Иня, побывала на Кольванской шлифовальной фабрике, в Чарышском форпосте, в Бийске. Во время этого путешествия проводились геологические исследования, метеорологические наблюдения, была собрана зоологическая коллекция.

В сентябре 1861 г. Г. Менье и Луи д'Эйхталь по совету местного историка и этнографа Степана Ивановича Гуляева начали археологические раскопки недалеко от Барнаула, на Туриной горе (Тишкина Т.В., 1997, с. 27-28; ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 2. Д. 14. Л. 10-11).

Эти исследования осуществлялись французами на основе «Открытого листа» – специального разрешения на проведение археологических изысканий. Так было положено начало профессиональному изучению древних памятников на Алтае.

В раскопках принимал участие В.В. Радлов (1837-1918 г.) (Фридрих Вильгельм Радлов, Friedrich Wilhelm Radloff). Немецкий ученый, прибывший в Барнаул в 1859 г., ставил перед собой цель исследовать языки и этнографию тюркских народов Азии, в том числе и Сибири. Однако французская экспедиция продемонстрировала прекрасные возможности археологии в реконструкции жизнедеятельности древних народов. Это не могло не заинтересовать В.В. Радлова. По окончании раскопок он отослал в Археологическую комиссию краткий отчет и рисунки найденных вещей (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 21). С этого момента началась переписка ученого с Сергеем Григорьевичем Строгановым, Председателем Императорской археологической комиссии, который сыграл важнейшую роль в организации будущих археологических исследований Василия Васильевича.

Подробный отчет об исследовании курганов около Барнаула, написанный французскими учеными, был направлен в Париж, где его обсуждали на одном из заседаний Академии наук в марте 1862 г. Тогда было отмечено, что «раскопки...совершены с очень большой тщательностью» (Бородаев В.Б., 1996, с. 19). Результаты исследований были опубликованы в 1874 г. в Париже, в III томе журнала «Revue d'Anthropologie» под авторством G. Meunier и L. d'Eichthal на французском языке. Судьба же самих найденных материалов не известна (Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 28). В том же 1874 г. выдержки из отчета французских путешественников были переведены на русский язык В.Н. Майоновым. Этот перевод вышел в «Известиях Императорского русского географического общества» в X томе, в № 5. Некоторые результаты археологической экспедиции 1861 г. описаны в докладе Николая Степановича Гуляева (сына С.И. Гуляева) «О древних курганах и городищах». Он был прочитан им в 1900 г. (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп.1. Св.2. Д.14. Л.10-11).

Таким образом, на сегодняшний день сведения о раскопках 1861 г. под Барнаулом недоступны широкому кругу исследователей. В рукописном архиве Института истории материальной культуры (ИИМК) в Санкт-Петербурге хранится отчет В.В. Радлова на немецком языке, который называется «Краткое сообщение об открытии четырех курганов около Барнаула» на семи листах (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 3-6). Исследователь приложил к этому отчету и рисунки найденных вещей, которые нами не были обнаружены.

«Краткое сообщение...» В.В. Радлова нигде не опубликовано, вместе с тем оно, несомненно, представляет интерес, во-первых, как источник для восстановления истории изучения археологических памятников Алтая. Оно содержит подробное описание местонахождения курганов, их конструкции, погребального обряда и инвентаря. Возможно, эти сведения позволят современным исследователям высказать свои предположения о культурной принадлежности курганов на Туриной горе, а также даст возможность определить место памятника с большей долей вероятности.

Во-вторых, «Краткое сообщение...» Василия Васильевича можно рассматривать как этап в его исследовательской деятельности, определяемый новыми целями. Кроме того, этот документ демонстрирует нам некоторые наблюдения и размышления ученого, относящиеся к 1861 г., о курганах Южной и Восточной Сибири. Видимо, это самое первое обращение В.В. Радлова к археологическому материалу. Таким образом, «Краткое сообщение...» В.В. Радлова имеет определенную историографическую ценность.

Итак, по описанию Василия Васильевича Радлова, «...около 8 верст (8,48 км) от Барнаула у почтовой дороги в Томск...», на левом высоком берегу р. Оби, на Туриной горе «...тянется довольно плотный ряд курганов...» «до деревни Гоньба (16 верст до Барнаула)» (16,96 км) (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4). Во французском отчете в переводе В.Н. Майнова береговой холм под названием «Турина гора» возвышается «...приблизительно на 100 м над долиною р. Оби», а курганами покрыта часть горы, «...известная под названием «Казачьего взвоза» (Майнов В.Н., 1874, с. 195). Всего на этом месте исследователи обнаружили 96 курганов. Четыре из них были обследованы.

По сообщению В.В. Радлова, все курганы имели приблизительно одинаковые размеры: 2,5-5 сажень (5,3-10, 65 м) в диаметре и до одного аршина (0,71 м) в высоту. В кургане I было обнаружено два взрослых и два детских погребения (скелеты детей 2-5 лет). Во II кургане – два взрослых скелета. В кургане III – два взрослых погребения (один скелет без инвентаря) и одно детское (ребенок 2-3 лет). В кургане IV – одно взрослое – скелет

«старика», череп и кости которого оказались «...уже почти полностью разрушены» (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 6).

Все скелеты в могилах находились на глубине 2 аршина (1,42 м) от поверхности почвы (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4). У В.Н. Майнова глубина погребения отмечается точнее: от 1,15 м до 1,9 м. (Майнов В.Н., 1874, с. 195). Почти все погребенные были ориентированы на восток, иногда с небольшим отклонением на северо-восток (приблизительно на 8-10°). Один скелет лежал «...почти точно в диаметре...[кургана]...с севера на юг» (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4 об.). Также Василий Васильевич описал положение в могилах двух погребенных: один лежал в вытянутом положении на спине, голова немного согнута набок, руки его выпрямлены вдоль туловища; другой лежал на правом боку (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4 об.).

Рост погребенных был небольшим. В.В. Радлов отметил размеры только пяти скелетов: курган I – 1 аршин 10 вершков (1,15 м) и 1 аршин 7 вершков (около 1 м), курган II – 2 аршина 2 вершка (1,51 м), курган III – 1 аршин 15 вершков (1,37 м), курган IV – 1 аршин 13 вершков (1,28 м) (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4).

Все скелеты без исключения были накрыты березовыми плахами, которые лежали по-вдоль и поперек погребенных. Ширина их составляла 4 вершка (17,6 см). «...Состояли ли эти древесные поверхности из обработанных досок или из сырого ствола, не было ясно...», – писал В.В. Радлов (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4 об.). Далее ученый предположил, что «...вероятно, они все же были необработанными, так как в разных местах...обнаружены довольно большие обломки березовой коры» (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4 об.-5). В отчете французов написано, что «...два скелета были обернуты когда-то в берестяной покров, причем береста клалась по длине туловища, а голова одного скелета покоилась даже на берестяной подкладке» (Майнов В.Н., 1874, с. 196).

При каждом скелете были найдены «...пять нижних позвонков овцы...». У некоторых скелетов они лежали на груди, у других – в ногах (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 5). Интересно, что Василий Васильевич, пытаясь объяснить находки, обратился к данным этнографии и отметил следующее: «...эта же часть овцы еще сегодня считается лакомством у киргизов и всякий раз подается гостю как почетный кусочек». В соответствии с этим исследователь посчитал, что такой же обычай соблюдался и древними народами.

В своем «Кратком сообщении» В.В. Радлов подробно описал погребальный инвентарь: остатки шерстяной ткани, домашнюю утварь, украшения и оружие. Так, в кургане I один взрослый и один ребенок 4 – 5 лет были с инвентарем (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 4-5 об.). Вместе со скелетом взрослого обнаружили «зеленые непрозрачные» и «черные» бусы, «железный обломок, обернутый березовой корой», кусочек шерстяной ткани немецкого производства, привезенный из Китая (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 5 об.), а также украшение из кварца. В докладе Н.С. Гуляева последняя находка описана точнее – «плоский в виде полумесяца сердолик с отверстиями, употреблявшийся, вероятно, для украшения» (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 2. Д. 14. Л. 10). В детском погребении находился «полый колокольчик из меди – на груди», обломок иглы и «сердце из меди» (Herz aus Kupfer) – на груди (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 5 об.) – скорее всего, это медная «пластинка в виде сердечка с ушком», по докладу Н.С. Гуляева (ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 2. Д. 14. Л. 10).

В двух могилах кургана II в качестве сопроводительного инвентаря было положено одно украшение из кости и оружие: наконечник копья (скелет №1), железный и костяной наконечники стрел, железный нож (скелет № 2) (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 5 об.).

В кургане III в детском погребении вместе с костяным украшением лежали «...отдельные не продырявленные кусочки...», которые «...служили не только украшением, особенно, наверное, составленные в виде креста». В могиле взрослого было обнаружено острие копья из железа, лежавшее сбоку от головы, и остатки деревянной чаши, также у головы (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 6).

Результатом раскопки кургана IV стали следующие находки: два медных кольца, связанные вместе шерстяной тканью и лежащие на груди погребенного.

Таковы итоги археологических раскопок французской научной экспедиции доктора Г. Менье и барона Л. ф. Эйхтала по описанию Василия Васильевича Радлова.

Эта научная экспедиция не осталась незамеченной. К ее итогам проявляли интерес как советские, так и современные исследователи. Так, в 1956 г. М.П. Грязнов отнес мо-

гильник на Туриной горе к сросткинской культуре (VIII - X вв. н.э.), исходя из описания конструкции курганов, погребального обряда и инвентаря (Грязнов М.П., 1956, с. 151). Погребенные же были отождествлены ученым с тюрками. С этими выводами Михаила Петровича соглашаются и современные исследователи (Неверов С.В., 1980, с. 95; Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., 1983, с. 28; Бородаев В.Б., 1996).

Итак, с конца января 1862 г. (т.е. с момента пересылки «Краткого сообщения об открытии четырех курганов около Барнаула» в Императорскую археологическую комиссию) началась переписка В.В. Радлова с его председателем – Сергеем Григорьевичем Строгановым.

Василий Васильевич после своего участия в археологической французской экспедиции 1861 г., пусть и скромного, совсем по-другому представлял свои научные цели. Уже зимой 1862 г. он, заинтересовавшись археологией, начал планировать на лето 1862 г., совместно с Г. Менье, научную экспедицию в Киргизскую степь для исследования «...некоторых более значительных курганов...», о чем и написал С.Г. Строганову (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 21; Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 7).

Несколькими месяцами позже В.В. Радлов в письме Сергею Григорьевичу высказывал желание «...соединить археологические исследования с этнографическими и лингвистическими...» (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 22-22 об.; Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 8). При этом Василий Васильевич считал, что «...единственными источниками для истории передвижения древних народов по Южной Сибири должны служить остатки самих этих народов...», «...остатки и людей, и вещей, хранящиеся в курганах...» (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 22-22 об.; Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 8-9). Эти высказывания свидетельствовали о понимании исследователем необходимости комплексного подхода к изучению истории тюркских народов, о важности взаимосвязи археологии, этнографии и лингвистики.

В итоге официальной переписки о допуске В.В. Радлова и Г. Менье в Киргизскую степь последнему ученому было отказано в этом генерал-губернатором Западной Сибири из-за изменения прежнего маршрута и состава экспедиции (ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 11-12 об., 18-19; Ф. 86. Оп. 1. Св. 1. Д. 2. Л. 39-40). А В.В. Радлова допустили к путешествию в Киргизскую степь, но запретили вскрывать древние курганы (Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 16 об.-17, 18-19 об.). Позднее Василию Васильевичу удалось добиться разрешения на раскопки при поддержке графа С.Г. Строганова. Менье, пытаясь добиться допуска, поехал в Томск. Возвращаясь из Томска в Барнаул, он серьезно заболел. 12 марта 1862 г. Гюстав Менье скончался «вследствие постигшей его болезни острого повсеместного ревматизма» (Бородаев В.Б., 1996, с. 19; ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 26-26 об.). Его похоронили на Нагорном кладбище Барнаула.

Василий Васильевич Радлов с мая 1862 г. начал свои первые самостоятельные археологические изыскания под патронажем Императорской археологической комиссии.

Литература

1. Архив ИИМК. Ф. 1. 1862 г. Д. 4. Л. 3-9.
2. Бородаев В.Б. 170 лет со дня рождения французского путешественника, естествоиспытателя и археолога Гюстава Менье (1827-1862) // Страницы истории Алтая. 1997 г.: Календарь памятных дат. – Барнаул, 1996. – С. 18-21.
3. Бородаев В.Б., Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Археологические памятники на территории Барнаула // Памятники истории и культуры Барнаула. – Барнаул, 1983. – С. 8-30.
4. Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая речка. – М.-Л., 1956. – 256 с.
5. Исследователи Алтайского края. XVIII – начала XIX века. – Барнаул, 2000. – 280 с.
6. Майнов В.Н. Раскопки сибирских курганов и находки в них (Из сообщения Менье и Эйхтала в Парижскую Академию наук) // Известия Императорского русского географического общества. – СПб., 1874. – Т. 10. – Отдел 2. – С. 195-198.
7. Неверов С.В. История изучения памятников сросткинской культуры Алтая // Древняя история Алтая. – Барнаул, 1980. – С. 93-105.
8. Рафиенко Л.С. Французская экспедиция 1861-1862 гг. на Алтай // Алтайский сборник. Вып. 20. – Барнаул, 2000. – С. 241-245.
9. Тишкина Т.В. Менье Мари Луи Гюстав // Барнаул: Энциклопедия. – Барнаул, 2000. – С. 183-184.

10. Тишкина Т.В. Некоторые проблемы организации изучения археологических памятников Алтая в 1860-1920-х гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул, 1997. – Вып. 8. – С. 27-30.
11. ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2785. Л. 21-22 об.
12. ЦХАФ АК. Ф. 86. Оп. 1. Св. 2. Д. 14. Л. 10-11.

Вдовина Т.А.
(г.Горно-Алтайск)

ОРОСИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЧЕМАЛЬСКОГО РАЙОНА

В августе 2004 г. нами были проведены разведочные работы в Чемальском районе Республики Алтай. Нами было обследовано правобережье Катуня на участке от с. Еланда до урочища Тогусхан. Работы проводились в рамках программы «Ирригационные системы Горного Алтая I тыс. н.э.». Целью исследований в данном районе, являлся поиск и фиксация оросительных сооружений.

Обследуемый нами участок правобережья представляет собой залесенные склоны гор и засушливые надпойменные террасы. Остатки оросительных сооружений были зафиксированы в долине реки Чеба – правого притока Катуня (рис.1). Два магистральных канала отводились от реки Чеба и далее следовали вдоль ее правого и левого берегов транспортируя воду на надпойменные террасы р.Катунь. Водозаборного сооружения нам обнаружить не удалось. Возможно, это была дамба-шпора, которая быстро размывается без своевременного ремонта. Магистральный канал правого берега р.Чеба был проложен по линии восток-запад. Русло канала начинает прослеживаться от уреза воды, через 35 м канал пересекает грунтовая дорога. Далее русло канала возобновляется и проходит по склону горы еще около 400 м. Русло канала на данном участке имеет ширину около 1 м и глубину – около 30-40 см. Скальный выступ, мешающий нормальному прохождению канала, был подрублен и приспособлен под русло канала. На данном участке магистральный канал поворачивает к северо-западу. На повороте левый борт канала дополнительно укреплен каменной обкладкой. Далее русло канала прерывается большим песчаным карьером. Возобновившееся за карьером русло канала проходит вдоль подошвы горы еще несколько десятков метров, затем теряется.

Схема расположения магистрального канала левого берега р.Чеба существенно отличается от правобережного. Канал отведен от русла реки и проходит по склону горы по линии север – юг. Несмотря на то, что данный участок горного склона покрыт обильным травостоем, мощное русло магистрального канала видно даже на расстоянии. Канал имеет четко профилированные борта, глубина русла на некоторых участках достигает 40 см, ширина – до 1 м. Обогнув мыс, магистральный канал выходит на ровную поверхность террасы, где теряется.

Способ водоподачи на данной системе осуществлялся самотёком из источника орошения (р.Чеба). Необходимый напор создавался за счёт естественного уклона местности. У выявленных нами магистральных каналов, отведенных от р.Чеба, сохранилась только холостая часть, основной функцией которой являлась транспортировка воды до поля. Возможно, распашка ровных поверхностей катунских террас в последнее столетие, уничтожила рабочую (распределительную) часть каналов. Судя по мощности магистральных каналов, глубины и ширины их русла, они транспортировали значительный объем воды на большие расстояния. Установить время их сооружения на данном этапе исследования не представляется возможным.

Оросительная система зафиксирована нами в урочище Тогусхан на правом берегу р.Катунь (рис.2). Источником орошения для системы служил пересыхающий ныне ручей. Какого-либо четко оформленного водозаборного сооружения по руслу ручья не обнаружено. Возможно, ручей сразу переходил в магистральный канал. От пересыхающего ручья отходят два рукава. Правый рукав магистрального канала проходит 450 м в южном на-

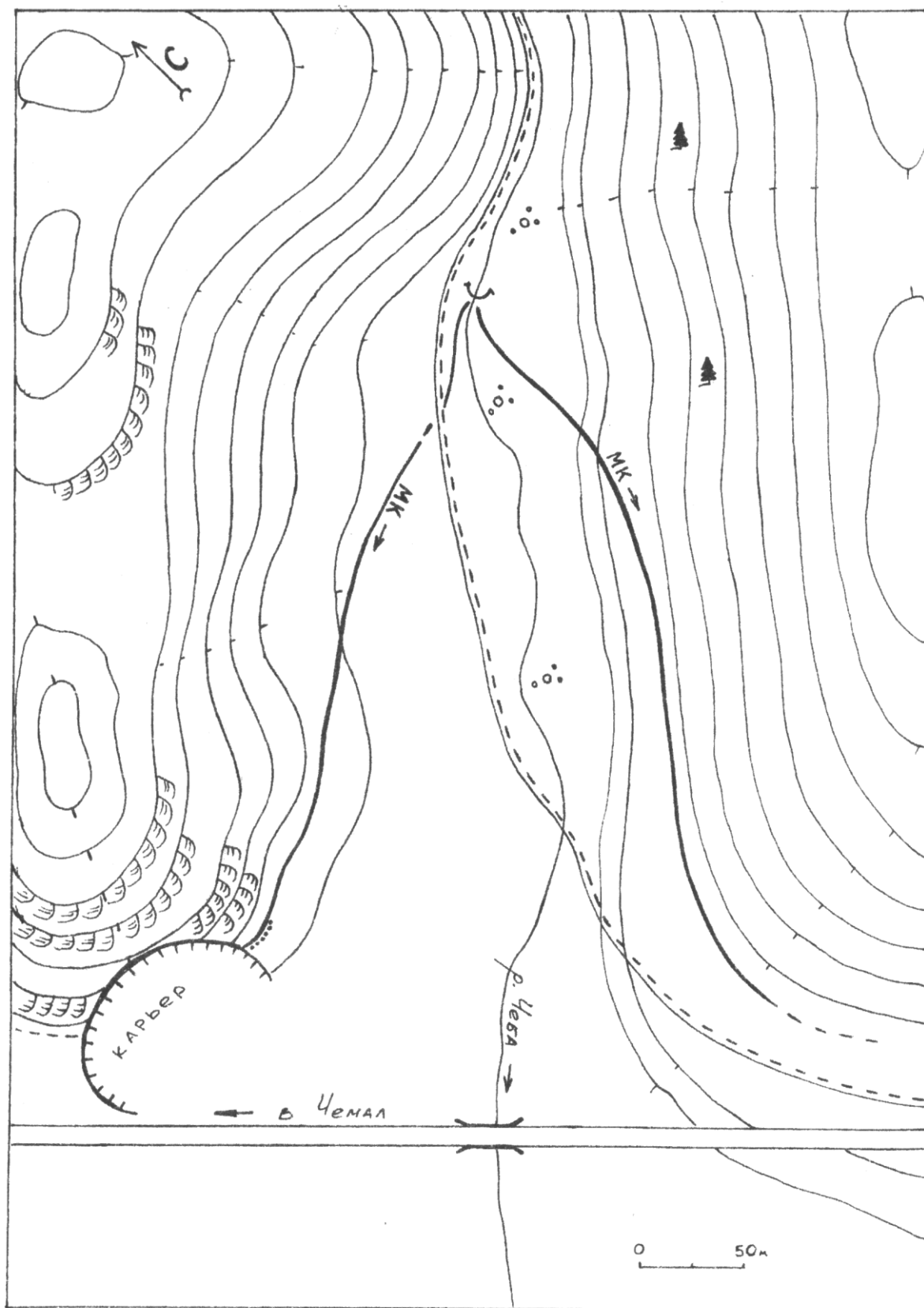

Рис.1

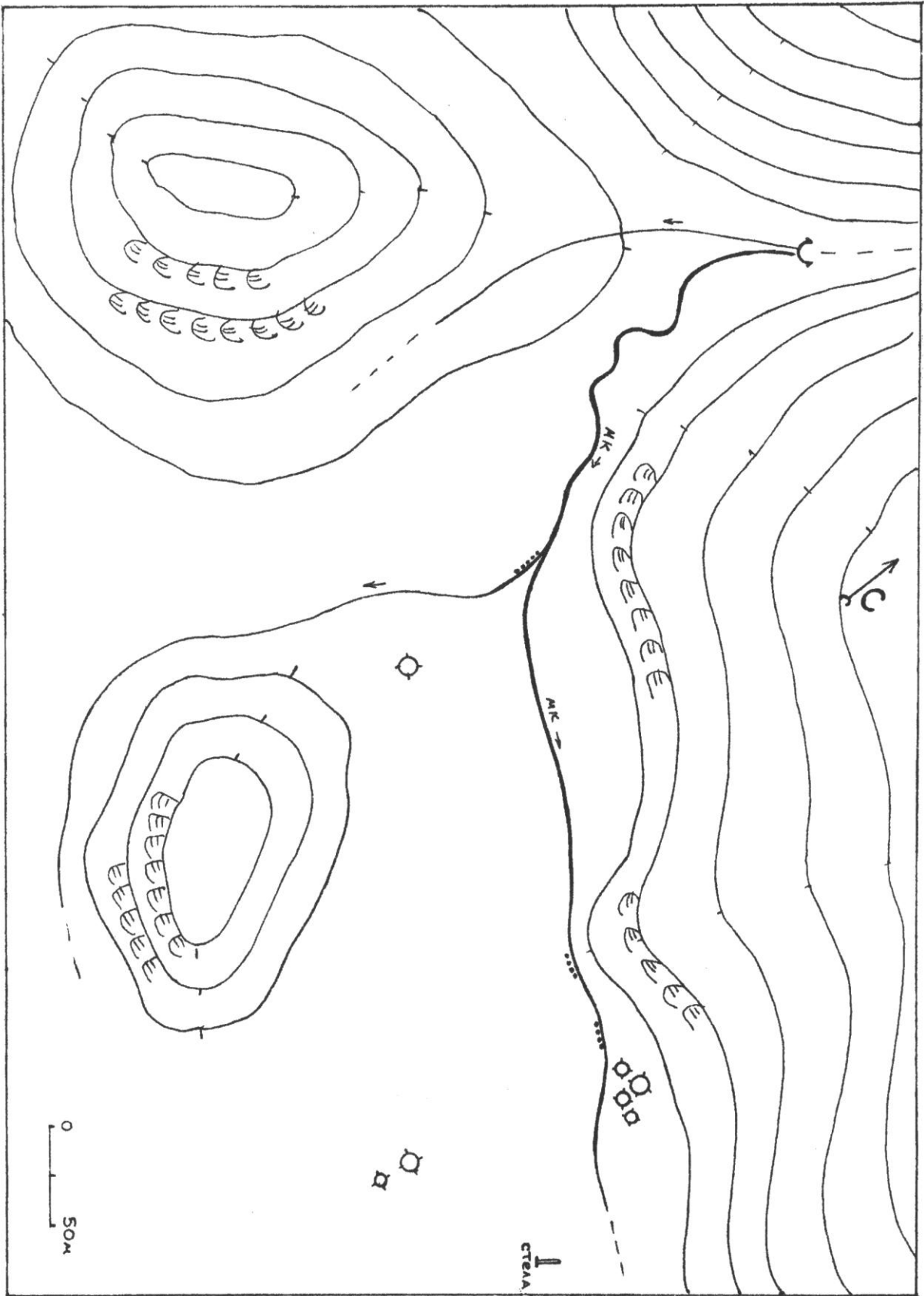

Рис. 2

Условные обозначения

	- линия электропередач
	- обрыв
	- мост
	- строения
	- грунтовая дорога
	- пересохшее русло
	- скалы
	- кустарник
	- курганная насыпь
	- магистральный канал
	- канал с каменной обкладкой бортов
	- отводной канал
	- канал со слаборазличимым руслом
	- водозаборное сооружение

правлении по склону горы и теряется. Левый рукав проходит 300 м по ущелью, где русло канала местами меандрирует. На поверхности террасы магистральный канал проходит вдоль подошвы горы по линии юго-восток – северо-запад. Нами зафиксирован только один отводной канал, который в своей устьевой зоне имеет каменную обкладку правого борта. Этот отводной канал спускается на нижнюю часть террасы, огибает небольшой скальный останец и теряется. Больше отводных каналов от магистрального не зафиксировано. Магистральный канал проходит еще около 700 м вдоль подошвы горы почти до края террасы, затем теряется. Русло магистрального канала четко профилированное, ширина 60-70 см, глубина русла 20-30 см, некоторые участки бортов дополнительно укреплены каменной обкладкой. Основной функцией данного магистрального канала была транспортировка воды на ровные поверхности террасы и её дальнейшее распределение. Мощный травостой затруднил поиск отводных каналов на террасе, хотя возможно они были распаханы в более позднее время, когда система уже не использовалась. Зафиксированы такие технические приемы, используемые при сооружении каналов как, обкладка бортов камнем, для предотвращения размыва; меандрирование русла, с целью регуляции скорости водотока. В целом, конфигурация обследованных нами в Чемальском районе оросительных сооружений, совпадает с конфигурацией систем в других районах Горного Алтая исследованных ранее (Вдовина Т.А., 2004).

Литература

1. Вдовина Т.А. Изучение оросительных систем Горного Алтая в 2003 году // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2004. – Вып.2. – С.116-131.

Список иллюстраций к статье Вдовиной Т.А.

Рис.1 Глазомерный план оросительной системы на р.Чеба.

Рис.2 Глазомерный план оросительной системы урочища Тогусхан.

Работы выполнены при поддержке РГНФ (проект №03-01-00745а/м)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Артюх Евгения Александровна – аспирант Алтайского государственного университета. 656049, г.Барнаул, пр.Ленина, 61. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru

Вдовина Татьяна Алексеевна – сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.А.Ленкина, 1. Тел.: 8(388-22)2-53-77, факс: 8(388-22)95-1-28, e-mail: vdovina-ta@mail.ru

Владимиров Владимир Николаевич – декан исторического факультета Алтайского государственного университета, заведующий кафедрой архивоведения и исторической информатики, кандидат исторических наук. 656049, г.Барнаул-49, пр.Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)36-46-94, e-mail: vlad@hist.dcn-asu.ru

Дашковский Петр Константинович – доцент кафедры теологии Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656049, г.Барнаул, пр.Ленина, 61. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: dpk142@hist.dcn-asu.ru

Киреев Сергей Михайлович – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В.Анохина. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.Чорос-Гуркина, 46. Тел./факс: 8(388-22)2-26-53, e-mail: nmra@ngs.ru

Кочеев Виктор Александрович – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В.Анохина. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.Чорос-Гуркина, 46. Тел./факс: 8(388-22)2-26-53, e-mail: nmra@ngs.ru

Кубарев Владимир Дмитриевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, доктор исторических наук. 630090, г.Новосибирск-90, пр.Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Тел.: 8(383-2)30-35-72, факс: 8(383-2)30-11-91, e-mail: vd@online.nsc.ru

Кызласов Игорь Леонидович – заведующий группой средневековой археологии евразийских степей, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, доктор исторических наук. 117036, г.Москва, В-36, ул.Дм.Ульянова, 19. Институт археологии РАН. E-mail: kyzlasovil@mail.ru

Матрёнин Сергей Сергеевич – аспирант Алтайского государственного университета. 656049, г.Барнаул-49, пр.Ленина, 61, каб.211. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru

Савин Александр Николаевич – аспирант кафедры теории, истории культуры и музеелогии Новосибирского государственного педагогического университета. 630126, г.Новосибирск, ул.Вилюйская, 28, каб.409. Кабинет археологии. Тел.: 8(383-2)68-00-01

Соёнов Василий Иванович – доцент Горно-Алтайского государственного университета, старший научный сотрудник Института алтаистики им.С.С. Суразакова, доцент, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, а/я 278. Тел.: 8(388-22)2-53-77; 2-66-35, e-mail: Soyonov@mail.gornyu.ru

Солодовников Константин Николаевич – научный сотрудник Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656049, г.Барнаул, пр.Ленина, 61. Музей археологии и этнографии Алтая. Тел.: 8(385-2)36-63-49

Степанова Надежда Федоровна – старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории ИАиЭт СО РАН, кандидат исторических наук. 656049, г.Барнаул-49, пр.Ленина, 61. Алтайский госуниверситет. Тел.: 8(385-2)66-84-23, e-mail: nstepanova@mc.dcn-asu.ru

Суразаков Александр Сазонович – заведующий сектором философии Института алтаистики им. С.С.Суразакова, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.Социалистическая, 6. Институт алтаистики им. С.С.Суразакова. Тел.: 8(388-22)2-66-35

Трифанова Сынару Вениаминовна – сотрудник Агентства по культурно-историческому наследию Республики Алтай. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.А.Ленкина, 1. Тел.: 8(388-22)2-53-77, факс: 8(388-22)95-1-28, e-mail: trifanovasv@mail.ru

Троицкая Татьяна Николаевна – профессор кафедры теории, истории культуры и музологии Новосибирского государственного педагогического университета, профессор, доктор исторических наук. 630126, г.Новосибирск, ул.Выборная, 108, кв.173. Тел.: 8(383-2)68-17-00

Тур Светлана Семёновна – заведующая кабинетом антропологии Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук. 656049, г.Барнаул, пр.Ленина, 61. Музей археологии и этнографии Алтая. Тел.: 8(385-2)36-63-49, e-mail: tursvetlana@mail.ru, tur@dc.asu.ru

Худяков Юлий Сергеевич – главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий кафедрой археологии и этнографии Новосибирского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. 630090, г.Новосибирск-90, пр.Лаврентьева, 17. Институт археологии и этнографии СО РАН. Факс: 8(383-2)30-11-91, e-mail: khudjakov@ngs.ru

Цыб Сергей Васильевич – профессор кафедры археологии, этнографии и источниковедения Алтайского государственного университета, профессор, доктор исторических наук. 656049, г.Барнаул-49, пр.Ленина, 61. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru

Чевалков Лев Мирославович – заведующий археологической лабораторией Института алтаистики им. С.С.Суразакова, кандидат исторических наук. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.Социалистическая, 6. Институт алтаистики им. С.С.Суразакова. Тел.: 8(388-22)2-66-35

Чевалков Сергей Юрьевич – старший научный сотрудник Национального музея Республики Алтай им. А.В.Анохина. 649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, ул.Чорос-Гуркина, 46. Тел./факс: 8(388-22)2-26-53, e-mail: nmra@ngs.ru

Ширин Юрий Викторович – заместитель директора по НИР Историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость», доцент, кандидат исторических наук. 654032, г.Новокузнецк, ул.Водопадная, 19. Тел.: 8(384-3)36-01-36, e-mail: shirin_a@mail.ru

Шмидт Владимир Карлович – старший лаборант Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета. 656049, г.Барнаул-49, пр.Ленина, 61. Кафедра археологии, этнографии и источниковедения. Тел.: 8(385-2)66-81-58, e-mail: kaei@hist.dcn-asu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Чевалков Л.М. (г.Горно-Алтайск) АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ДОЛИНЫ РЕКИ СЕМА	3
Соёнов В.И., Суразаков А.С. (г.Горно-Алтайск) К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КОМПЛЕКСОВ ЭПОХИ БРОНЗЫ МОГИЛЬНИКА АЙРЫДАШ I	9
Степанова Н.Ф., Владимиров В.Н., Цыб С.В. (г. Барнаул) АФАНАСЬЕВСКИЕ ПАМЯТНИКИ У с.ЕЛО В ЦЕНТРАЛЬНОМ АЛТАЕ	20
Тур С.С., Солодовников К.Н. (г.Барнаул) НОВЫЕ КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КАРАКОЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ ГОРНОГО АЛТАЯ	35
Солодовников К.Н. (г.Барнаул) КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ ФИРСОВО XIV В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ ФОРМИРОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕГО ПРИОБЬЯ В ЭПОХУ БРОНЗЫ	47
Кубарев В.Д. (г. Новосибирск) О НОВОМ ПАМЯТНИКЕ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА АЛТАЯ	75
Дашковский П.К., Шмидт В.К. (г.Барнаул) О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КАМЕНСКОЙ КУЛЬТУРЫ АЛТАЯ	79
Киреев С.М., Чевалков С.Ю. (г. Горно-Алтайск) КУРГАН ПОЗДНЕГО ЭТАПА БЫСТРЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ	86
Кочеев В.А. (г.Горно-Алтайск) ТРИ БОЕВЫХ КИНЖАЛА ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА ИЗ ГОРНОГО АЛТАЯ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О СЛУЧАЙНЫХ НАХОДКАХ	91
Трифанова С.В. (г.Горно-Алтайск) РЕКОНСТРУКЦИЯ УКРАШЕНИЙ ГОЛОВЫ ИЗ КУРГАНОВ АЙРЫДАША	95
Матрёнин С.С. (г. Барнаул) РАЗРАБОТКА СХЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПОГРЕБАЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ II В. ДО Н.Э. – V В.Н.Э.	105
Худяков Ю.С. (г.Новосибирск) СЕДЛА ДРЕВНИХ ТЮРОК ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	119
Троицкая Т.Н., Савин А.Н. (г. Новосибирск) ИЗГОТОВЛЕНИЕ ГАРНИТУРЫ НАБОРНОГО ПОЯСА ИЗ МОГИЛЬНИКА СТАРО-БИБЕЕВО-6	143
Кызласов И.Л. (г.Москва) ВЕЛИКИЙ СИБИРСКИЙ ПУТЬ	152
Ширин Ю.В. (г. Новокузнецк) ПОСЕЛЕНИЕ КУЗНЕЦКИХ ТАТАР БАРСАЯТСКОЙ ВОЛОСТИ XVIII В.	157
Соёнов В.И. (г.Горно-Алтайск) ОТЧЕТ О РАБОТАХ ПО ПРОЕКТУ РГНФ И ЦНТ РА «ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ГУННО-САРМАТСКУЮ ЭПОХУ» В 2004 ГОДУ	168
Артюх Е.А. (г.Барнаул) В.В. РАДЛОВ И ФРАНЦУЗСКАЯ НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	170
Вдовина Т.А. (г.Горно-Алтайск) ОРОСИТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЧЕМАЛЬСКОГО РАЙОНА	174
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	179

Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири

Сборник научных трудов

Ответственные редакторы – ***В.И.Соёнов, В.П.Ойношеев***

Статьи публикуются в авторской редакции

Составление, оформление, компьютерная верстка, корректура, макет – ***В.И.Соёнов***

Подписано в печать 21.02.2005. Формат 60x84 1/8.
Печать оперативная. Гарнитура – «Ариал». Усл.печ.л. – 22,75.
Тираж – 200 экз.

649000, Республика Алтай, г.Горно-Алтайск, пр.Коммунистический, 79.
Агентство по культурно-историческому наследию Республики Алтай.
Тел.: 8(388-22)2-36-08, e-mail: akin@mail.gornyy.ru